

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2018 Том 18 № 1

В номере: Великие державы: парадоксы восприятия

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал

Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор <i>А.В. Шабига</i> , доктор философских наук, профессор, РУДН, Россия ir@rudn.university	Заместитель главного редактора <i>Д.А. Дегтерев</i> , кандидат экономических наук, доцент, РУДН, Россия degtere_v_da@rudn.university	Заместитель главного редактора <i>К.П. Курьлев</i> , доктор исторических наук, доцент, РУДН, Россия kurylev_kp@rudn.university	Ответственный секретарь <i>Е.В. Журавлева</i> , кандидат исторических наук, старший преподаватель, РУДН, Россия zhuravleva_ev@rudn.university
--	---	---	---

Научные редакторы: кандидат политических наук Е.Н. Грачиков (политика), кандидат экономических наук Е.Ф. Черненко (экономика), кандидат исторических наук О.С. Чикризова (история)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, ректор Дипломатической академии МИД России
Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор Департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований

Адилханулы Нурлан Адилханович, кандидат политических наук, проректор Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылайхана, Казахстан

Агрян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой факультета международных отношений Ереванского государственного университета, Армения

Акинер Ширин, профессор Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, Великобритания

Ван Гуанчжэнь, доктор исторических наук, профессор Школы истории и культуры Шаньдунского университета, Китай

Гутьеррес Дель Сид Ана Тереза, профессор международных отношений Столичного автономного университета, Мексика

Кёхлер Ханс, профессор философии Университета Инсбрука, Австрия

Морзунова Оксана, доктор философии, Центр по изучению России, Центральной и Восточной Европы Университета Глазго, Великобритания

Такахаси Мотоки, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, Япония

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям «История», «Политические науки», «Экономика».

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringsskanaler/erihplus/>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами «глобального Юга» (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Журнал является международным по проблематике, составу редколлегии и составу авторов. Будучи включенным в международный академический дискурс, журнал регулярно публикует статьи признанных экспертов-международников из РФ, Европы, Азии и США. Вместе с тем издание дает возможность перспективным исследователям из Азии, Африки и Латинской Америки представить на страницах журнала свое локальное (национальное, региональное) видение мироустройства, что позволяет вырабатывать более сбалансированные подходы к решению глобальных проблем современности.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «История международных отношений», «Прикладной анализ», «Политические портреты», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2018 г. следующий:

№ 3 2018	Перспективы сотрудничества Юг-Юг. К 40-летию Буэнос-Айресского плана действий	до 1 июня 2018 г.
№ 4 2018	Большая стратегия (Grand Strategy) и сирийский кризис: коалиционные войны великих и восходящих держав	до 1 сентября 2018 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Редактор И.Л. Панкратова

Компьютерная верстка Е.П. Довголевская

Адрес редакции

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Подписано в печать 23.03.2018. Выход в свет 30.03.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл.-печ. л. 27,90. Тираж 500 экз. Заказ № 16. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2018

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2018 VOLUME 18 No. 1

In this issue: Great Powers: Perception Paradoxes

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Andrey Shabaga

RUDN University, Russia
ir@rudn.university

DEPUTY EDITOR

PhD Denis Degterev

RUDN University, Russia
degterev_da@rudn.university

DEPUTY EDITOR

Doctor Konstantin Kurylev

RUDN University, Russia
kurylev_kp@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Evgeniya Zhuravleva

RUDN University, Russia
zhuravleva_ev@rudn.university

Scientific Editors: PhD E.N. Gratchikov (Politics), PhD E.F. Chernenko (Economics), PhD O.S. Chikrizova (History)

EDITORIAL BOARD

Bazhanov Eugene Petrovich, Doctor, Rector of the Diplomatic Academy, MFA of Russia

Larionova Marina Vladimirovna, Doctor, Head of the Center for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor of the Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics of the HSE

Mosyakov Dmitry Valentinovich, Doctor, Head of Department of Southeast Asia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Portyakov Vladimir Yakovlevich, Doctor, Deputy Director of the Institute for Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

Sapronova Marina Anatolievna, Doctor, Professor of the Department of Oriental Studies of MGIMO University, MFA of Russia

Heifetz Victor Lazarevich, Doctor, Professor of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

Fituni Leonid Leonidovich, Doctor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Global and International Studies

Adilhanuly Nurlan Adilkhanovich, PhD, Prorector of the Kazakh University of International Relations and World Languages named Abylaikhan, Kazakhstan

Aglyan Vahagn Robertovich, PhD, Head of the Department of International Relations of Yerevan State University, Armenia

Akiner Shirin, Professor of School of Oriental and African Studies (SOAS), University of London, UK

Wang Guangzhen, Doctor, Professor of the School of History and Culture in Shandong University, China

Gutierrez Del Cid Ana Teresa, Professor of International Relations at Metropolitan Autonomous University, Mexico

Kochler Hans, Professor of Philosophy at the University of Innsbruck, Austria

Morgunova Oksana, PhD, Centre for Russian, Central and East European Studies, University of Glasgow, UK

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Japan

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Accessible at Academia.Edu and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow to elaborate a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "History of International Relations", "Applied Analysis", "Political Portraits", "International academic cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Research Schools".

Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2017—2018 will deal with the following issues:

# 3 2018	Prospects for South-South cooperation. 40th anniversary of the Buenos Aires Plan of Action	till 1 June 2018
# 4 2018	Grand Strategy and the Syrian crisis: coalition wars of the great and rising powers	till 1 September 2018

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Bulletin and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Editor I.L. Pankratova

Computer design E.P. Dvoglevskaya

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

Великие державы: парадоксы восприятия

- Ланцова И.С.** Ситуативный антиамериканизм в Республике Корея: история появления и причины снижения 9
- Шибкова М.О.** Возникновение и эволюция партийного евроскептицизма как феномена политической жизни Италии 19
- Рцхиладзе Г.В.** Фактор внешнего авторитета для «малых» государств и интеграция на постсоветском пространстве 33
- Zhilina L.V.** Japanese young people' perceptions of Russia (**Жилина Л.В.** Восприятие России молодым поколением Японии) 49
- Почебут Л.Г., Безносков Д.С.** Психология восприятия социальной дистанции в отношении разных стран мира: взгляд из России 66
- Шарков Ф.И., Понеделков А.В.** Коалиционные модели международных коммуникаций в контексте глобального управления (на примере БРИКС) 85
- Ивкина Н.В.** Формирование образа России аналитическими центрами Германии в контексте сирийского кризиса (на примере Фонда Фридриха Эберта) 96

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

- Сушенцов А.А., Силаев Н.Ю.** Сценарный прогноз развития украинского кризиса 107
- Diansaei B.** Iran and Saudi Arabia in the Middle East: leadership and sectarianism (2011—2017) (**Диансаи Б.** Иран и Саудовская Аравия на Ближнем Востоке: лидерство и межрелигиозная конфликтность (2011—2017)) 124

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Shelepov A.V.** The AIB, multilateral and national development banks: potential for cooperation (**Шелепов А.В.** АБИИ, многосторонние и национальные банки развития: перспективы сотрудничества) 135

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Акарашов И.С.** Россия — Индия: новые горизонты стратегического альянса 148

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

- Истомин И.А.** Сравнительный анализ приоритетов российской внешней политики и научно-образовательного сообщества специалистов по международным отношениям 162

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

- Психологическое восприятие великих держав в мире. Истоки русофобии. Интервью с профессором международных отношений и политических наук Университета Сан-Франциско **Андреем Павловичем Цыганковым** 186

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Химич Г.А., Терентьева Е.Д.** Роль гуманитарного сотрудничества в современной внешней политике Испании 197
- Борзова А.Ю., Медина Гонзалес Винисио Ксавиер.** РУДН и Латинско-Карибская Америка: новые направления взаимодействия в образовательной сфере 208

РЕЦЕНЗИИ

- Бубнова Н.И.** Рецензия на монографию: Hannah M. The Best “Worst President”: What the Right Gets Wrong About Barack Obama. New York: HarperCollins Publishers, 2016. — 324 p. 221
- Бугоров А.С.** Рецензия на монографию: The Politics and Complexities of Crisis Management in Ukraine. A Historical Perspective / Ed. by G. Simons, M. Kapitonenko, V. Lavrenyuk, E. Vlaeminck. London: Routledge, 2018. — 252 p. 231

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER:

Great powers: perception paradoxes

- Lantsova I.S.** Situational Anti-Americanism in the Republic of Korea: origins and causes of decline 9
- Shibkova M.O.** Emergence and evolution of euroscepticism as a political phenomenon in Italy 19
- Rtskhiladze G.** Factor of external authority for small states and integration in the Post-Soviet space 33
- Zhilina L.V.** Japanese young people' perceptions of Russia 49
- Pochebut L.G., Beznosov D.S.** Perception psychology on social distance to different countries: Russian view 66
- Sharkov F.I., Ponedelkov A.V.** Coalition models of international communications in context of global governance (case of BRICS) 85
- Ivkina N.V.** The problem of the Russian Federation image formation by German think tanks in the context of the Syrian crisis (case of Friedrich-Ebert-Stiftung) 96

PEACE AND SECURITY

- Sushentsov A.A., Silaev N.Yu.** Possible scenarios for the Ukrainian crisis 107
- Diansaei B.** Iran and Saudi Arabia in the Middle East: leadership and sectarianism (2011—2017) 124

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Shelepov A.V.** The AIIB, Multilateral and National Development Banks: potential for cooperation 135

BILATERIAL RELATIONS

- Akarashov I.S.** Russia-India: new horizons of the strategic alliance 148

APPLIED ANALYSYS

- Istomin I.A.** Comparative analysis of the Russian foreign policy priorities and research interests of the national academic community 162

SCIENTIFIC SCHOOLS

- Psychological perception of great powers' performance in the Globe. The origins of Russophobia. Interview with **Andrey Pavlovich Tsygankov**, Professor, Chair of international relations and political science, San Francisco State University, PhD 186

INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION

- Khimich G.A., Terentieva E.D.** The role of humanitarian cooperation in contemporary foreign policy of Spain 197
- Borzova A.Yu., Medina González Vinicio Xavier.** RUDN University and Latin-Caribbean America: new directions of interaction in the educational sphere 208

REVIEWS

- Bubnova N.I.** Review of the book: Hannah M. *The Best "Worst President": What the Right Gets Wrong About Barack Obama*. New York: HarperCollins Publishers, 2016. — 324 p. 221
- Butorov A.S.** Review of the book: *The Politics and Complexities of Crisis Management in Ukraine: A Historical Perspective* / Ed. by G. Simons, M. Kapitonenko, V. Lavrenyuk, V. Vlaeminck. London: Routledge, 2018. — 252 p. 231

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Великие державы: парадоксы восприятия

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-9-18

СИТУАТИВНЫЙ АНТИАМЕРИКАНИЗМ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ: ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ И ПРИЧИНЫ СНИЖЕНИЯ

И.С. Ланцова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматриваются теоретические подходы к понятию антиамериканизма, в т.ч. ситуативный антиамериканизм, подразумевающий критику не США как таковых, но их отдельных действий. На сегодняшний день в Республике Корея (РК) сформировался именно этот тип антиамериканизма. Если в первые десятилетия холодной войны Южная Корея была одним из наиболее проамерикански настроенных государств мира, то в 1980-х гг. ситуация начинает меняться. Возникновение антиамериканизма в стране связывается в статье с поддержкой Вашингтоном авторитарного режима в Южной Корее в условиях, когда среди значительной части населения сформировались требования демократизации.

Большое внимание уделено событиям 2000-х гг., связанных с ростом антиамериканских настроений в южнокорейском обществе. Автор показывает, что в Республике Корея и в настоящее время преобладает ситуативный антиамериканизм. В целом в последние годы наблюдается тенденция, связанная со снижением антиамериканских настроений в обществе. Автор увязывает это с провалом шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной программе, ростом напряженности на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии в целом и, прежде всего, с очевидным прогрессом, достигнутым КНДР в развитии своих ракетных и ядерных технологий. Делается вывод, что до тех пор пока на территории Южной Кореи сохраняется американское военное присутствие и пока военно-политические и экономические связи США и РК остаются столь тесными, как в настоящее время, ситуативный антиамериканизм также будет оставаться характерным для южнокорейского общества.

Ключевые слова: Республика Корея, США, антиамериканизм, американо-южнокорейский альянс

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ТИПЫ АНТИАМЕРИКАНИЗМА

Считается, что такой феномен, как антиамериканизм, возник примерно тогда же, когда были созданы сами Соединенные Штаты, то есть более 200 лет назад. В настоящее время среди исследователей нет единого подхода к определению данного понятия. В самом широком смысле под антиамериканизмом понимаются любые враждебные действия или критика в отношении США, американского правительства, внутренних институтов и внешней политики, господствующих в США ценностей, американской культуры и самого народа [Rubintsein, Smith 1985: 17].

На основании работ Э. Рубинштейна и Д. Смита [Rubintsein, Smith 1985], Б.В. Дубина [Дубин 2002], Б. Рубина и Дж. Рубин [Rubin 2004] можно выделить четыре основных этапа в развитии феномена антиамериканизма.

Начальный этап антиамериканизма относится к XVIII — первой половине XX в. В этот период антиамериканизм базировался, прежде всего, на национальной идее, и Соединенные Штаты воспринимались как страна людей без национальной истории, традиций, культуры, религии, опыта, что казалось странным и опасным. Так, например, в конце XVIII — первой половине XIX в. в Европе была популярна теория, согласно которой американский континент обладал уникальными условиями, способствовавшими дегенерации — как животных, так и людей [Rubin 2004: 3—21].

Вместе с тем в сознании большинства европейцев преобладал позитивный образ Америки, которая воспринималась как место, где можно укрыться от преследований по религиозному или национальному признаку, где перед человеком могут открыться новые возможности и перспективы. К тому же вплоть до Первой мировой войны США проводили политику изоляционизма, что означало отсутствие этого государства в европейской политике и отсутствие политических причин для антиамериканских настроений в Европе. Но в Центральной и Южной Америке, где США проводили активную агрессивную политику, причины для таких настроений появились уже в XIX в. Значительная часть территории современных США составляют земли, захваченные в XIX в. у Мексики. Руководствуясь «доктриной Монро», Соединенные Штаты неоднократно вмешивались во внутренние дела латиноамериканских стран. Все это породило стойкие антипатии к «гринго», эти настроения сохраняются в Латинской Америке по сегодняшний день.

Постепенное преодоление изоляционизма, выход США на глобальную политическую арену создали почву для возникновения антиамериканизма в Европе. Правда, вплоть до Второй мировой войны антиамериканская ориентация не была характерна для левых политических идеологий и движений. Антиамериканизм был скорее присущ праворадикальным политическим силам. Так, германские национал-социалисты накануне и в период Второй мировой войны вели активную антиамериканскую пропаганду, считая США одним из центров «всемирного европейского заговора» и господства плутократии.

Второй этап в развитии антиамериканизма в мире связывают с началом холодной войны, для которой была характерна глобальная конфронтация между двумя сверхдержавами — СССР и США. Эта конфронтация имела не только геополитическую, военную, экономическую, но и идеологическую составляющую. Советский Союз олицетворял собой коммунистическую идеологию и социалистический общественный строй, а США были символом капитализма и легитимирующих его идеологий, прежде всего либеральной. Антиамериканизм в СССР и странах социалистического лагеря носил официальный характер, он лежал в основе их внешней политики и активно использовался в политической пропаганде.

За пределами социалистического лагеря распространение антиамериканских настроений также имело идеологическую окраску. Странники марксизма и других левых идеологий видели в США главную империалистическую державу, оплот мировой реакции и преграду на пути общественного прогресса. Антиамериканизм

стал важной чертой возникших националистических движений в странах «третьего мира». В странах Запада антиамериканизм был присущ не только левым, но иногда и правым политическим силам. Это стало своеобразным выступлением против усиливающегося американского влияния в Западной Европе после Второй мировой войны. В распространении американской массовой культуры правые видели угрозу для национальной идентичности, а тесный военный и политический союз с США рассматривали как ущемление национального суверенитета. Особенно отчетливо антиамериканизм проявился во внешней и внутренней политике генерала Ш. де Голля в 1950—1960-е гг. во Франции [Дубин 2002].

Кроме идеологических и социокультурных причин для антиамериканизма в годы холодной войны существовали и предпосылки, связанные с вопросами безопасности. Американские военные базы, созданные после Второй мировой войны по всему миру, могли стать первой мишенью в случае начала новой мировой войны. Ситуацию обостряли и проблемы, которые порождали американские военные базы для жителей той местности, где они располагались. Неудивительно, что массовые антивоенные движения в странах Западной Европы и Японии носили, прежде всего, антиамериканскую направленность.

Начало третьего этапа обусловлено распадом мировой социалистической системы. Этот этап характеризует высокая активность антиглобалистов, считающих США основной движущей силой глобализации и оплотом мирового капитализма. Началом четвертого этапа можно условно обозначить печально известную дату 11 сентября 2001 г. Здесь на авансцену вышли радикальные исламисты, которые убеждены, что Соединенными Штатами управляют евреи, а сами США ведут «крестовый поход» против ислама.

Следует отметить, что эти этапы не существуют отдельно друг от друга — идеи, популярные в одну эпоху, органично перетекают в другую, иногда трансформируются, однако практически все аргументы антиамериканистов начала XIX в. можно обнаружить в риторике антиамериканистов XXI в.

Элвин Рубинштейн и Дональд Смит [Rubintsein, Smith 1985: 20—28] предлагают типологию данного явления, основанную на выделении четырех основных (идеальных) типов антиамериканизма:

1) ситуативный антиамериканизм, т.е. критика конкретной политики американского правительства. Это наиболее часто встречающийся тип антиамериканизма в странах «третьего мира»;

2) идеологический антиамериканизм, который является производным от таких мировоззренческих установок, как национализм, марксизм и исламский фундаментализм;

3) инструментальный антиамериканизм, который вызывается и используется главным образом для внутренних политических целей. Этот тип антиамериканизма часто применяется властями для мобилизации внутренней поддержки или как удобный повод скрыть неудачу правительства за антиамериканской риторикой;

4) революционный антиамериканизм. Его обычно исповедуют различные оппозиционные группы, которые стремятся свергнуть режимы, сильно ассоциированные с США. С их точки зрения, атака против таких режимов означает атаку против самих Соединенных Штатов.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ АНТИАМЕРИКАНСКИХ НАСТРОЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

История антиамериканизма насчитывает более 200 лет, а примеры его проявления можно найти в политике практически любого государства как на современном этапе, так и в прошлом. Однако нет правил без исключений — и таким исключением на протяжении почти 40 лет была Республика Корея (РК) — государство, созданное в 1948 г. и самим фактом своего существования во многом обязанное США.

Соединенные Штаты Америки в 1950 г. вмешались в Корейскую войну и спасли южнокорейский режим. После окончания войны коммунистическое движение на юге страны прекратило свое существование. Немалое число сторонников левых идей либо погибло, либо бежало на Север. И наоборот, многие антикоммунистически настроенные жители Северной Кореи ушли вместе с отступающими американскими войсками на Юг. В результате вплоть до начала 1980-х гг. РК можно было назвать одной из наиболее проамерикански настроенных стран мира. Это касалось не только позиции политического истеблишмента, но также и мнения всего населения страны. Американское военное присутствие на Юге расценивалось как гарантия безопасности, а экономическая помощь, инвестиции и передача технологий способствовали бурному развитию страны. Южная Корея нуждалась в существенной экономической и военной помощи со стороны США, чтобы не только продолжать свое успешное экономическое развитие, но и поддерживать национальную безопасность во время холодной войны. Однако к началу 1980-х гг. ситуация начала меняться. Что же произошло?

Во-первых, свою лепту в развитие антиамериканских настроений внесло восстание в Кванчжу в 1980 г. и его жестокое подавление южнокорейскими войсками. До этого момента США рассматривались не только как фактор выживания РК, но и как образец идеальной демократии. Тот факт, что США фактически одобрили подавление мятежа, негативно отразился на восприятии Соединенных Штатов в южнокорейском обществе. Америка, ранее воспринимавшаяся как ролевая модель демократии, превратилась в полную противоположность — государство, которое ради собственных интересов поддерживает авторитарный режим.

Во-вторых, важную роль в появлении и развитии антиамериканских настроений сыграл демографический фактор. Возросла доля населения, родившегося после Корейской войны. Многие исследователи [Cho 2015; Jhee 2008; Straub 2015] сам феномен появления антиамериканских настроений в РК связывают, в том числе, с «поколением 3—8—6». «Поколением 3—8—6» в Южной Корее называют людей, родившихся в 1960-е гг. (тогда в каждой семье в среднем было по 3 ребенка) и учившихся в вузах в 1980-е гг. Это поколение не столкнулось с ужасами войны, послевоенными голодом и разрухой. В 1980-е гг. в среде южнокорейской образованной молодежи («поколение 3—8—6») большой популярностью начинают пользоваться труды К. Маркса, А. Грамши, а также так называемая идеология минчжун, представляющая собой смесь национализма, классического марксизма и других левых теорий [Ланьков]. Все это привело к тому, что Север стал восприниматься как меньшее зло, а Соединенные Штаты были названы виновниками многих южнокорейских бед. Происходит существенный рост национального самосознания корейцев, что явилось следствием экономических успехов страны.

В середине 1980-х гг. происходит ухудшение экономических отношений между двумя странами, США исключают РК из системы торговых преференций, что приводит к серьезному ухудшению состояния внешнеторгового баланса Южной Кореи. В этот же период в стране активно разворачивается движение в поддержку демократических изменений, а США воспринимаются как своеобразный спонсор существующего авторитарного режима. С 1986 г. в РК происходят активные антиамериканские выступления, в 1986—1989 гг. группы радикально настроенных студентов совершили несколько нападений на военные и дипломатические объекты, принадлежавшие Соединенным Штатам, в том числе и на Информационную службу США в Сеуле [Korea 2005: 97].

Таким образом, в 1980-х гг. в Республике Корея впервые возникло такое явление, как антиамериканизм. На этом этапе он может быть охарактеризован как идеологический с элементами ситуативного. Отличительная особенность этого периода — антиамериканизм был распространен, прежде всего, в студенческой среде. Присутствие американских войск в Корее рассматривается как национальный позор и унижение, а также как главный фактор, препятствующий национальному объединению.

ОСОБЕННОСТИ ЮЖНОКОРЕЙСКОГО СИТУАТИВНОГО АНТИАМЕРИКАНИЗМА

Период 1990-х гг. — это время, когда антиамериканизм в РК приобретает отчетливый ситуативный характер. На территории Южной Кореи вплоть до настоящего времени дислоцируется американский военный контингент, численность которого в разные годы варьировалась от 326 000 (как это было в 1953 г.) до 40 000 человек (1991 г.) [Kane]. С 1967 по 1998 г. американские солдаты совершили 50 082 преступления против южнокорейских граждан. Если в период авторитарного правления власти замалчивали эти данные, то в период демократизации (конец 1980-х — начало 2000-х гг.) это стало практически невозможно.

В 1990-е гг. в Южной Корее именно гражданское общество становится основной движущей силой антиамериканских выступлений. И если изначально в центре внимания южнокорейских неправительственных организаций находились проблемы нарушения прав человека со стороны американского военного контингента, то с течением времени круг этих проблем расширяется. Так, созданная в 1991 г. неправительственная организация 녹색 연합 (Объединенные зеленые, Ноксэк Ёнхап) организовала расследование, в результате которого стало известно, что американские военные базы на территории Южной Кореи наносят ущерб окружающей среде [Oh, Arrington 2007: 344]. Большое возмущение как у общественных организаций, так и у простых граждан вызывало Соглашение о статусе войск с США (The ROK — US Status of Forces Agreement, SOFA)¹. Согласно этому документу, американские военнослужащие, совершившие преступления против южнокорей-

¹ Его полное название Agreement Under Article IV of the Mutual Defense Treaty Between the United States of America and the Republic of Korea: Regarding Facilities and Areas and the Status of United States Armed Forces in the Republic of Korea. Это соглашение было принято в 1967 г., пересмотрено в 1991 и 2001 гг.

ских граждан на территории Республики Корея, находятся вне юрисдикции РК, они должны быть переданы американскому суду². Именно это соглашение многие корейцы расценивают как символ неравноправных отношений между РК и США.

С конца 1990-х — начала 2000-х гг. все отчетливее проявляется еще одна тенденция: можно говорить о том, что в стране существует два уровня антиамериканизма. Первый уровень, который условно может быть обозначен как повседневный, бытовой, тесно связан с первым, ситуативным типом антиамериканизма. Этот уровень актуализирован, примеры его проявления могут быть легко найдены в современной социальной жизни РК. Второй уровень — политический, связан с сочетанием второго и третьего типа антиамериканизма — идеологического и инструментального. Этот уровень неявный, он связан с особенностью политического ландшафта и политической борьбы в современной Республике Корея. Эти уровни тесно переплетены между собой и оказывают взаимное влияние.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНТИАМЕРИКАНИЗМ

За последние 17 лет в Южной Корее прошло несколько мощных антиамериканских выступлений. Все они были связаны с конкретными инцидентами, в которые были вовлечены Соединенные Штаты. Наиболее известными считаются события лета — осени 2002 г., когда по вине американских военнослужащих погибли две южнокорейские девочки-подростка. При этом военнослужащие в соответствии с Соглашением SOFA были отданы американскому суду и оправданы им. В результате сначала тысячи, а затем и десятки тысяч корейцев вышли на площадь Кванхвамун в Сеуле со свечами в руках, чтобы почтить память погибших, а также выразить свое негативное отношение к Соединенным Штатам и потребовать извинений от тогдашнего американского президента Дж. Буша-младшего [Hwang 2003: 63—64]. Это явление получило название *촛불 집회* (дословно — «собрание, встреча с горящими свечами»), и если первоначально оно носило, прежде всего, антиамериканский характер, то впоследствии такие массовые демонстрации со свечами в руках стали символом политического протеста в целом³.

В мае—июле 2008 г. антиамериканские демонстрации вновь собрали десятки тысяч человек со свечами в руках. Катализатором новых выступлений стала отмена правительством тогдашнего президента Ли Мёнбака запрета на ввоз в Южную Корею американской говядины. Его ввели еще в 2003 г. в связи с эпидемией губчатой энцефалопатии крупного рогатого скота (так называемое «коровье бешенство»). Однако причины были глубже — в этот период шло активное обсуждение соглашения о зоне свободной торговли между РК и США, и далеко не все население Южной Кореи поддерживало данный проект.

² 1966 SOFA Documents. United States Forces Korea. URL: <http://www.usfk.mil/About/SOFA/> (accessed: 27.11.2017).

³ Наиболее ярким примером такого политического протеста служат события осени 2016 г., когда сотни тысяч жителей Сеула вышли на улицы города со свечами в руках, чтобы выразить свой протест против тогдашнего президента Пак Кынхе. Эти события привели к импичменту президента, а само протестное движение получило название «революция свечей».

На уровне официальной политики антиамериканизм, тем более в радикальных своих проявлениях, отсутствует. Однако политический ландшафт Республики Корея таков, что в стране действуют две основные конкурирующие политические силы: праволиберальная и центристская, с некоторой тенденцией к левому крылу. Именно эти два блока борются за большинство мест в парламенте, именно их представители являются основными претендентами на пост главы государства во время президентских выборов. В процессе избирательной кампании традиционно можно выделить три основных направления в рамках предвыборных дебатов: внутривнутриполитические проблемы, отношения с Северной Кореей, позиция РК в регионе. Если правые, консервативные силы традиционно выступают за тесный союз с США, то противостоящие им центристы придерживаются многовекторного подхода, во всяком случае на уровне политической риторики [Ланцова 2009: 235—240].

В декабре 2002 г. на президентских выборах большинство голосов набрал Но Мухён, которого многие исследователи характеризуют как наиболее левоцентристского президента в истории Южной Кореи. Избирательная кампания по срокам совпала с антиамериканскими протестными демонстрациями 2002 г. Но Мухён одержал победу с небольшим преимуществом: разница с соперником от партии консерваторов составила менее 2%. В своей монографии Д. Страуб говорит о том, что одной из причин этого стали антиамериканские демонстрации и высокий на тот период уровень негативного отношения к США в целом [Straub 2015]. Действительно, в 2002 г. только 52% корейцев позитивно отзывались о Соединенных Штатах. Таким образом, ситуативный антиамериканизм мог оказать влияние на политический процесс в Республике Корея.

События 2008 г., связанные с отменой запрета на импорт американской говядины, ассоциируются с именем другого южнокорейского президента — Ли Мёнбака, представителя правых консервативных сил. Смена политического курса и стремление продемонстрировать укрепление доверительных отношений с США привели к данному непопулярному решению — и очередному всплеску антиамериканских выступлений. Рейтинг Ли Мёнбака упал до 20%, и в дальнейшем именно эти события стали прочно ассоциироваться с периодом его правления.

Нынешний президент Республики Корея Мун Чжэин, выдвигавшийся на выборах 2017 г. от левоцентристских сил, в рамках своей предвыборной программы обещал пересмотреть соглашение о размещении на южнокорейской территории американской системы THAAD⁴. Пока эти предвыборные обещания ему выполнить не удалось в силу целого комплекса причин, однако обращение к одной из наиболее актуальных и острых тем двусторонних отношений США и РК может свидетельствовать о том, что риторика Муна была обращена к избирателям, недовольным слишком тесным военным альянсом двух стран.

⁴ THAAD (Terminal High Attitude Area Defense) — противоракетный комплекс подвижного наземного базирования для высотного заатмосферного перехвата ракет средней дальности. В 2017 г. батареи комплекса были размещены на территории Южной Кореи, что вызвало недовольство как среди населения, так и некоторых региональных партнеров РК, например КНР.

СНИЖЕНИЕ АНТИАМЕРИКАНСКИХ НАСТРОЕНИЙ

Антиамериканские настроения в южнокорейском обществе за последние годы в целом снизились. Если в 2002 г. только 52% респондентов заявляли о своем положительном отношении к США, в 2003 г. их число снизилось до 46%, то в дальнейшем их число начинает постепенно расти. В 2007 г. 58% граждан Южной Кореи позитивно высказывались о Соединенных Штатах, в 2008 г. — 70%, в 2013 г. — 78%, в 2015 г. — 84% [Global Public Back... 2015]. Можно предположить, что такие изменения непосредственно связаны с возрастанием уровня северокорейской угрозы и изменением восприятия ее в южнокорейском обществе.

Начало 2000-х гг. — период относительного сближения двух корейских государств, связанный с политикой «солнечного тепла» (햇볕정책) Ким Дэчжуна и политикой мира и процветания (평화번영정책) Но Мухёна. Разочарование в их эффективности, провал шестисторонних переговоров по северокорейской ракетно-ядерной программе, нарастание напряженности между двумя корейскими государствами, очевидный прогресс КНДР в ракетных и ядерных технологиях — все это, несомненно, привело к переоценке союза с США не только на политическом, но и на общественном уровне. Сюда можно добавить и фактор растущей региональной напряженности: в последние годы отношения РК с Японией и КНР также испытывают определенные трудности.

Играет роль и стремление США идти навстречу гражданскому обществу Южной Кореи. Так, в 2011 г. американский военнослужащий за совершенное против гражданки РК преступление был передан суду Республики Корея и получил 10 лет тюремного заключения [Whyte 2015]. Периодически ведутся переговоры об очередном пересмотре Соглашения SOFA⁵. Однако очевидно, что в условиях, когда на территории Южной Кореи сохраняется американское военное присутствие, а военно-политические и экономические связи США и РК остаются столь тесными, как в настоящее время, ситуативный антиамериканизм будет актуален еще долгое время.

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке Гранта Академии Корееведения AKS-2016-OLU-2250002 (The Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002)).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Дубин Б.В. Антиамериканизм в европейской культуре после Второй мировой войны // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 3. С. 44—50.
- Ланцова И.С. Президентские избирательные кампании в Республике Корея: сравнительный анализ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5. № 2. С. 231—243.
- Ланьков А.Н. Антиамериканизм по-сеульски. 2004. URL: <http://lankov.oriental.ru/d68.shtml> (дата обращения: 27.11.2017).

⁵ *Slavin E.S.* Korea to Review Status of Forces Agreement with U.S. URL: <https://www.stripes.com/news/pacific/korea/s-korea-to-review-status-of-forces-agreement-with-u-s-1.157548> (accessed: 29.11.2017).

- Cho Kisuk* The Rise and Decline of South Korean anti-American Sentiment // *Korea Observer*. 2015. Vol. 46. N 2. P. 233—264.
- Global Public Back U.S. on Fighting ISIS, but Are Critical of Post-9/11 torture*. Pew Research Center. 2015. URL: <http://www.pewglobal.org/2015/06/23/global-publics-back-u-s-on-fighting-isis-but-are-critical-of-post-911-torture/> (accessed: 30.11.2017).
- Hwang Balbina Y.* Anti-Americanism in Korea: Implications for the Future of the U.S.—ROK Alliance // *East Asia. An International Quarterly*. 2003. Vol. 20. P. 60—73.
- Jhee Byong-Kuen* Anti-Americanism and Electoral Politics in Korea // *Political Science Quarterly*. 2008. Vol. 123. N 2. P. 301—318.
- Kane T.* Global U.S. Troops Deployment, 1950—2005. Report Defense. The Heritage Foundation. 2006. URL: <http://www.heritage.org/defense/report/global-us-troop-deployment-1950-2005> (accessed: 30.11.2017).
- Korea South. Diplomatic Handbook*. Washington, DC: Int'l Business Publications, 2005.
- Oh Chang Hun & Arrington C.* Democratization and Changing Anti-American Sentiments in South Korea // *Asian Survey*. 2007. Vol. 47. N 2. P. 327—350.
- Rubin B. & Rubin J.C.* Hating America: A History. New York: Oxford University Press, 2004.
- Rubinstein A.Z. & Smith D.E.* Anti-Americanism in the Third World: Implications for US Foreign Policy. New York: Praeger, 1985.
- Straub D.* Anti-Americanism in Democratizing South Korea. Shorenstein Asia-Pacific Research Center, 2015.
- Whyte L.* Evolution of the U.S.-ROK Alliance. 2015. URL: <https://thediplomat.com/2015/07/evolution-of-the-us-rok-alliance-anti-americanism/> (accessed: 29.11.2017).

Дата поступления статьи: 30.11.2017

Для цитирования: Ланцова И.С. Ситуативный антиамериканизм в Республике Корея: история появления и причины снижения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 9—18. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-9-18.

Сведения об авторе: Ланцова Ирина Сергеевна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры американских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: islanko@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-9-18

SITUATIONAL ANTI-AMERICANISM IN THE REPUBLIC OF KOREA: ORIGINS AND CAUSES OF DECLINE

I.S. Lantsova

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article discusses main theoretical approaches to the concept of Anti-Americanism, including situational Anti-Americanism, i.e. critique of not America as such, but rather of its particular actions. It demonstrates that Anti-Americanism that has emerged in the Republic of Korea is of situational type. While in the first decades of the Cold War South Korea was one of the most pro-American states in the world, it started to change in 1980s. The article links emergence of Anti-Americanism in the country to U.S. support to the authoritarian political regime in South Korea in times, when ever greater part of the population started demanding democratization. A focus is given to 2000s, when Anti-Americanism gained significant popularity in the country. It demonstrates that situational Anti-Americanism is the dominant type of it also nowadays.

In recent years declining popularity of Anti-Americanism has been characteristic to South Korea society. The article links this tendency to the failure of the six-party talks on North Korean nuclear program, to rising tensions on the Korean Peninsula and in Northeast Asia in general, and, most importantly, to the progress that the Korean people's Democratic Republic has achieved in development of its missile and nuclear technologies. At the same time, it concludes that as long as U.S. troops remain in South Korea, and as long as political and economic ties between the Republic of Korea and the U.S. remain as close as they are today, situational Anti-Americanism will remain characteristic to South Korean society.

Key words: The Republic of Korea, The United States of America, Anti-Americanism, U.S.-ROK Alliance

Acknowledgments: The article was prepared with the support of Grant of the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002).

REFERENCES

- Cho, Kisuk (2015). A Model on the Rise and Decline of South Korean anti-American Sentiment. *Korea Observer*, 46 (2), 233—264.
- Dubin, B. (2002). Anti-Americanism in European culture after the World War II. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 3, 44—50. (In Russ.).
- Global Public Back U.S. on Fighting ISIS, but are Critical of Post-9/11 torture*. Pew Research Center. URL: <http://www.pewglobal.org/2015/06/23/global-publics-back-u-s-on-fighting-isis-but-are-critical-of-post-911-torture/> (accessed: 30.11.2017).
- Hwang, Balbina Y. (2003). Anti-Americanism in Korea: Implications for the Future of the U.S.—ROK Alliance. *East Asia. An International Quarterly*. 20, 60—73.
- Jhee, Byong-Kuen (2008). Anti-Americanism and Electoral Politics in Korea. *Political Science Quarterly*, 123 (2), 301—318.
- Kane, T. (2006). *Global U.S. Troops Deployment, 1950—2005. Report Defense*. The Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org/defense/report/global-us-troop-deployment-1950-2005> (accessed: 30.11.2017).
- Korea South. Diplomatic Handbook*. (2005). Washington, DC: Int'l Business Publications.
- Lankov, A. (2004). *Anti-Americanism in Seoul style*. URL: <http://lankov.oriental.ru/d68.shtml> (accessed: 27.11.2017). (In Russ.).
- Lantsova, I. (2008). Presidential Election Campaign in the Republic of Korea: Comparative Analysis. *Political Expertise: POLITEX*, 5(2), 231—243. (In Russ.).
- Oh, Chang Hun & Arrington, C. (2007). Democratization and Changing Anti-American Sentiments in South Korea. *Asian Survey*, 47(2), 327—350.
- Rubin, B. & Rubin, J.C. (2004). *Hating America: A History*. New York: Oxford University Press.
- Rubinstein, A.Z. & Smith, D.E. (1985). *Anti-Americanism in the Third World: Implications for US Foreign Policy*. New York: Praeger.
- Straub, D. (2015). *Anti-Americanism in Democratizing South Korea*. Shorenstein Asia-Pacific Research Center.
- Whyte, L. (2015). *Evolution of the U.S.-ROK Alliance*. The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2015/07/evolution-of-the-us-rok-alliance-anti-americanism/> (accessed: 29.11.2017).

Received: 15.03.2017

For citations: Lantsova, I.S. (2018). Situational Anti-Americanism in the Republic of Korea: origins and causes of decline. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (1), 9—18. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-9-18.

About the author: Lantsova Irina Sergeevna — PhD in Political Sciences, Senior Lecturer of the Department of American Studies of the Faculty of International relations of Saint-Petersburg State University (e-mail: islanko@mail.ru).

© Ланцова И.С., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-19-32

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНОГО ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА КАК ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ИТАЛИИ

М.О. Шибкова

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

Несмотря на то что изучению евроскептицизма посвящен достаточно обширный пласт зарубежной исследовательской литературы, российская научная школа до недавнего времени не уделяла должного внимания этому феномену, особенно его распространению в таких традиционно еврооптимистичных государствах, как Италия. Целью данной работы является рассмотрение основных вех эволюции евроскептицизма с начала участия Италии в европейской интеграции до настоящего времени. Исходя из данной цели, автор ставит для себя такие задачи, как исследование истории распространения евроскептических идей, определение ключевых носителей антиевропейских настроений и сравнение характерных черт партийного евроскептицизма Первой и Второй республик.

Для решения обозначенных задач в работе используется историко-хронологический метод, с помощью которого прослеживается возникновение и эволюция евроскептицизма как феномена политической и общественной жизни Италии. Кроме того, чтобы разделить идеологический и стратегический евроскептицизм и их место в программных установках различных политических партий, в статье применяется метод компаративного анализа.

По итогам выполненного исследования автор приходит к ряду важных выводов.

Во-первых, эволюцию евроскептических идей в Италии можно условно разделить на три этапа. Первый (начало 1950-х — начало 1970-х гг.) был связан с несогласием некоторых политических сил с выбранным властями вектором на утверждение Италии в качестве надежного участника атлантического и, следовательно, европейского блоков. Второй (середина 1970-х — начало 1990-х гг.) характеризовался падением популярности евроскептицизма как политического явления в связи с достижением «исторического компромисса» между правительством и оппозицией. На третьем этапе (середина 1990-х гг. — настоящее время) имеет место возрождение евроскептической составляющей в программах новых партий, не связанных с политическими традициями прошлого.

Во-вторых, основными носителями евроскептических идей периода Первой республики были Итальянская коммунистическая и Итальянская социалистическая партии, тогда как во Второй республике они были взяты на вооружение в основном силами правого центра.

В-третьих, евроскептицизм коммунистов и социалистов носил идеологический характер, в то время как новые партии, появившиеся в 1990-х гг. и позднее, используют его только как стратегию, направленную на привлечение электората.

Ключевые слова: ЕС, Италия, евроскептицизм, стратегический евроскептицизм, идеологический евроскептицизм, партийная система, кризис ЕС, Лига Севера, «Движение пяти звезд»

За последние два десятилетия, а именно с момента подписания в 1992 г. Маастрихтского договора, положившего начало Европейскому союзу, были предприняты попытки превратить данную интеграционную группировку в привлекательный

политический союз. Параллельно с этим начался процесс мобилизации общественности и политических сил, выступающих против интеграционного процесса, что выразилось в отрицательных результатах референдумов по ратификации конституции ЕС во Франции и Нидерландах, противоречиях по вопросу принятия бюджетов и вектора дальнейшего развития Союза. В связи с этим противостояние интеграционным процессам превратилось в неотъемлемую часть политической жизни ЕС как на национальном, так и на наднациональном уровнях, и многие эксперты сходятся во мнении, что «феномен евроскептицизма становится фактом общеевропейской политики» [Вайнштейн 2015: 41].

Известно, что Италия как одна из стран — основательниц Европейского союза «исторически являлась одним из наиболее еврооптимистичных государств» [Шибкова 2016: 15]. В самом начале европейского строительства поддержка Италией интеграционного проекта имела ряд объяснений политического, социально-экономического и культурного характера. Участие в интеграции поощряли не только элиты, видевшие в идее федерализации залог мира и процветания на всем континенте, но и сам итальянский народ, надевшийся на то, что наднациональные механизмы смогут нивелировать недостатки национальной политической системы: коррупцию, уклонение от уплаты налогов, нецелевое использование налоговых поступлений, а также нейтрализовать националистические тенденции, ввергнувшие Европу во Вторую мировую войну.

Тем не менее за последние несколько лет в стране заметно укрепились евроскептические настроения, связанные, в том числе, и с политикой партий, взявших их на вооружение в качестве политической программы. По данным социологических опросов, доверие к институтам Европейского союза в 2003 г. испытывало больше половины населения — 53,4%¹, в 2010 г. — уже 49,2%², в 2011 г. — 36,6%³, а в 2015 г. — только 30%⁴. Кроме того, с наступлением финансового кризиса популярность получили лозунги против единой валюты, а миграционный кризис заставил некоторые политические силы задуматься о целесообразности нахождения в Шенгенской зоне.

Изучение современных евроскептических настроений в Италии является весьма популярной темой в научном сообществе (в большей степени зарубежном, чем российском), в то время как их анализу в исторической перспективе придается не столь большое значение. В этой связи особый научный интерес представляет рассмотрение истоков становления евроскептицизма в итальянской политической жизни, его исторической роли и трансформации в текущее состояние, чему и посвящена данная статья.

¹ Demos: Gli Italiani e lo Stato — Rapporto 2004. URL: http://www.demos.it/2004/pdf/italiani_stato_7_2004.pdf (accessed: 10.10.2016).

² Demos: Gli Italiani e lo Stato — Rapporto 2011. URL: <http://www.demos.it/a00671.php> (accessed: 10.10.2016).

³ Ibid.

⁴ Demos: Gli Italiani e lo Stato — Rapporto 2015. URL: <http://www.demos.it/a01211.php> (accessed: 10.10.2016).

ЗАРОЖДЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА

Эволюция итальянского евроскептицизма проходила в несколько этапов, характеризовавшихся как нарастанием антиевропейских настроений, так и их спадом, однако изначально после Второй мировой войны в правящих кругах Италии царил единодушие относительно правильности европейского выбора. В послевоенное время, когда экономика Италии находилась в полной разрухе, а умы итальянцев — в смятении, поскольку «культурный компонент (идентичности. — *прим. авт.*) смог устоять перед делегитимирующим шоком фашизма и гражданской войны, тогда как гражданский компонент был серьезно ослаблен этими историческими событиями» [Lucarelli 2015: 47], итальянскому истеблишменту необходимо было найти внешнюю силу, способную не только оказать финансовую помощь стране, но и легализовать дискредитировавшие себя национальные властные институты и вернуть гражданам потерянное чувство принадлежности к государству. В условиях разгоравшейся холодной войны этот выбор должен был стать для Италии судьбоносным, так как определил бы ее ориентацию на один из двух полюсов, а значит, и всю дальнейшую политику, а также путь развития страны.

Эксперты отмечают, что после исторического визита председателя Совета министров Итальянской Республики А. де Гаспери в Вашингтон в январе 1947 г. «был сделан однозначный выбор дальнейшего политического курса страны, предопределивший ту Италию, которая существует по настоящее время» [Европейский альманах 2007: 128]. Подписав в том же году «план Маршалла», Италия окончательно подтвердила свою приверженность западному лагерю, сделав ставку на трансатлантические отношения как инструмент возвращения международного авторитета, трансформации и модернизации пострадавшего от последствий фашистского режима государства и его крайне раздробленного политического класса и населения.

Дальнейшие усилия премьер-министра А. де Гаспери в рамках выработки новой внешнеполитической стратегии были направлены на активизацию участия Италии в происходящих на европейском континенте событиях, которые имели под собой объективные основания. Европейские государства после прекращения поступления финансовых средств по «плану Маршалла» в дальнейшем экономическом развитии могли рассчитывать только на самих себя. Кроме того, объединение в рамках международных обязательств виделось ими как средство сдерживания амбиций Германии, к которой после войны относились с опаской.

У Италии, в свою очередь, была и серьезная личная мотивация: она рассчитывала, что интеграционный проект обеспечит ей роль влиятельного и самостоятельного актора в Европе и Средиземноморье и восстановит ее международный статус [Varsori 1998: 122]. Следует также отметить, что, несмотря на искоренение фашизма, по мнению политической элиты, а именно — первой по популярности в стране Демократической христианской партии⁵, демократия в стране по-преж-

⁵ По результатам выборов 2 июня 1946 г. первое место заняла Христианская демократическая партия (35%), второе — Социалистическая партия (20%), третье — Коммунистическая партия (19%).

нему находилась под угрозой, которая теперь исходила от коммунистической идеологии в силу специфического геополитического положения Италии на границе двух миров, разделенных «железным занавесом», и присутствия в политической жизни страны мощнейшей в Западной Европе коммунистической партии.

Формально начало европейской интеграции было положено в 1951 г. с образованием Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). Эту же дату можно считать временем рождения итальянского евроскептицизма. Безусловно, правящая коалиция того времени во главе с премьер-министром А. де Гаспери, в которую входили Христианская демократическая партия (ХДП), Итальянская демократическая социалистическая партия, Итальянская республиканская партия и Либеральная партия (с 1947 по 1950 г.), поддерживала европейскую интеграцию. Главным же противником была Итальянская коммунистическая партия (ИКП), которая благодаря усилиям А. де Гаспери по выдавливанию левых сил из правительства после выборов в апреле 1948 г. окончательно перешла в оппозицию вместе с Итальянской социалистической партией (ИСП).

Обе левые силы объединились в 1947 г. в коалицию под названием «Народно-демократический фронт» и в начале нового десятилетия высказывали довольно резкие евроскептические взгляды, о чем свидетельствуют материалы прессы того времени. Так, в печатном органе ИКП, газете «Унита» («L'Unità»), корреспондент Дж. Боффа в мае 1950 г. отзывался о Декларации Шумана крайне негативно, утверждая, что будущий франко-немецкий картель является не только попыткой распространить американское влияние на Италию и страны Бенилюкса⁶, но и серьезной угрозой итальянской экономике⁷. Похожая реакция последовала и от ИСП, которая отказывалась воспринимать зарождавшуюся интеграцию как способ улучшения франко-германских отношений. Генеральный секретарь партии П. Ненни на страницах журнала «Мондо Операио» («Mondo Operaio») в июне 1950 г. заявил, что Декларацию «нужно рассматривать в рамках американской политики перевооружения Европы и Западной Германии для теперь уже очевидного наступления на страны Восточной Европы и СССР» [Craveri 2003: 182].

Таким образом, не выступая конкретно против Западной Европы или государств-соседей, коммунисты и социалисты направляли свою критику против американского империализма, следы которого они видели в замаячившем на горизонте интеграционном проекте. Такие высказывания объясняются очевидной на тот момент ориентацией обеих партий на другой полюс силы — СССР, и поэтому любой шаг, отдалявший Италию от сотрудничества с ним и перевешивающий чашу весов в сторону США, воспринимался как заведомо враждебный и неприемлемый. Отсюда справедливо сделать вывод об идеологическом харак-

⁶ *Boffa G.* Proposta di Schuman d'accordo con Acheson. Gli Arsenali della Ruhr e della Saar Riuniti in un Gigantesco Cartello // *L'Unità*, 10.05.1950. P. 5. URL: <http://www.dellarepubblica.it/i-legislatura-v-de-gasperi/itemlist/category/48-legislature> (accessed: 02.08.2016).

⁷ *Boffa G.* Le Ripercussioni alla Proposta Lanciata da Schuman // *L'Unità*, 11.05.1950. P. 5. URL: <http://www.dellarepubblica.it/i-legislatura-v-de-gasperi/itemlist/category/48-legislature> (accessed: 02.08.2016).

тере евроскептицизма левых сил той эпохи, так как европейская интеграция воспринималась ими как признак победы в Старом Свете враждебной идеологии атлантизма и капитализма.

Тем не менее уже накануне подписания Римских договоров 1957 г. позиции евроскептицизма в Италии начали ослабевать из-за изменения политической линии ИСП. В 1956 г. после XX съезда КПСС и событий в Венгрии партия приняла решение отмежеваться от советского влияния и, как следствие, от блока с ИКП и идеологии евроскептицизма.

Совершенно противоположная тенденция наблюдалась во взглядах Итальянской коммунистической партии, которые становились все более антиинтеграционными и выразились в категорическом неприятии Римских договоров. Очевидно, что создание общего рынка, по мнению ИКП, способствовало дальнейшему разделению Европы, усилению международной напряженности, препятствовало развитию сотрудничества с социалистическими странами, а также ухудшало положение населения, занятого в сельском хозяйстве, так как не позволяло провести структурные экономические реформы в наименее развитых секторах, которые потенциально не могли выдержать конкуренцию с продукцией из других европейских стран. В целом же коммунисты вновь выступили с позиции идеологического евроскептицизма, опасаясь засилья враждебных настроений и «видели в рождении Европейского Сообщества попытку США расширить свой империалистический контроль над Западной Европой» [Sozzi 2011: 118].

Неоднозначное отношение политической элиты к европейской интеграции в условиях присутствия жесткого неприятия со стороны ИКП отразилось и на обществе, разделенном на еврооптимистов и европессимистов. Отсутствие данных Евробарометра до 1973 г. не позволяет с точностью определить количество членов первого и второго «лагерей», однако ряд итальянских исследователей, работавших с материалами Информационного агентства США, указывают, что на начальном этапе мнение итальянского населения было поляризовано, при этом «за» интеграцию высказывалось не более 60% граждан [Ammendola, Isernia 2005: 118], тогда как противниками интеграции выступал электорат ИКП и ИСП, а также профсоюзы, опасавшиеся последствий устранения таможенных пошлин и острой конкуренции для еще неполностью оправившейся от войны национальной экономики Италии.

Ратификация в 1957 г. итальянским парламентом Римских договоров стала первым проявлением концепции так называемых «внешних уз» («vincolo esterno»), которая «чтобы подчеркнуть неординарность и неповторимость явления, не переводится на другие европейские языки» [Матвеева 2012: 45]. Бывший министр государственного управления Италии и судья Конституционного суда, ныне почетный профессор Высшей Нормальной школы в Пизе С. Кассезе называет данную концепцию «бегством государства, когда государство не в состоянии найти в себе силы для собственной модернизации и прибегает к внешнему элементу, чтобы потребовать для себя обязательств» [Cassese 2011: 103]. Другими словами, это попытка политической элиты использовать взятые на себя международные обязательства в качестве импульса для проведения внутренних реформ. Сам тер-

мин был впервые употреблен Г. Карли, занимавшим в 1989—1992 гг. пост министра Казначейства. Политик объяснял углубление интеграции необходимостью окончательного вовлечения Италии в коалицию западных государств, так как в то время «никто не понимал потенциала нашей (итальянской. — прим. авт.) экономики, и мы (политики. — прим. авт.) боялись, что без прочных внешних уз верх могут одержать регрессивные силы, которые были нацелены на установление коммунистического общества»⁸.

Вообще же, по словам того же Г. Карли, «внешние узлы» трижды спасали Италию от краха, и этими «спасательными кругами» стали Римские договоры, Европейская валютная система и Маастрихтский договор [Carli 1996: 119].

ЕВРООПТИМИЗМ КАК ПРЕДПОСЫЛКА «ИСТОРИЧЕСКОГО КОМПРОМИССА»

Конец 1950-х — начало 1960-х гг. характеризуется стремительной потерей позиций итальянским евроскептицизмом. В этот период происходит так называемая европеизация общественного мнения, связанная, прежде всего, с ускорением экономического развития, что воспринималось как следствие участия страны в Европейском экономическом сообществе и получения его помощи. Действительно, с момента создания Европейского социального фонда в 1960 г. Италия была на втором месте после Германии по объему полученных ресурсов [Graziano 2012: 78], а в 1975 г. в переговорах об образовании Европейского фонда регионального развития «представители правительства Италии были услышаны и смогли добиться финансирования из фонда в размере 40% его бюджета, несмотря на то что этот бюджет был довольно ограничен» [Graziano 2012: 45].

Изменения настроений коснулись и электората ИКП, которые были связаны, главным образом, с уже упомянутыми событиями в Венгрии в 1956 г. и, как следствие, отходом от безусловной симпатии к СССР и жесткой критики европейской интеграции. Кроме того, давали о себе знать постоянное наращивание сотрудничества с США и политика «неоатлантизма», направленная на интенсификацию сотрудничества Италии со странами Средиземноморья и Северной Африки и Ближнего Востока. В этой связи процесс объединения Европы перестал восприниматься как проамериканский проект, направленный против СССР; более того, ЕЭС теперь виделся в роли третьей силы, способной занять достойное место между противоборствующими полюсами.

Опасаясь сокращения поддержки электората и устав от закрепившегося за партией постоянного положения в оппозиции, коммунисты совершили во многом сходный с решением социалистов в середине 1950-х гг. шаг: они отступили от Коммунистической партии СССР, встав на путь «еврокоммунизма». Первые признаки новой идеологии стали проявляться уже в середине 1960-х гг., а именно после выступления в 1962 г. депутата парламента от ИКП, реформиста из правого

⁸ Guido Carli e quel «Vincolo Esterno» Europeo che Renzi Vuole Rottomare // Il Foglio, 25.01.2016. URL: http://www.ilfoglio.it/contrarian/2016/01/25/guido-carli-e-quel-vincolo-esterno-europeo-che-renzi-vuole-rottomare-a-parole__1-vr-137422-rubriche_c279.htm (accessed: 10.09.2016).

крыла Дж. Амендолы. Основной посыл политика заключался в том, что «ИКП преувеличивала экономические сложности, которые возникают у Италии из-за ЕЭС, [тогда как] оно принесло технический прогресс и модернизацию» [Amendola 1962: 86].

Поворот от евроскептицизма к еврооптимизму обозначился уже вполне явно к 1969 г., когда представитель ИКП (первый из всех европейских коммунистов) вошел в Европейский парламент, что свидетельствует о появившемся у партии стремлении влиять на ход интеграции изнутри.

Изменившееся отношение некогда евроскептической ИКП к Европе окончательно оформилось в 1972 г. с приходом на пост генерального секретаря партии Э. Берлингуэра. Сам политик призывал к строительству такой Европы, которая была бы «Западной, независимой и миролюбивой, ни антисоветской, ни антиамериканской» [Tomsic 1976: 77], и был сторонником налаживания отношений с правящей партией христианских демократов. Нельзя забывать и о внутривнутриполитической ситуации в Италии 1970-х гг., на фоне которой вырисовывалась новая роль ИКП. Изменившая свое отношение к СССР и ЕЭС партия была на пике популярности, но по-прежнему значилась в рядах оппозиции. Итальянское общество было крайне поляризовано и делилось на тех, кто категорически возражал против наращивания коммунистического присутствия в жизни страны, и тех, кто больше не мог терпеть настойчивое игнорирование значимости ИКП. В результате страну захлестнула волна террора как со стороны правых, так и со стороны левых.

Стремления коммунистов освободиться от ярлыка вечных оппозиционеров не были напрасны, и с приходом на пост премьер-министра А. Моро между ХДП и ИКП был заключен «исторический компромисс», подразумевавший их сотрудничество «в целях создания нового политического блока, который был бы способен провести глубокое обновление и оздоровление итальянского общества и государства на основе широкого народного согласия, способного противостоять угрозам наиболее консервативных сил»⁹.

Впоследствии ИКП и ХДП достигли компромисса по вопросам общей линии внешней политики, получившей название «bipartisan»¹⁰. В целом это решение открыло эпоху почти двадцатилетнего согласия двух ведущих партий относительно основных направлений внешней политики, среди которых была и европейская интеграция, в то же время окончательно завершив период присутствия коммунистического идеологического евроскептицизма в итальянской политической жизни Первой республики и обозначив приход в нее экономического евроскептицизма.

Так, решение об участии Италии в Европейской валютной системе (ЕВС) в 1978 г. не было принято единогласно, так как ИКП проголосовала против. Однако при анализе первоисточников становится понятно, что данный шаг коммунистов был продиктован именно экономическими мотивами. Итальянская газета

⁹ Treccani, Dizionario di Storia. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/compromesso-storico_\(Dizionario-di-Storia\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/compromesso-storico_(Dizionario-di-Storia)/) (accessed: 05.08.2016).

¹⁰ С англ. «поддерживаемый обеими партиями».

«Фатто куотидьяно» («Il Fatto Quotidiano») приводит вступительное слово ответственного за экономическую политику ИКП Дж. Наполитано на собрании правления партии 12 декабря 1978 г. сразу после объявления председателя Совета министров Дж. Андреотти о присоединении Италии к Европейской валютной системе с 1 января 1979 г. В заявлении Дж. Наполитано говорилось, что ИКП требует соблюдения трех условий: «покрытия возможных потерь от колебания курсов и цен», «гарантий по займам МВФ», «мер по предоставлению ресурсов наиболее слабым экономикам»¹¹.

Таким образом, несмотря на оппозицию в лице ИКП, в 1979 г. Италия присоединилась к Европейской валютной системе, ставшей новым «внешним обязательством» (*vincolo esterno*) для оздоровления национальной экономики.

Существуют разные мнения относительно того, что нанесло окончательный удар по «историческому компромиссу» — возражения ИКП против ЕВС или нежелание ХДП допустить коммунистов в правительство под давлением НАТО вследствие обострения отношений между Альянсом и СССР из-за начавшейся модернизации советских ракет. Но в 1979 г. «исторический компромисс» навсегда остался в прошлом, ИКП перешла в оппозицию. Тем не менее вплоть до начала 1990-х гг. все основные политические силы придерживались пассивно-проинтеграционной ориентации, поддерживаемой и общественным мнением.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Последнее десятилетие XX в. было богато политическими событиями как на международной арене, так и внутри Италии, и именно с этих изменений началось возрождение евроскептических настроений в стране, в полной мере проявившееся в 2000-х гг.

Конец эпохи биполярного противостояния поставил на повестку дня вопрос о новых центрах силы, что дало импульс развитию европейской интеграции. В феврале 1992 г. был подписан Договор о Европейском союзе, определивший механизм введения единой европейской валюты и обозначивший критерии конвергенции для присоединения к валютному союзу стран — членов ЕС.

Углубление интеграции проходило на фоне разгоревшегося в Италии финансового кризиса в сентябре 1992 г., обесценившего лиру на 7% и вынудившего страну временно выйти из Европейской валютной системы. Несмотря на непростую ситуацию, итальянское правительство сделало, по словам профессора МГИМО О.Н. Барабанова, выбор в пользу политики «активного встраивания в интеграционные процессы (и даже их стимулирования) для того, чтобы не остаться за бортом „новой Европы“ и не утратить конкурентных преимуществ в будущей мировой политике» [Барабанов 2011: 216].

¹¹ Euro, quando Giorgio Napolitano era contrario alla moneta unica // *Il Fatto Quotidiano*, 19.05.2014. URL: <http://www.ilfattoquotidiano.it/2014/05/19/eurozona-quando-giorgio-napolitano-era-contro-la-moneta-unica/987141/> (accessed: 11.09.2016).

Для присоединения к валютному союзу в первой волне Италии необходимо было в сжатые сроки улучшить свои экономические показатели, которые в 1992 г. были далеки от Маастрихтских критериев: показатель государственного долга к ВВП составлял 101,5%¹² (при установленном максимуме в 60%), дефицит государственного бюджета — 10,4%¹³ ВВП (при максимально разрешенном пороге в 3%), инфляция достигала 5%¹⁴ (при среднем показателе трех стран ЕС с наиболее стабильными ценами — Бельгии, Дании и Франции — в 2,22%)¹⁵. Правительству пришлось прибегнуть к политике жесткой экономии, отменить индексацию зарплат в соответствии с уровнем инфляции (*scala mobile*) и даже ввести так называемый «налог для Европы». Впервые решение, принятое на наднациональном уровне, напрямую повлияло на уровень жизни граждан, однако, несмотря на все сложности, общественное мнение в Италии по-прежнему оставалось проевропейским.

Так, по данным Евробарометра, в 1992 г. 85%¹⁶ итальянцев (наиболее высокий показатель из стран — членов ЕЭС) ожидали положительного эффекта от Маастрихтского договора, 71%¹⁷ итальянцев (наиболее высокий показатель из стран — членов ЕЭС) считали, что национальная идентичность сосуществует с европейской, 53%¹⁸ оценивали общий европейский рынок положительно, тогда как 33%¹⁹ опасались последствий присоединения к нему, в основном из тех соображений, что страна еще не готова к столь серьезным переменам.

Таким образом, присутствовала доля экономического евроскептицизма, который в целом не влиял на позитивное восприятие интеграции большинством граждан (66%²⁰ — третий результат по ЕС).

Как уже отмечалось, в начале 1990-х гг. политическая жизнь Италии претерпевала серьезные изменения. Распад биполярной системы привел к уменьшению роли коммунистической идеологии, за которым последовала трансформация европейских коммунистических партий. Не осталась в стороне от этих процессов и ИКП. В 1991 г. партия распалась на Демократическую партию левых сил (с 1998 г. — Левые демократы, с 2007 г. — Демократическая партия), перенявшую проевропейскую позицию ИКП последних лет, и более радикальную Партию коммунистического возрождения (ПКВ), выступавшую против ратификации Маастрихтского договора и критиковавшую его в основном с экономической точки зрения.

¹² World Economic Outlook Database, September 2011 // International Monetary Fund. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2011/02/weodata/index.aspx> (accessed: 11.09.2016).

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Eurobarometer Report No. 38. December 1992. P.122. URL: file:///C:/Users/%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F/Downloads/eb38_en.pdf (accessed: 11.09.2016).

¹⁷ Ibid. P. 131.

¹⁸ Ibid. P. 132.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. P. 118.

Тем не менее появление крайней левой партии не стало таким новшеством, как переход евроскептицизма «слева направо» в начале 1990-х гг. В связи с коррупционными скандалами, охватившими итальянскую партийную систему, дискредитировавшими национальные институты и повлекшими за собой знаменитую череду уголовных разбирательств под названием «Чистые руки» («Mani pulite»), которая и положила конец Первой республике, в Италии появились новые партии правого толка, придерживавшиеся антиинтеграционных настроений. Так, Лига Севера, образованная изначально в качестве союза региональных «Лиг», борющихся за федерализацию и суверенитет северных областей, после вхождения в национальный парламент в 1992 г. стала влиятельным политическим игроком.

Другим новшеством на политическом небосклоне Италии стала образованная телемагнатом С. Берлускони партия «Вперед, Италия!», находившаяся на пике популярности во время премьерства своего лидера (май 1994 г. — январь 1995 г., июнь 2001 г. — апрель 2005 г., апрель 2005 г. — май 2006 г., май 2008 г. — ноябрь 2011 г.).

В то время как традиционные итальянские партии (главным образом, последовательница ИКП — Демократическая партия) сохраняли проевропейскую позицию, унаследованную от политической культуры, господствовавшей почти полвека в стране, новые политические силы не были связаны узами прошлого, что позволило им взять на вооружение так называемый «стратегический евроскептицизм» [Quaglia 2011: 34], то есть форму критики ЕС, объясняющуюся не категорическим неприятием наднациональных механизмов как таковых, а необходимостью достижения своих целей, связанных, как правило, с привлечением электората. Так, Лига Севера, агитировавшая за вхождение в ЕВС только северных областей Италии, после присоединения к «зоне евро» в 1998 г. всей страны встала на жесткие евроскептические позиции [Conti 2005: 34], на которых теперь строились предвыборные кампании партии. Евроскептицизм вошел и в общественный дискурс благодаря, прежде всего, личной позиции С. Берлускони, выступавшего против Европейского союза, что объясняется, по мнению экспертов, его восхищением М. Тэтчер, неприятием мультикультурализма, стремлением защитить христианское общество, а также внутривнутриполитической борьбой с демократами, в период правления которых и был введен критикуемый за все проблемы евро [Leconte 2010: 126—127]. Таким образом, происшедшие в Италии перемены подготовили к началу нового тысячелетия благоприятную почву для дальнейшего развития евроскептических идей.

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось важными событиями для ЕС: в 2002 г. в наличный оборот был введен евро, в 2004 г. последовало масштабное расширение Союза, в 2005 г. провалился проект Конституции, в 2007 г. был подписан Лиссабонский договор, фактически ее заменивший, а в 2008 г. «зону евро» поразил кризис, за которым последовало введение мер жесткой экономии. В этой связи тема Европейского союза впервые стала одной из наиболее обсуждаемой среди населения, в том числе и в Италии. Второе правительство С. Берлускони сформулировало новую программу, согласно которой «национальные интересы Италии не должны ущемляться в пользу общих интересов ЕС» [Барабанов 2011: 216], что получило отклик среди граждан, у которых переход на единую валюту ассоциировался с высокой инфляцией и ухудшением уровня жизни.

В результате в период с 2003 по 2014 г. уровень доверия к европейским институтам в Италии упал на 26,4% и к моменту проведения последних выборов в Европейский парламент равнялся 27%²¹.

Среди причин стремительного снижения популярности ЕС в итальянском обществе в 2000-е гг. нужно отметить не только официальную позицию довольно жестко настроенного по отношению к ЕС правительства во главе с С. Берлускони, но и роль политических партий, умело сыгравших на недовольстве населения, вызванного в основном последствиями финансового кризиса. К такого рода партиям относятся появившаяся в 2009 г. и критикующая экономическую политику ЕС партия «Левые — Экология — Свобода»; образованная в 2012 г. партия «Братья Италии — Национальный Альянс», выступающая с позиций национализма и не приемлющая ЕС; обновленная в 2013 г. с приходом на пост секретаря М. Сальвини Лига Севера, жестко критикующая евро, а также неожиданно показавшее третий результат на общенациональных выборах 2013 г. и второй — на выборах в Европейский парламент 2014 г. «Движение пяти звезд», получившее огромную популярность на волне обвинений «касты» (т.е. всего политического класса Италии) в коррумпированности, бездействии, неспособности вывести страну из кризиса и избавиться от диктата Брюсселя.

Другими словами, политическим силам Италии с помощью стратегического евроскептицизма удалось «вызвать у итальянского народа еще больший антагонизм по отношению к европейским институтам» [Lucarelli 2015: 56]. С учетом последних событий в ЕС, а именно острого кризиса, связанного с наплывом беженцев, введением обязательных квот на их размещение и особым географическим положением Италии, из-за которого она становится первой страной ЕС, куда попадает миграционный поток, государство страдает от того, что не может «само принимать соответствующие меры для его ограничения без вмешательства и давления со стороны европейских институтов» [Барабанов, Шибкова 2015: 101]. В этой связи становится очевидным нарастание этого антагонизма среди населения и сомнений по поводу эффективности нахождения в Шенгенской зоне и ЕС.

Евроскептицизм — политический феномен, сопровождавший Италию в той или иной мере с момента ее присоединения к процессу евроинтеграции. Изначально рассматриваемое в качестве возможности для трансформации и модернизации итальянского государства, участие в европейском проекте в новом тысячелетии, напротив, стало видеться скорее как ограничение, препятствующее проведению самостоятельной прагматичной политики. В этой связи еврооптимизм традиционных партий Первой республики остался в прошлом, тогда как новые политические партии Второй республики стали выстраивать свою программу в духе стратегического евроскептицизма. Последний, в свою очередь, нашел широкий отклик среди населения вследствие роста недовольства участием в интеграции по причине ее углубления и последствий экономического кризиса и утвердился в качестве неотъемлемого элемента современной политической жизни Италии.

²¹ Demos: Gli Italiani e lo Stato — Rapporto 2014. URL: <http://www.demos.it/a01077.php> (accessed: 13.10.2016).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Барабанов О.Н.* Италия в контексте евроинтеграционных процессов // На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века / под ред. Т.В. Зоной. М.: Весь мир, 2011. С. 215—244.
- Барабанов О.Н., Шибкова М.О.* Евроскептицизм в Италии: эволюция политической программы «Лиги Севера» // Вестник МГИМО. 2015. Т. 44. № 5. С. 99—107.
- Вайнштейн Г.И.* Евроскептицизм: новый фактор европейской политики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 8. С. 40—48.
- Европейский альманах: История. Традиции. Культура / отв. ред. *А.О. Чубарьян*. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2007.
- Матвеева Е.А.* Между «Европой» и политикой: Европейская интеграция в идеологии и стратегии политических партий Италии, 1994—2006 гг. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012.
- Шибкова М.О.* Идеологический и стратегический евроскептицизм в политической жизни Евросоюза // *Сравнительная политика*. 2016. Т. 7. № 4. С. 13—24. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-13-24.
- Amendola G.* Lotta di Classe e Sviluppo Economico dopo la Liberazione. Rome: Editori Riuniti, 1962.
- Ammendola T. & Isernia P.* L'Europa Vista dagli Italiani: i Primi Vent'anni // *L'Europa in Italia* / ed. by M. Cotta, P. Isernia, L. Verzichelli. Bologna: Il Mulino, 2005. p. 117—170.
- Carli G.* Cinquant'anni di Vita Italiana. Bari: Laterza, 1996.
- Cassese S.* L'Italia: una Società senza Stato? Bologna: Il Mulino, 2011.
- Conti N. & Verzichelli L.* La Dimensione Europea nel Discorso Politico in Italia: Analisi Diacronica delle Preferenze Partitiche (1950—2001) // *L'Europa in Italia*. Ed. by M. Cotta, P. Isernia, L. Verzichelli. Bologna: Il Mulino, 2005. p. 61—169.
- Craveri P. & Quagliariello G.* Atlantismo e Europeismo. Soveria Mannelli: Rubettino Editore, 2003.
- Graziano P.R.* Europeanization and Domestic Policy Change: The Case of Italy. N.Y.: Routledge, 2013.
- Leconte C.* Understanding Euroscepticism. London: Palgrave Macmillan, 2010.
- Lucarelli S.* Italy and the EU: From True Love to Disenchantment? // *Journal of Common Market Studies*. 2015. Vol. 53. N 1. P. 40—60. DOI: 10.1111/jcms.12274.
- Quaglia L.* “The Ebb and Flow” of Euroscepticism in Italy // *South European Society and Politics*. 2011. Vol. 16. N 1. P. 31—50. DOI: 10.1080/13608740903432367.
- Sozzi F.* La Sinistra Radicale a Livello Europeo. Padova: Libreriauniversitaria Edizioni, 2011.
- Tomsic G.* Berlinguer, Discorsi 1969—1976. Rome: Sarmi, 1976.
- Varsori A.* L'Italia nelle Relazioni Internazionali dal 1943 al 1992. Rome: Editori Laterza, 1998.

Дата поступления статьи: 15.10.2016

Для цитирования: *Шибкова М. О.* Возникновение и эволюция партийного евроскептицизма как феномена политической жизни Италии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 19—32. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-19-32.

Сведения об авторе: *Шибкова Мария Олеговна* — преподаватель кафедры романских языков, аспирант кафедры интеграционных процессов Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: marie_shib@mail.ru).

EMERGENCE AND EVOLUTION OF EUROSCEPTICISM AS A POLITICAL PHENOMENON IN ITALY

M.O. Shibkova

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article covers the main phases of the evolution of Eurosceptic sentiments in Italy since the very beginning of the country's participation in the European integration. Although the current state of Euroscepticism is being much examined and discussed in academic circles, until now Russian political science has paid little attention to the analysis of the roots, sources and transformation of Eurosceptic ideas and examination of their main supporters in the historical perspective, especially when dealing with traditionally Europhile states such as Italy.

The research is exploratory and its purpose is to trace back the history of the diffusion of Eurosceptic ideas, examine the main reasons for their rise and find the differences and similarities in the party-based Euroscepticism of the First and Second Republic. The author applies a historical method which traces the emergence and evolution of Euroscepticism as a political and social phenomenon in both political circles and society. Besides, the author makes use of comparative analysis in order to distinguish ideological Euroscepticism from strategic one.

As a result of the research the author draws a number of important conclusions. Firstly, Euroscepticism as a political phenomenon in Italy dates back as far as the early 1950s, when Italy made a choice in favor of Atlantic and, therefore, European bloc. Secondly, the main advocates of Eurosceptic ideas during the First Republic were Italian communists and socialists whose Euroscepticism was ideological. Thirdly, the end of the First Republic paved the way for new parties which managed to make use of strategic Euroscepticism in order to woo the electorate. Finally, among the main reasons that contributed to the Italians' disappointment with the EU there are the deepening of integration and at least two serious crises: the financial and the migration one.

As for the practical relevance of the paper, its conclusions can be used in order to understand and explain similar processes in other EU member states, forecast further fate of Euroscepticism in Italy and build up relationship between Russian and Italian political parties if common interests are found.

Key words: EU, Italy, Euroscepticism, ideological Euroscepticism, strategic Euroscepticism, Italy, party system, EU crisis, Northern League, Five Star Movement.

REFERENCES

- Amendola, G. (1962). *Lotta di Classe e Sviluppo Economico dopo la Liberazione*. Roma: Editori Riuniti.
- Ammendola, T. & Isernia, P. (2005). L'Europa Vista dagli Italiani: i Primi Vent'anni. In: *L'Europa in Italia*. Ed. by M. Cotta, P. Isernia, L. Verzichelli. Bologna: Il Mulino, p. 117—170.
- Barabanov, O.N. (2011). Italy in the context of European integration processes. In: *At the crossroads of the Mediterranean "The Italian high boot in front of the challenges of the 21st century"*. Ed. by T.V. Zonova. Moscow: Ves' mir, p. 215—244. (In Russ.).
- Barabanov, O.N. & Shibkova, M.O. (2015). Euroscepticism in Italy: Evolution of Northern League Political Program. *Vestnik MGIMO*, 44 (5), 99—107. (In Russ.).
- Carli, G. (1996). *Cinquant'anni di Vita Italiana*. Bari: Laterza.
- Cassese, S. (2011). *L'Italia: una Società senza Stato?* Bologna: Il Mulino.
- Chubar'yan, A.O. (Eds.). (2007). *European Almanac: History, Traditions, Culture*. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN. (In Russ.).

- Conti, N. & Verzichelli, L. (2005). La Dimensione Europea nel Discorso Politico in Italia: Analisi Diacronica delle Preferenze Partitiche (1950—2001). In: *L'Europa in Italia*. Ed. by M. Cotta, P. Isernia, L. Verzichelli. Bologna: Il Mulino, p. 61—169.
- Craveri, P. & Quagliariello, G. (2003). *Atlantismo e Europeismo*. Soveria Mannelli: Rubettino Editore.
- Graziano, P.R. (2013). *Europeanization and Domestic Policy Change: The Case of Italy*. N.Y.: Routledge.
- Leconte, C. (2010). *Understanding Euroscepticism*. London: Palgrave Macmillan.
- Lucarelli, S. (2015). Italy and the EU: From True Love to Disenchantment? *Journal of Common Market Studies*, 53(1), 40—60. DOI: 10.1111/jcms.12274.
- Matveeva, E.A. (2012). *Between "Europe" and Politics: European Integration in the Ideology and Strategy of Italian Political Parties in 1994—2006*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta. (In Russ.).
- Quaglia, L. (2011). "The Ebb and Flow" of Euroscepticism in Italy. *South European Society and Politics*, 16(1), 31—50. DOI: 10.1080/13608740903432367.
- Shibkova, M.O. (2016). Ideological and Strategic Euroscepticism in EU Politics. *Comparative Politics Russia*, 4, 13—24. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-13-24. (In Russ.).
- Sozzi, F. (2011). *La Sinistra Radicale a Livello Europeo*. Padova: Libreriauniversitaria Edizioni.
- Tomsic, G. (1976). *Berlinguer, Discorsi 1969—1976*. Rome: Sarmi.
- Vainshtein, G.I. (2015). Euroscepticism: New Factor of European Politics. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 8, 40—48. (In Russ.).
- Varsori, A. (1998). *L'Italia nelle Relazioni Internazionali dal 1943 al 1992*. Roma: Editori Laterza.

Received: 15.10.2016

For citations: Shibkova, M.O. (2018). Emergence and evolution of euroscepticism as a political phenomenon in Italy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (1), 19—32. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-19-32.

About the author: *Shibkova Maria Olegovna* — Lecturer at the Department of Roman Languages, PhD Student at the Department of Integration Processes at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). (e-mail: marie_shib@mail.ru).

© Шибкова М.О., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-33-48

ФАКТОР ВНЕШНЕГО АВТОРИТЕТА ДЛЯ «МАЛЫХ» ГОСУДАРСТВ И ИНТЕГРАЦИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Г.В. Рцхиладзе

Тбилисский открытый университет, Тбилиси, Грузия

Поиск внешнеполитических ориентиров для новых независимых государств, возникших вследствие распада СССР, тесно связан с признанием с их стороны определенных норм и ценностей, а также принятием определенных поведенческих установок. Новые геополитические условия существенно повлияли на их стратегические ориентиры в отношении отдельных стран и институтов, которые стали своего рода авторитетами в определении многих как внешнеполитических, так и внутренних процессов постсоветских республик.

В данной статье рассмотрены основные проявления фактора внешнего авторитета применительно к «переходным» постсоветским государствам в контексте интеграционных инициатив России. Автор полагает, что РФ, активно продвигая интеграционные проекты на постсоветском пространстве, сталкивается с рядом преград, обусловленных, в первую очередь, относительной слабостью экономического потенциала России по сравнению с совокупным Западом (США и ЕС) и КНР. Лидирующее положение России, по мнению автора, также подрывается и отсутствием ценностной системы и идеологической привлекательности, что в итоге препятствует укреплению ее имиджа в регионе.

Вследствие этого интеграционные процессы, которые активно продвигает Россия (СНГ, ОДКБ, ЕЭС), не лишены изъянов. Отсутствует прочная идеологическая основа для сплоченности и солидарности между государствами-членами, которые по-прежнему предпочитают свои собственные национальные интересы единой парадигме партнерства. Автор также полагает, что помимо сложности с формулировкой ценностных ориентиров, привлекательных для своих ближайших соседей, России до сих пор не удается обосновать наличие общего внешнего противника или общих вызовов, без чего прочность альянсов и союзов под ее лидерством становится сложно достижимой.

Ключевые слова: имидж, авторитет, евразийская интеграция, постсоветское пространство, СНГ, ценности, идеология, альянсы, солидарность между государствами, лидерство, Россия, Запад

ИСХОДНЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Термин «авторитет» в данной работе употребляется в его прямом (латинском) семантическом значении — «власть», «влияние». Вместе с тем учитывается и более нюансированное значение: «влияние» подразумевает под собой «действие, оказываемое кем-нибудь на кого-нибудь, *воздействие*» (курсив наш. — прим. авт.), в то время как «авторитет» связан с уважением со стороны конкретного субъекта (личности, института или — в нашем случае — того или иного государства) без осуществления им прямого воздействия; «авторитет» неразрывен с термином «престиж»¹. Именно поэтому нами осознанно делается выбор в пользу термина «авторитет», который в международно-политической науке используется заметно реже, чем его синоним «влияние», ставший ключевым понятием в результате расцвета школы реализма.

¹ Die Autorität. Duden. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Autoritaet> (accessed: 13.04.2017).

Применительно к сфере международных отношений «авторитет» рассматривается в контексте иерархически выстроенных отношений между различными типами государств — субъектов международного права в условиях традиционно «анархичного мира государств» [Lake 2004]. В нашем случае «авторитет» транслируется на отдельное государство, группу государств или международные организации, выступающие в роли своеобразного ориентира, к которому обращена существенная часть внешнеполитической деятельности постсоветских государств.

Современная международная система, по-прежнему представляющая собой «мир национальных государств», определяется взаимодействием между странами с различными природными, военно-политическими, экономическими, демографическими, культурными, идеологическими и другими показателями. Именно потенциал и комплексная ресурсная база государства определяют в дальнейшем уровень его мощи и возможности (или пределы) влияния на другие государства и даже саму систему². Очевидно, что государства с большим весом, мощью и влиянием в мире всегда ведут наступательную и отчасти агрессивную внешнюю политику (см. «Номос Земли» К. Шмитта и всю «школу реализма»), преследуя цель еще больше расширить масштабы своего влияния и максимизировать политико-экономическую выгоду для себя. Такие государства, как правило, образуют (возглавляют) союзы, альянсы и *ad hoc* коалиции. Чем больше сила государства-лидера, тем масштабнее его интересы в своем географическом ареале и в других частях планеты. Такие государства условно, без претензии на научную терминологию, называют «большими», а те государства, которые вынуждены проводить менее активную, по сути сохраняющую внешнюю политику и подвержены влиянию первых, соответственно называются «малыми»³.

Естественно, что данное определение и деление государств является идеальным-типическим. В реальности же наблюдается градация и среди собственно «больших» и «малых» государств с учетом их внешнеполитического поведения. Сотрудничество и конфликты также имеют место не только (и не столько) по линии «большие государства» — «малые государства», но также и «большое государство» — «большое государство», «малое государство» — «малое государство». Однако условное деление государств на «большие» и «малые» с учетом различных особенностей их внешней политики необходимо для анализа сложной эмпирики международных отношений.

«МАЛЫЕ» ГОСУДАРСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Постсоветские республики, за исключением России, по большей части играли и играют роль «малых» государств, испытывая на себе влияние бывшего союзного центра — Москвы, но вместе с тем попадая (в большей или меньшей степени)

² См. теорию мир-системы Валлерштайна [Wallerstein 1986: 520] с учётом критики его теории, которая, согласно этой критике, недостаточно внимания уделяет культурным факторам, символической власти, а также возможностям национальных государств [Heinze 2009: 78—88].

³ Такое типологическое деление государств (на «сильных» и «слабых») свое начало берет еще с античных времен. Ср.: Фукидид устами афинян в «Мелосском диалоге» говорит: «Сильные делают то, что могут, а слабые страдают, как должны» (Фукидид. История Пелопоннесской войны, V 89 (Θουκυδίδης, Ἱστορία)).

под определенное влияние западных держав, в первую очередь — США. На постсоветском пространстве свое влияние постепенно также усилили Китай и Турция, отчасти Иран и Саудовская Аравия и т.д. Постсоветское пространство превратилось в объект международных отношений, призванный обслуживать интересы более сильных внешних игроков. Россия также, несмотря на ослабление по многим параметрам, продолжала оказывать серьезное влияние на процессы в соседних постсоветских странах, а также сохранила за собой статус ядерной державы и постоянного члена Совета Безопасности ООН с правом вето.

Факт создания в 1991 г. Содружества Независимых Государств (СНГ) Украиной и Белоруссией на равных правах с Россией указывает на некоторую привилегированность этих двух республик по сравнению с другими, которые присоединились к СНГ, однако это не сделало из них «большие» государства. Обе страны отказались от статуса ядерных держав и де-факто согласились с положением стран с переходной политико-экономической системой, обратившись за поддержкой в международные финансовые институты — МВФ⁴, МБРР и др. То же самое касается и Казахстана. Экономическое положение России в 1990-е гг. было не менее тяжелым, зависимость от международных финансовых институтов также существенной, хотя российская внешняя политика по отношению к соседям — бывшим союзным республикам — была активно-наступательной. Россия приняла участие в урегулировании конфликтов на территории Грузии и в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Таджикистане, а также была вовлечена в спор с Украиной относительно статуса Черноморского флота в Севастополе. Несмотря на сокращение экономического потенциала, Россия предпринимала попытки влиять и на развитие балканских конфликтов (Босния, Косово).

В лексиконе российских лидеров и официальных документах после краха СССР достаточно активно использовалось словосочетание «великая держава» применительно к роли России в мировой политике⁵. В «Концепции внешней политики» от 2008 г. термин «великая держава» не упоминается⁶, но он вовсе не исчезает из уст российских лидеров (по сей день)⁷, а сама внешняя политика примерно с середины 2000-х гг. постепенно становится все более независимой от Запада, что нередко вызывает недовольство Запада и порождает дипломатическую конфронтацию между ним и Россией.

⁴ См.: История взаимоотношений Украины с Международным валютным фондом (30 июля 2015 г.). URL: <http://tass.ru/info/2153697> (дата обращения: 13.05.2017); Плюсы и минусы сотрудничества МВФ и Беларуси (8 февраля 2010 г.). URL: <http://www.dw.com/ru/плюсы-и-минусы-сотрудничества-мвф-и-беларуси/a-5227217> (дата обращения: 13.05.2017).

⁵ Роль России как «великой державы» в «новом мировом порядке» напрямую записана в «Основных положениях концепции внешней политики Российской Федерации» за подписью Б. Ельцина от 23 апреля 1993 г. О «воздействии» Россией «на общемировые процессы» говорится и в «Концепции внешней политики Российской Федерации», подписанной в июле 2000 года Вл. Путиным и т.д.

⁶ Конец величия. Россия больше не «великая держава» (15 июля 2008 г.). URL: https://www.gazeta.ru/politics/2008/07/15_a_2783172.shtml?updated (дата обращения: 13.05.2017).

⁷ Путин рассказал школьникам, как Россия стала великой державой (1 сентября 2017 г.). URL: <https://riafan.ru/947418-putin-rasskazal-shkolnikam-kak-rossiya-stala-velikoi-derzhavoi> (дата обращения: 13.05.2017).

Более активной стала политика России в отношении стран СНГ: запущены интеграционные проекты, в том числе Евразийский экономический союз (ЕАЭС). То есть, исходя из указанных фактов, Россия по отношению ко всем бывшим союзным республикам находится в положении «большого» государства, после спада 1990-х гг. вновь достигнув равного уровня активности (наступательности) своей внешней политики наряду с другими «большими» государствами благодаря консолидации власти и общества вокруг нового лидера нации и росту экономики.

Абсолютно все «большие» и «малые» государства, которые считают себя суверенными, своим высшим приоритетом ставят сохранение этой самой независимости и привержены ей как высшей ценности (естественно, в мире есть и такие страны/народы, которые осознанно отказываются от суверенной государственности). Как известно, суверенитет подразумевает независимость принятия решений руководством того или иного государства, сохранение территориального единства, обеспечения физической безопасности и т.д. Этот минимальный набор ценностей и приоритетов универсален для любого типа государств. Однако с учетом различий между «большими» и «малыми» государствами, тем более на примере постсоветского пространства, вырисовываются определенные специфические моменты, если не сказать, закономерности.

Алма-Атинская декларация о создании СНГ от 21 декабря 1991 г. подчеркивает неприкосновенность суверенитета. Этот принцип заложен и в самом названии Содружества *Независимых* Государств. Вместе с тем в Декларации помимо прочего несколько раз подчеркивается и *принцип равноправия* всех государств-учредителей и членов новой организации⁸. Бывшие советские республики, уже в процессе упадка союзного центра подчеркивающие свою самостоятельность и еще в 1990—1991 гг., то есть до распада СССР, объявившие о своем «государственном суверенитете» (в их числе и Россия), всецело ориентировались на предотвращение возникновения наднациональной структуры, которой они уступили хотя бы часть своих политических полномочий. В действительности это преимущественно касалось бывшего советского центра — Москвы, в других же случаях не наблюдалось столь яркой приверженности буквальному пониманию принципа суверенитета и равноправия. Прибалтийские республики изначально не захотели вступать в СНГ и избрали совершенно иной вектор внешней стратегии; на первых порах примеру Прибалтики последовала и Грузия, хотя в 1994 г. все-таки присоединилась к СНГ. Иные же постсоветские республики проявили большее или меньшее стремление к участию в новом межгосударственном объединении, но своим поведением все они акцентировали обретенный недавно суверенитет. Некоторые из бывших союзных республик вели себя подчеркнуто независимо. Так, Украина и Туркменистан отказались подписывать Устав СНГ в 1993 г.⁹, тем

⁸ Алма-Атинская Декларация. Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/-/asset_publisher/r17Fzr0mbE6x/content/id/608928 (дата обращения: 13.05.2017).

⁹ О Содружестве Независимых Государств. Официальный сайт Исполкома СНГ. URL: <http://cis.minsk.by/page.php?id=174> (дата обращения: 13.05.2017).

самым не оформив юридически свое членство в союзе, зато используя его в своих интересах, оставаясь участниками Содружества. Более того, в политике независимой Украины уже в самом начале проявилось недоверие к России и латентное стремление интегрироваться в НАТО [Курылёв 2014: 190—193].

После распада СССР нишу союзного центра могла теоретически занять лишь Российская Федерация. Она была признана большинством государств мира продолжателем СССР и получила место постоянного члена в Совете Безопасности ООН. Этот факт уже сделал Россию потенциальным лидером, неким продолжением советского центра, перед которым «малым» государствам с самого начала мнимо или реально необходимо было отстаивать свой суверенитет и равноправное положение. Это одна из причин, по которой в спорных вопросах бывшие советские республики часто подчеркивали (и продолжают подчеркивать) собственную независимость и равноправие по отношению к России — как правило, это имеет место во внутривосточной риторике отдельно взятых республик (на уровне речей их политических лидеров, официальных документов и т.д.), а иногда и на уровне заявлений, прямо адресованных российскому руководству. В первую очередь, это касается тех постсоветских государств, которые имеют очевидные разногласия с Москвой, как, например, прибалтийские республики, Украина, Молдова и Грузия, но нередко и официальных союзников России в рамках ОДКБ и ЕАЭС¹⁰.

КАК ВОЗНИКАЕТ ВНЕШНИЙ АВТОРИТЕТ ДЛЯ «МАЛЫХ» ГОСУДАРСТВ

Вопрос *добровольности/вынужденности* в принятии политических решений — стратегических и тактических — является ключевым вопросом реализации суверенитета того или иного государства. Вместе с тем он тесно связан с феноменом внешнего авторитета для актора международной политики — в основном для «малых» государств. Если «малые» государства в той или иной форме (например, вступление в какую-либо коалицию, альянс, союз и т.д.) примыкают к политической орбите «большого» государства на добровольной основе (т.е. без диктата со стороны этого «большого» государства, оценив собственные цели, интересы и задачи, приняв суверенное решение), ориентируясь на него в долгосрочной перспективе, можно судить о наличии авторитета для этого «малого» государства в лице конкретного «большого» государства¹¹. Для постсоветского пространства данное утверждение актуально в контексте следующих гипотез.

Первая. Постсоветские страны особенно сильно тяготеют к внешнему авторитету, поскольку находились в многолетней зависимости от центра, а независи-

¹⁰ А. Лукашенко: Тот путь, который нам предложен Россией, — для нас неприемлем. URL: <http://www.newsby.org/news/2008/04/26/text7437.htm> (дата обращения: 13.05.2017).

¹¹ В роли ценностного авторитета также могут выступать международные организации как таковые (например, ЕС или НАТО), однако за ними решающим фактором все же является государство-лидер (или государства-лидеры), который и делает ту или иную организацию авторитетной для «малых» государств.

мость они получили относительно неожиданно и быстро вследствие «перестройки» конца 1980-х гг. Общественность этих стран оказалась ментально неготовой к построению независимой государственности без особого учета фактора внешнего авторитета.

Вторая. Постсоветские элиты стремятся к внешнеполитическому авторитету по ряду объективных причин — главным образом вследствие желания обеспечить безопасность, стабильность и устойчивое развитие своих стран.

Третья. Постсоветские страны, что присуще большинству «малых» государств в целом, склонны ориентироваться и признавать авторитет там, где есть сила (*мощь*). Однако саму силу не стоит отождествлять только с материальной составляющей (военная мощь, уровень экономики и т.д.); государственная мощь также состоит из нематериальных, ценностных компонентов. Это последнее обстоятельство особенно важно для постсоветских стран, которые в течение нескольких десятилетий ориентировались на коммунистическую идеологию, а после краха этой идеологии подверглись влиянию националистических представлений и эмоций.

Четвертая. Националистические настроения по отношению к бывшему центру сыграли более или менее значимую роль в формировании внешнеполитических ориентиров постсоветских стран. При этом формирование этих ориентиров происходило отнюдь не без внешнего влияния.

Пятая. Постсоветские «малые» государства можно условно разделить на две группы по своему отношению к России: первая группа нацелена на сотрудничество с Россией, а вторая — избрала фактически конфронтационный курс по отношению к Москве. При этом РФ не является безусловным внешним авторитетом как для первой, так и для второй группы упомянутых государств. В ценностном отношении даже экономически и политически окрепшая Россия долгое время ничего не могла предложить соседям, которые стратегически в большей степени добровольно ориентируются на Запад, сотрудничая с Россией исключительно исходя из своих текущих интересов.

Верификация этих гипотез представляется возможной путем эмпирического анализа, под которым подразумевается не просто констатация отдельных фактов и их интерпретация на основании критического обзора источников и литературы, а «подтверждение общих предложений на отдельных примерах» [Nohlen 2003: 87—88].

Особо значим фактор авторитета в контексте исследования современных межгосударственных союзов и альянсов. Интеграционные процессы, инициированные Россией на постсоветском пространстве, напрямую связаны с этой темой. Интеграция проходит отнюдь не гладко, и ее перспективы, как представляется, туманны. Для иллюстрации проблемы достаточно назвать такие принципиально важные факты, как неучастие стран ЕАЭС в контрсанкциях против западных стран, в то время как внутри ЕС есть консолидированное решение по антироссийским санкциям — и это несмотря на то, что некоторым отдельным странам — членам ЕС экономически очень невыгодно быть с Россией в режиме санкций. Между ЕС и США, в свою очередь, как партнерами по НАТО, тоже есть консенсус

относительно санкций против России. О такой солидарности внутри ЕАЭС и ОДКБ говорить не приходится. Более того, Россия не провела консультации со своими партнерами в рамках региональных интеграционных объединений, когда вводила контрсанкции против ЕС, США и других западных государств. Партнеры России не стали участвовать в контрсанкциях — солидарность с Россией для них оказалась менее значимым фактором, чем отношения с Западом. Более того, с их стороны не последовало не только каких-либо действий, но и заявлений с осуждением введенных против РФ санкций. Союзники России как минимум не стали пресекать активность частного сектора, нацеленную на оформление санкционной европейской продукции в качестве продукции местного производства для ее дальнейшей контрабандной реализации в России.

Кроме того, возникновение каких-либо проблем и споров между государствами — членами ЕАЭС и ОДКБ чревато значительными осложнениями, а институты этих организаций не имеют ни обязательств, ни реальных рычагов благоприятного и эффективного воздействия на такие кризисные ситуации.

На практике, как уже было отмечено выше, наличие внешнего авторитета означает, что «малые» государства видят его в качестве своего добровольного выбора — ориентира. Но они порой сами себе создают *видимость* добровольности, не замечая косвенного принуждения (в этом контексте становится актуальным понятие «мягкой силы», применяемой США и Европой на постсоветском пространстве).

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ АЛЬЯНСОВ

Шмиттовское разделение «политического» на «друзей» и «врагов», проявляющееся в политических действиях и мотивах [Schmitt 1963: 26—28], может в сфере внешней и международной политики означать объединение субъектов международных отношений, которые воспринимают себя условными «друзьями» против своих «врагов». Иными словами, речь идет о кооперативно-солидарном поведении политических акторов, с одной стороны, и о конкурентно-враждебном — с другой; между ними просматривается индифферентная ориентация акторов [von Prittwitz 1994: 22—23]. Системы альянсов представляют собой важный комплекс, в рамках которого происходят действия международной политики [Krippendorf 1973: 211]. Этот комплекс с аналитической точки зрения настолько важен, что анализ внешнеполитических вопросов может трансформироваться в *анализ альянсов* [Krippendorf 1973: 211].

Создание межгосударственных альянсов происходит всегда на основе осознания партнерами собственной зависимости друг от друга [Wolf 2001: 30], которая обусловлена наличием совместных, конкретных и негативных интересов в смысле необходимости нейтрализовать общую внешнюю угрозу (или же решить какую-либо схожую общую задачу). По словам Г. Киссинджера, «в природе альянса как такового заложено, что он направлен *против* чего-либо» [Wolf 2001: 30]. По логике политического реализма, когда угроза устранена, «судьба альянса тоже решена, так как сотрудничество внутри альянса больше не способствует укреп-

лению безопасности его членов, а означает ненужное ограничение их свободы действий» [Wolf 2001: 32].

Ряд исторических и современных фактов свидетельствуют, что общий знаменатель «против» становился недостаточным для альянса, и тогда альянс нуждался в конструктивном, позитивном обосновании своего существования [Duchhardt 2000: 75]. Государства — члены западных альянсов и союзов — военно-политического блока НАТО и политико-экономического Европейского союза вновь и вновь подчеркивают общность ценностей, хотя это не отменяет значение знаменателя «анти-»; даже такие ценностно ориентированные альянсы и союзы не до конца обходятся без обращения к «образу общего врага». ЕС, который является пока что единственным в своем роде примером успешного большого долгосрочного интеграционного проекта, тоже был создан в годы холодной войны в условиях и с учетом резкого противостояния с восточным блоком [Woyke 2000: 90]. Еще более наглядным примером совпадения ценностной составляющей альянса с «образом врага» может служить коалиция монархических держав Европы против революционной Франции в конце XVIII в. Коалиция (которая является основой для трансформации в альянс — а указанная монархическая коалиция оказалась достаточно долгосрочной) была создана ввиду внешней угрозы, но вместе с тем она основывалась на принципе ценностной противоположности противника ценностной идентичности союзников.

С учетом всего этого принцип ценностного (т.е. основанного на единстве ценностных представлений) союза или альянса состоит в том, что партнерство, даже если оно направлено против чего-либо и на начальном этапе не преследует позитивные цели, не может возникнуть без общности представлений о ценностях, без общей идеологической ориентации.

Степень солидарности и сплоченности в разных союзах и альянсах бывает разной, что видно при сравнении Организации Варшавского договора (ОВД) под лидерством Советского Союза и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) под лидерством современной Российской Федерации. Почему «социалистический лагерь» был солидарен в вопросе бойкота летних Олимпийских игр 1984 г. в Лос-Анджелесе в ответ на бойкот Западом Московской Олимпиады в 1980 г., а сегодня даже невообразимо, чтобы союзники России по ОДКБ устроили бойкот Зимней олимпиады 2018 г. в южнокорейском Пхенчхане из-за отстранения России от участия в ней?

Возможны опять не взаимоисключающие, а восполняющие друг друга гипотезы:

- военное, политическое и экономическое могущество СССР было более значимым, чем влияние России на мировой арене;
- социалистические страны имели общую идеологию и ценностную систему;
- СССР сильнее контролировал своих союзников, а Россия не оказывает давление и оставляет возможность свободного выбора.

Первая и последняя гипотезы естественным образом коррелируют друг с другом, хотя и вторая также может соотноситься с обеими другими гипотезами. Вторая гипотеза больше подчеркивает добровольность принятия политического

решения «малыми» государствами, а две остальные — наличие принуждения при принятии решений в отношениях между «большими» и «малыми» государствами. В свете же интересующего нас вопроса о наличии фактора внешнего авторитета можно предварительно утверждать, что авторитет возникает в условиях лидерства «большого» государства в *составе союза или альянса*, притом что оно опирается на свою политико-экономическую мощь и ценностно-идеологическую привлекательность.

Однако еще одна гипотеза гласит, что для такого лидерства и возникновения фактора авторитета необязательно *предварительное наличие формального, институционально оформленного* альянса или союза. Эмпирически это видно на примере стран постсоветского пространства: когда национальные интересы бывших республик СССР приходят в противоречие с партнерскими обязательствами, подтверждается изначально известное свойство альянсов и союзов, в которых государства — члены ощущают постоянную конкуренцию и недоверие друг к другу.

Еще в 1405 г. Жан Пети аргументировал, что «обещания» и «союзы» между рыцарями не должны быть соблюдены, если их соблюдение может навредить государю и общественной жизни; это было бы даже против естественных и божественных законов [Meinecke 1929: 35]. Б. Спиноза также писал, что «каждое государство имеет полное право нарушить союз по своему усмотрению, и государство нельзя будет обвинить в коварстве или неверности»¹². Н. Макиавелли пошел еще дальше, указывая на то, что помощи от партнера по союзу можно ожидать лишь в том случае, если ему это выгодно (ср. немецко-австрийские союзнические отношения в XIX—XX вв.) [Angelow 2000: 472], но от союзника исходит и потенциальная угроза¹³. Это касается как военной опасности, так и навязывания мировоззрения и ценностных представлений «больших» государств «малым» [ср. Krippendorf 1973: 211]. Ценность союзов и альянсов уменьшается еще сильнее, когда вспоминают знаменитую формулу британского премьер-министра XIX в., лорда Палмерстона о «вечных интересах», которой следует Англия: «ни вечных друзей, ни вечных врагов». Поэтому государства вступают (или: *должны бы вступать*) в те коалиции, от которых они ожидают наибольшей выгоды [Deutsch 1968: 196], а внутри этих коалиций своим партнерам оказывают помощь только по расчету, с самого начала не ожидая благодарности от них за возможно оказанную им безвозмездную помощь [Киссинджер 1997: 163—164]. По А. Гамильтону, безвозмездно оказываемая помощь вместо благодарности может вызвать враждебность по отношению к благодетелю [Herz 1974: 179].

Но, с другой стороны, не должно возникнуть впечатление, что союзы и альянсы представляют собой фикцию, что внутри них происходят в основном только латентные противостояния, обман и т.п. Уже одни только формальные, декларированные и юридически оформленные обязательства толкают государства на соответствующие действия [Herz 1974: 170]. Теоретическое направление «утилитарно-рационалистического институционализма» исходит из того, что государства

¹² Baruch de Spinoza: Tractatus politicus, III, § 14 (цит. по: [Meinecke 1929: 263]).

¹³ Nicollo Machiavelli: Il Principe, cap. XIII.

в принципе в состоянии выстраивать сотрудничество «в рамках не-иерархического и не-гегемонистского порядка, разрешить дилемму безопасности и преодолеть недоверие друг к другу путем институционализации своих отношений» [Krell 2000: 140].

Исходя из всего сказанного, теоретически в одном союзе могут *доминировать недоверие и соперничество*, другие же альянсы могут быть более *стабильными и ориентированными на позитивные цели*, включая позитивное восприятие лидера-авторитета. Предпосылкой для лучшего качества того или иного альянса/союза традиционно считается высокий уровень интегрированности государств [Krippendorf 1973: 211], под которой понимается не только близость экономических интересов, но и идентичность или близость ценностных взглядов различных акторов¹⁴. Однако возникновение таких крепких союзов и альянсов, основанных на единой ценностной ориентации вкупе с высокой степенью политико-экономической интегрированности, может привести к «ценностному антагонизму» с внешним миром [Seifert 1996: 243—250]. Но возможен и селективный подход, в рамках которого стороны используют свои ценностные ориентиры в качестве политического (идеологического) оружия, скрывая истинные мотивы такого поведения. Когда «демократический мир» хотел свергнуть С. Хусейна или М. Кадаффи, их объявляли «диктаторами», с которыми невозможно иметь равные отношения и вести дела, а с другими, «дружественными» авторитарными режимами Саудовской Аравии или Катара поддерживали тесные союзнические отношения, нередко посредством «теневой дипломатии», без лишнего шума и с применением тайных сговоров. «Выгодные условия для обеих сторон обговариваются заранее и не требуют идеологического обоснования» [Hütter 1976: 63].

Используя перечисленные выше соображения в контексте исследуемого нами вопроса, можно вывести еще ряд гипотез применительно к эмпирике постсоветского пространства.

Внутренние противоречия и конкуренция между странами — членами ЕС и НАТО еще не вылились в реальные действия и конфликты, и страны — лидеры этих союзов, как и сами эти институты, обладают силой авторитета и служат ориентиром для постсоветских стран.

В СНГ, ОДКБ и ЕЭС, наоборот, более остро вырисовывается конкуренция и соперничество между участниками организаций. Это обстоятельство повышает привлекательность Запада с его институтами для отдельных постсоветских стран. Речь необязательно должна идти, допустим, о стремлении «променять» членство в ОДКБ на членство в НАТО, но о том, что между НАТО и отдельными членами ОДКБ могут существовать точки соприкосновения, которые выразались бы в практическом сотрудничестве¹⁵. Аналогичное сотрудничество вряд ли возможно между

¹⁴ На примере ЕС см. многочисленные исследования по европейской интеграции (напр., в: [Woyke 2000: 90—104, 113—125]).

¹⁵ Казахстан расширяет сотрудничество с США и НАТО» (2 февр. 2015 г.). URL: <http://vestikavkaza.ru/analytiks/Kazakhstan-rasshiryayet-sotrudnichestvo-s-SSHA-i-NATO.html> (дата обращения: 13.05.2017); Armenia-NATO: 10 years of progress» (2008 г.). URL: <http://www.mediamax.am/en/armenia-nato/> (дата обращения: 13.05.2017).

ОДКБ и каким-либо государством — членом НАТО (включая Турцию, которая больше других дистанцируется от Брюсселя в рамках североатлантической организации).

НАТО и ЕС имеют ценностный характер — наряду с негативными целями и задачами, воспринимая определенных конкурентов как угрозу, государства-члены проявляют близость ценностей и декларируют позитивные цели; уровень доверия между ними относительно высокий по сравнению с аналогичными организациями на пространстве бывшего Советского Союза.

Для стран — участниц интеграционных проектов (в т.ч. ЕАЭС) ни сами эти проекты, ни Россия в качестве лидера не являются абсолютным внешним авторитетом. Они «смотрят» и в сторону западных стран и объединений, углубляя сотрудничество с ними, признавая их (ценностным) авторитетом.

Отчасти уже на данном этапе исследования возможна верификация некоторых положений представленных выше гипотез (особенно в смысле имеющегося недоверия и не всегда здоровой конкуренции между участниками ЕАЭС и ОДКБ) благодаря богатому эмпирическому материалу, отражающему сложную противоречивость этих отношений (нарастание конфронтации между Казахстаном и Киргизией, охлаждение отношений между Казахстаном и Арменией, периодически возникающие трения между Россией и Белоруссией). В процессе исследования после проверки фактов может выясниться, что пик признания Запада (США, или организаций НАТО и ЕС) авторитетом среди постсоветских стран уже прошел¹⁶, но тенденция в целом еще сохранилась¹⁷.

СТРАТИФИКАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: В ПОИСКАХ ОБЪЕДИНЯЮЩЕЙ ИДЕОЛОГИИ

Четырнадцать союзных республик по отношению к России к моменту распада Советского Союза можно, на наш взгляд, классифицировать следующим образом:

— *Первая группа*: прибалтийские республики, Грузия, Азербайджан, Молдова. Если взять за основу декларации о суверенитете (а герменевтический подход, анализ политических источников/текстов является необходимостью [Simonis, Elbers 2003: 127]), которые отражали настроения общества в этих республиках, то можно найти прямое указание на негативное восприятие роли царской и советской России в их истории¹⁸. Эти республики проявляли наибольшее желание выйти из состава СССР; они также были скептически настроены по отношению к СНГ (Эстония, Латвия, Литва, Грузия, Азербайджан) и имели претензии к рос-

¹⁶ Евросоюз и Азербайджан: полный разрыв или худой мир? (17 сентября, 2015 г.). URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150917/230335451.html> (дата обращения: 13.05.2017).

¹⁷ Глава МИД Белоруссии рассказал о «так называемом Союзном государстве» (11 декабря 2017 г.). URL: <https://eaily.com/ru/news/2017/12/11/glava-mid-belorussii-rasskazal-o-tak-nazyvaемом-soyuznom-gosudarstve> (дата обращения: 13.05.2017).

¹⁸ Акт о восстановлении государственной независимости Грузии (9 апреля 1991 г.). URL: [http://www.gorby.ru/userfiles/gruzia\(1\).pdf](http://www.gorby.ru/userfiles/gruzia(1).pdf) (дата обращения: 13.05.2017); Конституционный Акт Азербайджанской Республики о восстановлении независимости (18 октября 1991 г.). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2889 (дата обращения: 13.05.2017).

сийской политике относительно вспыхнувших на их территориях этнических конфликтов (Грузия, Молдова, отчасти Азербайджан).

— *Вторая группа*: Армения, Украина. В этих республиках были такие же сильные национальные движения и стремление к независимости, как и в республиках первой группы, однако без четкой антироссийской направленности. Во всяком случае, в преамбулах деклараций о суверенитете, в отличие от документов стран из первой группы, Россия и/или СССР не упоминаются¹⁹. При этом факт, что в последующие годы внешняя политика Армении и Украины эволюционировала диаметрально противоположным образом — в сторону сотрудничества с РФ в случае с Арменией и в сторону соперничества и конфронтации с РФ в случае с Украиной.

— *Третья группа*: Беларусь, Казахстан и страны Центральной Азии. Общества в этих республиках проявили относительно пассивное стремление к независимости. В декларациях о суверенитете России не отводится негативная историческая роль.

Впоследствии основой СНГ, ОДКБ и процесса евразийской интеграции под лидерством России стали некоторые государства из третьей группы плюс Армения из второй. Остальные постсоветские республики в большей или меньшей степени дистанцируются от этих процессов, меняя внешнюю политику лишь на тактическом уровне. Но и основные участники интеграционного процесса из третьей группы — Казахстан, Киргизия, Таджикистан, а также Армения, как отчасти уже было сказано выше, не проявляют устойчивого стремления подчиняться логике интеграции.

Россия на мировой арене подчеркивает опасность международного терроризма, который, по мнению российского руководства, является вызовом для всего мирового сообщества и призывает к сотрудничеству на этой основе. То же самое она делает на пространстве бывшего СССР. Однако хотя международный терроризм и является в большей или меньшей степени актуальной угрозой для большинства соседей России, необходимость борьбы с ним пока не стала фактором, способствующим консолидации постсоветских стран вокруг России. Чаще перевешивают разногласия между постсоветскими государствами по тем или иным вопросам двусторонних отношений. То же самое касается и экономической интеграции, о противоречивости которой было также сказано выше.

Кроме того, отсутствуют позитивные, объединяющие ценности для постсоветских государств, поскольку пока еще Россия не предложила какой-либо ценностной системы и новой идеологии для своих партнеров. Все они, включая ее саму, пока что находятся на идеологической орбите западного мира, признавая в качестве ориентира его типичный «набор ценностей», которые зафиксированы в документах Совета Европы и других местных объединений. Членство постсоветских республик в Совете Европы может носить и формальный характер, однако

¹⁹ Акт провозглашения независимости Украины. URL: <https://uateka.com/ru/article/society/1201> (дата обращения: 13.05.2017); Декларация о независимости Армении. URL: <http://www.gov.am/ru/independence/> (дата обращения: 13.05.2017).

уже сама такая формальность обуславливает ценностную (идеологическую) ориентацию указанных государств на западный мир в долгосрочной перспективе. Россия же не сформировалась в качестве альтернативного ценностного центра (или полюса). Если на Западе принято говорить о «трансатлантических ценностях», и политики разных западных стран призывают защищать эти ценности, то из уст действующих политических лидеров постсоветских государств не звучит риторика с призывом защищать какие-либо общие, к примеру «евразийские», ценности. Даже если кто-то сегодня огласит наличие таких ценностей и призовет к их защите, то этот призыв будет звучать весьма странно, с туманными перспективами на успех.

Единственный объединяющий идеологический проект Москвы, пожалуй, связан с историей Великой Отечественной войны. Во внешней политике России данная тематика находит свое отражение в уходе за братскими захоронениями за рубежом, в том числе и на пространстве бывшего СССР²⁰. Россия также подчеркивает победу над нацистско-фашистским блоком как общее достояние²¹. Однако то, насколько тематика Великой Отечественной войны как интеграционная идеология эффективна на практике, трудно оценить, хотя сбрасывать со счетов ее нельзя. В любом случае, такая политика Москвы наткнулась на противодействие в некоторых республиках — не без помощи извне²².

Шансы создать дееспособную альтернативную ценностную систему существуют, чему невольно способствует идеологически обусловленная политика Запада, претендующая на исключительность и универсальность. В этой идеологии содержатся догмы, которые чужды менталитету постсоветских народов — особенно усилившаяся на Западе тенденция легализовать однополые браки и навязывание своего видения толерантности и прав человека все больше усиливает потерю имиджа западного мира среди общественности на постсоветском пространстве²³. Россия, которая на официальном уровне проводит совершенно иную политику, в перспективе могла бы инструментализировать этот немаловажный аспект в своей внешней политике.

Противоречия и соперничество между отдельными государствами — бывшими советскими республиками, между друг другом и с Россией, относительная слабость (прежде всего экономическая и финансовая) России по сравнению

²⁰ Закон РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=11&nd=102020987 (дата обращения: 13.05.2017).

²¹ Победа, добытая единством. URL: <http://www.mfgs-sng.org/video/1890.html> (дата обращения: 13.05.2017).

²² В связи с проблематикой восприятия Великой Отечественной войны в республиках бывшего СССР см. издание РИСИ: Наследники Победы и поражения. Вторая мировая война в исторической политике стран СНГ и ЕС. М., 2015.

²³ We are losing hearts and minds in the former Soviet Empire, by Theodore P. Gerber and Jane Zavisca (“Newsweek”, on 8/2/2015). URL: <http://www.newsweek.com/we-are-losing-hearts-and-minds-former-soviet-empire-358989> (accessed: 13.05.2017).

с Западом вкупе с изложенными выше причинами замедляют интеграционные процессы под российским лидерством и препятствуют им. Утвердившийся в российском политическом лексиконе термин «ближнее зарубежье» в определенном смысле сыграл негативную роль в становлении России в качестве ценностного авторитета для бывших союзных республик, для которых Россия является таким же «ближним зарубежьем». Реальным авторитетом для постсоветских государств в смысле их ценностно-стратегической ориентации Россия, несмотря на имеющиеся у нее достаточно сильные политико-экономические рычаги принуждения, не стала, поскольку еще не сформулировала внятную ценностную систему. Этими обстоятельствами в значительной степени и обусловлены очевидные трудности евразийской интеграции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Ладомир, 1997.
- Курьяков К. П.* Внешняя политика Украины в контексте формирования региональной системы безопасности в Европе. М.: РУДН, 2014.
- Angelow J.* Kalkül und Prestige. Der Zweibund am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Köln: Habil.-Schrift. Böhlau Verlag, 2000.
- Deutsch K. W.* Die Analyse internationaler Beziehungen, Konzeptionen und Probleme der Friedensforschung. Frankfurt a. M.: Europäische Verlagsanstalt, 1968.
- Duchhardt H.* Grundmuster der internationalen Beziehungen in der Frühen und Späten Neuzeit // Strukturwandel Internationaler Beziehungen. Zum Verhältnis von Staat und internationalem System seit dem Westfälischen Frieden / ed. by J. Siegelberg, K. Schlichte. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2000. p.74—85.
- Heinze E.* Einführung in die Welt-System Analyse von Immanuel Wallerstein. Bremen, 2009. URL: <https://neuesozioologie.files.wordpress.com/2011/01/einfc3bchrung-in-die-welt-system-analyse-von-immanuel-wallerstein.pdf> (accessed: 13.06.17).
- Herz J. J.* Staatenwelt und Weltpolitik. Aufsätze zur Internationalen Politik im Nuklearzeitalter. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1974.
- Hütter J.* Einführung in die internationale Politik. Stuttgart: Kohlhammer, 1976.
- Krell G.* Weltbilder und Weltordnung — Einführung in die Theorie der Internationalen Beziehungen. Baden-Baden: Nomos, 2000.
- Krippendorf E.* Ist Aussenpolitik Aussenpolitik? // Internationale Beziehungen. Köln-Gütersloh: Kiepenheuer & Witsch, 1973. p. 189—213.
- Lake D.* Hierarchy in International Relations: Authority, Sovereignty, and the New Structure of World Politics. University of California, San Diego. 2004. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/5a9e/eb441ba5b9ac2d1de5674064b488eff4772d.pdf> (accessed: 13.06.17).
- Meinecke F.* Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. München/Berlin: Oldenbourg, 1929.
- Nohlen D.* Lexikon der Politik. Bd. 2. Berlin: Beck, 2003.
- Prittowitz V.* Politikanalyse. Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1994.
- Schmitt C.* Der Begriff des Politischen. Berlin: Duncker & Humboldt, 1963.
- Seifert A.-Cl.* Konflikte und Werte-Pluralität in unserer Welt // Dokumentation zum Zweiten Strausberger Symposium, 1996. p. 243—250.
- Simonis G. & Elbers H.* Studium und Arbeitstechniken der Politikwissenschaft. Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2003.
- Wallerstein I.* Das moderne Weltssystem I — kapitalistische Landwirtschaft und die Entstehung der europäischen Weltwirtschaft im 16. Jahrhundert. Frankfurt am Main: Promedia, 1986.

Wolf R. Partnerschaft oder Rivalität? Sicherheitsbeziehungen zwischen Siegermächten im Lichte von Theorien internationaler Politik. Baden-Baden: Nomos-Verl.-Ges., 2001.

Woyke W. (Hrsg.). Handwörterbuch Internationale Politik. Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2000.

Дата поступления статьи: 1.12.2017

Для цитирования: *Рцхиладзе Г.В.* Фактор внешнего авторитета для «малых» государств и интеграция на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 33—48. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-33-48.

Сведения об авторе: *Рцхиладзе Гулбаат Викторович* — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Тбилисского открытого учебного университета, основатель НПО «Институт Евразии» (e-mail: politforumi@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-33-48

FACTOR OF EXTERNAL AUTHORITY FOR SMALL STATES AND INTEGRATION IN THE POST-SOVIET SPACE

G. Rtskhaladze

Tbilisi Open University, Tbilisi, Georgia

Abstract. The search for foreign policy guidelines for the newly independent states that emerged as a result of the collapse of the USSR, is closely linked to the recognition on their part of certain norms, values and attitudes as benchmarks in the international arena. In addition, the foreign policy orientation of a state that has gained independence implies its strategic orientation to individual states or a union of states that are its authority.

This article considers the main cause-effect manifestations of this factor with reference to “transitional” post-Soviet states in the context of Russia’s integration initiatives. The article states the fact that Russia is striving to implement integration projects in the post-Soviet space, but there are barriers on this path that are caused by Russia’s objective (primarily economic) relative weakness in comparison with the cumulative West. However, there is another, very strong reason for the problematic integration under Russia’s leadership—the lack of a value system and ideological attraction in post-communist Russia, unlike the West, which has long understood itself as a single value system. This factor, in turn, hinders the strengthening of Russia’s image, which, despite its strong political and economic leverage, does not become a foreign policy authority for other post-Soviet states. Consequently, integration and cooperation within the structures dominated by Russia (CIS, CSTO, EAEC) has significant flaws, the spirit of partnership is often dominated by the rivalry and self-interest of individual state actors that perceive national interests in their own way; there is no ideological basis for cohesion and solidarity between these states-actors.

Russia lacks not only pronounced positive value points that are attractive to its neighbors, but it also can’t justify the existence of a common external enemy or common challenges. Without this factor, the strength of alliances under the leadership of Russia becomes more problematic.

Key words: image, authority, Eurasian integration, post-soviet, CIS, values, ideology, alliances, solidarity between states, leadership, Russia, West

REFERENCES

- Angelow, J. (2000). *Kalkül und Prestige. Der Zweibund am Vorabend des Ersten Weltkrieges*. Köln: Habil.-Schrift. Böhlau Verlag.
- Deutsch, K. W. (1968). *Die Analyse internationaler Beziehungen, Konzeptionen und Probleme der Friedensforschung*. Frankfurt am Mein: Europäische Verlagsanstalt.
- Duchhardt, H. (2000). Grundmuster der internationalen Beziehungen in der Frühen und Späten Neuzeit. In: *Strukturwandel Internationaler Beziehungen. Zum Verhältnis von Staat und internationalem System seit dem Westfälischen Frieden*. Ed. by J. Siegelberg, K. Schlichte. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, p. 74—85.
- Heinze, E. (2009). *Einführung in die Welt-System Analyse von Immanuel Wallerstein*. Bremen, 2009. URL: <https://neuesoziologie.files.wordpress.com/2011/01/einf3bchrung-in-die-welt-system-analyse-von-immanuel-wallerstein.pdf> (accessed: 13.06.17).
- Herz, J. J. (1974). *Staatenwelt und Weltpolitik. Aufsätze zur Internationalen Politik im Nuklearzeitalter*. Hamburg: Hoffmann und Campe.
- Hütter, J. (1976). *Einführung in die internationale Politik*. Stuttgart: Kohlhammer.
- Kissinger, H. (1997). *Diplomacy*. Moscow, Lodomir. (Russian Edit.).
- Krippendorf, E. (1973). Ist Aussenpolitik Aussenpolitik? In: *Internationale Beziehungen*. Köln-Gütersloh: Kiepenheuer & Witsch, p. 189—213.
- Kurylev, K. (2014). *Foreign policy of Ukraine in the context of the formation of a regional security system in Europe*. Moscow, RUDN University. (In Russ.).
- Krell, G. (2000). *Weltbilder und Weltordnung — Einführung in die Theorie der Internationalen Beziehungen*. Baden-Baden: Nomos.
- Lake, D. (2004). *Hierarchy in International Relations: Authority, Sovereignty, and the New Structure of World Politics*. University of California, San Diego. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/5a9e/eb441ba5b9ac2d1de5674064b488eff4772d.pdf> (accessed: 13.06.17).
- Meinecke, F. (1929). *Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte*. München/Berlin: Oldenbourg.
- Nohlen, D. (2003). *Lexikon der Politik*. Bd. 2. Berlin: Beck.
- Prittitz, V. (1994). *Politikanalyse*. Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1994.
- Schmitt, C. (1963). *Der Begriff des Politischen*. Berlin: Duncker & Humbold.
- Seifert, A.-Cl. (1996). Konflikte und Werte-Pluralität in unserer Welt. In: *Dokumentation zum Zweiten Strausberger Symposium*, p. 243—250.
- Simonis, G. & Elbers, H. (2003). *Studium und Arbeitstechniken der Politikwissenschaft*. Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Wallerstein, I. (1986). *Das moderne Weltsystem I — kapitalistische Landwirtschaft und die Entstehung der europäischen Weltwirtschaft im 16. Jahrhundert*. Frankfurt am Main: Promedia.
- Wolf, R. (2001). *Partnerschaft oder Rivalität? Sicherheitsbeziehungen zwischen Siegermächten im Lichte von Theorien internationaler Politik*. Baden-Baden: Nomos-Verl.-Ges.
- Woyke, W. (Hrsg.). (2000). *Handwörterbuch Internationale Politik*. Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften.

Received: 1.12.2017

For citations: Rtskhaladze, G. (2018). Factor of external authority for small states and integration in the Post-Soviet space. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18(1), 33—48. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-33-48.

About the author: *Rtskhaladze Gulbaat Viktorovich* — PhD in Political Sciences, Senior Researcher of the Tbilisi Open University, Founder of the NGO “Institute of Eurasia” (e-mail: politforumi@gmail.com).

© Рцхиладзе Г.В., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-49-65

JAPANESE YOUNG PEOPLE' PERCEPTIONS OF RUSSIA

L.V. Zhilina

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Abstract. This paper explores the dynamics of changing perceptions of Russia by Japanese young generation. The aim of the paper is to examine attitude toward Russia among young Japanese people, and to investigate factors that affect their “distant neighbor” perceptions and attitudes, and how it has changed within five years. As relations between Japan and Russia grow more complex, the need for more knowledge for mutual understanding is getting great.

It is based on a series of more detailed data analyses of the polls conducted at the Universities of Japan — as a part of research project “Student’s Representations of neighboring countries at the beginning of 21st century — Russia and Japan”. In the research author turned to a student’s audience, which is most perspective for acting with, on the way of creation of public opinion about foreign countries as well. Author address findings that obtained in 2007 and 2012 and use qualitative research methods, such as interviewing and discourse analysis. So, we provide an overview of findings from representative surveys and analyze findings from studies to draw conclusions about the drivers of changing public perceptions towards Russia.

Presented research is an illustrative explanation — stereotyped images are long-lasting and durable. They are difficult to change and can be passed on as heritage from the past.

Author concludes that although in general at the level of the University students’ perceptions towards Russia have not been changed, but in details we can see some quantitative changes. The results indicated that some Japanese students held quite optimistic opinions toward Russia, but there was also evidence that public opinions toward Russia differed across the students and sometimes not in positive way.

Key words: perceptions of countries; Japan; national images; cross-cultural studies; young generation of Japan

INTRODUCTION

East Asian politicians have tended to see Russia as a “distant neighbor” with a distinct civilization — neither European nor Asian — and political and strategic interests at odds with their own¹. It is obvious that an image of a nation comprises three layers: cognitive attributes (the perceived characteristics of the nation), affective attributes (the liking or disliking of the object), and action attributes (the responses to the object) [Scott 1966:100]. It indicates that the perceptions of one country that people of another country hold will influence the attitudes and policies of this country toward another country. This will in turn contribute to the multi-faceted dynamics of international relations. The responses of individual and collective actors in the world to an object

¹ Akaha, T. A Distant Neighbor: Russia’s Search to Find Its Place in East Asia, *Global Asia*, June 20, 2012. URL: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/206/a-distant-neighbor-russias-search-to-find-its-place-in-east-asia.html> (accessed: 04.11.2017).

tend to be decided by its recognized image rather than the object itself². Most decisions in international politics are based on misconceptions and distorted images for governmental leaders, decision-makers, and ‘non-decision-makers’ in the public are rarely aware that they are living in a world of images [Kunczik 1997; Whitehead 1987]. As a result, improper conclusions and assumptions, or international conflicts occur. The purpose of present paper is to explore public opinions on Russia among Japanese students, and try to investigate factors that affect their attitude.

METHODOLOGY

Following the tradition in image-related studies, the paper mostly relies on empirical research methods, such as interviewing and discourse analysis. So, we provide an overview of findings from representative surveys and polling data carried out in 2012 and 2007 and analyze findings from studies to draw conclusions about the drivers of changing public perceptions towards Russia.

There were some reasons why our questionnaire/opinion poll was conducted at the universities³. One of them is *communication skills*: “persons with more formal education are expected to have the higher reading and comprehension abilities necessary to acquire public affairs or science knowledge” [Tichenor et al. 1970]. A second — is *amount of stored information*, or existing knowledge resulting from prior exposure to the topic through mass media or from formal education itself: “persons who are already better informed are more likely to be aware of the topic when it appears in the mass media and are better prepared to understand it” [Zhilina 2009]. A third — is *relevant social contact*: “education generally indicates a broader sphere of everyday activity, a greater number of reference groups, and more interpersonal contacts, which increase the likelihood of discussing public affairs topics with others” [Katz 1961]. A fourth — includes *selective exposure, acceptance, and retention of information*. As Sears and Freedman have pointed out, “voluntary exposure is often more closely related to education than to any other set of variables” [Sears, Freedman, 1967]. They contend that what appears to be selective exposure according to attitudes might often more appropriately be called ‘de facto’ selectivity resulting from educational differences. Selective acceptance and retention, however, might be a joint result of attitude and educational differences. Also, Joseph Klapper studied the categories of change that are affected by the media and explained the tendency of media to interpret and recall information in ways congruent with existing within an audience’ beliefs and values [Klapper 1960]. The fifth and final reason is *the nature of the mass media system that delivers information*. Thus far, most science and public affairs news (with the possible recent exceptions of crisis events) is carried in print media that has traditionally been more heavily used by higher-status persons: “highly educated persons are more likely to have been

² Choi, J. (2006). Framing the national image of North Korea in the U.S. news media. URL: http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/0/9/2/4/7/pages92479/p92479-1.php (accessed: 04.11.2017).

³ 2007 — Japan Women’s University (JWU, Tokyo, Japan) and 2012 — Aoyama Gakuin University (AGU, Tokyo, Japan).

exposed to a heavily publicized topic in the past; they are already ‘in motion’ on this topic and are easier to move still farther than less educated persons” [Zhilina 2009: 194]. And university attendance has been shown to lower prejudice levels and increase global issue awareness. For these reasons, the opinions of university students must be an important consideration for the research.

Sample Composition, Size Determination and the Questionnaire

To represent the possibility that views and opinions may have been specific to certain groups the stratified random sample system was employed as the most logical choice for this study. Although the age variance range within the universities was relatively small in size, it was deemed important to attempt to chronicle how students’ views and opinions evolved throughout the time spent at university. In other words, how education affected their views of the world, but more specifically their neighbors. Smaller samples are more economical for research purposes and can be better controlled to minimize errors. It is an established fact that a properly chosen sample can be perfectly representative of the whole population. The method of random stratification essentially allocates quotas to specific identifiable characteristic groups and is very convenient for small population sets. For research on large populations the sample size averages between 400—600 respondents. Further, having the enrolment list of the university, it was easiest for practical purposes to identify distinguishable stratification within the population and thereafter randomly select respondents within these strata to achieve the appropriate sample size for enquiry. Strata were defined along parameters of faculty and year of program.

The opinion survey on Russia was conducted at Japan Women’s University (JWU) in June 2007. Following established methodological principles, the optimal sample size for research was determined to be 400 students. For this study, general population strata were defined along two criteria, age and faculty: age (18—19 years old, 19—20 years old, 20—21 years old, 21—22 years old). Essentially an equal number of students from each age group was randomly selected for participation from each faculty fulfilling quotas for representation of population variance in the sample. In the case of JWU sex could not be a determinant factor for fulfilling quotas as the general population of respondents were all female [Zhilina 2008]. The sample was produced from homogeneous sets as the number of “nits” in the general population was sufficient.

The same opinion survey on Russia (knowledge of Russia, Russian people, the national character of Russian people and their features, sources of information about Russia) was conducted in June 2012 in Aoyama Gakuin University (AGU). The optimal sample for the population size was determined to be 400 persons; the same as JWU. Sampling was conducted along similar principles that guided JWU research; stratified random stratification but in the case of AGU the sample also had to be stratified by sex (male or female), in addition to the other “standard” criteria — age (16—17 years old, 18 years old, 19 years old, 20—21 years old that generally corresponded to 1st, 2nd, 3rd, and 4th year students), and lastly, faculty. The respondents to the questionnaire on Japan were also presented with 2 types of questions: “close-ended” (multiple choice answers) types and “open-ended” (“what do you think about...?”).

As above mentioned, the study covers the period from 2007 to 2012. The opinion polls were conducted two times with five years' interval with using a similar questionnaire. A focus of the surveys has been to measure public attitudes toward Russia; other questions have examined students' knowledge about Russian economy, Russian national character, and main sources of information about neighboring country. We wanted the Japanese students to challenge what they see and hear with solid arguments supported by evidence that they have evaluated and judged to be sound. This ability requires that they are willing to consider a broad range of perspectives and sources of knowledge. But present paper deals with perceptions of Russia by individuals, with shared meanings that are characteristic of groups in a society, which makes purposeful sampling particularly appropriate. As for the examination of perceived national images, interviews with groups (university students) are the best choice for this survey. The questions prepared for interviews provide participants more space and opportunity to offer private opinions on researched topics. Also, these studies can provide the most solid insight into the reasons behind changing Japanese public perceptions toward Russia. As previously noted, to understand the visions on Russia of the students we analyzed their answers. The analysis proposes to demonstrate that the differences of countries' perception involve the student's socioeconomic status and personal experiences.

“A DISTANT NEIGHBOR”

National images, as stereotypes, are not simply summaries of the information that one has about a state in the international system — they serve an information-reduction function and enrich our understanding of our bilateral relationships. They may simplify our views of the world, but they do so by adding interpretative elements that were not there in the first place [Castano et al. 2015: 2]. Any perceived images of foreign countries are not monolithic. They contain many components, such as an image of the authorities and the political leader, an economic image, an image of the country as an investment or tourist destination, etc. There can be a significant difference in perceptions of these elements: some of them can be viewed more negatively while others — more positively. Also, we should note that Russia's images differ substantially across countries as a result of various factors such as the history of their relations with Russia, the structure of economic relations, geographic proximity, etc. Moreover, there are also competing images within each individual country — in public opinion, in the mass media and etc. [Feklyunina 2009: 28]. Thus, while analyzing Russia's perceived images, we should take all these factors into consideration.

Images and perceptions of Japanese students' first impressions of Russia were gauged by asking them to name what they thought of when they heard the word “Russia”. There were no blanks in responded questionnaires in 2007. In 2012, 3% of respondents had not any associations with Russia — “No answer”.

According to analysis of the questionnaire regarding representation of Russia, a trend was observed among a majority of Japanese students: they identified Russia with “*cold climatic conditions*”, “image of cold country”, where “it's always cold”, “severe, terrible winter”, “low temperature”, “strong cold”, “snow country”, “image of cold country, where the people wear fur caps and many clothes” (2012 — 16.1%, 2007 — 25.9%). Here we could see that considering climate and nature of Russia, these attributes in-

fluence the creation of country image, to a large extent depending on the background of the person in question. In 2007, there were also amusing statements such as: “They eat ice-cream to increase their body’s temperature” [Zhilina 2008]. In 2012 there were some interesting connections in this group of associations: “cold — fur coat” and “cold — Eskimo (ice-cream)”.

Table 1 demonstrates that in 2012 13.8% (2007 — 9.7%) of Japanese students associated Russia with *geographical associations’ key words*. To be geographically informed, a person must keep in mind a lot of information about people, places, and environments, and must be able to organize the information in the appropriate spatial contexts⁴. Russia’s image for Japanese youth is one of “the biggest countries in the world”, “It occupies a huge territory”, “Northern country”, “Siberia” and “the country near Hokkaido Island”. Students mentioned not only in terms of civilization but also politically and economically that Russia — “distant neighbor”, “neither European nor Asian”, “Geographically, Russia is a very big part of East Asia.” So, we can assume that students develop and refine their mental maps⁵ both through personal experience and through learning from media and teachers. Then they continue adding information so that maps reflect a growing understanding of a changing world. That critical geographic observation is essential to this development and refinement process, because mental maps reflect students’ skill in observing and thinking about the world in spatial terms⁶.

Table 1

Words associated with “Russia” (in 2012 and 2007)

Associations with Russia	Survey 2007 (%)	Survey 2012 (%)	Changes
Cold climatic conditions	25.90	16.10	-9.80
Geographical associations	9.70	13.80	+4.10
Historical and political figures	8.90	7.20	-1.70
USSR, socialism, Communism, Communist Party of the Soviet Union (CPSU)	8.30	7.90	-0.40
Negative incidents and facts	7.50	6.10	-1.40
Sport and sportsmen	6.60	3.70	-2.90
National cuisine	6.30	7.10	+0.80
National symbols	5.70	4.40	-1.30
National dances, ballet, shows	4.60	1.70	-2.90
Beautiful people (women) with white skin	4.60	6.10	+1.50
Northern territories	2.80	5.20	+2.4
Particular color	2.70	2.60	-0.10
Others	6.40	15.10	+8.70
No answer	—	3.00	+3.00

Created by the author on the base of polls conducted at the Universities of Japan in 2007/2012.

⁴ The power of place Geography for the 21st century: The Geography Education Standards Project. URL: <http://www.learner.org/series/powerofplace/standards.html> (accessed: 01.11.2017).

⁵ In modern studies term “a mental map” means an image of space (in person’s mind) which is formed under the influence of important social, cultural and historical peculiarities of space, and due to the personality traits of the person and his attitudes towards the environment. Mental map is a mixture of both objective knowledge and subjective perceptions of the person. It helps person to form and develop natural image of the world.

⁶ The power of place Geography for the 21st century: The Geography Education Standards Project. URL: <http://www.learner.org/series/powerofplace/standards.html> (accessed: 01.11.2017).

As we could see geopolitical imaginations were the prevalent images for Japanese respondents. Such geopolitical orientations represent a relatively volatile element of political culture and identity that can be changed under the influence of media and other factors of conjuncture and “with the development of mass culture, communications and social mobility, the importance of political orientations is growing, worked out through the process of socialization” [Kholodkovsky 1979].

Japanese students’ perception of places and regions is not uniform. Rather, their view of a place or a region is their interpretation of its location, extent, characteristics, and significance as influenced by their own culture and experience⁷. Much more consistently, results of this research show that Russia-related attitudes are mostly driven by symbolic concerns about the nation as a whole.

HISTORICAL IMAGES AND POLITICAL LEADERS

Images of other nations are affected by history as well. An individual’s image of an object at the present is correlated to people’s views of its past and future. For instance, Michael Kunczik comments that “many prejudices about nations are carried forward through generations, so that historical events of long ago remain decisive in a nation’s image” [Kunczik 1997: 3] and the international relations (e.g. wars, hostilities, friendliness, and alliances, military, economic and political compatibility) of countries, either in the past or present, play a role in national image perceptions. Owing to the dynamic and constantly changing nature of images, image study should be placed in a historical context.

As for Japanese students, they linked their representations about Russia with “*USSR, socialism, Communism and Communist Party of the Soviet Union (CPSU)*” (2012 — 7.9%, 2007 — 8.3%) — “The strong image of socialism and the collapse of the Soviet Union”, “The image of the country where the background of the socialism remains”, “The Former Soviet Union”. Image of communist Russia and later of the Soviet Union was a strong association with Russia as well. Following the collapse of the Soviet Union, Russian images in Japan underwent transformation — relatively positive in the early stage, they became more negative towards the end of 2000’s and reached the negative peak [Zhilina 2015: 14]. These associative definitions indicate a strong association between Russia and the USSR — young people sensed Russia’s complicated political position, a paying more attention to Russia’s domestic and international position. In some ways the most famous, certainly the most iconic of all Soviet institutions, the KGB was also, and still remains as strong association with Russia for Japanese students: “The USSR and KGB”; “KGB, the police, CPSU”. We can suggest that one of the reasons is the Cold War years when Russia was a land that was off limits for most foreigners. Some of Japanese students associated Russia with “former Soviet republics”, especially “Ukraine, Belarus, and Kazakhstan”. The share of respondents who expressed their concern about Russia’s behavior towards its neighbors was considerably larger in the public opinion of Japanese students in 2007 than in 2012.

⁷ The power of place Geography for the 21st century: The Geography Education Standards Project. URL: <http://www.learner.org/series/powerofplace/standards.html> (accessed: 21.10.2017).

The results of the surveys produce interesting factual material for the description and analysis of the image of political figures — some of Japanese students associated Russia with *historical and political figures of Russia* (2012 — 7.2%, 2007 — 8.9%). In this context, respondents recalled the names of President Putin, Gorbachev, Lenin, Stalin, Catherine II, and Tsar Romanov. Some of the Japanese respondents had knowledge of the history of Russia at an average level, while some of them had poor knowledge of the history (knowledge only some of important names). Gender differences in the two groups of respondents were not found. A large majority of students surveyed associated Russia with “Putin” — 70.7% of respondents, mentioning political figures in association with Russia. Here we can see the dominant image of Russian President — this personification is official emblem of the nation, and it’s widely recognized. As we could see: special part in the overall image of the country and the nation declared by the young Japanese people played political and historical personages. In fact, the majority of Japanese students paid bigger attention to Russia’s historical and political figures position associating them with Russia. Students frequently identified Russia with: “Putin, KGB”; “Putin and Troika”; “Putin and Northern Territories”; “Putin, KGB, Army” or “I know only Putin, that’s why it’s strong association”. A Russian leader is always a subject of international importance and V. Putin is that person for Japanese students. It means that his figure is an object of interest on the part of the world community. Students frequently mentioned the name of Vladimir Putin in different situational contexts of association with Russia and the Russians’ national character. As we can see, political leaders are increasingly associated with their country esteem abroad.

NEGATIVE EMOTIONS: FROM PAST TO PRESENT

International Image Theory posits that three dimensions of bilateral state-to-state relations⁸ determine which national image will be activated [Castano et al. 2015: 3]. The negative images of Russia were viewed by Japanese students as a serious threat of Russian security. According to the findings, it can be stated that Russia has been found to bear mixed image⁹. Some negative Japanese images of Russia were replaced by new positive images and vice versa, while some negative stereotypes remained unchanged. But the number of Japanese students who associate Russia with “*Negative incidents and facts*” has decreased from 7.5% (2007) to 6.1% (2012). Despite the fact that Russia is renowned for its tourism attractions however such aspect as crime is argued to damage the image of Russia. With the alarming increase of terrorism activities in most parts of the world, the issue of safety is ranked as high important when possibility of tourism to one or another country is discussed.

⁸ First, goal compatibility: whether the other state is threatening, can be exploited, or represents an opportunity for mutual gain. Second, is the other state weaker, comparable in capability, or stronger? Third, national images include a cultural judgment: how sophisticated is the other nation, and what norms is it likely to respect?

⁹ Mixed image implies a country being perceived with positive and negative image which might derive through two or more contradicting factors, mainly positive and negative.

An illustrative example of these views is that Russia's image for the Japanese students is very mixed but we could separate them into groups based on data of 2007 and 2012 surveys:

— *Negative incidents*: the war in Chechnya is a component of negative image.

— *Hard social conditions*: “Society gap is big”, “People are poor”, “Life is hard”.

— *Low level of safety in society*: “Danger”, “Russian Mafia”, “Killing”, “There are many crimes”, “Now, public safety is bad”, “Terrorism”, etc.

— *Cold War*: “The image of the Cold War in the Soviet period”, “Cold War with post-war America”.

— *Instability*: “Country where economy is not stable”, “The society is still unstable”.

— *Bad relations with other countries*: “There is image of the country which isn't on good terms with Japan”, “The image of the country which is on bad terms with Japan”, “It is not on good terms with Europe”.

— *Political, financial problems*: “There are many problems in the politics”, “There is no transparency in political situation”, “Image of the country with financial difficulties (problems)”, “Though it is a republic, its politics is monopolistic”.

— *Some historical facts*: “Military State”, “It fought against Japan many years ago”, “The Russo-Japanese War”.

R.K. Herrmann and M.P. Fischerkeller [Herrmann, Fischerkeller 1995: 426] argued that “the enemy image involves a foreign country that is seen as threatening and comparable to one's own country in power capability and cultural sophistication, while the degenerate image refers to a foreign country that can be exploited and is similar in capability but suffering from cultural decay”. Obviously that Russia's negative images for young Japanese people were viewed as a serious threat for Russian security, particularly in terms of Russia's economic development. And in 2012 Japanese students also associated Russia with “Chernobyl”. It was quite predictable to see such answers in process of that poll. One year before that survey (2011) it was the first range news in all TV-channels and media of the world — earthquake and tsunami off the north coast of Japan. Conversely, there was a comparison with Chernobyl disaster happened in 1986, when one of four nuclear reactors at the Chernobyl power station exploded.

Also, we should emphasize that number of Japanese students who linked their Russia's associations with the territorial disputes regarding the “Northern territories” has exponentially increased from 2.8% (2007) to 5.2% (2012) — almost doubled. Moreover, in this connection (for illustration) we can mention the results of more recent opinion polls in 2014 “Japanese Value Orientations”¹⁰ and in 2016 Public Opinion Survey on Diplomacy¹¹: 2013—2015 (the events in Crimea and Ukraine) the share of Japanese people who held a favorable opinion of Russia dropped from 22.5 to 17.4%,

¹⁰ Takahashi Koichi, Aramaki Hiroshi. Ji keiretsu chosa “nihon-no ishiki” hensen (“Japanese Value Orientations” as Reflected in the Changes of Survey Results over 40 years). Tokyo: NHK hoso kenkyūjo, 2014. July. P. 225—226.

¹¹ Naikakufu daijin kambo seifu kohoshitsu. Gaikō-ni kan-suru yoron chosa (Japanese Cabinet Information Research Office. Public Opinion Survey on Diplomacy 2016). URL: <http://www.survey.gov-online.go.jp/h28/h28-gaiko/2-1.html> (accessed: 07.01.2018).

while the share of ill-wishers and the indifferent grew from 74.7 to 79.3%. A survey conducted in Japan in 2014 showed some shocking results: Russia became the country that Japanese people “disliked the most”. Fortunately, in 2016, the trend made a symbolic turn: the former grew a bit from 17.4 to 19.3% and the latter dropped from 79.3% to 76.9% [Chugrov 2017: 23]. The Japanese people felt the events in Crimea particularly painfully, as they saw similarities with the Kuril Islands situation. What is more, anti-Russian sentiments were artificially whipped up by the media.

POSITIVE EMOTIONS: FROM “PIES” TO “DOSTOEVSKY” AND “SPORTSMEN”

As soon as Russia was opened by the Japanese students, they experienced influences of Russia across every aspect of life, including the culinary. The Russian culinary time-to-time is also the subject which Japanese media attention paid to. Other frequently identified aspect was *national cuisine* (2012 — 7.1%, 2007 — 6.3%). In general, many words used by the students are related to national cuisine. In the form of a traditional kind of dish: a dish now internationally known as “pies” and “borsch”, “alcohol”, “caviar”. In 2012 47.5% of students who connected Russia with national cuisine, mentioned “vodka”. It naturally leads to the conclusion that for students, image of Russia and the Russians closely linked with vodka. There were some interesting connections in this group of associations: “KGB — vodka — borsch”; “borsch — vodka — Plyushchenko”.

Public perceptions of foreign states are known to differ between nations — different cultures may have different perceptions and definitions of beauty and the media has influence on society’s perception of beauty through magazines, tabloid newspapers and television. For instance, some of Japanese respondents (2012 — 6.1%, 2007 — 4.6%) noted positive emotions in connection with “*Russian people*” in association with Russia and pointed them as “the beautiful people with white skin”. Indeed, Russia is not just a geographical space for Japanese students. Russia is its “beautiful people”, “beautiful girls with white skin”. Basically, it means that visual beauty ideals about beautiful and look well-groomed Russian women in Japanese media are working. Therefore, it is necessary to take into account that Japanese society visual nature takes an important place in Japanese education system. Some students emphasized that “the color of the skin is white” and “skin is white and beautiful”. Some students associate Russia with “pretty girls” and noted that “the Russians are tall”, “Russian women are beautiful” and “there are many beautiful people like a doll in Russia”. But there was a very telling response as it relates to how information received, ideas and stereotypes formed: “They say, that Russian women are very beautiful”.

In 2012, almost 4.4% of respondents (2007 — 5.7%) mentioned “*national symbols*” associative with “Russia”. Every nation has a number of symbols or emblematic elements associated with it that are intrinsic to its identity and heritage. Japanese students associated the country with “Matryoshka”¹², “Hats” and “Caps made from fur”. Insufficient

¹² A Russian doll is a hollow wooden doll that is made in two halves. Inside it are a series of similar wooden dolls, each smaller than the last, placed one inside the other.

knowledge of traditions was revealed in the group of Japanese students. In some cases, they tried to interpret some native Russian traditions and rituals in different ways¹³. As merits are named: the deep Russian culture is not forgotten too — it is associated with the Bolshoi Theatre, Dostoevsky, and Leo Tolstoy. The symbols of Russia were declared to be a balalaika, the Kremlin and the Red Square as associative words with Russia. Russian literature representatives — Chekhov and Gorky were mentioned by some of the students in connection with image of Russia. Images of “poet Alexander Pushkin”, “Saint Petersburg”, and “Christian Cathedrals” were also pointed out.

Japanese youth associations with Russia — “*Sports and sportsmen*” (2012 — 3.7%, 2007 — 6.6%). In 2007 students mentioned frequently names of figure skater E. Plushchenko and tennis player M. Sharapova. Also, they noted: “Volleyball is strong. Synchronic swimming is terrific. Rhythmic sportive gymnastics is strong”. But in 2012 we should stress that respondents have associations with Russia through the image of CSKA (Russian football club), the Japanese football player Honda Kesuke and Russian soccer player Arshavin¹⁴. There were some answers like this: “sambo wrestling — Putin”. It is easy to see why these names were mentioned by Japanese respondents — EURO-2012 was taking place that time. These images of Russia operate in combination with individual preferences of students: football; volleyball is strong; figure skating; judo.

It is interesting to note that Japanese youth associated Russia with a particular “white — blue — red” color (2012 — 2.6%, 2007 — 2.7%). Most countries have national colors that are used to represent the country outside of standard icons like the flag. Sometimes national colors are frequently part of a countries’ set of national symbols. But in 2007 some students also associated Russia with color: grey, grayish, dark, white. Only Japanese students have such original visual perceptions of Russia. In an era, which is increasingly dominated by the flow of images, contemporary Japan has a high profile, producing manga, anime, video games, etc. Manga, unlike comics in the West, is read by a larger segment of the population in Japan, regardless of age. Starting off as something akin to comic books, they have now taken on various forms such as animated series (anime) to graphic novels. This ‘visual culture’ is formed by numerous relationships between Japanese people and various images. Here it is important to emphasize Japan’s unique cultural identity. Also, some students associated Russia with “show — performances” — national dances, ballet (2012 — 1.7%, 2007 — 4.6%). But in 2007 respondents named Russian girls’ pop-group TATU, as association with Russia (that year it was TATU-boom in Japan).

It was a big surprise for us: Japanese students listed “Laika”, “Kudryavka”¹⁵. “Cheburashka” is another Russian invention immensely popular in Japan, perhaps even more so than in Russia itself, a cute little animal and the main protagonist in children’s literature and the animation series of the same name, was also accepted as image of Russia.

¹³ Students tried to draw shaggy hats, sometimes looked like Cossack’s hats.

¹⁴ Survey 2012 was carried out in June.

¹⁵ Кудрявка (In Russ.) — chosen as the occupant of the Soviet spacecraft Sputnik-2 dog. It was launched into outer space on November 3rd 1957.

DISCUSSION: COUNTRY OF THE CONTRASTS

National images, in fact, are one part of a state's soft power and play important role in international relations. Russia's image abroad is very mixed — sometimes with the negative traits dominating. Qualitative approaches in this research have provided the potential for considerable added value over quantitative surveys, providing far greater depth of explanation of students' attitude toward Russia, including the complexity of their cognitive and emotional engagement with topic involved. Looking at Japanese students' image of Russia more in detail, we can conclude that Russia is a very well-known country in Japan — the neighbor in Asia-Pacific region. There are some strong positive elements in Russia's image as perceived by Japanese students. As we could see, although some negative elements constituted the core of the country's image of Russia, there were also some positive developments in Japanese students' perceptions of Russia and Russian culture — the most positive component of the nation's brand for Japanese students who linked their representation of Russia with names of Russian writers and Russian performing arts (as classical as modern). At the beginning of the 21st century it was the boom of Russian literature in Japan — “The Brothers Karamazov” of F. Dostoevsky was translated into Japanese by Ikuo Kameyama¹⁶ and it was the eighth translation of Dostoevsky's masterpiece in Japan. The first one came out in 1920, the last — in the 1970's, but all of them were very difficult to read because of differences of language, and psychological points. Thanks to Prof. Kameyama who had developed several strategic points this book became the bestseller in Japan — especially it was most popular with young generation of the Japanese¹⁷. It is no doubt that culture exerts positive influence on nation's image and it plays an important role in the construction of national image. Its effect on Russia's overall image is, however, fairly limited as it was primarily the culture of pre-Soviet Russia that was widely known in Japan whereas Russian contemporary culture is considerably less visible.

Another positive perception of Russia in Japan is the interest in Russia's progress in sports, e.g. in tennis, figure skating, etc. These sportsmen created many fans among young generation in Japan. Friendly images of Russia for Japanese students may result from the performance of Russian achievements in sport; the Russian sportsmen are more popular in Japan than in any other country. At the same time, Russia is still seen by many young Japanese people ‘as a stranger’, i.e. as a country difficult to understand.

It is therefore possible to conclude that the images of Russia — “the cold country”, “snowing country” with “huge territory” and “people in fur caps” invariably remain

¹⁶ Japanese scientist and literary critic, Professor, Rector of the Tokyo Institute of Foreign Languages I. Kameyama “has added” “The Brothers Karamazov” by Dostoevsky. First, he had simplified and slightly reduced the names of the actors, as they (and especially — middle name) were very difficult to remember for the Japanese. Another key moment was the creation of an adequate translation of the Japanese rhythm. In the novel there are a lot of dialogue which are too hard for reading and listening. A lot of Japanese readers were just amazed by Prof. Kameyama's translation, they could not expect that Dostoevsky's text was so rhythmic.

¹⁷ According to statistics from the Japanese public opinion polls revealed that about 50% of readers of the book are young, intelligent, working women aged a little over thirty.

fixes in minds and beliefs. Differently, the space becomes not a neutral category for the students, and national stereotypes undoubtedly include images of space. They become national symbols (for instance: “the Kremlin”, “the Red Square”, and so on) [Zhilina 2009]. It is possible to state that all the Russia’ perceptions of Japanese respondents often colored by their memory of these places they have received through mediated visual information and images. We found out that Russia was defined by visual orientations of students. The young Japanese people characteristically associate Russia through visual narration. In these sequences, as well as others, the students’ emotional reactions to events are typically captured in the visual presentation of Russia — country with “beautiful people”. Visualization is the ability to mentally represent and manipulate information and images. When Japanese students visualize, they use images, symbols (e.g., pictures and colors), and other forms of mental coding to represent experiences and information. As mentioned above the degree of sympathy for the Japanese attitude toward Russia unfortunately it still remains low, but we could see some positive changes. The level of Japanese students’ knowledge of Russia has been increasing. But there were remains of the atmosphere of the Cold War in the Japanese students’ responses. Events and problems in Russia were described in political terms and moved as the consequence of the communist system. Students see the Russian Federation as the imperial successor of the Soviet Union. The war in Chechnya is a very important component of Russia’s negative image. Another negative perception of Russia connected with Russia’s sometimes difficult relations with the other former Soviet republics. Japanese students also cited strengthened state and political control over central TV-news channels (“speech control”) as domestic developments that negatively impact their perceptions of Russia. The high crime rate in Russian society also tends to contribute to the negative the Japanese have of Russia. Also, we should add such Japanese students’ negative representation of Russian society as the high crime rate; a difficult social situation; social injustices; corruption. It’s difficult to ignore the fact that the percentage of respondents associated Russia with “territorial dispute” has increased since 2007. It is notable that the territorial issue dominates media coverage of Japanese-Russian relations. Obtained results indicated that Japanese students acquire knowledge about the characteristics of Russia from hot news in international print media and from attention to often negative news from TV, but the number of respondents mentioned “negative incidents and facts” has decreased by 2012. At the same time a global media culture provides new sources of information, sources for cross-cultural contact, and new cultural experiences for Japanese students. Although made analyses to date point to a role for some political and economic factors in particular as influences on students’ perceptions toward their counterpart, other factors may also have affected the identified new trends. There are several other plausible influences on changing public perceptions, particularly in the context of growing skepticism towards Russia in some parts of the world. However, there has been little or no formal analysis of how these may have affected public opinion. In other words, at the group level longitudinal surveys reveal that mean Japanese young people feelings toward Russia remain remarkably consistent across time, with warmth toward Russian culture and sport, and coolness towards image of communist Russia with low level of safety in society where a lot of financial problems.

Although in general at the level of the university students' perceptions toward Russia have not been changed, but in details we can see some quantitative changes. In Japan, public perceptions regarding their close neighbor — Russia have vacillated over the past decade. The results indicated that some Japanese students held quite optimistic opinions toward Russia, but there was also evidence that public opinions toward Russia differed across the students and sometimes not in positive way. However, the existence of the negative attitude did constitute a formidable challenge for Russian-Japanese bilateral relations. In addition to that, some negative elements in Russia's images in Japan were reinforced by the inevitable emphasis on sensations in the Japanese mass media [Zhilina 2008].

In presented paper the primary focus was on attitudinal trends of changing attitudes and perceptions of Russia by Japanese young people. Data sources we have used here were primarily previous surveys. We have made an attempt to understand Japanese students' perceptions' (toward the neighboring country — Russia) transformations by using of 2007 and 2012 surveys' data and its analysis. Although five years have passed between the surveys we have made the more detailed analyses of presented here survey data, so our studies have been focused on some of the deeper sides of Japanese youth' attitudes toward Russia that may be slower to change. If there are no extraordinary changes or specific events in particular country or in bilateral relations, many underlying images and beliefs that each nation holds toward the other are likely to persist in at least the short to medium term. Presented research is an illustrative explanation — stereotyped images are long-lasting and durable. They are difficult to change and can be passed on as heritage from the past. It is fair to suppose that Japanese students attitude toward the Russians and Russia can be easily marked by the changing nature of the popular stereotype associated with the Russians from Soviet epoch. The historical legacy is still strong and little has been done or reported on in the media to change these stereotypes. As we have seen, the representations and attitude toward Russia are different in some ways. Indeed, cultural, religious and traditional beliefs which differ so significantly from one country to another create serious barriers to a smooth flow of news and information. Language, translation difficulties and ethnic biases are perhaps the most common sources of such problems. Any images tend to resist any changes, and as a consequence, any information that contradicts the existing image will be ignored. Therefore, only by being repeated many times this particular information can lead to changes in the image. But in spite of everything the image of Russia in Japan gradually improves.

The findings and analyses contained in the resulting reports of our project had established a minimum set of country-image-related views that can provide a standard for measuring changes in public opinion in our both countries over time. In fact, we hope to build upon this initial set of data and analyses to develop our project and carry out further surveys (one poll — in every five years), to chart changes in attitude as well as 'rapid reaction' polls designed to measure the impact of specific events or incidents on public views in our both countries over time. Moreover 2018 is declared the cross-cultural year — Year of Russia in Japan and the Year of Japan in Russia — year

of Russian-Japanese cultural exchange between the two nations. Within the framework of the Year of Russia in Japan a series of cultural and academic events based primarily in Tokyo but also featuring events at venues throughout Japan will be held with the aim of introducing the many facets of Russia to the Japanese people. The program of activities will particularly target the younger generations whose actions will determine future of the two countries. It will introduce both traditional and modern Russian culture and many other aspects of Russia. The ultimate goal of this cross-cultural year is to further strengthen the friendly relations that exist between the two nations by deepening mutual understanding which will serve as the way of country image improving and the foundation for a new partnership. In this connection author would like to propose carrying out further survey in 2019.

More in-depth analysis of proposed data would give an opportunity to examine the historical component in national images — particularly the impact of divergent views on Russia, including its role in the world perspective, on the dominant images in the two countries. Finally, future research should address the problem of wider issues related to projected national images. One can hope that the findings of this research will contribute to the conceptualization of the role of national images in international relations, and that the issues it has addressed will be developed further in future studies.

With the coming of globalized communication, there has been a surge in national image construction. It can not only create domestic political support but also enlarge a country's international influence. The latter function is deemed to be more crucial today since nations desire to integrate with global markets, to participate in global affairs, and to enhance their status on the world stage. The way how a country is perceived and projected by other countries can result in changes in their mutual relationships and to their strategic responses [Li, Chitty 2009: 1]. In presented study, a student population was examined because students have the greatest potential to influence public opinion and finally to participate in international policy decision-making and public affairs of a country. Clearly, some propositions that we have offered are not entirely unique, but it is not possible to extrapolate conclusions of the general population from the examination of Japanese university students, however, this study also serves as a window to an understanding of the process of forming of public opinion about neighboring countries and has highlighted some areas of opportunity where foreign policy may be directed to best cultivate positive attitudes and views that would rebound to closer economic and political ties.

REFERENCES

- Castano, E., Bonacossa, A. & Gries, P. (2015). National Images as Integrated Schemas: Subliminal Primes of Image Attributes Shape Foreign Policy Preferences. *Political Psychology*, 37(3), 351—366. DOI: 10.1111/pops.12259.
- Chugrov, S.V. (2017). *The Image of Russia in Japan and the Image of Japan in Russia: Working Paper 33/2017*. Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: NPMP RIAC.
- Feklyunina, V. (2009). *National Images in International Relations: Putin's Russia and the West*. Thesis PhD in Politics. University of Glasgow.

- Herrmann, R.K. & Fischerkeller, M.P. (1995). Beyond the Enemy Image and Spiral Model: Cognitive-Strategic Research after the Cold War. *International Organization*, 49 (3), 415—450.
- Klapper, J.T. (1960). *The Effects of Mass Communication*. NY: Free Press.
- Katz, E. (1961). The Social Itinerary of Technical Change: Two Studies on the Diffusion of Innovation. *Human Organization*, 20(2), 70—82.
- Kholodkovsky, K.G. (1979). Some questions of the development of political mass consciousness. *World Economy and International Relations*, 6, 126—131. (In Russ.).
- Kunczik, M. (1997). *Images of Nations and International Public Relations*. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum.
- Li, X. & Chitty, N. (2009). Reframing national image: A methodological framework. *Conflict & communication online*, 8(2), 1—11.
- Scott, W.A. (1966). Psychological and social correlates of international images. In: *International Behavior*. Ed. by H.C. Kelman. NY: Holt, Rinehart and Winston, p. 70—103.
- Sears, D.O. & Freedman, J. (1967). Selective Exposure to Information: A Critical Review. *Public Opinion Quarterly*, 31, 194—214.
- Tichenor, P.J., Donohue, G.A. & Olien, C.N. (1970). Mass media flow and differential growth in knowledge. *Public Opinion Quarterly*, 34 (2), 159—170.
- Whitehead, S. (1987). Arab Portrayals in U.S. and British News Magazines: A Comparative Analysis. Paper presented at the *Annual Meeting of the Association for Education in Journalism and Mass Communication*.
- Yehuda, A. (1976). The role of intergroup contact in change of prejudice and ethnic relations. In: *Towards the elimination of racism*. Ed. by Katz P.A. NY: Pergamon, p. 245—308.
- Youichi, I. (1991). Socio-cultural backgrounds of Japanese interpersonal communication style. *Civilisations*, 39, 101—128.
- Zhilina, L.V. (2008). *Representations of neighboring countries at the beginning of 21st century — Russia and Japan in students' imaginations*. Omsk: Omskblankizdat.
- Zhilina, L.V. (2009). The forming of Japanese public opinion about Russia and the Russians at the beginning of the 21st century. *Herald of Omsk University*, 3, 193—199. (In Russ.).
- Zhilina, L. (2015). Public attitude and mutual perceptions: Japan and Russia. *CEU Political Science Journal*, 10 (1—2), 1—30. (In Russ.).

Acknowledgments: The author gratefully acknowledges The Japan Foundation for awarded Research Grants in 2007 and 2012; Prof. Yoshie Kira (Japanese Women University, Tokyo, Japan) and Prof. Podalko Petr E. (Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan) for conducting the surveys in 2007 and 2012 and students of these Universities for taking part in these surveys in Japan. Many thanks as well to Reiko Oomura (Instructor of Inter-Cultural Institute, Tokyo, Japan) for helping to interpret surveys data and Raisa Zhilina for helping to systematize the surveys data on which the analyses here are based; Eugeny Kruchina (secretary of Russia-Japan Society) and Bessem Elizabeth Manga (Counsellor Embassy of Cameroon in Paris) for their first-rate assistance in editing of this article.

Received: 17.11.2017

For citations: Zhilina, L.V. (2018). Japanese young people' perceptions of Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (1), 49—65. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-49-65.

About the author: Zhilina Larisa Vladimirovna — PhD in History, Associate Professor of the Dostoevsky Omsk State University (e-mail: larissa-zhilina@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-49-65

ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ МОЛОДЫМ ПОКОЛЕНИЕМ ЯПОНИИ

Л.В. Жилина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омск, Российская Федерация

В работе исследуется динамика изменения восприятия России молодым поколением Японии. Цель статьи — рассмотреть, какие представления и стереотипы сложились у японской молодежи в отношении России, проанализировать факторы, влияющие на восприятие молодыми японцами «дальнего соседа», и то, как эти представления изменились за пять лет. По мере усложнения отношений между Японией и Россией возрастает потребность в получении большего объема знаний для выстраивания взаимопонимания.

Для более детального анализа в статье были использованы данные опросов, проведенных в университетах Японии в рамках исследовательского проекта «Представления студентов о странах-соседах в начале XXI века — Россия и Япония». Как представляется, студенческая аудитория — наиболее перспективная для работы в плане формирования общественного мнения о зарубежных странах. Мы обращаемся к результатам, полученным в 2007 и 2012 гг., и используем эмпирические методы исследования, такие как опрос и анализ дискурса. Таким образом, мы предоставляем обзор результатов репрезентативных опросов и анализируем результаты исследований для того, чтобы сделать выводы о движущих факторах изменения общественного восприятия России молодыми японцами.

Представленное исследование является иллюстративным объяснением того, что стереотипы долговечны — их довольно трудно изменить — и они могут передаваться из поколения в поколение.

По результатам исследования автор пришел к следующему выводу: хотя в целом уровень восприятия России в студенческой среде не изменился, но, тем не менее, мы смогли увидеть некоторые количественные изменения. Результаты опросов показали, что определенная часть японских студентов придерживается довольно оптимистичного мнения о России. Однако были и свидетельства того, что по некоторым вопросам мнения японских студентов изменились, при этом иногда не в лучшую сторону.

Ключевые слова: восприятие стран; Япония; национальные имиджи; межкультурные исследования; молодое поколение Японии

Благодарности: Автор благодарит Японский Фонд за присужденные гранты на научные исследования в 2007 и 2012 гг.; профессора Кира Ёсиэ (Japanese Women University, Токио, Япония) и профессора П.Э. Подалко (Aoyama Gakuin University, Токио, Япония) за участие в проведении опросов в 2007 и 2012 гг., а также студентов этих университетов. Отдельное спасибо Рэйко Оокура (преподавателю Института Международной Культуры, Токио, Япония) за помощь в интерпретации данных исследования и Раисе Жилиной за помощь в систематизации информации, на которой основано исследование; ответственного секретаря Общества Россия—Япония Е.Н. Кручина и советника посольства Камеруна в Париже Бессем Элизабет Манга за их высококвалифицированную помощь в подготовке этой статьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Жилина Л.В. Формирование общественного мнения о России и русских в Японии в начале XXI в. // Вестник Омского университета. 2009. № 3. С. 193—199.
- Холодковский К.Г. Некоторые вопросы развития массового политического сознания // Мировая экономика и международные отношения. 1979. № 6. С. 126—131.

- Castano E., Bonacossa A., Gries P.* National Images as Integrated Schemas: Subliminal Primes of Image Attributes Shape Foreign Policy Preferences // *Political Psychology*. 2015. Vol. 37. N 3. P. 351—366. DOI: 10.1111/pops.12259.
- Chugrov S.V.* The Image of Russia in Japan and the Image of Japan in Russia: Working Paper 33/2017. Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: NPMP RIAC.
- Feklyunina V.* National Images in International Relations: Putin's Russia and the West. Thesis PhD in Politics. University of Glasgow, 2009.
- Herrmann R.K. & Fischerkeller M.P.* Beyond the Enemy Image and Spiral Model: Cognitive-Strategic Research after the Cold War // *International Organization*. 1995. Vol. 49 (3). P. 415—450.
- Klapper J.T.* The Effects of Mass Communication. NY: Free Press, 1960.
- Katz E.* The Social Itinerary of Technical Change: Two Studies on the Diffusion of Innovation // *Human Organization*, 1961. Vol. 20. N 2. P. 70—82.
- Kunczik M.* Images of Nations and International Public Relations. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum, 1997.
- Li X. & Chitty N.* Reframing national image: A methodological framework // *Conflict & communication online*. 2009. Vol. 8. N 2. P. 1—11.
- Scott W.A.* Psychological and social correlates of international images // *International Behavior*. Ed. by H.C. Kelman. NY: Holt, Rinehart and Winston. 1966. P. 70—103.
- Sears D.O. & Freedman J.* Selective Exposure to Information: A Critical Review // *Public Opinion Quarterly*. 1967. Vol. 31. P. 194—214.
- Tichenor P.J., Donohue G.A. & Olien C.N.* Mass media flow and differential growth in knowledge // *Public Opinion Quarterly*. 1970. Vol. 34(2). P. 159—170.
- Whitehead S.* Arab Portrayals in U.S. and British News Magazines: A Comparative Analysis. Paper presented at the Annual Meeting of the Association for Education in Journalism and Mass Communication. 1987.
- Yehuda A.* The role of intergroup contact in change of prejudice and ethnic relations // *Towards the elimination of racism*. Ed. by P.A. Katz. NY: Pergamon. 1976. P. 245—308.
- Youichi I.* Socio-cultural backgrounds of Japanese interpersonal communication style // *Civilisations*. 1991. N 39. P. 101—128.
- Zhilina L.V.* Representations of neighboring countries at the beginning of 21st century — Russia and Japan in students' imaginations. Omsk: Omskblankizdat, 2008.
- Zhilina L.* Public attitude and mutual perceptions: Japan and Russia // *CEU Political Science Journal*. 2015. Vol. 10. N 1—2. P. 1—30.

Дата поступления статьи: 17.11.2017

Для цитирования: *Zhilina L.V.* Japanese young people' perceptions of Russia // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 49—65. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-49-65.

Сведения об авторе: *Жилина Лариса Владимировна* — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (e-mail: larissa-zhilina@yandex.ru).

© Zhilina L.V., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-66-84

ПСИХОЛОГИЯ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ В ОТНОШЕНИИ РАЗНЫХ СТРАН МИРА: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Л.Г. Почебут¹, Д.С. Безносков²

¹Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Санкт-Петербургский государственный институт психологии
и социальной работы, Санкт-Петербург, Российская Федерация

В современном мире межкультурные коммуникации становятся все более интенсивными, расширяется психологическое восприятие представителей других этносов и их культур. В статье рассматриваются психологические особенности восприятия студенческой молодежью Санкт-Петербурга социальной дистанции в отношении различных народов мира. Описаны трудности восприятия и межкультурного взаимодействия в зависимости от стереотипов, ошибок каузальной атрибуции, предубеждений и дискриминации, этноцентризма. Утверждается, что асертивность как способность оберегать свои права и интересы проявляется в увеличении социальной дистанции и является конструктивным способом защиты.

Цель эмпирического исследования — изучить величину социальной дистанции студенческой молодежи русской национальности по отношению к представителям других этносов. Задачи исследования состояли в оценке величины социальной дистанции по отношению к народам, не входящим в состав Российской Федерации, и в определении динамики социальной дистанции в зависимости от политических и экономических событий, происходящих в мире. Методом исследования служила шкала социальной дистанции Э. Богардуса.

На основе результатов эмпирического исследования были сделаны следующие выводы. Величина социальной дистанции студенческой молодежи русской национальности свидетельствует об их нормальной этнической идентичности и позитивном настрое в отношении разных народов мира. Опрошенные студенты осознают себя как самостоятельный этнос, проявляют стремление и готовность к деловому сотрудничеству с другими народами. Социальная дистанция по отношению к европейским народам в целом ближе, чем к этносам Азии и Африки.

Социальная дистанция студентов по отношению к братским славянским народам (украинцам и белорусам) ближе, чем к представителям других народов. Славянское братство в восприятии студенческой молодежи сохраняется, однако с белорусами студенты готовы строить дружеские и деловые отношения, а с гражданами Украины и с жителями Донбасса в последние годы — исключительно деловые. Это свидетельствует о некотором увеличении социальной дистанции по отношению к украинцам. Люди, отодвигая социальную дистанцию по отношению к жителям страны, где идет гражданская война, психологически защищаются, стараясь быть эмоционально дальше от военного конфликта. Это нормальная психологическая реакция людей. В ситуации террористического акта величина социальной дистанции по отношению к террористам и их жертвам также резко увеличивается.

Ключевые слова: Россия, психология восприятия, трудности межкультурной коммуникации, стереотипы, предубеждения, дискриминация, этноцентризм, асертивность, социальная дистанция

Психологическое восприятие культуры и особенностей личности представителей разных стран мира приобрело в настоящее время особое значение. Межкультурные коммуникации в современном мире становятся все более интенсивными, люди посещают другие страны в целях туризма, обучения, смены страны проживания, познания друг о друге становятся более глубокими и интенсивными. Межкультурные контакты, политические события, экономическая ситуация оказывают существенное влияние на психологию восприятия и представления о других народах и их культурах.

В последнее время сфера межгосударственных отношений переживает кризисные явления, что во многом создает эффект напряженности в общении и достижении понимания на уровне обществ. Показателен пример Российской Федерации, в отношении которой страны ЕС и США сохраняют санкции в экономической сфере, в области бизнеса, культуры, образования, спорта, свободы прессы. В подобных условиях при общении с представителями других культур люди сталкиваются с барьерами в коммуникации и испытывают психологические трудности, которые обусловлены, в том числе, стереотипами восприятия, предубеждениями, предрассудками и дискриминационным поведением, а также этноцентризмом.

ТРУДНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Стереотипы восприятия

Существование и распространенность стереотипов восприятия значительно усложняет межкультурное взаимодействие. Люди судят о представителях других этнокультурных групп на основании этнических стереотипов, сформировавшихся на основе практического опыта общения разных народов на протяжении истории. Этнические стереотипы сложились в филогенезе, проникли в коллективное бессознательное народа, создали устойчивый образ представителя своего и другого народа. В онтогенезе же этнические стереотипы крайне динамичны. Они могут изменяться в зависимости от ситуации межэтнического взаимодействия. В благоприятной обстановке этнические стереотипы имеют позитивную направленность, а в условиях межэтнического конфликта, военных действий, террористических актов приобретают негативную окраску.

Основатель теории социальных стереотипов У. Липпман понимал стереотип как упорядоченную, схематично детерминированную культурой картину мира каждого человека (*a picture in our heads*). Причинами возникновения стереотипов он считал, во-первых, экономию усилий, необходимую при восприятии больших и сложных социальных объектов, таких как этносы, религиозные течения, профессиональные объединения. Человек не в состоянии досконально узнать и описать каждого представителя иной этнокультурной группы, поэтому он объединяет их в единую категорию и описывает схематично, а не дифференцированно. Во-вторых, создание стереотипов У. Липпман рассматривал как механизм психологической защиты собственной культуры и ценностей от проникновения чужой культуры. Стереотипизация возводит границу от проникновения и навязывания чужих образов мира, создает защиту от возникновения путаницы в чувствах, цен-

ностях, суждениях, оценках. Таким образом, стереотипизация дает людям возможность настаивать на собственной позиции и защищать свои права [Нельсон 2003: 18; Стефаненко 2003: 280; Lippmann 1922: 117].

Основными свойствами стереотипов являются: согласованность или социальный консенсус в оценках другой этнокультурной общности, схематичность и упрощенность, эмоционально-оценочная нагрузка, устойчивость на протяжении определенного времени, неточность. В науке возникла целая дискуссия об истинности или ложности (неточности) стереотипов. В 1950 г. О. Клайнберг сформулировал положение, получившее название «гипотеза „зерно истины“ в стереотипе». Автор утверждал, что объем истинных знаний в стереотипе превышает объем ложных. Эту гипотезу можно расширить, обозначив ее как «зерно истины и сорняки искажения» (*grain of truth and weeds of distortion*). В стереотипах формируется реальный образ социального объекта, а не просто мнение о нем. Стереотип объекта строится на основе объективных данных, преломляясь через субъективные оценки и ожидания субъекта [Стефаненко 2003: 289; Vogardus 1924: 290].

В психологии рассматриваются три основных вида стереотипов: стереотипы восприятия, поведения и интерпретации поведения. Стереотипы восприятия демонстрируют представление одних людей о личности других. Стереотипы поведения описывают нормы, обычаи, традиции своей и чужой этнокультурной общности. Стереотипы интерпретации поведения основаны на процессе каузальной атрибуции, то есть объясняют причины поведения других людей и самого себя. Эти стереотипы могут быть верными или ошибочными [Почебут, Мейжис 2010: 521—525].

Ошибочные стереотипы интерпретации поведения построены на неверной основе, что приводит к ошибкам каузальной атрибуции. Люди могут совершать три такие ошибки. Первая — *фундаментальная* — ошибка атрибуции проявляется в склонности игнорировать ситуативные причины и интерпретировать поведение в пользу диспозиционных (личностных) причин. Психологические исследования обнаружили кросс-культурные различия в совершении фундаментальной ошибки. Так, люди западных культур склонны совершать эту ошибку в большей степени, чем люди восточных культур. Это объясняется тем, что в западных культурах в центре внимания находится личность человека, а в восточных культурах гораздо больше внимания уделяется ситуации, в которой этот человек оказался [Стефаненко 2003: 186—192].

Вторая — *предельная* — выражается в тенденции приписывать большим социальным группам, прежде всего целым народам, определенные личностные качества, например, агрессивность, воинственность, злые умыслы и пр. В межкультурном взаимодействии люди совершают в основном предельную ошибку атрибуции.

Третья — *мотивационная* — связана с объяснением успеха или неудач в деятельности. Собственный успех или успех своей группы обычно объясняется диспозиционными (личностными) причинами, а неудачи — влиянием ситуации. Противоположный эффект возникает при объяснении причин успеха чужой группы волей случая, а неудачи — влиянием личностных характеристик членов этой группы [Почебут 2017: 297—300].

Предубеждения, предрассудки, дискриминация

На основе ошибок атрибуции формируются такие устойчивые стереотипы, как предубеждения, предрассудки и дискриминация. Этническое предубеждение представляет собой негативную установку по отношению к людям исключительно на основании их принадлежности к этнокультурной общности. Предрассудок — это более сложное психическое образование, поскольку в его формировании участвуют не только процессы восприятия, но и процессы мышления. Этнический предрассудок понимается нами как заведомо ложное осуждение и оценка людей исключительно на основании их принадлежности к этнокультурной общности.

В настоящее время граждане России сталкиваются с ситуацией, когда в средствах массовой информации западных стран, прежде всего США, Польши, Великобритании и др., формируются крайне негативные предрассудки о России, которые носят заведомо предвзятый и агрессивный характер. Предрассудки подобного типа особенно распространены в средствах массовой информации на Украине и приводят к усилению националистических настроений и ксенофобии. Ксенофобия проявляется не только как страх, но и как агрессивный настрой по отношению к народу России. Подобный настрой отражается на психологическом восприятии людьми друг друга.

Дискриминация — это негативное поведение или призывы к негативному поведению по отношению к людям другой национальности. Дискриминационные призывы по отношению к этническим русским мы часто слышим на Украине. Дискриминационные меры осуществляются против российских политиков, деятелей культуры и спортсменов. Дискриминация основана на предельной ошибке атрибуции и имеет далеко идущие последствия, поскольку вызывает не только ответные эмоциональные реакции людей — чувства обиды, растерянности, недоверия, злости, но и обоснованные поведенческие реакции. В психологическом плане эти ответные реакции выражаются не только в обострении негативных стереотипов восприятия и интерпретации поведения, но и в увеличении социальной дистанции, снижении социальных контактов на межличностном и деловом уровнях, спаде интереса к другой стране, ее культуре, уменьшении числа туристов.

Этноцентризм

Еще одной причиной трудностей межкультурного взаимодействия является этноцентризм как тенденция рассматривать и оценивать психологические особенности и поведение целых народов, опираясь исключительно на собственные культурные обычаи, политические традиции и ценности. Как представляется, этноцентризм во многом присущ политике ведущих западных стран, привыкших на протяжении истории диктовать свои условия остальному миру. Этноцентризм, заложенный в основу государственной политики, приводит к дискриминационным действиям в отношении стран, отвергаемых и оцениваемых как угроза. Политики, обладающие этноцентрическим сознанием, придерживаются мнения о том, что их культура и ценности являются абсолютно верными, отказываются от возможности

плюралистической модели международной системы, де-факто отходят от принципов толерантности и мультикультурализма. Напротив, они нацелены на глобальное превосходство, которое на практике реализуется через силовой вариант *ad hoc* односторонних операций. Подобный авторитарный политический и культурный диктат со стороны западных держав приводит к разрушению уклада жизни целых народов, страданиям гражданского населения, способствует расшатыванию государственных основ и культурных традиций.

В конечном итоге это приводит к росту агрессивности и самозащиты отдельных этнических групп. В связи с этим в последнее время обострилась проблема разработки психологических приемов самозащиты этнической и культурной идентичности народов. Одним из способов профилактики трудностей межкультурного взаимодействия служила теория мультикультурализма.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

Канадский ученый Дж. Берри, один из основоположников теории и идеологии мультикультурализма, утверждал, что претворение в жизнь этой идеологии возможно при соблюдении трех условий.

Первое условие — это культурное разнообразие, которое предполагает мирное совместное существование различных этнических и культурных групп в одном обществе. Для этого необходимо изучать и каждому члену сообщества научиться понимать сущность различий, проявлять толерантное отношение друг к другу.

Второе условие — социальное равноправие всех совместно сосуществующих этнокультурных групп, обеспечение в обществе равных социальных и политических прав.

Третье условие — достижение чувства безопасности, которое опирается на равноправие всех групп и принятие ими ситуации культурного разнообразия. Главный постулат, обеспечивающий реализацию этого условия, состоит в следующем: только люди, чувствующие себя в безопасности в своей стране, способны быть толерантными по отношению к людям из других стран и культур. Если же люди чувствуют угрозу со стороны иных этнокультурных сообществ, то они не принимают культурных различий, проявляют интолерантность и прибегают к способам самозащиты [Берри 2005; Berry 2002].

Стратегия толерантности, популярная в странах Запада, основана на проявлении взаимного доверия между партнерами. В ситуации разрушения доверия необходимо переходить к самозащите и использовать стратегию ассертивности.

АССЕРТИВНОСТЬ

Способы самозащиты можно подразделить на неконструктивные и конструктивные. К неконструктивным способам относятся: обострение негативных этнических стереотипов, усиление этноцентризма, агрессивности и увеличение этнокультурной дистанции. К конструктивным способам относится стратегия ассертивности.

Ассертивность — это способность и умение соблюдать свои права и интересы, а также права и интересы другого человека [Вердербер, Вердербер 2003; Alberti, Emmoons 1995]. Ассертивность можно сравнить с дорогой с двусторонним движением, на которой необходимо соблюдать установленные правила, иначе одна или обе стороны могут пострадать. Психологическое содержание феномена ассертивности включает: права, обязанности, ожидание соблюдения прав обеими сторонами, толерантность в отношениях с партнером, плюрализм мнений, умение и способность защищать свои права в случае их нарушения. Стратегия ассертивности должна работать в правовом межкультурном пространстве, опираться на правовое законодательство государств и международное право. На фоне увеличения дуги нестабильности в контексте международной безопасности ассертивность крайне востребована в настоящее время.

Если сравнить толерантное поведение и ассертивное, то последнее является более трудным, сложным, требует много энергии. Толерантное поведение основано на проявлении доверия по отношению к другим людям, взаимных ожиданиях уважения со стороны партнеров. Ассертивное поведение требует обучения и формирования определенных умений в защите своих прав. Неудачное толерантное поведение приводит к утрате своих позиций, прав, преимуществ. Некорректное ассертивное поведение может обострить конфликтную ситуацию, привести к разрыву отношений, эскалации конфликта.

Стратегия корректного ассертивного поведения опирается на шесть основных тактик:

- 1) демонстрация готовности к сотрудничеству, поиск общих интересов, взаимовыгодных сделок;
- 2) предварительный всесторонний анализ своих интересов и интересов партнеров, поиск противоречий и общих точек зрения;
- 3) выстраивание межкультурного диалога на основе дружелюбия, доброжелательности, открытости, искренности и ожидания взаимного доверия;
- 4) способность не поддаваться на давление и манипуляции со стороны партнеров, четкое проговаривание своих интересов, ожиданий и прав;
- 5) достижение договоренности и четкое распределение обязанностей между партнерами, заключение письменных соглашений;
- 6) видение и обсуждение перспектив дальнейшей совместной работы, основанной на взаимном соблюдении прав и интересов.

Очевидно, что новый характер глобальных политических и экономических процессов требует перехода от стратегии толерантности к стратегии ассертивности. Большой интерес представляет изучение психологических особенностей восприятия современной студенческой молодежью международных отношений. Современные студенты — это социальная группа, в дальнейшем определяющая будущее России, формирование экономических приоритетов и внешнеполитической стратегии. В настоящее время очень важно изучить и понять, насколько развита у студентов стратегия ассертивности, которая может проявляться, в частности, в увеличении социальной дистанции и снижении уровня толерантности.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ МОЛОДЕЖЬЮ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ В ОТНОШЕНИИ РАЗНЫХ СТРАН МИРА

Понятие «социальная дистанция»

В политической и этнической психологии широко используется понятие «социальная дистанция». Американский социолог Э. Богардус впервые предложил это понятие в 1925 г. с целью изучения психологической близости либо отчужденности религиозных, социальных или этнических общностей [Bogardus 1924; Bogardus 1933]. Ученый разработал шкалу социальной дистанции, с помощью которой можно оценить степень социально-психологической близости людей. Шкала используется для измерения дистанции, связанной с расовой, этнической, политической, религиозной и прочей принадлежностью.

С нашей точки зрения, *социальная дистанция* — это устойчивая установка на взаимодействие с другими этнокультурными общностями, интеграцию или обособление. Предназначение социальной дистанции состоит в оценке психологической близости людей, которая способствует легкости их взаимодействия, отсутствию серьезных коммуникативных трудностей, неразрешимых противоречий.

Максимальная социальная дистанция означает, что этнокультурная общность держится автономно, стремится обособиться от людей другой культуры или политических взглядов, не доверяет им, скрывает свои проблемы и личностные особенности, психологически защищается. Минимальная социальная дистанция способствует конкретизации представлений о других людях, вовлечению во взаимодействие, доверию и открытости во взаимоотношениях. Минимальная дистанция также свидетельствует о толерантном отношении людей друг к другу. В свою очередь, максимальная социальная дистанция является способом асертивности и признаком интолерантности [Почебут 2012: 252—256].

Предлагаемая шкала измеряет отношение к той или иной национальности. Респонденту предлагается следующее задание:

Инструкция: Проранжируйте представителей указанной национальности, отмечая степень приемлемости их для себя лично только по одному из предложенных критериев. Отвечайте по принципу: для меня лично возможно и желательно в отношении людей данной национальности:

1. Принятие как близких родственников посредством брака.
2. Принятие как личных друзей.
3. Принятие как соседей, проживающих на моей улице.
4. Принятие как коллег по работе, имеющих ту же профессию, что и я.
5. Принятие как граждан моей страны.
6. Принятие только как туристов в моей стране.
7. Предпочел бы не видеть в моей стране.

Математическая обработка данных, предложенная Э. Богардусом, предполагала определение процентного соотношения ответов испытуемых по всем семи критериям. Для сравнения он предлагал оценить представителей неизвестного респондентам этноса — бромбиньенцев. Однако на Земле такого этноса не существует.

Авторы данной статьи разработали более сложную математическую обработку данных, что позволило дать психологическую интерпретацию полученных результатов. Каждому из предложенных критериев присваивался балл. Первый критерий (принятие как близких родственников посредством брака) оценивался как плюс 3 балла. Второй критерий (принятие как личных друзей) — как плюс 2 балла. Третий критерий (принятие как соседей) — как плюс 1 балл. Четвертый критерий (принятие как коллег по работе) — как 0 баллов. Пятый критерий (принятие как граждан моей страны) — как минус 1 балл. Шестой критерий (принятие только как туристов в моей стране) — как минус 2 балла. Седьмой критерий (предпочел бы не видеть в моей стране) — как минус 3 балла.

Шкала социальной дистанции дает возможность определить коэффициенты возможной и реальной социальной дистанции, а также коэффициент толерантности.

Коэффициент социальной дистанции отражает стремление к взаимодействию и интеграции или к автономии и обособлению от других этносов.

Возможная социальная дистанция ($СД_{в}$) рассчитывается по формуле

$$СД_{в} = \frac{n}{n-1},$$

где n — количество опрошенных людей.

Реальная социальная дистанция ($СД_{р}$) рассчитывается по формуле

$$СД_{р} = \frac{\sum(+)+\sum(-)}{3(n-1)}.$$

Если $СД_{р}$ положительная и $\geq 50\%$ от $СД_{в}$, то это свидетельствует о близкой социальной дистанции с людьми оцениваемого этноса, о стремлении респондентов к интеграции, близости, о толерантном отношении к ним, о чувстве безопасности. Если $СД_{р}$ положительная, но $\leq 50\%$ от $СД_{в}$, то это говорит о средней социальной дистанции, выраженной в автономности данного этноса, об отсутствии стремления к интеграции. Если же $СД_{р}$ отрицательная и $\geq 50\%$ от $СД_{в}$, то это показывает далекую социальную дистанцию, желание респондентов целиком обособиться от оцениваемого этноса, наличие межэтнической напряженности и стремление к самозащите. Отрицательная $СД_{р}$ свидетельствует о присутствии чувства опасности по отношению к оцениваемому этносу.

Коэффициент этнической толерантности (ЭТ) рассчитывается по формуле

$$ЭТ = \frac{S}{M},$$

где S — сумма индивидуальных оценок этносов, предложенных для оценки, M — количество оцененных этносов.

Полученный результат свидетельствует об общей склонности человека к этнической толерантности. Критерием отсчета выбран 0, то есть принятие представителей других национальностей как коллег по работе, стремление строить

с ними деловые отношения. Высокий показатель этнической толерантности показывает стремление респондента к сокращению дистанции по отношению к представителям оцениваемого этноса. Низкий показатель этнической толерантности свидетельствует о большой социальной дистанции, о нежелании человека строить личные и деловые отношения с представителями данного этноса. Крайне низкий показатель этнической толерантности отражает интолерантность данного человека, его общую этническую нетерпимость, наличие предрассудков и предрассудков по отношению к конкретному народу.

Этническая идентичность определяется как социальная дистанция по отношению к своему народу. Минимальная дистанция (оценки +3) свидетельствует о нормальной этнической идентичности. Максимальная дистанция (оценки –3) — о глубоких личностных проблемах, связанных с этнической идентичностью [Почебут 2007: 151—155].

Тест социальной дистанции является проективным, поскольку косвенным образом позволяет измерить направленность (позитивную или негативную) и глубину (длина социальной дистанции) отношений представителей одного этноса к другим.

ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ

С 2004 по 2017 г. было проведено специальное исследование динамики социальной дистанции для определения уровня толерантности студенческой молодежи Санкт-Петербурга.

Цель проекта заключалась в изучении величины и динамики социальной дистанции петербургской студенческой молодежи русской национальности по отношению к представителям различных этносов. Соответственно, в качестве *задачи исследования* коллектив проекта определил необходимость, во-первых, оценить величину социальной дистанции по отношению к народам, не входящим в состав Российской Федерации, во-вторых, выявить динамику социальной дистанции в зависимости от политических и экономических событий, происходящих в мире.

Предметом исследования послужила величина социальной дистанции между молодыми представителями русской национальности и народами, занимающими в современном мире значительные позиции. В качестве *объекта исследования* выступали 466 человек русской национальности, студентов Санкт-Петербургских вузов гуманитарного профиля.

Гипотезы исследования:

1. Тест социальной дистанции дает возможность измерить степень социальной дистанции представителей одной этнокультурной общности по отношению к другим. С помощью теста можно измерить не только величину социальной дистанции, но и уровень этнической толерантности и идентичности.

2. Минимальная социальная дистанция в отношении своей этнокультурной общности свидетельствует о нормальной этнической идентичности.

3. Студенческая молодежь Санкт-Петербурга русской национальности проявляет нормальную величину социальной дистанции.

4. Социальная дистанция русских молодых людей по отношению к славянским народам будет более близкой, чем к неславянским народам.

5. Социальная дистанция русских молодых людей по отношению к этносам Европы будет более близкой, чем к этносам Азии или Африки.

6. Социальная дистанция служит механизмом психологической защиты от агрессивных установок и действий представителей иной этнокультурной и социальной общности. Величина социальной дистанции изменяется под влиянием экономических и политических событий в мире. Люди психологически увеличивают длину социальной дистанции по отношению к обеим сторонам вооруженного конфликта, проявляя ассертивность. В ситуации террористического акта социальная дистанция также увеличивается.

Процедура исследования базировалась на оценке респондентами длины социальной дистанции по отношению к представителям разных национальностей. За время проведения исследования была изучена социальная дистанция по отношению к следующим народам: американцы, англичане, французы, немцы, итальянцы, испанцы, поляки, чехи, венгры, финны, болгары, сербы, косовские албанцы, греки, эстонцы, латыши, литовцы, белорусы, украинцы, молдаване, русские, азербайджанцы, грузины, армяне, осетины, ингуши, чеченцы, народы Дагестана, таджики, киргизы, казахи, узбеки, туркмены, чукчи, китайцы, японцы, индийцы, этносы Африки, арабы. В список предложенных для оценки национальностей были также включены некоторые народы Северного Кавказа в связи со сложной конфликтной ситуацией, сложившейся в этом регионе. В 2017 г. у респондентов спрашивали также об их отношении к жителям Северной Кореи, Сирии и Донбасса.

Результаты исследования. Высчитывались коэффициенты возможной социальной дистанции ($СД_v$) и реальной социальной дистанции ($СД_r$), которая в среднем составляет 50% от возможной. Соотношение $СД_v$ и $СД_r$ дает возможность оценить диапазон дистанции в зависимости от выбранного респондентами критерия (табл. 1). Сравнивались данные с 2004 по 2017 г.

Таблица 1 / Table 1

**Показатели социальной дистанции с 2004 по 2017 г. /
Indicators of social distance from 2004 to 2017**

Длина социальной дистанции / Length of social distance	Диапазон дистанции / Range of distance	Студенты 2004 г. / Students, 2004	Студенты 2009 г. / Students, 2009	Студенты 2012 г. / Students, 2012	Студенты 2017 г. / Students, 2017
Принятие как близких родственников / Acceptance as close relatives	+1,52 +0,76	Русские, французы, итальянцы / Russians, French, Italians	Русские, итальянцы, испанцы / Russians, Ital- ians, Spaniards	Русские / Russians	Русские / Russians
Принятие как друзей / Acceptance as friends	+0,75 +,046	Англичане, чехи, немцы, поляки, белорусы, японцы / English, Czechs, Germans, Poles, Belarusians, Japanese	Белорусы, украинцы / Belarusians, Ukrainians	Белорусы, украинцы, французы / Belarusians, Ukrainians, French	Американцы, французы, англичане, итальянцы, испанцы, чехи, немцы, белорусы / Americans, French, English, Italians, Spaniards, Czechs, Germans, Belarusians

Продолжение таблицы 1 / Table continuation

Длина социальной дистанции / Length of social distance	Диапазон дистанции / Range of distance	Студенты 2004 г. / Students, 2004	Студенты 2009 г. / Students, 2009	Студенты 2012 г. / Students, 2012	Студенты 2017 г. / Students, 2017
Принятие как соседей, живущих на той же улице, в том же городе / Acceptance as neighbors living on the same street in the same city	+0,45 +0,16	Украинцы, сербы, американцы / Ukrainians, Serbs, Americans	Англичане, шведы, французы, греки, финны / English, Swedes, French, Greeks, Finns	Англичане, немцы, итальянцы, чехи, болгары, американцы, эстонцы, латыши, литовцы / English, Germans, Italians, Czechs, Bulgarians, Americans, Estonians, Latvians, Lithuanians	Поляки, болгары, венгры, латыши, эстонцы, литовцы, японцы, армяне, украинцы, казахи, грузины / Poles, Bulgarians, Hungarians, Latvians, Estonians, Lithuanians, Japanese, Armenians, Ukrainians, Kazakhs, Georgians
Принятие как коллег по работе / Acceptance as a co-worker	+0,15 -0,15	Китайцы, армяне, казахи, таджики, туркмены, узбеки, киргизы, чукчи, косовские албанцы, литовцы, эстонцы, латыши, осетины, этносы Африки, грузины, индийцы / Chinese, Armenians, Kazakhs, Tajiks, Turkmens, Uzbeks, Kirghiz, Chukchi, Kosovo Albanians, Lithuanians, Estonians, Latvians, Ossetians, African ethnoses, Georgians, Indians	Болгары, поляки, чехи, норвежцы, венгры, японцы / Bulgarians, Poles, Czechs, Norse, Hungarians, Japanese	Поляки, венгры, сербы, косовские албанцы, грузины, армяне, китайцы, японцы, чукчи, арабы, этносы Африки / Poles, Hungarians, Serbs, Kosovo Albanians, Georgians, Armenians, Chinese, Japanese, Chukchi, Arabs, African ethnoses	Молдаване, индийцы, жители Донбасса, арабы, китайцы, осетины, жители Северной Кореи / Moldovans, Indians, residents of Donbass, Arabs, Chinese, Ossetians, North Koreans

Окончание таблицы 1 / End of the table 1

Длина социальной дистанции / Length of social distance	Диапазон дистанции / Range of distance	Студенты 2004 г. / Students, 2004	Студенты 2009 г. / Students, 2009	Студенты 2012 г. / Students, 2012	Студенты 2017 г. / Students, 2017
Принятие как граждан моей страны / Acceptance as citizens of my country	-0,16 -0,45	Азербайджанцы, арабы, чеченцы / Azerbaijanis, Arabs, Chechens	Немцы, армяне, литовцы / Germans, Armenians, Lithuanians	Этносы Средней Азии, азербайджанцы / Ethnoses of Central Asia, Azerbaijanis	Сирийцы, таджики, туркмены, узбеки, киргизы, народы Дагестана, чеченцы / The Syrians, Tajiks, Turkmens, Uzbeks, Kirghiz, the peoples of Dagestan, Chechens
Принятие только как туристов в моей стране / Acceptance only as tourists in my country	-0,46 -0,75	Не отметили никого / Did not mark anyone	Грузины, латыши, этносы Африки / Georgians, Latvians, African ethnoses	Чеченцы / Chechens	Не отметили никого / Did not mark anyone
Предпочел бы не видеть в моей стране / Would prefer not to see in my country	-0,76 -1,52	Не отметили никого / Did not mark anyone	Эстонцы, американцы, китайцы, молдаване, казахи, туркмены, осетины, таджики, чеченцы, цыгане, ингуши, киргизы, узбеки, азербайджанцы / The Estonians, Americans, Chinese, Moldovans, Kazakhs, Turkmens, Ossetians, Tajiks, Chechens, Gypsies, Ingush, Kirghiz, Uzbeks, Azerbaijanis	Не отметили никого / Did not mark anyone	Не отметили никого / Did not mark anyone

Показатели реальной социальной дистанции в 2000, 2004, 2012 и 2017 гг. свидетельствуют об отсутствии у опрошенных респондентов стремления к интеграции с другими этносами, однако социальная дистанция показывает положительное отношение к другим народам.

Показатели реальной социальной дистанции в 2009 г. оказались отрицательными. Это свидетельствовало о проявлении чувства опасности, что выразилось в стремлении опрошенных представителей молодежи к обособлению от других народов, о тенденции к межэтнической напряженности и самозащите. Однако эти стремления были преодолены, и в последние годы наблюдается тенденция к сокращению дистанции с другими народами.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

Анализируя результаты исследования, будет рассмотрена величина социальной дистанции по отношению к разным народам мира и ее динамика в разные годы. Вначале мы обсудим результаты динамики, затем изучим влияние террористических актов на величину социальной дистанции.

Средние показатели социальной дистанции по выборке в 2004 г. составляли плюс 0,051. Этот показатель свидетельствовал о нормальной дистанции, о принятии представителей других народов в качестве коллег по работе, стремлении строить с ними деловые отношения, вести совместный бизнес, вступать переговоры и т.д.

Средние показатели социальной дистанции по выборке в 2009 г. составляли минус 0,37. Этот показатель выявил увеличение социальной дистанции по отношению к представителям других стран. Нам представляется, что такое увеличение во многом связано с началом мирового финансового кризиса. Соответственно, студенты психологически отгораживались от других стран в надежде, что кризис затронет их в наименьшей степени.

Из данных, представленных в табл. 1, видно, что студенты в 2004 г. не включили ни одного народа в категорию «туристы» или в категорию «предпочел бы не видеть в моей стране». Студенты в 2009 г. представителей 17 этносов отнесли к этим категориям.

Средние показатели социальной дистанции по выборке в 2012 г. составили плюс 0,87. Это свидетельствует о сокращении социальной дистанции с другими народами среди студенческой молодежи Санкт-Петербурга, преодолении чувства опасности и страха.

Средние показатели социальной дистанции по выборке 2017 г. составили плюс 0,92. Данные в целом показывают положительную тенденцию в динамике величины социальной дистанции у студенческой молодежи.

Перейдем к анализу результатов влияния террористических актов на величину социальной дистанции.

В научной литературе социальная дистанция по отношению к другим этносам понимается как механизм психологической защиты своей общности для сохране-

ния собственной этнической идентичности. К. Клакхон задумывался над вопросом: существует ли склонность человека дистанцироваться от других людей, отличающихся по физическим или социальным признакам, является ли эта склонность врожденной или социально приобретенной? [Kluckhohn 1949]. Ответ на этот вопрос необходимо искать в анализе реакций людей на происходящие события. Н.М. Лебедева отмечает, что чем более далекой, непохожей на свою собственную культуру воспринимается культура иных этносов, тем сильнее действуют механизмы психологической защиты, тем более далекой становится социальная дистанция [Лебедева 1997].

В определении длины социальной дистанции большую роль играют социальные, политические и экономические события в мире.

Нами было установлено, что экономические кризисы влияют на психологическое восприятие людьми величины социальной дистанции. Террористическая угроза также значительно увеличивает социальную дистанцию как по отношению к террористам, так и по отношению к жертвам террора. Люди психологически защищаются, увеличивая дистанцию. При этом они могут испытывать сочувствие и скорбь в отношении жертв, гнев и негодование в отношении людей, совершивших террористический акт, однако социальная дистанция как механизм психологической защиты неизменно увеличивается.

Наши исследования в сентябре 2004 г. во время трагических событий, связанных с захватом заложников террористами в г. Беслане (Северная Осетия), подтверждают эти выводы. Студенты гуманитарных факультетов СПбГУ (количество испытуемых 40 человек) заполняли тест Богардуса дважды. В первом случае измерялась длина социальной дистанции по отношению к разным народам мира, в том числе к представителям этносов, подозреваемых в совершении террористического акта, — чеченцам и ингушам, а также к жертвам этого чудовищного злодеяния — осетинам. Представителей данных народов респонденты отнесли в категорию «предпочел бы не видеть в моей стране».

Через два дня были проведены социально-психологические эксперименты. Респонденты были разделены на две группы.

В первой группе экспериментатор проводил дискуссию о проблемах, причинах и факторах современного терроризма. Участники дискуссии активно обсуждали трагические события в г. Беслане, анализировали действия террористов, их требования, поведение. Они также обсуждали поступки и состояние заложников, их родственников. В ходе дискуссии студенты предлагали различные способы психологической помощи пострадавшим, пережившим сильнейший эмоциональный стресс. Обсуждались также способы борьбы с терроризмом, приемы ведения переговоров с ними.

Во второй группе экспериментатор в авторитарной манере рассказал о ситуации в Беслане, не предоставил членам группы возможность обсудить причины и психологические последствия терроризма, способы психологической защиты. В группе создавалась атмосфера запугивания возможными террористическими актами в будущем.

Затем студентам каждой группы вновь было предложено заполнить тест Богардуса. Средние показатели социальной дистанции были ближе, чем при первом опросе, и, соответственно, ближе, чем во второй группе. Средние показатели социальной дистанции во второй группе студентов, в которой информация о террористическом акте была представлена в авторитарной форме, а дискуссия и вопросы пресекались экспериментатором, значительно увеличились. При этом студенты сделали вывод: «Нам объявлена война!» [Безносов, Почебут 2007].

Таким образом, результаты эксперимента показали, что форма и содержание получаемой информации существенно влияют на формирование защитных механизмов, что выражается в увеличении социальной дистанции по отношению к этнокультурным общностям, члены которых совершают террористические акты.

Сравнительный анализ оценок социальной дистанции студентов за 2004 и 2017 гг. позволяет сделать следующие выводы:

1. Опрошенные в 2004 г. студенты русской национальности осознавали себя как самостоятельный этнос. Они выражали готовность строить партнерские отношения фактически с представителями любого народа, проявляли стремление и готовность к деловому сотрудничеству с другими народами.

2. Опрошенные в 2009 г. студенты русской национальности осознавали себя как автономный этнос, проявляли некоторое стремление к обособлению от других, не выражали устойчивого стремления к деловому партнерству и сотрудничеству. Отказ от общения и делового сотрудничества они выразили в отношении 17 из 35 предложенных для оценки этносов. Полученные данные могут свидетельствовать о появлении чувства опасности и наличии тенденции к межэтнической напряженности.

3. Опрошенные в 2012 г. студенты русской национальности осознавали себя как русские, как самостоятельный этнос, то есть имели высокую этническую идентичность. Респонденты проявляли готовность строить личные и деловые отношения со всеми 26 этносами, предложенными для оценки. Тенденция межэтнической напряженности, выражающаяся в актуализации чувства опасности и увеличении социальной дистанции, в сознании студенческой молодежи была преодолена.

4. Опрошенные в 2017 г. осознают себя как самостоятельный этнос, проявляют низкую социальную дистанцию и готовность к деловым и личным контактам с представителями практически всех народов, предложенных для оценки по шкале Богардуса. В этническом сознании студенческой молодежи не представлены народы, которых они поместили бы в категории «принятие только как туристов в моей стране» и «предпочел бы не видеть в моей стране». В настоящее время тенденция к межэтническому сотрудничеству оказалась устойчивой и положительно направленной.

5. Социальная дистанция студентов по отношению к братским славянским народам (украинцам и белорусам) короче, чем к представителям других народов.

Славянское братство в восприятии студенческой молодежи до последнего времени сохраняло свою силу и сплоченность. Однако следует заметить, что в 2017 г. украинцы попали в категорию «принятие как соседей», то есть социальная дистанция увеличилась. Вероятно, это связано с политическими событиями, происходящими на Украине. При этом в основном русские жители Донбасса оказались в категории «принятие как коллег по работе». То есть студенты Санкт-Петербурга готовы строить с гражданами Украины и жителями Донбасса деловые отношения, не выстраивая личных дружеских отношений. Полученные данные также свидетельствуют о влиянии политических событий, особенно военных действий на величину социальной дистанции. Люди психологически защищаются, отодвигая дистанцию по отношению к стране, в которой происходит военный конфликт или гражданская война. Социальная дистанция по отношению к белорусам сохраняет свою стабильность на протяжении последних лет, что, безусловно, вселяет оптимизм. Однако славянское братство находится под угрозой, поскольку психологическое восприятие украинцев как братьев и друзей исчезает из сознания молодежи.

6. Социальная дистанция студентов по отношению к европейским этносам в целом ближе, чем к этносам Азии и Африки. Это свидетельствует об устойчивой ориентации опрошенных студентов на европейскую культуру.

7. Неожиданными оказались результаты измерения социальной дистанции по отношению к американцам. Данные показывают нестабильное отношение к жителям США. В 2004 и 2012 гг. американцы, как и большинство европейских народов, входили в категорию «принятие как соседей». В 2009 г. студенческая молодежь выразила желание «не видеть американцев даже среди туристов в своей стране», резко увеличив социальную дистанцию до максимальной. Однако в 2017 г. студенты отнесли американцев в категорию «принятие как друзей», несмотря на введенные санкции и прочие недружественные действия в отношении России. Мы объясняем подобные результаты не только отсутствием интереса к политическим событиям у большей части современной российской молодежи, но и в огромной степени влиянием современной системы образования, ориентированной, прежде всего, на англоязычную литературу и доминирование американских концепций в гуманитарных науках. Студенческая молодежь Санкт-Петербурга сдержанно реагирует на введение санкций со стороны США и европейских стран, выражая надежду на оптимизацию отношений между странами. Современная молодежь скорее ориентирована на сильное в экономическом и политическом плане государство, сохраняя в то же время позитивную этническую идентичность.

8. К этносам Северного Кавказа и Средней Азии респонденты проявляют большую величину социальной дистанции. Эти данные можно объяснить тем, что именно эти регионы являются основными источниками миграции в Санкт-Петербург. У жителей города вполне резонно психологически возникает чувство напряженности в отношении представителей этих народов, поскольку до сих пор сохраняется нестабильность ситуации в Дагестане и странах Азии, граничащих с центральноазиатскими государствами. Террористический акт, совершенный 3 апреля 2017 г. в петербургском метро выходцем из Средней Азии, подтверждает эти опасения и вызывает чувство недоверия. Студенты, опрошенные в 2017 г., в целом

проявили более близкую социальную дистанцию к этносам Азии по сравнению со студентами, обучающимися в Санкт-Петербурге ранее. Однако сирийцы, народы Средней Азии и Дагестана стабильно попадают в категорию «принятие как граждан моей страны», что свидетельствует о гражданской ответственности студентов, но в то же время о довольно большой величине социальной дистанции.

9. Социальная дистанция проявляется как механизм психологической защиты от агрессивных установок и действий иной этнокультурной общности. Этот вывод подтверждают результаты сопоставления социальной и политической ситуации в разных странах мира, а также результаты проведенных нами экспериментов.

10. В целом можно резонно подтвердить, что динамика социальной дистанции представляет собой одно из проявлений ассертивности. Увеличение социальной дистанции — это механизм защитной психологической реакции людей на возможные угрозы. Подобное поведение людей в психологическом плане вполне оправданно и предсказуемо.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Безносков Д.С., Почебут Л.Г.* Психология толпы и терроризм. М.: ЦОКР МВД России, 2007.
- Берри Д.В.* Как мы будем жить вместе? Альтернативное видение межкультурных отношений // Кросс-культурная психология. Актуальные проблемы / под ред. Л.Г. Почебут, И.А. Шмелевой. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 6—26.
- Вердербер Р., Вердербер К.* Общение. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
- Лебедева Н.М.* Новая русская диаспора. М.: Институт этнологии и антропологии, 1997.
- Нельсон Т.* Психология предубеждений. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
- Почебут Л.Г.* Взаимопонимание культур. Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности. СПб.: СПбГУ, 2007.
- Почебут Л.Г.* Кросс-культурная и этническая психология. СПб.: Питер, 2012.
- Почебут Л.Г.* Психология социальных общностей. СПб.: СПбГУ, 2005.
- Почебут Л.Г.* Социальная психология. СПб.: Питер, 2017.
- Почебут Л.Г., Мейжис И.А.* Социальная психология. СПб.: Питер, 2010.
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2003.
- Alberti R.E. & Emmons M.L.* Your perfect right: A guide to assertive living. San Luis Obispo, CA: Impact, 1995.
- Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H. & Dasen P.R.* Cross-Cultural Psychology. Research and Applications. 2nd ed. New York, NY, US: Cambridge University Press, 2002.
- Bogardus E.S.* Fundamentals of Social Psychology. New York: Century, 1924.
- Bogardus E.S.* Social Distance Scale // Sociology and social research. 1933. Vol. 17. P. 265—271.
- Klineberg O.* Social psychology. New York: Henry Holt & Company, 1954.
- Kluckhohn C.* Mirror for man: The Relation of Anthropology to Modern Life. New York; Toronto: McGraw-Hill Inc., 1949.
- Lippmann W.* Public opinion. New York: Harcourt Brace, 1922.

Дата поступления статьи: 15.11.2017

Для цитирования: Почебут Л.Г., Безносков Д.С. Психология восприятия социальной дистанции в отношении разных стран: взгляд из России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 66—84. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-66-84.

Сведения об авторах: *Почебут Людмила Георгиевна* — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: ludmila.pochebut@gmail.com).

Безносов Дмитрий Сергеевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы (e-mail: don_bizon@inbox.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-66-84

PERCEPTION PSYCHOLOGY ON SOCIAL DISTANCE TO DIFFERENT COUNTRIES: RUSSIAN VIEW

L.G. Pochebut¹, D.S. Beznosov²

¹Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

²Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Intercultural communication in the modern world is becoming more intense, expanding psychological perception that people have about other peoples and their cultures. This article discusses the psychological characteristics of perception of the students of St. Petersburg social distance to different peoples of the world. The article emphasizes the difficulties of perception and inter-cultural interaction depending on the stereotypes of perception and causal attribution errors and discrimination. Authors state that assertiveness as the ability to protect their rights and interests is evident in the increasing social distance and is a constructive way of protection. The goal of the present empirical research is to study the amount of social distance students of Russian nationality in relation to the representatives of the different ethnic groups of the world. Objectives of the study were to assess the magnitude of social distance in relation to populations that are not part of the Russian Federation; and in determining the dynamics of social distance, depending on political and economic world trends. Method of research is the social distance scale of E. Bogardus.

Based on the results of empirical research, the following conclusions were made. The value of social distance students of Russian nationality shows their normal ethnic identity and positive attitude to the different people of the world. Interviewed students realize themselves as a separate ethnic group, have the desire and willingness to cooperate with other peoples. Social distance in relation to European populations is in general closer than to Asian and African ethnicities.

Social distance of the students towards the brotherly Slavic peoples (Ukrainians and Belarusians) is closer than to the representatives of other nations, but students are ready to build friendships and business relationships with the Belarusians, as for the citizens of Ukraine and the residents of Donbass they have shown interest in recent years only in business relations. This represents a slight increase in the length of social distance in relation to Ukrainians. People push social distance towards the residents of the country, where a civil war is, psychologically protect, try to be emotionally away from military conflict. Authors conclude that this is a normal psychological reaction. In a situation of a terrorist act, the value of social distance toward terrorists and their victims also sharply increases.

Key words: Russia, psychology of perception, the difficulties of intercultural communication, stereotypes, prejudice, discrimination, ethnocentrism, assertiveness, social distance

REFERENCES

- Alberti, R.E. & Emmons, M.L. (1995). *Your perfect right: A guide to assertive living*. San Luis Obispo, CA: Impact.
- Berry, J.W., Poortinga, Y.H., Segall, M.H. & Dasen, P.R. (2002). *Cross-Cultural Psychology. Research and Applications*. 2nd ed. New York, NY, US: Cambridge University Press.
- Beznosov, D.S. & Pochebut, L.G. (2007). *Psychology of the crowd and terrorism*. Moscow: TsOKR MVD Rossii. (In Russ.).
- Bogardus, E.S. (1924). *Fundamentals of Social Psychology*. New York: Century.
- Bogardus, E.S. (1933). Social Distance Scale. *Sociology and social research*, 17, 265—271.
- Klineberg, O. (1954). *Social psychology*. New York: Henry Holt & Company.
- Kluckhohn, C. (1949). *Mirror for man: The Relation of Anthropology to Modern Life*. New York; Toronto: McGraw-Hill Inc.
- Lippmann, W. (1922). *Public opinion*. New York: Harcourt Brace.
- Berri, D.V. (2005). How will we live together? Alternative vision of intercultural relations. In: *Cross-cultural psychology. Actual problems*. Ed. by L.G. Pochebut, I.A. Shmelevoi. Saint Petersburg: SPbGU, p. 6—26. (In Russ.).
- Lebedeva, N.M. (1997). *The new Russian diaspora*. Moscow: Institut etnologii i antropologii. (In Russ.).
- Nel'son, T. (2003). *Psychology of prejudice*. Saint Petersburg: Praim-EVROZNAK. (In Russ.).
- Pochebut, L.G. (2007). *Mutual understanding of cultures. Methodology and methods of ethnic and cross-cultural psychology. Psychology of interethnic tolerance*. Saint Petersburg: SPbGU. (In Russ.).
- Pochebut, L.G. (2012). *Cross-cultural and ethnic psychology*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Pochebut, L.G. (2005). *Psychology of social communities*. Saint Petersburg: SPbGU. (In Russ.).
- Pochebut, L.G. (2017). *Social Psychology*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Pochebut, L.G. & Meizhis, I.A. (2010). *Social Psychology*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Stefanenko, T.G. (2003). *Ethnopsychology*. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.).
- Verderber, R., Verderber, K. (2003). *Communication*. Saint Petersburg: Praim-EVROZNAK. (In Russ.).

Received: 15.11.2017

For citations: Pochebut, L.G. & Beznosov, D.S. (2018). Perception psychology on social distance to different countries: Russian view. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (1), 66—84. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-66-84.

About the authors: *Pochebut Ludmila Georgievna* — Doctor of Psychology, Professor of the Department of Social Psychology of Saint Petersburg State University (e-mail: ludmila.pochebut@gmail.com).
Beznosov Dmitri Sergeevich — PhD in Psychology, the Senior Lecturer of the Faculty of General Psychology of Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (e-mail: don_bizon@inbox.ru).

© Почебут Л.Г., Безносков Д.С., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-85-95

КОАЛИЦИОННЫЕ МОДЕЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (на примере БРИКС)

Ф.И. Шарков, А.В. Понеделков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
Москва, Российская Федерация

В статье анализируются особенности международных коммуникаций в контексте механизмов глобального управления. В первой части статьи обосновывается тезис о постепенном превращении транснациональных коммуникационных сетей в важный инструмент глобального управления. Глобальную коммуникацию авторы определяют и как коммуникационный процесс, и как коммуникационную систему.

Описывается процесс формирования информационно-коммуникационной модели в глобальном управлении, в которой функции информационных и коммуникационных механизмов глобального управления, прежде всего, связаны с разработкой правил, регулирующих основные сферы международного взаимодействия (обмена информацией) государственных и негосударственных субъектов мировой политики и экономики.

Рассматривается сотрудничество группы крупнейших стран БРИКС в сфере использования информационно-коммуникационных моделей в глобальном управлении. Приводятся форматы диверсификации коммуникационного потенциала посредством расширения диалога в формате форумов, саммитов, регулярных встреч представителей разных направлений. Рассматривается информационно-коммуникационная деятельность в рамках экспертной и рабочих групп по вопросам сотрудничества в области информационно-коммуникационных технологий, международной информационной безопасности. Делается вывод о необходимости формирования общей информационной площадки для развития взаимодействия стран БРИКС в общественно-политической, экономической, научной, культурной, молодежной сферах, а также укрепления трансграничной системы реагирования на угрозы информационной безопасности.

Ключевые слова: глобальные коммуникации, глобальность проблем коммуникации, глобальное управление, управление глобальными процессами, глобальная мобильность, БРИКС

ОСОБЕННОСТИ ГЛОБАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

В последнее десятилетие активно продуцируемые новые и конвергентные медиа становятся одним из основных источников формирования глобальных коммуникаций [Levitt 1983]. К основным признакам перехода коммуникаций на глобальный уровень относятся: 1) множественность форм коммуникаций и трансляции информации; 2) расширяющийся доступ к медиаканалам, информационным источникам; 3) неравномерность доступа к информационным каналам (для мегаполисов характерна гиперконцентрация информационных сетей, для провинций, наименее развитых стран важнейшее средство коммуникации — радио); 4) мгновенность доступа к информации из любой точки мира; 5) централизация радио-

и телекоммуникации; 6) повышающаяся интерактивность; 7) повышающаяся компьютеризация; 8) большое количество программ и каналов, рассчитанных на высокоспециализированную аудиторию; 9) малоконтролируемый характер; 10) все больше людей создают свой контент; 11) рост социальных медиа¹. При этом одним из основных императивов, который закладывается в модели информационно-коммуникационных систем, является моральный императив [Шаповалов 2010].

Хотя понятие «глобальные коммуникации» на первый взгляд не должно вызывать различные толкования, оно все еще интерпретируется по-разному. Прежде всего, это связано с тем, что научно-понятийный аппарат, позволяющий осмыслить проблемы всеобъемлющей глобальной коммуникации, отсутствовал вплоть до середины XX в. Ряд авторов полагают, что к глобальной коммуникации следует отнести лишь коммуникации, охватывающие почти все человечество: «глобальная коммуникация» — это «коммуникация, охватывающая большую часть человечества (например, Интернет)»².

Едва ли можно возразить сентенции, что глобальные коммуникации охватывают большую часть человечества, что она появилась именно благодаря созданию Интернета. Но все же в самом определении вызывает некоторое недоумение подача в качестве примера такой коммуникации Интернета. Ведь «всемирная паутина» не есть сама коммуникация, а система глобальной коммуникации, т.е. средство осуществления коммуникации в глобальном пространстве. Вот еще одно определение: «Очевидно, что к глобальным коммуникациям должен быть отнесен в первую очередь Интернет. Возрастающее значение Интернета, разнообразных компьютерных и информационных технологий как одной из важнейших составляющих нынешней ситуации уже общепризнано и необратимо»³. Здесь также, скорее всего, автор желал отнести Интернет не к глобальным коммуникациям, а к средству осуществления коммуникации глобального масштаба, к одной из систем глобальной коммуникации.

Американский профессор М. Техраниан отмечает, что: «глобальная коммуникация — это термин, используемый для описания различных способов коммуникации в географических, политических, экономических, социальных и культурных сферах» [Tehraniyan 1999]. Едва ли данное толкование можно отнести к определению данного термина. «Глобальная коммуникация» не только термин, описывающий способы коммуникации в различных сферах, и не просто способность обеспечить доступ к информации, а *множественная совокупность взаимодействий, осуществляемых в мировом медианпространстве и охватывающих большую часть цивилизации. Глобальная коммуникация также представляет собой соци-*

¹ Виды, формы и модели коммуникации. Определение и признаки массовой коммуникации. URL: <http://lektcii.com/2-29865.html> (дата обращения: 14.08.2017).

² Глоссарий. URL: <http://evartist.narod.ru/text10/27.htm> (дата обращения: 14.08.2017); Национальная экономическая энциклопедия. URL: <http://vocabulary.ru/termin/globalnaja-kommunikacija.html> (дата обращения: 14.08.2017).

³ Глобальные коммуникации и сознание. URL: <http://forum.filosofia.ru/threads/globalnye-kommunikacii-i-soznanie.3264> (дата обращения: 14.08.2017).

етальную систему, в которой осуществляются объемные взаимосвязи огромного количества субъектов. Иначе, глобальную коммуникацию можно рассматривать и как коммуникационный процесс, и как коммуникационную систему, функционирующие в глобальном медиапространстве. При этом важно четко обозначать, что описывается автором — процесс или система.

Наиболее правильно, по мнению авторов данной статьи, соотношение понятий «глобальная коммуникация» и «система глобальной коммуникации» определяется в следующей трактовке: «Глобальная коммуникация связана с процессами глобализации, с появлением новых технических средств передачи информации. Это коммуникация, охватывающая огромную часть человечества в трансграничных масштабах по всему миру. Одной из систем глобальной коммуникации выступает Интернет» [Гнатюк 2013: 65].

Границы национальных медиапространств в условиях глобализации становятся размытыми. Коммуникационное пространство практически каждого из развитых государств, которые обладают мощной информационно-коммуникационной инфраструктурой, становится экстерриториальным, носящим глобально-сетевой характер. Мировая сеть обеспечивает доступ представителей различных культур к голосовой, визуальной, письменной информации, одновременно предоставляя возможность пополнять сеть актуальными сведениями.

Глобальная мобильность и интенсивность информационно-коммуникационных процессов, протекающих в глобальном мире, вовсе не исключают, а, наоборот, усугубляют проблему взаимоотношений между представителями различных культур и стран. Проблема сохранения социокультурной идентичности требует выработки новых механизмов межкультурного взаимодействия [Глобальное управление в XXI веке... 2013; Шарков 2009].

КОММУНИКАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Процесс глобализации сегодня охватил все сферы деятельности человечества. Информационно-коммуникационные модели управления приняли глобальный характер. «Глобализация умножила информационные потоки между странами и ускорила обмен опытом, в том числе и в сфере управления. В теории и практике современного управления многие новые понятия и категории получили признание как универсальные черты эффективного управления и залог его успеха» [Попов, Гришина 2017: 22].

Т. Вайсс и Р. Такур определяют глобальное управление как коллективные усилия с целью обнаружения, дальнейшего изучения или решения мировых проблем, выходящих за рамки возможностей их решения на государственном уровне: «Глобальное управление — это комплекс формальных и неформальных институтов, механизмов, отношений и процессов, существующих между и распространяющихся на государства, рынки, отдельных граждан и организации, как межправительственные, так и неправительственные, посредством которых на глобальном уровне определяются коллективные интересы, устанавливаются права и обязанности, разрешаются споры» [Weiss, Thakur 2003].

Сам термин «глобальное управление», используемый в такой «мягкой модели» коммуникационного управления, не тождественен пониманию глобального управления конкретными глобализационными процессами как совокупность действий прикладного характера. «*Governance* как явление принципиально отличается от управления. Последнее в строгом смысле не существует сегодня в международной жизни, отдельные сферы которой регулируются, но не управляются. Фактически *governance* — самый первый шаг от политики к функциональному и в длительной перспективе администрируемому формированию международной жизни. *Global governance* не является „глобальным управлением“: оно и *есть практическая политическая глобализация* на современном этапе мирового развития» [Глобальное управление... 2015: 59].

При всей схожести, на первый взгляд, отмеченных определений авторов, рассматривающих «глобальное управление» и «управление глобальными процессами», отметим принципиальное расхождение между ними. *Управление глобальными процессами* может рассматриваться как совокупность управленческих действий, направленных на изменение вектора, скорости протекания тех или иных глобальных процессов. *Глобальное же управление* — это комплекс управленческих действий и отношений, осуществляемых в рамках различных социальных институтов и процессов на глобальном уровне и направленных на реализацию интересов не отдельных личностей, а всего сообщества. В мировой практике такое управление охватывает три уровня.

Все три уровня глобального управления, которые традиционно выделяют исследователи данного направления, в качестве основного управленческого механизма выделяют коммуникационную компоненту. Рассмотрим эти уровни: 1) национально-государственный; 2) надгосударственных объединений и организаций; 3) мировое правительство. Первый уровень представляет собой государство или группу государств, влияющих на локальный уровень мирового порядка посредством межгосударственных договоров и правовых норм. На уровне надгосударственных объединений и организаций (ООН, Совет Европы, НАФТА, АСЕАН, ШОС, БРИКС и т.д.) посредством информационно-коммуникационного обмена ведется интеграционная работа среди членов мирового сообщества. Третий уровень — это уровень мирового правительства, функционирующий на некоем виртуальном уровне в большей мере в латентной форме [Глобальное социальное прогнозирование...].

КОАЛИЦИОННЫЕ МОДЕЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

В последние годы в связи с изменением функций управления глобальными процессами требуется заново осмыслить проблемы формирования масштабного коммуникационного управления. После распада социалистического лагеря мир стал склоняться к однополярной модели с попыткой управлять международными процессами из единого центра — США. Однако любая однополярная модель коммуникативного управления является неустойчивой. Новые модели глобального управления, связанные с изменением его функций, прежде всего формируются

на основе правил, регулирующих основные сферы международного взаимодействия (обмена информацией) государственных и негосударственных субъектов мировой политики и экономики. В литературе описываются различные типы таких механизмов [Nuscheler 2002; Афонцев 2010; Барабанов 2009].

Важной международной площадкой формирования и развития информационно-коммуникационных моделей глобального масштаба является ООН. Под ее эгидой следует управлять информационно-коммуникационными процессами, используя наработанные средства, международные правовые и социальные нормы, включая концепцию «мягкой силы», доминанты толерантности, сотрудничества и права. Это можно реализовать путем создания и целенаправленного воздействия на элементы глобальных информационно-коммуникационных моделей:

— создание информационно-аналитических и глобально-коммуникационных сетей на локальном, региональном и глобальном межгосударственном уровне под патронажем ООН, ЮНЕСКО, ОБСЕ, ШОС, БРИКС и т.д.;

— проведение перманентного мониторинга новейших видов вооружений и военных разработок, способных повлиять на глобальные процессы;

— создание международно-правовой базы информационно-коммуникационного сопровождения глобальных процессов, затрагивающих интересы всех стран («правильные коммуникации — это те коммуникации, которые не ущемляют интересы всех коммуникантов»).

Однако единого центра управления мировыми коммуникациями нет и не может быть. Едва ли все глобальные информационно-коммуникационные модели, вольно или невольно формирующиеся в рамках «Global governance», могут замыкаться собственно в структуре ООН. Глобальная коммуникация осуществляется в сетевой системе, и в ней происходит самосегментация сфер коммуникационного доминирования.

Коалиционные союзы («Группа семи», «Группа двадцати» и др.) пытаются создать свои центры информационно-коммуникационного влияния на глобальные политические, экономические, социокультурные процессы и формируют свои информационно-коммуникационные модели, как правило, временного характера. Коммуникации в этих «центрах влияния» часто сводятся лишь к использованию технических систем взаимодействия между элементами внутрикоалиционной модели коммуникации.

«Большим риском для глобализации является стремление создать новую экономическую и финансовую глобальную империю, перевести мировую историю на рельсы политики с позиции силы. Это делается в условиях, когда противостоявший атлантистам центр влияния, а им был Советский Союз, разрушен. Его место может занять, если будет достаточно сплоченной, влиятельная группа государств, например, БРИКС. Последняя — носитель идеологии социального согласия, политического развития и человеческой толерантности. В международных делах эта коалиция государств постепенно набирает вес» [Громыко 2013: 18].

Создание таких коалиционных систем «на основе общности важных интересов развития и обеспечения безопасности, а также сохранения своей цивилиза-

ционной и этнической идентичности есть ответ развивающихся стран на вызовы кризиса, вызовы политики военного, экономического и культурного диктата со стороны крупных высокоразвитых стран» [Толорая, Чуков 2016: 98].

Коалиционные союзы (клубный формат многосторонней дипломатии) характеризуются тем, что в них информационно-коммуникационная составляющая глобального управления превалирует по сравнению с моделями «более жестких» союзов. Наиболее рельефно проявляется данное отличие в информационно-коммуникационной модели БРИКС. Скорее всего, это связано с тем, что связующим элементом в таком союзе, построенном на принципе «мягкого сотрудничества», является информационный обмен и систематические коммуникативные акты между различными уровнями межгосударственной системы.

КОММУНИКАЦИОННАЯ ПОВЕСТКА БРИКС

Исследователи международных организаций справедливо акцентируют внимание на экономическом сотрудничестве стран коалиции: «БРИКС как группа крупнейших стран с активно развивающейся экономикой сфокусирована на вопросах практического сотрудничества и конкретных мерах по стимулированию экономического восстановления, что отражается в большой доле обязательств в сфере торговли и инвестиций» [Ларионова, Рахмангулов, Шелепов 2016: 105]. Также необходимо отметить, что кроме координации вопросов торговли и экономики одним из главных направлений деятельности и ресурсов развития международных отношений является коммуникационный потенциал БРИКС. Диверсификация коммуникационного потенциала осуществляется в расширении диалога в формате форумов, саммитов, регулярных встреч министров разных направлений. Ведется работа в рамках экспертной и рабочих групп по вопросам сотрудничества в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), международной информационной безопасности. Посредством интерактивных информационно-коммуникационных технологий осуществляется работа виртуального секретариата БРИКС, который становится общей информационной площадкой взаимодействия для участников.

Россия в рамках концепции на период председательства в БРИКС в 2015—2016 гг. предложила комплекс мер, одной из которых является «выведение БРИКС на позиции коллективного лидера в мировом сообществе в вопросах укрепления международной информационной безопасности (МИБ), интернационализации управления сетью Интернет и выработки правил ответственного поведения государств в информационном пространстве»⁴. Речь идет о разработке на базе Рабочей группы экспертов БРИКС по безопасности в сфере использования ИКТ соответствующего межправительственного соглашения.

⁴ Концепция председательства Российской Федерации в межгосударственном объединении БРИКС в 2015—2016 гг. URL: http://brics2015.ru/russia_and_brics/20150301/15383.html (дата обращения: 14.08.2017).

Российская парадигма обеспечения международной информационной безопасности на основе государственного суверенитета в информационном пространстве и приоритета международного права над саморегулированием технического сообщества впервые с 1998 г. обрела действительно широкую международную поддержку в лице стран БРИКС⁵. Ими признается, что «использование и развитие ИКТ на основе международного сотрудничества и общепризнанных норм и принципов международного права имеют первостепенное значение для обеспечения мирного, безопасного и открытого цифрового и интернет-пространства». Меры уже рассматриваются не просто в области управления Интернетом, а в контексте проблематики международной информационной безопасности — в качестве неназываемой прямой, но недвусмысленной замены Будапештской конвенции (Конвенция Совета Европы «О киберпреступности» от 2001 г.). Это не просто итог коллективной рефлексии стран форума — задача по разработке универсальной конвенции по борьбе с киберпреступностью была четко поставлена в основополагающем российском документе в сфере МИБ, принятом в августе 2013 г.

РОЛЬ БРИКС В РАЗВИТИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В рамках реализации Форталезской декларации в октябре 2015 г. состоялась встреча министров телекоммуникаций и информационных технологий стран БРИКС. В Декларации Гоа также уделяется особое внимание сфере телекоммуникаций и информационно-коммуникационных технологий: «Рост злоупотреблений ИКТ в террористических целях представляет угрозу международному миру и безопасности. Мы подчеркиваем необходимость укрепления международного сотрудничества в борьбе с использованием ИКТ в преступных и террористических целях и подтверждаем общий подход к этой проблематике, зафиксированный в Этеквинской, Форталезской и Уфимской декларациях»⁶ (п. 66). Страны БРИКС также выступают за открытый, целостный, но безопасный Интернет как глобальный ресурс и подчеркивают важность участия всех государств на равноправной основе в его развитии и функционировании (п. 67)⁷.

На международной конференции «Медийно-информационная грамотность и формирование культуры открытого правительства», прошедшей в июне 2016 г. в столице Югры в рамках VIII Международного IT-Форума с участием стран БРИКС и ШОС, принята Ханты-Мансийская декларация⁸. Одной из главных тем проведенного заседания Делового совета БРИКС стало использование IT-технологий для расширения торгово-экономических связей «пятерки». Актуальность

⁵ Форталезская декларация. URL: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d4f1dd6741763252a8.pdf> (дата обращения: 16.07.2016).

⁶ Декларация Гоа. Официальный сайт президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5139/print> (дата обращения: 14.08.2017).

⁷ Там же.

⁸ Ханты-Мансийская декларация: новое слово в мировой политике. URL: <http://t-i.ru/article/new/7379> (дата обращения: 14.08.2017).

Ханты-Мансийской конференции обусловлена тем, что ее задачи органично вписываются в деятельность ООН по достижению Целей устойчивого развития на период до 2030 г., в частности цели по «построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечению доступа к правосудию для всех и созданию эффективных, подотчетных учреждений на всех уровнях»⁹. В ходе конференции участникам удалось согласовать позиции относительно принципов функционирования открытого правительства. Примечательно, что международный IT-форум с участием стран БРИКС и ШОС в Ханты-Мансийске стал ежегодным.

С решениями Ханты-Мансийской конференции согласовался и пакет документов о взаимодействии в области развития информационного пространства, подписанный 25 июня 2016 г. в Пекине лидерами России и Китая. Стороны договорились о сотрудничестве в сфере реагирования на угрозы информационной безопасности, а также об обмене информацией о подобных угрозах. В условиях отсутствия международного законодательства, регламентирующего управление пространством «всемирной паутины» и борьбу с киберпреступностью, российско-китайские соглашения позволят государствам сообща обеспечивать работоспособность национальных сегментов сети Интернет вне зависимости от потенциальных внешних воздействий¹⁰.

США и страны Западной Европы стремятся сохранить доминирующие позиции в мировом информационно-коммуникационном пространстве. Однако они неизбежно сталкиваются с растущим влиянием стран с развивающимися рынками, которые разрушают претензии какой-либо отдельной страны на глобальную информационно-коммуникационную монополию. В контексте механизмов глобального управления встает вопрос формирования собственной значимой медийной повестки дня для стран БРИКС. Вместе с тем далеко не во всех вопросах позиции других стран БРИКС совпадают с российскими, существующие разногласия ограничивают коллективные действия БРИКС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Афонцев С.А.* Политические рынки и экономическая политика. М.: Комкнига, 2010.
- Афонцев С., Ли С. Дж.* Российский крупный бизнес в условиях глобального кризиса // Вопросы экономики. 2013. № 5. С. 40—55.
- Барабанов О.Н.* Проблемы глобального управления: выбор аналитической парадигмы // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. Т. 4. № 2. С. 5—13.

⁹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement> (дата обращения: 14.08.2017).

¹⁰ Россия и Китай договорились сотрудничать в области развития информационного пространства. URL: <http://d-russia.ru/rossiya-i-kitaj-dogovorilis-sotrudnicat-v-oblasti-razvitiya-informacionnogo-prostranstva-2.html> (дата обращения: 14.08.2017).

- Вань Ц. Роль БРИКС в глобальном управлении и трансформации мирового порядка: китайский взгляд // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 48. Февраль 2015. С. 273—286. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/48_2015wan_qingsong.htm (дата обращения: 16.04.2016).
- Глобальное социальное прогнозирование: основные типы и методы. Проблемы глобального управления: стратегия и тактика. URL: <http://helpiks.org/8-64799.html> (дата обращения: 16.04.2016).
- Глобальное управление: возможности и риски / отв. ред. В.Г. Барановский, Н.И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015.
- Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы. М.: Институт Европы РАН, 2013.
- Гнатюк О.Л. Основы теории коммуникации. М.: Кнорус, 2013.
- Громыко А.А. Глобализация и глобальное управление // Вестник МГИМО (Университета). 2013. № 5 (32). С. 16—23.
- Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р., Шелепов А.В. Что влияет на исполнение обязательств «Группы двадцати» и БРИКС: сравнительный анализ // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. № 3. С. 99—131. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-03-99.
- Попов Ю.Н., Гришина Т.В. Социокультурные коммуникации как факторы глобального социально-экономического управления // Коммуникология. Т. 5. № 1. С. 19—30.
- Толорая Г.Д., Чуков Р.С. Рассчитывать ли на БРИКС? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 2. С. 97—112. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-97.
- Шаповалов В.Ф. Коммуникация как глобальная проблема современного мира // Философия и общество. 2010. Вып. № 4 (60). С. 5—20.
- Шарков Ф.И. Коммуникология: энциклопедический словарь-справочник. М., 2009.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории: Разум и коммуникация. М.: Политиздат, 1991.
- Levitt. T. The Globalization of Markets // Harvard Business Review. 1983. 61 (3). P. 92—102.
- Tehrani M. Global Communication and World Politics: Domination, Development, and Discourse. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1999.
- Nuscheler F. Global Governance, Development, and Peace // Global Trends and Global Governance / ed. by P. Kennedy, D. Messner, F. Nuscheler. L.: Pluto Press, 2002. P. 168—181.
- Weiss Th., Thakur R. The UN and Global Governance: An Idea and its Prospects. Chicago: University of Indiana Press, 2003.

Дата поступления статьи: 21.07.2017

Для цитирования: Шарков Ф.И., Понеделков А.В. Коалиционные модели международных коммуникаций в контексте глобального управления (на примере БРИКС) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 85—95. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-85-95.

Сведения об авторах: Шарков Феликс Изосимович — доктор социологических наук, профессор, проректор Академии труда и социальных отношений, заместитель декана факультета журналистики, заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики Института государственной службы и управления РАНХиГС (e-mail: sharkov_felix@mail.ru).

Понеделков Александр Васильевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и этнополитики Южно-Российского института управления РАНХиГС — филиала (e-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-85-95

COALITION MODELS OF INTERNATIONAL COMMUNICATIONS IN CONTEXT OF GLOBAL GOVERNANCE (case of BRICS)

F.I. Sharkov, A.V. Ponedelkov

Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of Russian Federation (RANEPA),
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article describes various aspects of implementation of international communication in context of global governance. There is a thesis about the expansion and blurring of lines of communication, which makes transnational communication networks. The authors consider global communication as a process and as a communication system. Analyzing models of global governance, it is noted that “global governance” describes the “soft model” of communications regulation.

The article describes the process of formation of information and communication models in global governance, in which the functions of information and communication mechanisms of global governance are primarily associated with the development of regulations governing key areas of international cooperation (exchange of information) of state and non-state actors in world politics and economics.

The authors conclude that the collaboration of the BRICS countries in the sphere of information and communication models in global governance is very dynamic. The authors analyzed the variety of the formats of communicative capacity through the dialogue, forums, summits, regular meetings of representatives of different areas. Communication activities in the framework of expert and working groups on cooperation in the field of information and communication technologies, international information security are analyzed. The conclusion was made about the necessity of BRICS interaction in the political, economic, scientific, cultural and youth spheres which would strengthen cross-border system to respond to information security threats.

Key words: global communication; global management; management of global processes; global mobility; BRICS

REFERENCES

- Afontsev, S.A. (2010). *Political markets and economic policy*. Moscow: Komkniga. (In Russ.).
- Afontsev, S. & Lee, S. J. (2013). Russian big business in the global crisis. *Voprosy ekonomiki*, 5, 40—55. (In Russ.).
- Barabanov, O.N. (2009). Analytical Paradigms Underpinning Debate on Global Governance. *International Organisations Research Journal*, 2, 5—13. (In Russ.).
- Baranovsky, V.G. & Ivanova, N.I. (Eds.) (2015). *Global governance: opportunities and risks*. Moscow: IMEMO. (In Russ.).
- Global social forecasting: basic types and methods. Problems of global governance: strategy and tactics*. URL: <http://helpiks.org/8-64799.html> (accessed: 16.04.2016). (In Russ.).
- Global governance in the XXI century: innovative approaches*. (2013). Moscow: Institute of Europe of Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Gnatyuk, O.L. (2013). *Fundamentals of the theory of communication*. Moscow: KnoRus Publ. (In Russ.).
- Gromyko, A.A. (2013). Globalization and global governance. *Vestnik MGIMO (University)*, 5 (32), 16—23. (In Russ.).
- Jaspers, K. (1991). *Meaning and purpose of history: the Mind and communication*. Moscow: Politizdat. (In Russ.).
- Larionova, M., Rakhmangulov, M. & Shelepov, A. (2016). Explaining G20 and BRICS Compliance. *International Organisations Research Journal: education, science, new economy*, 11(3), 99—131. (In Russ. and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2016-03-99.

- Levitt, T. (1983). The Globalization of Markets. *Harvard Business Review*, 61(3), 92—102.
- Nuscheler, F. (2002). Global Governance, Development, and Peace. In: *Global Trends and Global Governance*. Ed. by P. Kennedy, D. Messner, F. Nuscheler. L.: Pluto Press, p. 168—181.
- Popov, Yu.N. & Grishina, T.V. (2017). Socio-cultural communication as a factor in global socio-economic governance. *Communicology*, 5 (1), 19—30. (In Russ.).
- Shapovalov, V.F. (2010). Communication as a global problem of the modern world. *Philosophy and society*, 4 (60), 5—20. (In Russ.).
- Sharkov, F.I. (2009). *Communicology: Encyclopedic dictionary*. Moscow. (In Russ.).
- Tehrani, M. (1999). *Global Communication and World Politics: Domination, Development, and Discourse*. Boulder: Lynne Rienner Publishers.
- Toloraya, G.D. & Chukov, R.C. (2016). Count on the BRICS or not? *International Organizations Research Journal: education, science, new economy*, 11 (2), 97—112. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-97.
- Wan, Q. (2015). The role of BRICS in global governance and transformation of the world order: a Chinese view. *Public administration*, 48. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/48_2015wan_qingsong.htm (accessed: 16.04.2016). (In Russ.).
- Weiss, Th. & Thakur, R. (2003). *The UN and Global Governance: An Idea and its Prospects*. Chicago: University of Indiana Press.

Received: 21.07.2017

For citations: Sharkov, F.I. & Ponedelkov, A.V. (2018). Coalition models of international communications in context of global governance (case of BRICS). *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (1), 85—95. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-85-95.

About the authors: *Sharkov Felix Izosimovich* — Doctor of Sociology, Professor, Vice-rector of the Academy of labor and social relations, Deputy Dean of the faculty of journalism, Head of Department of Public Relations and Media Policy of the Institute of State Service and Administration of RANEPА (e-mail: sharkov_felix@mail.ru).

Ponedelkov Alexander Vasil'evich — Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Political Science and Ethnic Policy of the South Russian Institute of Management of RANEPА (e-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru).

© Шарков Ф.И., Понеделков А.В., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-96-106

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ АНАЛИТИЧЕСКИМИ ЦЕНТРАМИ ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА (на примере Фонда Фридриха Эберта)

Н.В. Ивкина

Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей ролью аналитических центров в формировании образа России в общественном сознании зарубежных стран. В этой связи позиция немецких аналитических центров представляет наибольший интерес. ФРГ — это государство, с одной стороны, являющееся членом военно-политического блока НАТО, политика которого может представлять определенную угрозу для национальных интересов России, а с другой — один из основных европейских партнеров России. Это не дает ей в полной мере сформировать четко очерченную позицию по проблемам, имеющим непосредственное отношение к России, а также по вопросам, в решение которых вовлечены оба государства.

Целью исследования является выявление роли аналитических центров Германии в процессе формирования образа России, а также степени влияния исследований аналитических центров на средства массовой информации. В качестве основного аналитического центра, материалы которого легли в основу исследования, был выбран Фонд Фридриха Эберта. Организация имеет представительство в России. На его примере проводится исследование роли центров в формировании образа России в рамках урегулирования сирийского кризиса.

В качестве методов исследования следует выделить метод описания, использовавшийся для изучения материалов Фонда, метод сравнения для выбора объекта исследования, а также для выявления влияния материалов центра на различные средства массовой информации. Для более широкого раскрытия темы помимо материалов аналитических центров были использованы некоторые источники, а также дополнительная российская и зарубежная литература и материалы статистических агентств. Результаты исследования представляют собой ряд выводов, которые показывают степень заинтересованности Фонда Фридриха Эберта в процессе формирования российского образа и перспективы реализации идей аналитического центра в немецкой новостной системе.

Ключевые слова: Россия, ФРГ, аналитические центры, Фонд Фридриха Эберта, сирийский кризис

На сегодняшний день на формирование международной повестки дня оказывают влияние как государственные, так и негосударственные акторы международных отношений. Причем если в России действуют в основном принципы парадигмы политического реализма, который отдает предпочтение именно государственным акторам в решении глобальных проблем, то на Западе царит либерально-идеалистическая парадигма, и большое влияние на решение правительств и глав государств оказывают негосударственные структуры. Среди них особое внимание стоит обратить на средства массовой информации, крупные финансовые структуры, лоббистские организации, а также аналитические центры. Наибольшее значение в контексте данного исследования играют именно аналитические центры

(«think tanks»), которые призваны проводить экспертизу, давать оценки [Базаренко 2014: 148—149], анализировать основные проблемы международных отношений и сферы безопасности [Ивкина, Пойда 2015: 118].

Однако помимо классических задач, которые решаются в рамках исследований аналитических центров, появляются новые функции, которые частично пересекаются с деятельностью еще одного негосударственного актора — средств массовой информации. СМИ на протяжении уже долгого времени исполняют функцию регулятора общественного мнения и источника формирования образов различных политических единиц. Наибольшее влияние СМИ оказывают на общественное сознание людей, имеющих опосредованное отношение к экономической и политической сферам государственного регулирования. Экспертное сообщество ориентируется чаще всего на более авторитетные информационные ресурсы, в западных странах зачастую роль таких ресурсов играют аналитические центры.

Наибольшее внимание в западных средствах массовой информации сегодня уделяется Российской Федерации в силу постоянно увеличивающегося количества расхождений во взглядах на основные проблемы международных отношений. При этом если в период существования Советского Союза на Западе, и прежде всего в США, была сильная школа советологов, изучающих советское общество во всем его многообразии [Петров 1997], то про школу россияведения такого сказать нельзя. По мнению Т.А. Шаклеиной, «несмотря на то, что в конце XX в. существенно сократилось количество фундаментальных исследований по России, решающее влияние на выработку концепций международной деятельности США в отношении России продолжали оказывать аналитические центры» [Шаклеина 2015: 328]. Европейские аналитические центры также активно включились в процесс исследования отношений России с западными странами и в процесс формирования нового российского образа в экспертно-аналитических кругах.

Современное состояние российско-американских и российско-европейских отношений во многом определяется расхождениями во взглядах на международные вызовы и угрозы. В концептуальных документах США Россия значится одним из врагов¹, а в документах ЕС прослеживается осуждение России за ее методы урегулирования кризисных ситуаций². В силу нагнетания международной обстановки формируемый западными аналитическими центрами образ Российской Федерации носит негативный характер.

«Фабрики мысли» зачастую акцентируют внимание на исследованиях кризисных ситуаций и конфликтов, а также роли каждого из акторов в них [Курылев, Нгоян, Паласиос, Скудина 2016: 482—493; Косов 2016: 473—480]. Проблемы «арабской весны», и в частности сирийский кризис, занимают важное место в исследованиях ведущих мировых аналитических центров. Данные проблемы актуальны как для США, так и для Европы [Ивкина, Петрович-Белкин 2013: 39—46]. Американские аналитические центры открыто демонстрируют осуждение россий-

¹ National security strategy of the United States of America. December 2017. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 20.12.2017).

² A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. URL: http://www.eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed: 20.12.2017).

ских подходов по поддержанию законного сирийского правительства и считают, что России нужна Сирия для того, чтобы «через нее продавать оружие террористам, например, организации ХАМАС» [Abrams]. Такое резкое заявление сделал аналитик Совета по международным отношениям с целью обвинить Россию в пособничестве терроризму. Его поддерживают и ряд других экспертов, которые высказывают обвинения в адрес России сразу по нескольким пунктам: «...готовность России увеличивать расходы на сирийскую кампанию, сотрудничать с Ираном и „Хезболлой“, чтобы сохранить режим, а также воспользоваться смешением и разобщенностью внутри американской коалиции для интервенции в Сирию» [Sestanovich 2015]. Как видно, «think tanks» США ничего не мешает формировать негативный образ России в силу отсутствия больших объемов российско-американских торгово-экономических отношений, а динамика политических отношений в российско-американском дискурсе не страдает от формирования такого образа.

Другие западные партнеры России не могут позволить себе таких откровенно отрицательных выпадов в ее сторону. Например, Французский институт международных отношений опубликовал материал, в котором было выражено понимание того, что «Россия нуждается в восстановлении влияния на Ближнем Востоке и в создании образа сильного государства, которое может оказывать влияние на распределение сил в мировой системе» [Dominique].

Поэтому актуальность темы исследования заключается в необходимости рассмотрения подходов «аналитических центров» Германии к формированию образа России. Многие эксперты полагают, что «think tanks» Германии представляют собой исключительную модель формирования научно-экспертной оценки в силу того, что «в отличие от центров других европейских стран характеризуются большим числом независимых организаций, которые не подчиняются государственным и правительственным структурам, хоть и сотрудничают с ними и иногда финансируются ими» [Звягина 2014].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Сирийский кризис рассматривается аналитическими центрами Германии как одна из сложных проблем в отношениях России и Германии. Это связано с тем, что Россия и Германия по-разному относятся к законному избранному президенту Сирии Б. Асаду. Россия поддерживает лидера Сирии и помогает ему в борьбе с терроризмом. Позицию Германии по данному вопросу можно охарактеризовать как двойственную. С одной стороны, Германия на начальном этапе не продемонстрировала абсолютной поддержки США в их стремлении решить проблему сирийского кризиса силовым путем, о чем свидетельствует тот факт, что Германия воздержалась от голосования по резолюции по Ливии, а также то, что официальные лица Германии постоянно призывают США скорректировать свою политику в отношении Сирии³. С другой стороны, Германия осуждает политику Б. Асада

³ Глава МИД ФРГ призвал США скорректировать позиции по Сирии. Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com/ru/глава-мид-фрг-призвал-сша-скорректировать-позиции-по-сирии/a-38361360> (дата обращения: 20.12.2017).

и призывает мировое сообщество отказаться от поддержки законного сирийского руководства. На фоне этого подходы России к сирийскому кризису вызывают живой интерес в СМИ Германии. Об этом говорит частота появления публикаций по этой проблеме в немецких СМИ, а также высокий индекс агрессивности [Ивкина, Мараховский 2016]. Именно поэтому актуальной является проблема выявления отношения немецких аналитических центров к России и ее роли в урегулировании сирийского кризиса.

В рамках изучения деятельности «аналитических центров» Германии и их роли в формировании образа России была рассмотрена «теория повестки дня». По мнению приверженцев данной теории, таких как М. Ховлетт, Э. Даун, Ф. Баумгартнер и Б. Джонс, на формирование политической повестки дня и определение вектора политического развития большое влияние оказывают средства массовой информации, а также исследовательские структуры. Канадский политолог Дж. Кингдон для доказательства эффективности «теории повестки дня» предложил использовать данные временных рядов, собранные по упоминаниям об основных политических проблемах в мире, а затем сравнить эти ряды с временными рядами, упоминаемыми в СМИ. Это позволяет оценить воздействие событий в повестке дня СМИ на государственную политику [Kingdon 2011]. Особое внимание Кингдон уделяет деятельности трех основных наиболее влиятельных групп. Первое место занимают группы по интересам, промышленные и бизнес-группы, второе место — аналитические центры, и только третье — СМИ. Как и СМИ, аналитические центры оказывают влияние на формирование образа того или иного государства среди интеллектуальной мировой элиты.

Источниковую базу представляют двусторонние соглашения, «Стратегия национальной безопасности США», «Глобальная стратегия безопасности ЕС», а также ряд выступлений официальных лиц. Важной группой источников являются исследования аналитического центра — Фонда Фридриха Эберта. Историография исследования представлена материалами статей и монографий, опубликованных российскими и зарубежными авторами. Хронологические рамки исследования предполагают рассмотрение периода с 2015 по 2017 г., когда Россия подключилась к решению сирийского конфликта.

ОБРАЗ РОССИИ В ПУБЛИКАЦИЯХ ФОНДА ФРИДРИХА ЭБЕРТА

Согласно «теории повестки дня», для выявления подходов к формированию образа России немецким аналитическим центром необходимо рассмотреть аналитические статьи, опубликованные на официальном портале центра по сюжету «Подходы России к решению проблем сирийского кризиса» (табл. 1). По данным рейтинга Пенсильванского университета, Германия занимает 5-е место по количеству «фабрик мысли» в мире (195 центров) [McGann 2016]. Среди аналитических центров Германии, занимающихся внешней политикой и вопросами безопасности, большинство имеют публикации по проблеме сирийского кризиса.

Таблица 1

**Количество статей немецких аналитических центров
по теме «Подходы России к решению проблем сирийского кризиса» /
Number of articles of German think tanks
on the theme “Russia’s approaches to solving the problems of the crisis series”**

Название центра / Name of the centre	Количество статей / Number of articles
Фонд Конрада Аденауэра (Konrad Adenauer Stiftung (KAS) / Konrad Adenauer Foundation	53
Фонд Фридриха Эберта (Friedrich Ebert Stiftung (FES) / Fridrich Ebert Foundation	314
Немецкий институт международных отношений и безопасности (Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP) / German Institute for International and Security Affairs	254
Немецкий совет по международным отношениям (Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik (DGAP) / German Council on Foreign Relations	99
Немецкий институт развития (Deutsches Institut für Entwicklungspolitik (DIE) / German Development Institute	50
Фонд Ганса Зайделя (Hanns Seidel Stiftung (HSS) / Haans Seidel Foundation	2
Фонд Генриха Боля (Heinrich Böll Stiftung (HBS) / Heinrich Böll Foundation	226

Источник: Составлено автором. / *Source:* Compiled by the author.

Как видно из приведенной таблицы, наибольшее количество публикаций по сирийской проблеме имеют три центра: Фонд Фридриха Эберта, Немецкий институт международных отношений и безопасности, Фонд Генриха Боля. Фонд Фридриха Эберта заметно опережает своих ближайших преследователей по заинтересованности в рассмотрении сирийского вопроса.

Фонд был основан в 1925 г. и стал одним из первых политических аналитических центров в Германии. Он позиционирует себя как приверженец социал-демократических ценностей, а следовательно, наиболее близок к партии СДПГ. В структуре Фонда Фридриха Эберта важное место отведено Департаменту Ближнего Востока и Северной Африки, в исследованиях которого по большей части и рассматривается сирийский кризис. Обращает на себя внимание также тот факт, что практически все значимые материалы данного Департамента переводятся на арабский язык, а следовательно, целью является оказание влияния не только на немецко- и англоговорящую публику, но и на исследователей из арабских стран.

В 2012 г. был создан большой «Сирийский проект» Фонда. Деятельность в рамках проекта «направлена на предоставление организациям гражданского общества, молодежным группам и прогрессивным политическим движениям возможности участвовать в политических дискуссиях и содействовать установлению устойчивого мира в Сирии. Наконец, проект стремится поощрять плюралистическое и активное гражданское общество Сирии путем содействия инициативам в области средств массовой информации и культурных мероприятий»⁴.

⁴ FES Syria Project. URL: <http://www.fes-syria.org/about/fes-syria-project/> (accessed: 20.12.2017).

Сирийский кризис начался в 2011 г., когда хаотичные массовые акции протеста захлестнули страну. После успешных революций в Тунисе и Египте ожидалось, что и сирийское правительство во главе с президентом Б. Асадом с легкостью падет. Несколько волн насилия, ряд террористических актов, ряд неудачных попыток мирного урегулирования конфликта, а также начало кровопролитной гражданской войны — все это побудило Сирию обратиться к естественному союзнику — России. В 2015 г. между Сирией и Россией было подписано Соглашение о размещении Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирии⁵. По данному соглашению Россия обязалась помочь Сирии в деле борьбы с терроризмом, разместить на ее территории авиационную группу на аэродроме Хмеймим. Соглашение рассчитано на 49 лет с возможностью продления.

Понимая заинтересованность России в решении конфликта в Сирии, Фонд Фридриха Эберта начал поиск и анализ интересов России в ходе данного конфликта. Так, был выпущен доклад, в котором утверждалось, что «Россия, заинтересованная в расширении своего присутствия на сирийском побережье Средиземного моря, до сих пор не поддержала резолюции Совета Безопасности ООН, которые могли бы открыть путь для вмешательства (как это было в случае с Ливией) для защиты сирийского гражданского населения» [Wieland 2011].

На первом этапе Фонд Фридриха Эберта предложил более широкий обзор интересов сторон в этом конфликте с особым акцентом на США и Россию. Вина за переход конфликта в стадию международной проблемы возлагается на Россию и страны Запада одновременно, в силу того, что Россия и Запад так и не избавились от стереотипов холодной войны⁶. Однако если в усугублении конфликта обвиняются и Россия, и Запад, то ответственность за активизацию террористической угрозы в Сирии, по мнению Фонда, все же стоит возложить на Россию: «Россия, похоже, сознательно наращивает войну в Сирии, игнорируя международное гуманитарное право»⁷. Россия представляется как поборник государственной идентичности, то есть как государство, не уважающее волеизъявление сирийских протестующих, желающих сменить «неудобную власть».

Такая параллель с советским прошлым, закончившимся еще в 1991 г., с одной стороны, никакого вреда образу России не наносит, но, с другой стороны, распространяет информацию о том, что с советских времен в политике России ничего не изменилось, то есть она продолжает силовым способом решать проблемы по усмирению неудобных для себя сил. Такой подход быстро подхватила немецкая

⁵ Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики (с изменениями на 18 января 2017 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/420329053> (дата обращения: 20.12.2017).

⁶ *Krumm R.* Europe's Security Governance and Transatlantic Relations The West, Russia and Europe's Security Order. Fridrich Ebert Stiftung, 2016. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/12905.pdf> (accessed: 20.12.2017).

⁷ Ibid.

пресса, представив его в более простой интерпретации, заявив, что Россия просто решила воспользоваться ситуацией и начала предпринимать антизападные шаги⁸.

Эксперты Фонда Фридриха Эберта разделили сирийский кризис на три составляющие, каждая из которых представляет собой отдельную войну: «В Сирии сейчас фактически три войны: между режимом Асада и повстанцами; региональная война — саудовцы, турки и катарцы поддерживают оппозицию, в то время как Россия и Иран поддерживают режим; конфронтация между великими державами — Россией и США»⁹. Немецкие СМИ отметили, что подход Фонда крайне рационален, но все же главной ареной является российско-американская конфронтация и многое зависит от Вашингтона и Москвы¹⁰. Как видно, Россия, по мнению Фонда, участвует в двух войнах из трех, что автоматически делает ее наиболее заинтересованной стороной в сирийском конфликте. Однако негативного отношения к России в связи с ее заинтересованностью не наблюдается.

Рассматривая некоторые цели российской политики в Сирии, эксперты приходят к тому, что Россия решила использовать свою роль в Сирии для: улучшения геополитической позиции по отношению к Западу; отвлечения внимания от проблем в национальной экономике; защиты военных интересов в регионе и демонстрации, что она может наложить вето на любой исход в Сирии; подтверждения верности своим союзникам (в отличие от США, которые вызвали недовольство Израиля и Саудовской Аравии, заключив с Ираном сделку, и не оказали поддержку Х. Мубарак в ходе «арабской весны»); недопущения смены режима; борьбы с террористами¹¹. Это является одновременно и скрытой критикой России, обеспечивающей свои интересы в Сирии, и неким упреком в адрес США, которые редко заботятся о взятых на себя обязательствах.

Образ России в рамках публикаций Фонда по событиям в Алеппо уже более негативный. В докладе «Конец Алеппо и политическому порядку в Сирии» подтверждается, что политическое, социальное и гуманитарное положение в Сирии остается плачевным и в этом виновата Российская Федерация, которая на заседании СБ ООН заблокировала решение по предотвращению смертельных ударов правительственных сил по мирным жителям¹². Здесь необходимо отметить, что данное обвинение в адрес России так же, как и предыдущие, является надуманным.

⁸ *Klaiber S.* “Syrien war Putins Trittbrett”: Wie sich Russland mit dem Nahost-Einsatz aufs internationale Parkett zurückgebombt hat. Huffpost. URL: http://www.huffingtonpost.de/2016/09/30/russland-syrien-trittbrett_n_12260932.html (accessed: 20.12.2017).

⁹ *Russia in the Middle East: EU & Israeli perspectives.* Herzliya, 26—27 September 2016. Fridrich Ebert Stiftung. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/israel/13116.pdf> (accessed: 20.12.2017).

¹⁰ *Frieden hängt von USA und Russland ab.* Der Tagesspiegel. URL: <http://www.tagesspiegel.de/politik/waffenruhe-in-syrien-frieden-haengt-von-usa-und-russland-ab/14528354.html> (accessed: 20.12.2017).

¹¹ *Russia in the Middle East: EU & Israeli perspectives.* Herzliya, 26—27 September 2016. Fridrich Ebert Stiftung. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/israel/13116.pdf> (accessed: 20.12.2017).

¹² *Consumerd by war. The end of Aleppo and Northern Syria’s political order.* Fridrich Ebert Stiftung. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/iez/13783.pdf> (accessed: 20.12.2017).

Россия показана государством, которое препятствует мирному урегулированию ситуации в Алеппо и наносит бесконтрольные авиационные удары, в результате чего гибнет мирное население. В доказательство приводится статистика смертности мирного населения. Регулярно публикуется на статистических порталах информация о количестве жертв среди мирного населения от ударов российской авиации¹³. Такой же статистики по США и их коалиции не представлено. Это делается для того, чтобы показать, что постоянно увеличивающееся количество американских бомб (а этот показатель стремится к отметке в 10 тыс.)¹⁴, сбрасываемых на Сирию, не уносит жизни мирных сирийских граждан.

Историческая динамика подходов Фонда Фридриха Эберта к рассмотрению деятельности и формированию образа России в связи с сирийским кризисом определяется сложностью и противоречивостью позиций сторон по его урегулированию. На начальном этапе Фонд не обвинял Россию в развязывании сирийского кризиса, а возлагал вину на противоречия между США и Россией. Но этот этап оказался скоротечным. С 2015 г. наблюдается явный крен в сторону негативизации образа России в силу того, что началась активная фаза освобождения страны от боевиков. Образ России в этот период строился на поддержке сирийской армии, что, по мнению Фонда, только усугубляет конфликт сторон. В конце 2016 г., когда под контролем сирийского правительства находилась большая часть территории Сирии, и до сегодняшнего дня Фонд не демонстрировал определенную положительную или отрицательную позицию по деятельности России в Сирии. Это неявное проявление отношения к России обусловлено тем, что сирийская армия и правительство при поддержке России одержали победу над боевиками. Кроме того, в отличие от России и США, которые принимают активное участие в решении сирийской проблемы, у Германии существует проблема непонимания своей роли в процессе урегулирования данного кризиса. По большей части публикации Фонда Фридриха Эберта отвечают общей корпоративной культуре немецких источников, формирующих общественное мнение. Опираясь на общую позицию немецких центров, СМИ навязывают общественности определенный образ России, подчеркивая ее особую, часто достаточно негативную, роль в процессе мирного урегулирования кризиса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Базаренко Т.В. Роль регионального аспекта международных отношений в исследованиях аналитических центров Испании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 2. С. 148—157.

¹³ Opfer der russischen Luftangriffe. Das Statistik-Portal. URL: <https://de.statista.com/infografik/6320/opfer-der-russischen-luftangriffe-in-syrien/> (accessed: 20.12.2017).

¹⁴ Syrien: Kumulierte Anzahl der Luftangriffe im Kampf gegen den Terror in Syrien durch die USA und ihre Bündnispartner* für den Zeitraum von Dezember 2014 bis Juni 2017. Das Statistik-Portal. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/525825/umfrage/anzahl-der-luftangriffe-im-kampf-gegen-den-terror-in-syrien-kumuliert/> (accessed: 20.12.2017).

- Звягина Д.А. Аналитические центры Германии: история успеха // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 9. Ч. 2. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/09/37292> (дата обращения: 20.12.2017).
- Ивкина Н.В., Мараховский Е.Л. Вывод российских ВКС из Сирии: новая надежда западных СМИ. РИСИ. 2016. URL: <https://riss.ru/analytics/29188/> (дата обращения: 20.12.2017).
- Ивкина Н.В., Петрович-Белкин О.К. Взаимодействие США и Франции в области противодействия международному терроризму // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2013. № 2. С. 39—46.
- Ивкина Н.В., Пойда А.А. Позиция американских «мозговых центров» по ядерной программе Ирана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С. 118—125.
- Косов А.П. США и «Арабская весна»: оценки российского экспертного сообщества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 3. С. 473—480.
- Курьлев К.П., Нгоян А.Л., Паласиос Э.К., Скудина О.В. Неурегулированные конфликты на постсоветском пространстве в анализе западных экспертно-аналитических центров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 3. С. 482—493.
- Петров Е.В. «Русская тема» на Западе: словарь-справочник по американскому россиеведению. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, 1997.
- Шаклеина Т.А. Концептуализация политики США в отношении России в 2000-е годы // «Зарубежное россиеведение»: учеб. пособие / под ред. А.Б. Безбородова. М.: Проспект, 2015. С. 328—370.
- Abbrams E. Russia + Syria + Hezbollah = Hamas. Council on Foreign Relations. 2011. URL: <https://www.cfr.org/blog/russia-syria-hezbollah-hamas> (accessed: 20.12.2017).
- Dominique D. Que faire de la Russie? Que faire avec la Russie? IFRI. URL: http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/actuelle_david_que_faire_de_la_russie.pdf (accessed: 20.12.2017).
- McGann J.G. 2016 Global go to think tank index report. University of Pennsylvania Scholarly Commons. URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1011&context=think_tanks (accessed: 20.12.2017).
- Kingdon J.W. Agendas, Alternatives, and Public Policies. Boston: Longman, 2011.
- Sestanovich S. Russia's Campaign in Syria: Three Things to Know. Council on Foreign Relations. 2015. URL: <https://www.cfr.org/explainer-video/russias-campaign-syria-three-things-know> (accessed: 20.12.2017).
- Wieland C. Between Democratic Hope and Centrifugal Fears. Syria's Unexpected Open-ended Intifada. Friedrich Ebert Stiftung. 2011. URL: http://library.fes.de/pdf-files/ipg/2011-4/07_a_wieland_eng.pdf (accessed: 20.12.2017).

Дата поступления статьи: 1.12.2017

Для цитирования: Ивкина Н.В. Формирование образа России аналитическими центрами Германии в контексте сирийского кризиса (на примере Фонда Фридриха Эберта) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 96—106. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-96-106.

Сведения об авторе: Ивкина Наталья Викторовна — ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: ivkina_nv@rudn.university)

THE PROBLEM OF THE RUSSIAN FEDERATION IMAGE FORMATION BY GERMAN THINK TANKS IN THE CONTEXT OF THE SYRIAN CRISIS (case of Friedrich-Ebert-Stiftung)

N.V. Ivkina

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia),
Moscow, Russian Federation

Abstract. The relevance of the research topic due to the ever-increasing role of the analytical institutions in the process of formation of Russia's image in the public consciousness. In this context, the position of Germany represents the greatest interest. Germany is a state, on the one hand, a NATO member, on the other hand, represents one of the main European partners of Russia. This prevents it to form a clear-cut stance on issues directly related to Russia and Germany, on issues in solving which involved both countries. The aim of the study is to identify the role of think tanks of Germany in the process of forming the image of Russia, and also the degree of influence of research and analytical centers on the media. The subject of research was the problem of the Syrian crisis. For example, the Friedrich Ebert Foundation implemented a study to identify interest centers in shaping the image of Russia in the framework of solving the Syrian crisis. As research methods is to provide a description method used for studying the materials of the Fund, the method of comparison for the choice of the object of study, and to determine the effect of center content on various media. For wider exploration of topics in addition to the materials analytical centers were used for more of the Russian and foreign literature, as well as the materials of the statistical agencies. The results of the study represent a number of conclusions, which show the degree of interest of the Friedrich Ebert Foundation in the process of formation of Russia's image and prospects of implementing the ideas of the analytical center in the German news system.

Key words: Russia, Germany, analytical centers, Friedrich Ebert Foundation, Syrian crisis.

REFERENCES

- Abbrams, E. (2011). *Russia + Syria + Hezbollah = Hamas*. Council on Foreign Relations. URL: <https://www.cfr.org/blog/russia-syria-hezbollah-hamas> (accessed: 20.12.2017).
- Basarenko, T.V. (2014). The role of regional aspects of international relations in Spanish basic analytical centers' researches. *Vestnik RUDN. International Relations*, (2), 148—157. (In Russ.).
- Dominique, D. (n/a). *Que faire de la Russie? Que faire avec la Russie?* IFRI. URL: http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/actuelle_david_que_faire_de_la_russie.pdf (accessed: 20.12.2017).
- Ivkina, N.V. & Petrovich-Belkin, O.K. (2013). U.S. — France Counterterrorism Cooperation. *Vestnik RUDN. International Relations*, (2), 39—46. (In Russ.).
- Ivkina, N.V. & Poyda, A.A. (2015). Position of the American Think Tanks on Iran's Nuclear Program. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15 (3), 118—125. (In Russ.).
- Ivkina, N.V. & Marakhovsky, E.L. (2016). *The withdrawal of Russian MSF from Syria: new hope for the western media*. RISS. URL: <https://riss.ru/analitics/29188/> (accessed: 20.12.2017). (In Russ.).
- Kosov, A.P. (2016). The USA and “The Arab Spring”: evaluations of the Russian expert community. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (3), 473—481. (In Russ.).
- Kurylev, K.P., Ngoyan, A.L., Palacios, E.P. & Skudina, O.V. (2016). Unsettled conflicts in the Post-Soviet space in the analysis of the western research centers. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (3), 482—493. (In Russ.).
- Kingdon, J.W. (2011). *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. Boston: Longman.

- McGann, J.G. (2017). *2016 Global go to think tank index report*. University of Pennsylvania ScholarlyCommons. URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1011&context=think_tanks (accessed: 20.12.2017).
- Petrov, E.V. “The Russian theme” in the West. *Dictionary-reference book on American Russian studies*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPb im. V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii, 1997. (In Russ.).
- Shakleina, T.A. (2015). Conceptualization of US policy toward Russia in the 2000s. In: *Foreign Studies of Russia*. Textbook. Ed. by A.B. Bezborodova. Moscow: Prospectus, p. 328—370. (In Russ.).
- Sestanovich, S. (2015). *Russia's Campaign in Syria: Three Things to Know*. Council on Foreign Relations. URL: <https://www.cfr.org/explainer-video/russias-campaign-syria-three-things-know> (accessed: 20.12.2017).
- Wieland, C. (2011). *Between Democratic Hope and Centrifugal Fears. Syria's Unexpected Open-ended Intifada*. Friedrich Ebert Stiftung. URL: http://library.fes.de/pdf-files/ipg/2011-4/07_a_wieland_eng.pdf (accessed: 20.12.2017).

Received: 1.12.2017

For citations: Ivkina, N.V. (2018). The problem of the Russian Federation image formation by German think tanks in the context of the Syrian crisis (case of Friedrich-Ebert-Stiftung). *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (1), 96—106. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-96-106.

About the author: *Ivkina Natalia Viktorovna* — Assistant of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: ivkina_nv@rudn.university).

© Ивкина Н.В., 2018

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-107-123

СЦЕНАРНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

А.А. Сушенцов, Н.Ю. Силаев

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

Статья посвящена анализу развития украинского кризиса в кратко- и среднесрочной перспективе. Проводится анализ четырех возможных сценариев развития кризиса и его последствий. При подготовке прогноза был использован инструментарий сценарного анализа: выделение двух ключевых переменных, соотношение которых задает спектр анализируемых сценариев. При анализе украинского кризиса авторами были выбраны следующие переменные: мера поддержки Западом действующего правительства Украины и внутривластная стабильность правительства П.А. Порошенко. Хотя поддержка со стороны Запада играет важную роль в укреплении внутривластных позиций президента П.А. Порошенко, а неудачи украинских властей в проведении реформ в будущем могут ослабить готовность Запада оказывать им поддержку, авторы считают возможным признать эти неопределенности независимыми друг от друга. Соотношение двух указанных переменных дает четыре сценария развития ситуации. Описанные сценарии могут не осуществиться в «чистом» виде. Политическая реальность будет представлять собой их сочетание, склоняясь к одному из них. Свою задачу авторы видят не в том, чтобы «предсказать будущее», а в том, чтобы структурировать его, наиболее полно представив спектр его вариантов. Перечисляются события-маркеры, которые будут указывать на осуществление того или иного сценария.

Авторы приходят к выводу, что на ближайшие годы будущее украинского кризиса будет ограничено двумя ключевыми константами — большая война, как и глубокое политическое урегулирование, одинаково маловероятны. Долгосрочного решения украинского кризиса пока не просматривается. Большинство внешних участников ситуации занимают выжидательную позицию, наблюдая, какая именно фракция одержит верх в Киеве. Можно констатировать, что ключевой процесс ближайшего времени — формирование устойчивых рамок статус-кво, в которых кризис застынет на один-два электоральных цикла.

Ключевые слова: Украина, СНГ, украинский кризис, Минские соглашения, прогнозирование, неопределенность будущего, российско-украинские отношения, аналитическая симуляция, сценарный анализ

Украинский кризис продолжает развиваться в границах констант, определенных к весне 2015 г.: большая война маловероятна, урегулирование заморожено, Минские соглашения остаются основой политического процесса. Наиболее динамично меняющийся аспект кризиса — его международный контекст. Украина уходит на второй план повестки дня всех ведущих вовлеченных игроков — США, ЕС и России.

Приступая к анализу сценариев развития кризиса на Украине, остановимся на мотивах, ресурсах и стратегии его ключевых участников.

По итогам первого года работы администрации Д. Трампа нет оснований полагать, что Украина вошла в число внешнеполитических приоритетов Вашингтона. Наиболее предпочтительным решением для США по соотношению возможных выгод и издержек является сохранение проблемы в ее нынешнем виде. Соединенные Штаты не будут усугублять украинский кризис, но вместе с тем и не приложат заметных усилий к его разрешению. Их позиция по Украине в значительной степени будет связана с динамикой отношений с Россией.

В высших эшелонах новой администрации США отсутствуют заинтересованные в Украине фигуры (наподобие Д. Байдена и В. Нуланд в администрации Б. Обамы), участие которых ограничивало бы свободу действий правительства в Киеве. К. Волкер, выступающий в роли американского переговорщика по Украине, не обладает определенным статусом во внешнеполитическом ведомстве США. Однако штат посольства США в Киеве прежний, и его сотрудники принимают активное участие во внутривнутриполитической жизни Украины. В целом в результате понижения статуса американских участников украинской политики для Киева открываются новые возможности по манипулированию американским фактором в межэлитной борьбе. Без присмотра со стороны США правительство в Киеве возобновило военно-политические эксперименты на Донбассе. Украина становится наиболее непредсказуемым участником кризиса [The United States and Russia... 2015: 3].

В связи с отсутствием более выигрышной стратегии нынешнего курса в отношении Украины будут придерживаться ключевые страны ЕС — Франция и Германия. С тем лишь отличием, что для преемников Ф. Олланда и А. Меркель успех или провал Минских соглашений не будет вопросом личного престижа. Об Украине станут забывать — Берлин и Париж не будут прилагать больших усилий к урегулированию конфликта на Донбассе, и киевским властям помогать будут без энтузиазма. Страны ЕС — соседи Украины — Польша, Венгрия, Румыния — будут продолжать дипломатическую активность на украинском направлении, однако едва ли обладают ресурсами для того, чтобы существенно повлиять на разрешение кризиса в этой стране.

Для России украинский кризис также уходит из наиболее «горячей» повестки. В Москве полагают, что недружественный режим на Украине сохранится на длительную перспективу [Сушенцов 2016: 54]. Даже в случае прихода к власти в Киеве сторонников компромисса с Россией любые достижения политического процесса с ними будут неустойчивыми. Москва убеждена, что перманентный внутривнутриполитический кризис на Украине, затрагивающий и другие страны, может быть преодолен только через широкую автономизацию регионов страны, что позволило бы учесть ее культурное и политическое разнообразие. В то же время киевская политическая элита осознает, что автономизация регионов означает сокращение ее богатства и власти, поэтому категорически противится такому сценарию. Это повлекло снижение планки целей политики России на Украине — ключевым приоритетом стало сохранение стабильности и нейтралитета Украины [Чернега 2015]. Стабильность соседа важна для России в силу существующей эко-

номической, социальной и транспортной взаимозависимости, а нейтралитет — в силу стратегической дилеммы с НАТО по вопросу европейской безопасности.

Современная стратегия России в отношении Украины состоит в ограничении ущерба, который украинские процессы могут ей наносить. Москва ведет сдержанную политику: она не закрывает ни одну из существующих возможностей, боится риски и по мере необходимости выводит из-под удара свои экономические активы. Россия настаивает на безальтернативности исполнения Минских соглашений по урегулированию кризиса, но осознает, что никто не может их выполнить за Украину.

Действующее правительство Украины видит создавшуюся ситуацию как историческую возможность завершить «перезакладку» украинской государственности на прозападных и антироссийских основаниях [Kiryukhin 2016: 438—452; Мироненко 2017: 145]. Достижение этой цели позволит навсегда устранить политические силы востока Украины от борьбы за власть в Киеве и консолидировать правление действующих элит. Хотя Украина беднеет, государству пока хватает ресурсов для поддержания своих базовых функций. Президент П. Порошенко в целом контролирует армию и спецслужбы, и многочисленные полувоенные формирования не настолько сильны, чтобы оспаривать власть у государственных силовых структур. Зарубежные доноры Украины продолжают оказывать ей помощь, которой недостаточно для роста, но пока хватает, чтобы избежать бюджетного кризиса¹.

Нынешние власти Украины не ищут примирения с «бунтующими» республиками и с Россией [Данилов 2015: 3]. Напротив, в тлеющем конфликте с ними Киев видит инструмент внутренней мобилизации и международной поддержки. Успех стратегии видится в Киеве в получении надежных гарантий безопасности со стороны США или НАТО, даже если это вызовет противодействие России [Rojansky, Minakov 2015]. Украина не собирается возвращать Донбасс по процедуре Минских соглашений, видя в нем враждебный и чужеродный анклав, способный воспрепятствовать стратегической цели перезакладки украинской государственности. Предлагая различные новшества, Киев де-факто саботирует Минский процесс, однако не может позволить себе односторонне выйти из него, поскольку это приведет Украину к международной изоляции.

Власти непризнанных республик — Донецкой и Луганской — также не желают полного исполнения Минских соглашений, поскольку это вынудит их к неудобным компромиссам с Киевом, который они считают националистическим и враждебным. Активность республик сдерживает Россия, которая допускает их энергичные шаги только в ответ на военное или экономическое давление со стороны Украины. Сложилась устойчивая закономерность — каждый этап давления со стороны Киева (блокада, военное наступление, убийства лидеров ополчения) оборачивается контрмерами республик против интересов Украины на Донбассе. Вместе с тем пока эти контрмеры не нарушают дух и букву Минских соглашений.

¹ Путин: Россия уже может требовать долг с Украины. *Ведомости*. 20.05.2015. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/05/20/siluanov-ukraina-po-suti-obyavlyayet-defolt> (дата обращения: 24.04.2017).

В результате действий или бездействия всех вовлеченных сил складываются константы украинского кризиса, его неизменные параметры. Подчеркнем, что эти шесть констант сформулированы на основе наблюдения над развитием конфликта в течение почти четырех лет. Осознавая определенную условность характеристики этих параметров как неизменных («так было» не означает «так будет»), мы все же считаем возможным и необходимым для целей нашего прогноза описать эти параметры как неизменные — они могут поменяться только при условии резкого и неожиданного сдвига во всей ситуации вокруг Украины. Итак, константы кризиса таковы:

- 1) невозможность военной победы Украины над Луганской (ЛНР) и Донецкой народными республиками (ДНР);
- 2) невозможность отказа сторон от Минских соглашений;
- 3) невозможность военной инициативы со стороны ЛНР и ДНР;
- 4) маловероятность в перспективе текущего политического цикла прихода к власти на Украине сил, ориентированных на примирение с Донбассом;
- 5) сохранение медийного, политического и иного давления на сторонников мира на Украине;
- 6) невозможность отказа Украины от Донбасса.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

При подготовке настоящего прогноза мы исходили из нескольких методологических предпосылок.

Во-первых, аналитическая ценность прогноза состоит не столько в точности предсказания будущих событий, сколько в том, насколько он способен активизировать размышления и дискуссию о различных сценариях будущего. Мы не претендуем на то, чтобы описывать украинский кризис в целом, оценивать его причины, ход, интересы и стратегии игроков — в России опубликованы работы, где эти темы подробно разбирались, наряду с более широким контекстом украинской внешней политики [Курылев 2014а, Курылев 2014б, Гушин, Маркедонов 2014]. Задача такого прогноза — помочь людям, принимающим решения, мысленно поставить себя в ситуацию, в которой реализовался один из сценариев будущего, и побудить их просчитать свои возможные действия.

Во-вторых, хотя международный политический процесс обладает большой внутренней связностью и единством, объективность любого прогноза в немалой степени иллюзорна. Пытаясь охватить рассматриваемую ситуацию как систему, мы неизбежно смотрим на нее глазами одного из ее действующих лиц. Поэтому, составляя свой прогноз, мы признаем его субъективность в том смысле, что он представляет собой взгляд на развитие украинского кризиса с точки зрения того, как понимают его справедливое урегулирование в России².

² См.: Горбулин В. Пять сценариев для украино-российских отношений ZN.UA. 2015. URL: http://gazeta.zn.ua/internal/pyat-scenariev-dlya-ukraino-rossiyskih-otnosheniy_.html (дата обращения: 24.04.2017); Фесенко В. Конфлікт на Донбасі: що далі? Українська правда. 2015. URL: <http://www.pravda.com.ua/articles/2015/08/14/7077813/> (дата обращения: 24.04.2017).

В-третьих, признавая ценность долгосрочных прогнозов, мы все же полагаем здесь и сейчас более актуальным прогноз краткосрочный. Внезапные и резкие перемены, политическая турбулентность стали фундаментальными признаками украинской политики. В той точке, где находится сейчас украинский кризис, зарождается несколько вариантов будущего. Оценить их жизнеспособность можно только на длительном отрезке истории, заглянув далеко вперед. Но если мы хотим как можно более широко оценить спектр лежащих перед нами возможностей, требуется «посмотреть под ноги», сосредоточившись на анализе ближайшего будущего.

В данном прогнозе использован инструментарий сценарного анализа. Он предполагает выделение двух ключевых независимых переменных, соотношение которых задает спектр анализируемых сценариев. Переменные должны быть наиболее значимы для рассматриваемого явления и не должны зависеть друг от друга. При анализе украинского кризиса нами были выбраны следующие переменные: мера поддержки Западом действующего правительства Украины и внутривластная стабильность правительства П.А. Порошенко.

Хотя поддержка со стороны Запада играет важную роль в укреплении внутривластных позиций президента Петра Порошенко, а неудачи украинских властей в проведении реформ в будущем могут ослабить готовность Запада оказывать им поддержку, мы считаем возможным признать эти неопределенности независимыми друг от друга. Мы исходим из того, что текущий кризис на Украине, как и в целом ее внутривластный процесс, имеет, прежде всего, внутренние причины. В то же время Украина, независимо от ее внутривластных обстоятельств, традиционно играла особую роль в стратегии Запада на постсоветском пространстве. Задолго до текущего кризиса Запад в целом содействовал тем силам на Украине, которые выступали за всемерное дистанцирование этой страны от России, ее сближение с евроатлантическими структурами безопасности или присоединение к ним. Эта линия набрала на Украине институциональную и интеллектуальную инерцию, которая не может быть быстро преодолена. В существующих условиях мы не считаем вероятным, что поддержка Украины со стороны Запада станет сильнее. На практике неопределенность состоит в том, сохранится ли эта поддержка на нынешнем уровне или будет ослаблена.

Мы также считаем константой российскую политику в отношении Украины. Западные санкции на протяжении почти трех лет не привели к изменениям в позиции Москвы в отношении Украины и гражданской войны в этой стране³. Для Москвы принципиально важно, чтобы в украинской политике были пропорционально представлены те силы, которые ориентированы на тесные экономические и политические связи с Россией, русский язык и русскую культуру [Loshkarev, Sushentsov 2016: 74]. Широкая автономия Донбасса, а в перспективе федерализация страны расцениваются как необходимая гарантия этого и единственный способ сохранения территориальной целостности Украины с учетом ее полити-

³ «Я не думал, что Россия может запретить ввоз продуктов с Запада» Интервью Дэниела Фрида — координатора Госдепартамента США по санкциям. Meduza. 2016. URL: <https://meduza.io/feature/2016/09/01/ya-ne-dumal-chto-rossiya-mozhet-zapretit-vvoz-produktov-s-zapada> (дата обращения: 24.04.2017).

ческого, культурного и языкового разнообразия. Российское руководство считает такой подход открытым, умеренным, компромиссным и конструктивным и не видит в нем пространства для торга. Мы не ожидаем, что этот подход может быть изменен в направлении более комфортного для официального Киева даже в случае нарастания экономических трудностей и возникновения политической турбулентности в России — его разделяет подавляющее большинство российского политического класса. Но нетрудно исключить его ужесточение в случае, если Москва разуверится в перспективе конструктивного партнерства с Киевом и Западом и возможности сохранения украинского государства в его существующих с марта 2014 г. границах.

Соотношение двух указанных переменных дает четыре сценария развития ситуации:

- 1) «Движение в колее» — сравнительная устойчивость украинского политического режима при сохранении нынешнего уровня поддержки Украины Западом;
- 2) «Киев на прицепе» — внутривнутриполитическая дестабилизация подрывает украинскую государственность, однако Запад сохраняет нынешний уровень поддержки Украины;
- 3) «Коллапс и равнодушие» — украинская внутривнутриполитическая ситуация дестабилизируется, Запад сокращает поддержку Украины;
- 4) «Угроза изоляции» — несмотря на сокращение западной поддержки, украинский политический режим сохраняет контроль над ситуацией в стране.

Подчеркнем, что описанные сценарии могут не осуществиться в «чистом» виде. Скорее политическая реальность будет представлять собой их сочетание, склоняясь к одному из них. Свою задачу здесь мы видим не в том, чтобы «предсказать будущее», а в том, чтобы структурировать его, наиболее полно представив спектр его вариантов (рис. 1).

Рис. 1. Сценарии развития Украинского кризиса /
Fig. 1. Scenarios for the development of the Ukrainian crisis

Сценарий 1. «Движение в колее»

Первый сценарий реализуется в условиях сохранения на нынешнем уровне политической стабильности страны и поддержки правительства со стороны Запада.

На неопределенно долгий срок сохраняется текущее положение вещей. Молчаливо признавая провал реформ на Украине, слабость президента П.А. Порошенко, обостряющуюся конкуренцию между различными политическими силами на Украине, западные лидеры и внешнеполитические сообщества, тем не менее, сохраняют нынешний уровень поддержки Украины. Хотя уверенность в Киеве как в потенциально ценном приобретении для евроатлантического сообщества ослабевает, отсутствуют мотивы и политическая воля для того, чтобы менять однажды принятый курс. Украину как тему международной повестки откладывают в сторону, но даже в этом случае сохраняется имеющийся уровень ее поддержки, дипломатической и медийной. Украину также спасают от возможной макроэкономической катастрофы. Она получает помощь Международного валютного фонда, хотя такая помощь сопровождается выдвиганием неформальных политических условий.

Запад не предпринимает целенаправленных усилий по смене власти в Киеве и не поддерживает такие инициативы украинских политиков. Петр Порошенко продолжает терять популярность и влияние, однако в целом контролирует ситуацию в стране вплоть до очередных президентских выборов.

Сталкиваясь со снижением интереса к Украине со стороны крупнейших международных игроков, Киев стремится не допустить замораживания конфликта на Донбассе. Украинские власти считают неприемлемой для себя ситуацию, когда существование непризнанных Донецкой и Луганской народных республик воспринимается всеми вовлеченными сторонами как своеобразная «новая норма», неизбежное и долгосрочное явление. Наиболее простым способом не допустить такой ограниченной нормализации на Донбассе для Киева остается поддержание военной тревоги на линии соприкосновения сторон. Поэтому продолжаются обстрелы территорий ДНР и ЛНР, а также прощупывание их оборонительных позиций. Такие действия едва ли будут сопровождаться политическими заявлениями о продвижении Вооруженных сил Украины (ВСУ) на Донбассе, поскольку такие заявления, хотя и дают краткосрочный внутрисполитический эффект, в то же время фактически возлагают на украинскую сторону ответственность за поддержание напряженности.

Масштабное наступление ВСУ на Донбассе в этом сценарии маловероятно. Киев не обладает решительным военным перевесом над двумя республиками, и возобновление военных действий сопряжено для него с угрозой поражения, которое будет иметь тяжелые внутрисполитические последствия, а также с риском утраты новых территорий на востоке страны. При этом крайне маловероятно, что эти риски могут быть для Киева компенсированы возможностью дипломатического успеха, например, в виде пересмотра не устраивающих Украину пунктов Комплекса мер. С подобным пересмотром не согласятся республики (тем более если они нанесут ВСУ новое поражение), его не поддержит Россия. Наконец, дей-

ствующий документ по урегулированию конфликта на Донбассе имеет статус резолюции Совета Безопасности ООН, обязательной к исполнению, и едва ли Киеву удастся заменить его на столь же легитимный, но более устраивающий украинских радикалов аналог. Все это обесценивает для Киева эскалацию конфликта на Донбассе.

Состояние военной тревоги дает Киеву возможность продолжать ссылаться на то, что неразрешенный вопрос безопасности на Донбассе не позволяет воплотить в жизнь политические пункты Комплекса мер по выполнению Минских соглашений от 12 февраля 2015 г. Хотя этот документ не увязывает прогресс политических договоренностей с достижением устойчивого режима прекращения огня, на переговорах об урегулировании конфликта Киев продолжает объяснять сохраняющейся напряженностью свой отказ вносить (и даже обсуждать) поправки в конституцию страны, предусматривающие особый статус Донбасса, а также договариваться об условиях проведения местных выборов на территории ДНР и ЛНР.

Европейские дипломаты — внешнеполитические ведомства Германии и Франции, а также представители ОБСЕ — в целом содействуют этому курсу Украины. Они публично не возлагают на Украину ответственность ни за продолжающиеся срывы режима прекращения огня, ни за отказ от выполнения политических пунктов Минских соглашений. Хотя в ходе закрытых переговоров с представителями Украины немецкие и французские дипломаты указывают украинской стороне на слабые стороны ее позиции, но их отказ от публичных оценок, даже осторожных и сдержанных, по сути, дает Киеву карт-бланш на срыв выполнения Комплекса мер.

Киев также будет продолжать блокаду ДНР и ЛНР, в том числе поддерживать ограничения на передвижение людей и товаров, не осуществлять социальных выплат. Договоренности по локальным экономическим вопросам — например, возобновление поставок угля с предприятий Донбасса на Украину, — возможны. Но в целом украинская сторона не заинтересована в восстановлении экономических связей с регионом, поскольку это приведет к восприятию сложившейся ситуации как «нормы», к заморозке конфликта.

В рамках данного сценария Донецкая и Луганская народные республики будут продолжать переговоры с Киевом, все активнее заявляя о бесплодности этих переговоров, и одновременно наращивать масштабы сотрудничества с Россией. Человеческие, экономические, моральные потери, которые они несут от продолжающихся обстрелов, sporadических атак со стороны ВСУ и блокады, приведут к росту усталости их населения от неопределенностей военного времени и отсутствия ясных перспектив нормализации ситуации. Однако недовольство будет направлено не столько на руководство республик, сколько на украинские власти.

Москва готова вести продолжительную дипломатическую борьбу за разрешение украинского кризиса и не расценивает возникающие здесь трудности как непреодолимые, а риски — как неприемлемые. Она политически адаптировалась к западным санкциям и к разрыву экономических связей с Украиной. Российское руководство полагает, что его запас прочности значительно выше, чем у действу-

ющего украинского политического режима. Москва осознает, что у Запада не имеются действенных механизмов давления на нее, которые не угрожали бы жизненным интересам самого Запада. Хорошо понимая низкую результативность взаимодействия с европейскими и американскими партнерами по разрешению украинского кризиса, Кремль считает необходимым все же поддерживать интенсивный диалог с ними по этому вопросу: отказ от такого диалога будет дипломатическим проигрышем. В описываемом сценарии у России нет оснований модифицировать свой политический курс в направлении большей жесткости.

Сценарий 2. «Киев на прицепе»

В данном сценарии существующая поддержка Украины со стороны Запада сохраняется, но сама Украина переживает внутривнутриполитическую дестабилизацию.

Масштабы дестабилизации могут быть различными. В наиболее мягком варианте в результате досрочных парламентских выборов не может быть создана пропрезидентская коалиция, и законодательная власть вступает в длительное противостояние с президентом. Усиливается вовлеченность негосударственных или полугосударственных вооруженных и военизированных групп в политический процесс.

В наиболее остром варианте дестабилизация проявляется в массовых уличных акциях, в том числе силового характера, расширении практики, при которой негосударственные вооруженные группы фактически захватывают некоторые государственные полномочия и диктуют свои решения органам власти. В пределе возможна попытка государственного переворота, в случае успеха которого Украина утрачивает легитимное руководство. По-видимому, именно эта перспектива может послужить основным сдерживающим фактором для конкурирующих политических сил.

В таком сценарии урегулирование на Донбассе полностью блокируется. Одновременно нарастает риск возобновления военных действий в результате случайной эскалации одной из локальных стычек. Прогрессирующая слабость государственных структур распространяется на ВСУ, которые все в меньшей степени способны эффективно противодействовать ополчению Донбасса. Ситуация на линии соприкосновения сторон на Донбассе становится менее управляемой. Возобновление полномасштабных боевых действий влечет за собой контрнаступление вооруженных сил республик, которые преодолевают плохо организованное сопротивление ВСУ.

Донецкая и Луганская народные республики сталкиваются с риском возобновления полномасштабных боевых действий и сопряженных с ними потерь и угроз. В то же время новая война в условиях частичного или полного паралича государственных структур на Украине оставляет им широкие возможности для того, чтобы закончить противостояние на своих условиях. Спираль нестабильности, когда новые военные поражения на востоке Украины влекут за собой усиление турбулентности с последующим переворотом в Киеве, может привести к ситуации, когда власти ДНР и ЛНР станут в той же мере легитимными, что и сила, которая *ad hoc* находится у власти в Киеве.

С середины 2014 г. активное вовлечение Запада в украинскую политику купировало наиболее опасные для Киева последствия внутривнутриполитической борьбы. Это предполагало глубокое погружение американских дипломатов и политиков в дела Украины. Пока трудно судить о том, намерена ли новая американская администрация продолжать эту работу, имеются ли у нее необходимые ресурсы. Украина стоит перед необходимостью самостоятельно обеспечивать минимальный уровень консолидации правящих групп, необходимый для поддержания более или менее работоспособных государственных институтов. Острое противостояние, вызванное в январе—феврале 2017 г. блокадой поставок сырья и продукции с промышленных предприятий Донбасса, показывает, что пока украинская политическая элита плохо справляется с этой задачей.

Значение данного сценария для западной дипломатии зависит от того, имеются ли у нее резервные планы на случай наступления внутривнутриполитического форс-мажора в Киеве. Выше мы упомянули о сильной инерции политического курса, который осуществляли ключевые страны ЕС и США с конца 2013 г. («майдан» в Киеве) до начала 2017 г. (завершение срока полномочий президента Барака Обамы). Данный курс предполагает поддержку тех сил на Украине, которые отстаивают враждебную в отношении России позицию и стремятся сделать Украину частью евроатлантической системы безопасности⁴. Один из ключевых критериев успеха такого курса состоит в консолидации враждебного России режима на Украине, и более или менее масштабная дестабилизация в Киеве означает в той или иной мере провал этой политики Запада.

В таких условиях может если не исчезнуть, то ослабеть консенсус США и ЕС по украинскому вопросу. Не исключено, что, сохраняя верность прежнему курсу на уровне риторики, американская администрация не будет прилагать значительных усилий к тому, чтобы восстановить управляемость в Киеве и сгладить негативные для Украины последствия обострения внутривнутриполитической борьбы. Сохраняя вовлеченность в украинские дела, США предоставят союзникам — Германии и Франции — широкое пространство для дипломатической работы по урегулированию кризиса на востоке Украины. При подобном невмешательстве Вашингтона главным хранителем и оператором прежнего внешнеполитического курса станет Германия во главе с федеральным канцлером А. Меркель. Трудность для немецкой дипломатии будет заключаться в том, что Берлин не обладает тем широким набором инструментов давления на ключевых участников украинского политического процесса, которым обладает Вашингтон.

Осуществление данного сценария в его предельных формах, когда распад государственных структур на Украине становится очевидным и неконтролируемым, крайне маловероятно. Но необходимо отметить, что в этой перспективе коллапс украинской государственности сопровождается коллапсом дипломатических усилий по ее сохранению и реконструкции: Россия и Запад будут взаимно блокировать односторонние действия друг друга в этом направлении, а коопера-

⁴ *O'Hanlon M.* How to Save Ukraine. Politico. 2015. URL: http://www.politico.com/magazine/story/2015/05/a-way-forward-for-the-west-on-ukraine-and-russia-118471#.VXF_-8_tlBc (accessed: 24.04.2017).

ция между ними будет крайне затруднена с учетом инерции западного курса в отношении Украины. В то же время необходимо отметить, что минский переговорный процесс может получить новый импульс — как потенциальный институт такой кооперации.

Впрочем, нельзя исключить, что для части украинских политических сил, борющихся за власть в Киеве, переговоры в Минске могут стать средством укрепления легитимности и завоевания популярности у избирателей, крайне уставших от внутренних конфликтов и их последствий. Однако даже если такие силы приобретут политическое влияние, они будут сталкиваться с активным противодействием гражданскому примирению со стороны киевских радикалов.

Сценарий 3. «Коллапс и равнодушие»

В данном сценарии нарастающая внутривластная турбулентность на Украине, способная в итоге привести к коллапсу государственных структур, сопровождается снижением вовлеченности Запада в украинские дела, а также его готовностью пересмотреть свои подходы к урегулированию конфликта на Донбассе.

Доступ Украины к западной финансовой помощи ограничивается, власти в Киеве сталкиваются с непосредственной угрозой новой макроэкономической катастрофы. В западной прессе и из уст политиков все громче звучит критика Киева за провал реформ, неконтролируемое политическое насилие, большое влияние радикальных националистов [Rojansky, Minakov 2015]. Западные дипломаты делают публичные заявления, в которых вина за срывы режима прекращения огня и саботаж выполнения политических пунктов Минских соглашений возлагается на Киев.

Такой сдвиг не означает снятия противоречий по поводу Украины, имеющих между Россией и Западом, а отражает нарастающую усталость западных политиков от неспособности Киева проводить реформы и разрешать конфликт на востоке страны. В Вашингтоне, Берлине и Париже начинают приходить к пониманию того, что Украина в силу своих глубоких внутренних культурных и политических различий не может превратиться в западного сателлита, не испытывая при этом постоянного и разрушительного внутреннего кризиса.

Ни США, ни ключевые страны Европейского союза, ни сам ЕС на фоне более актуальных пунктов своей повестки дня не готовы прилагать существенные усилия к реконструкции Украины, однако начинают воспринимать ее как актив с отрицательной ценностью: долго помогать неудачнику значит самому превратиться в неудачника. Резкий рост российского влияния на Украину невозможен, учитывая настроения, доминирующие в политическом классе этой страны. «Российская экспансия в Европе» представляет собой лишь не слишком удачное изобретение восточноевропейских идеологов. Запад может предоставить Украину самой себе, не опасаясь каких-либо негативных последствий такого решения⁵.

⁵ *Heuvel K.* Rethinking the cost of Western intervention in Ukraine. The Washington Post. 2014. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/katrina-vanden-heuvel-rethinking-the-cost-of-western-intervention-in-ukraine/2014/11/25/b92f8496-741a-11e4-9c9f-a37e29e80cd5_story.html?utm_term=.7cc0f699b42c (accessed: 24.04.2017).

На фоне внутривластной нестабильности правящие круги Украины лишаются своего ключевого источника силы — недвусмысленной поддержки со стороны Запада. Украина начинает терпеть издержки от своей политики саботажа Минских соглашений и в целом урегулирования на Донбассе. Эти издержки некритичны для каждого в отдельности украинского политика — Запад не собирается давить на них, он скорее к ним равнодушен — но в совокупности они приводят к тому, что идеологический антироссийский консенсус украинской элиты, во многом вынужденный и неискренний, начинает размываться.

Нарастающая недееспособность государственных институтов ослабляет позиции ВСУ. Увеличивается угроза случайной эскалации вооруженного противостояния до полномасштабных боевых действий вследствие провокаций отдельных вооруженных групп. Однако размывание идеологического консенсуса в Киеве способствует стабилизации ситуации. Войну на востоке страны можно открыто называть непопулярной, и это дает аргументы и уверенность тем командирам, кто предпочитает беречь жизни своих бойцов, осознавая, что мир может быть близок. В целом организованное военное давление на Донбасс ослабевает.

Угроза коллапса государственности наряду с относительным снижением напряженности на востоке страны впервые делает положение Донбасса привлекательным в глазах жителей других украинских регионов. Сокращение угрозы силового подавления региональной фронды, увеличивающаяся недееспособность центральных властей стимулируют дискуссию о повышении самостоятельности областей.

Взаимное недоверие и отсутствие ясных стратегий мешает России и Западу предпринять согласованные усилия для реконструкции украинской государственности. На переговорах в Минске прогресса не происходит до тех пор, пока в Киеве и на Украине в целом не решится вопрос о власти. При наилучшем исходе Москва, Вашингтон и Брюссель продолжают поддерживать своих союзников на Украине, молчаливо договорившись удерживать их в рамках ненасильственного политического процесса. При худшем — гражданская война на Украине распространяется на новые территории страны, что приводит ее государственность на грань исчезновения.

Сценарий 4. «Угроза изоляции»

В этом сценарии политический режим на Украине сохраняет устойчивость, однако степень поддержки его Западом сокращается. Как и в предыдущем сценарии, усталость западной дипломатии от неудач Украины, сдвиг внешнеполитических приоритетов как в США, так и в ключевых странах ЕС приводит к более сбалансированной оценке хода урегулирования конфликта на Донбассе. Представители ОБСЕ, лидеры Германии и Франции начинают публично отмечать и комментировать ситуации, когда позиция украинской стороны противоречит ее обязательствам по Минским соглашениям и препятствует прогрессу урегулирования.

Солидарность Запада по украинскому вопросу, и без того условная, исчезает. Курс в отношении Украины вызывает все более активную полемику внутри клю-

чевых стран ЕС и в европейских институтах [Mearsheimer 2014]. Страны, призывающие к поддержке Киева в любых его действиях в отношении Донбасса, оказываются в меньшинстве, причем впервые за много лет не ощущают действенную поддержку Соединенных Штатов. В риторике западных политиков вопрос о судьбе санкций против России начинает отделяться от вопроса об урегулировании украинского кризиса.

В условиях низкой вовлеченности Запада, прежде всего США, во внутриполитические процессы на Украине правящей группе удается относительно стабилизировать страну. Нет условий для досрочных выборов Верховной Рады или президента. Разоружаются праворадикальные вооруженные группы, сокращается политическое влияние их командиров и их способность диктовать свою волю органам государственной власти. Полиция, при всей ее слабости и коррумпированности, в целом удерживает контроль над всей территорией страны. Острая конкуренция внутри элиты сохраняется, но она не носит характер борьбы на уничтожение, удерживаясь в конституционных рамках. Сокращение уличного политического насилия и «акций прямого действия» со стороны радикалов-националистов приводит к демократизации политического режима, когда становится сравнительно более безопасно высказывать мнения, противоречащие идеологическому мейнстриму⁶.

В условиях низкой поддержки со стороны Запада Киев не решается на новое наступление на Донбассе. Выводы из прежних поражений сделаны, украинские правящие группы хорошо понимают, что достигнутая стабильность хрупка, а риск способных разрушить ее военных неудач слишком велик. Напряженность на востоке страны впервые за несколько лет устойчиво сокращается.

Представители украинских деловых кругов все чаще публично рассуждают о тех потерях, которые понесли украинские бизнес и бюджет от разрыва экономических связей с Донбассом и Россией, и о скромных результатах соглашения о зоне свободной торговли с ЕС. Это стимулирует обсуждение перспектив урегулирования на Донбассе и восстановления торговых связей с Россией. При этом не отвергается с порога и перспектива заморозки конфликта по приднестровскому образцу: отсутствие политического решения при широком экономическом сотрудничестве. Радикалы резко осуждают саму постановку вопроса о национальном примирении, но за отсутствием у них и собственных содержательных предложений по выходу из кризиса, и способности навязать свою точку зрения при помощи силового давления они оказываются в меньшинстве.

Украинские политики открыто посещают Москву, где встречаются с представителями российских политических и деловых кругов. Существенных договоренностей достичь не удастся, однако демонстрация своих связей в России и способности использовать их для восстановления торговых контактов становится электорально значимой — избиратели Украины это замечают и ценят. В то же

⁶ Интеллигенция Львова высказалась против травли русскоязычных украинцев. УНИАН. 2014. URL: <https://www.unian.net/politics/889778-intelligentsiya-lvova-vyiskazalas-protiv-travli-russkoyazychnyih-ukraintsev.html> (дата обращения: 24.04.2017).

время политический класс Украины все активнее задается вопросом о том, могут ли действующие президент и правительство, а также состав Верховной Рады обеспечить эффективное примирение с Донбассом и Россией. Возникает перспектива смены власти в стране, вызванная, однако, не внутривластной турбулентностью, а запросом политической элиты на более решительное преодоление последствий переворота февраля 2014 г. и последовавшей за ним гражданской войны.

Современная ситуация содержит семена нескольких вариантов будущего украинского кризиса. Однако очевидно, что на ближайшие годы это будущее будет ограничено двумя ключевыми константами — большая война и глубокое политическое урегулирование кризиса одинаково маловероятны. Долгосрочного решения украинского кризиса пока не просматривается.

По мере снижения внимания к кризису внешних акторов — прежде всего, России, США, Германии и Франции, внутренняя политика на Украине станет ключевым источником перемен. От ее развития будут зависеть основные тенденции урегулирования или эскалации.

Евросоюз не осознает размер ежегодных дотаций, которых потребует стабилизация Украины, и не готов их выделять. В долгосрочной целесообразности действий киевского руководства есть основания сомневаться. Внутривластные проблемы и долговое бремя могут вынудить Киев прибегнуть к военной провокации на Донбассе. Внутривластный гражданский антагонизм нарастает. США пока не играют роли стабилизирующей силы, а Россия боится риски и выводит из-под удара свои активы.

Наблюдатели должны учитывать возможность нового витка украинского кризиса в ходе электорального цикла на Украине в 2019 г. Однако мы полагаем, что и в период президентских и парламентских выборов ситуация будет развиваться в рамках описанных выше сценариев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гуцин А.В., Маркедонов С.М. Россия и Украина: коридор возможностей // Россия в глобальной политике. 2014. № 6. URL: http://globalaffairs.ru/ukraine_crysis/Rossiia-i-Ukraina-koridor-vozmozhnostei-17137 (дата обращения: 07.02.2018).
- Данилов Д.А. Стратегия национальной безопасности Украины: возможные последствия для российско-украинских отношений. Аналитическая записка № 12. М.: ИЕ РАН, 2015.
- Курылев К.П. Внешняя политика Украины в контексте формирования европейской системы безопасности в Европе. М.: Изд-во РУДН, 2014а.
- Курылев К.П. Международная безопасность и украинский кризис // Украинский кризис: причины, эволюция, уроки: сб. науч. ст.: в 2 ч. / под ред. Б.А. Шмелёва. Ч. 2. М.: ИЭ РАН, 2014б. Ч. 2. С. 52—67.
- Мироненко В.И. О некоторых аспектах ежегодного послания президента Украины Петра Порошенко // Современная Европа. 2017. № 1. С. 143—148.
- Сушенцов А.А. Как в море корабли. Россия и Украина: отказ от взаимной зависимости // Россия в глобальной политике. 2016. Т. 14. № 2. С. 54—67.
- Чернега В. Украинский урок // Национальный интерес. 2015. URL: <http://ni.globalaffairs.ru/ukrainskij-urok/> (дата обращения: 24.04.2017).

- Charap S., Colton T.* Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia. London: Routledge, 2017.
- Cost of a New Cold War: The U.S. Russia Confrontation over Ukraine / ed. by Sanders P. Washington: Center for the National Interest, 2014.
- Kiryukhin D.* Russia and Ukraine: the clash of conservative projects // *European Politics and Society*. 2016. Vol. 17. Iss. 4. P. 438—452.
- Legvold R.* Return to Cold War. N.Y.: Polity Press, 2016.
- Loshkarev I., Sushentsov A.* Radicalization of Russians in Ukraine: from «accidental» diaspora to rebel movement // *Journal of Southeast European and Black Sea Studies*. 2016. Vol. 16. N 1. P. 71—90.
- Mearsheimer J.* Why the Ukraine Crisis is the West's Fault. *Foreign Affairs*. 2014. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault> (accessed: 24.04.2017).
- Rojansky M., Minakov M.* The New Ukrainian Exceptionalism. *YaleGlobal Online*. 2015. URL: <http://yaleglobal.yale.edu/content/new-ukrainian-exceptionalism> (accessed: 24.04.2017).
- The United States and Russia after the Ukraine Crisis: Three Scenarios / ed. by P. Sanders. Washington: Center for the National Interest, 2015.

Дата поступления статьи: 15.03.2017

Для цитирования: Сушенцов А.А., Силаев Н.Ю. Сценарный прогноз развития украинского кризиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 107—123. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-107-123.

Сведения об авторах: Сушенцов Андрей Андреевич — кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, генеральный директор Аналитического агентства «Внешняя политика», программный директор Валдайского клуба (e-mail: asushentsov@foreignpolicy.ru).

Силаев Николай Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, директор по исследованиям Аналитического агентства «Внешняя политика» (e-mail: nikolai.silaev@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-107-123

POSSIBLE SCENARIOS FOR THE UKRAINIAN CRISIS

A.A. Sushentsov, N.Yu. Silaev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the development of the Ukrainian crisis in the short term. It presents the analysis of four possible scenarios for the development of the crisis and its consequences. The forecast task is to help decision-makers mentally put themselves in a situation in which realized one of the scenarios for the future and to encourage them to calculate their possible actions. In the preparation of this forecast the scenario analysis tool was used: the allocation of two key variables, the ratio of which determines the spectrum of the analyzed scenarios.

In this analysis authors selected the following variables: a measure of the West's support of the current government of Ukraine and the domestic political stability of the government P. Poroshenko. Although support from the West plays an important role in strengthening the domestic political position of President Poroshenko, and the failure of the Ukrainian authorities in the future can weaken the West's readiness to support them, the authors consider it possible to recognize these uncertainties as independent of each other. The ratio of the two variables gives four scenarios for the development of the situation. The described scenarios may not be implemented in a "pure" form. Political reality will be a result of combination of them, leaning towards one of it. The authors consider their task not as "predicting the future", but in structuring it, presenting the range of its options. The authors give a list of event-markers, which will indicate the implementation of a particular scenario.

The authors come to the conclusion that in the coming years the future of the Ukrainian crisis will be limited by two key constants — a big war and a deep political settlement are equally unlikely. A long-term solution to the Ukrainian crisis is not yet visible. Most of the external participants in the situation take a wait-and-see attitude, watching which faction will win in Kiev. It can be stated that the key process of the near future is the formation of stable status-quo frameworks, in which the crisis will freeze for one or two electoral cycles.

Key words: Ukraine, CIS, Ukrainian crisis, Minsk agreements, international security, forecasting, uncertainty of the future, Russian-Ukrainian relations, analytical simulation, scenario analysis

REFERENCES

- Chernega, V. (2015). Ukrainian lesson. *National interest*. URL: <http://ni.globalaffairs.ru/ukrainskij-urok/> (accessed: 24.04.2017). (In Russ.).
- Charap, S. & Colton, T. (2017). *Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia*. London: Routledge.
- Danilov, D.A. (2015). *The National Security Strategy of Ukraine: possible consequences for Russian-Ukrainian relations. Analytical note N 12*. Moscow: IE of RAS. (In Russ.).
- Gushhin, A.V. & Markedonov, S.M. (2014). Russia and Ukraine: a corridor of opportunities. *Russia in Global Politics*, 6. URL: http://globalaffairs.ru/ukraine_crisis/Rossiia-i-Ukraina-koridor-vozmozhnosti-17137 (accessed: 07.02.2018). (In Russ.).
- Kiryukhin, D. (2016). Russia and Ukraine: the clash of conservative projects. *European Politics and Society*, 17(4), 438—452.
- Kurylev, K.P. (2014a). *Foreign policy of Ukraine in the context of the formation of a European security system in Europe*. Moscow: Izd-vo RUDN. (In Russ.).
- Kurylev, K.P. (2014b). International security and the Ukrainian crisis. In: *Ukrainian crisis: causes, evolution, lessons: Coll. of sci. art. in 2 parts*. Ed. by B.A. Shmelev. Moscow: IEE of RAS, P. 2, p. 52—67. (In Russ.).
- Legvold, R. (2016). *Return to Cold War*. N.Y.: Polity Press.
- Loshkarev, I. & Sushentsov, A. (2016). Radicalization of Russians in Ukraine: from «accidental» diaspora to rebel movement. *Journal of Southeast European and Black Sea Studies*, 16(1), 71—90.
- Mearsheimer, J. (2014). Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault> (accessed: 24.04.2017).
- Mironenko, V.I. (2017). On some aspects of the annual message of the President of Ukraine Petro Poroshenko. *Modern Europe*, 1, 143—148. (In Russ.).
- Rojansky, M. & Minakov, M. (2015). The New Ukrainian Exceptionalism. *YaleGlobal Online*. URL: <http://yaleglobal.yale.edu/content/new-ukrainian-exceptionalism> (accessed: 24.04.2017).
- Sanders, P. (Ed.). (2014). *Cost of a New Cold War: The U.S. Russia Confrontation over Ukraine*. Washington: Center for the National Interest.

Sanders, P. (Ed.). (2015). *The United States and Russia after the Ukraine Crisis: Three Scenarios*. Washington: Center for the National Interest.

Sushentsov, A.A. (2016). As in the sea ships. Russia and Ukraine: Refusal from Mutual Dependence. *Russia in Global Politics*, 14(2), 54—67. (In Russ.).

Received: 15.03.2017

For citations: Sushentsov, A.A. & Silaev, N.Yu. (2018). Possible scenarios for the Ukrainian crisis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (1), 107—123. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-107-123.

About the authors: *Sushentsov Andrej Andreevich* — PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Applied Analysis of International Problems of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Director General of the Analytical Agency “Foreign Policy”, Program Director of the Valdai Club (e-mail: asushentsov@foreignpolicy.ru).

Silaev Nikolaj Yur'evich — PhD in History, Senior Researcher of the Center for Caucasus Problems and Regional Security of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Research Director of the Analytical Agency “Foreign Policy” (e-mail: nikolai.silaev@gmail.com).

© Сушенцов А.А., Силаев Н.Ю., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-124-134

IRAN AND SAUDI ARABIA IN THE MIDDLE EAST: LEADERSHIP AND SECTARIANISM (2011–2017)

Diansaei Behzad

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia),
Moscow, Russia

Abstract. Relations between Iran and Saudi Arabia have never been at a desirable level. Iran's 1979 revolution, the fall of Saddam Hussein in Iraq and the Arab Spring in turn increased the disagreement between the two regional powers. This article examines the relationship between Iran and Saudi Arabia in the Middle East between 2011 and 2017. Both countries claim to have leadership over other Islamic Muslim countries in the Middle East, in which Iran as a Shia state and Saudi Arabia as a Sunni-Wahhabi state have multiple ideological and political conflicts that have drawn opposing interests for each other.

As a result, new multifactor regional international situation involving Iran and Saudi Arabia arose, to analyze which it would make sense to apply the general scientific analytical methods (logical, typological, inductive-deductive methods, etc.), and a number of specific methods for direct study of international relations, including those based on a systemic approach.

The author examines the two powerful Middle Eastern countries with an emphasis on instrumental sectarianism as an important component of the regional order transformation process, understanding Iran as one of the superior powers of the region in the context of Islamic discourse and the same role of Saudi Arabia with strong tendency in the framework of Arab discourse. It was concluded that Iran and Saudi Arabia have ambitions for a larger share of the new Middle East and from the viewpoint of religious perspective, are instrumental in expanding their influence in the Middle Eastern countries.

Key words: Islamic Republic of Iran, Saudi Arabia, the Arab Spring, sectarianism, Middle East, Iranian-Saudi relations, superior powers of the region

The study of relations between Iran and Saudi Arabia as the largest country in the Arab part of the Persian Gulf region is dependent on relations between Iran and the Arabs in general. Meanwhile, due to the central role of Saudi Arabia in the Middle East, the Persian Gulf, and among Islamic countries, the type of Iran — Saudi relations has always been important in its peripheral environment. In other words, Saudi Arabia as one of the members of the Arab community has been always influenced by the events of the region and the types of interactions of each country of the Persian Gulf region, the Middle East and Iran. Creating a climate of trust and understanding or distrust and misunderstanding between the two countries has had positive or negative effects in the region and the Islamic countries. The victory of the Islamic revolution in 1979 and the formation of the Islamic Republic of Iran opened a new chapter in bilateral relations. After this victory the Shia revolutionary ideology was established in Iran which was in contrast with the Sunni-Wahhabi ideology of Saudi Arabia. In addition to the outbreak of the religious revolution in a monarchy kingdoms of the region, and Saudi Arabia as one of them, were aware of the possible danger of

their own security. Particularly due to the thesis of the revolution these concerns were doubled. Policies and propaganda of the Western governments were used in kindling hostility and disagreements between Iran and Saudi Arabia [Borujerdi 2001: 145].

As a result, new multifactor regional international situation involving Iran and Saudi Arabia arose, to analyze which it would make sense to apply the general scientific analytical methods (logical, typological, structural systems, inductive-deductive methods, etc.), and a number of specific methods for direct study of international relations, including those based on a systemic approach. A systemic approach will enable a holistic analysis of relationships, forming multi-level system of international relations in the Middle East and between Iran and Saudi Arabia. Another objective of the study is to systematize conflicting assessments of the current situation in bilateral relations using for this purpose methodology of the theory of the international comparisons. An important task is a comprehensive study of various approaches in scientific literature to the study of the objectives and priorities of Iran and Saudi Arabia in the Middle East. Therefore in purpose to obtain the most relevant information on the scope of the research and on a perspective of the involvement of Iran and Saudi Arabia into political processes in the Middle East it is necessary to study a wide range of articles from scientific magazines, mass media, in particular, of the official sites of government departments and analytical centers. Thus the set of methods includes different analysis of sources and analytical materials, synthesis of information, comparison of data. Besides, in work the comparative analysis will be used. The current confrontation between Iran and Saudi Arabia has an important sectarian element, but it shouldn't be understood simply as a "Sunni versus Shia" confrontation. High regional dynamics of the playing a balance of power game should be taken into account then analyzing the role of sectarianism in that game in order the motives both Iran and Saudi Arabia not to be misunderstood.

The problem of studying the foreign policy of Iran and Saudi Arabia in the Middle East is an urgent task that deals with the growth of the Shia-Sunni confrontation. There is extensive literature on the impact of the events of the Arab Spring and the current operation to counter the forces of international terrorism in the region. However, the question of the analysis of the grounds for Saudi Arabia's and Iran's involvement in international relations in the Middle East, the problem of the influence of Islamic sectarianism on the transformation of the system of international relations and foreign policy of these leading countries of the region, as a rule, is not the focus of research. Without claiming to cover this topic in detail, we will give a brief overview of the main points of view on these issues, try to identify the main tasks that Iran and Saudi Arabia are solving in this context in the turbulent Middle East.

THE ARAB SPRING AND SECTARIANISM IN THE MIDDLE EAST

The Arab disorders has brought the situation in the Middle East into a new stage, called by some researches the "New New Middle East"¹ or the "Third Arab Cold War" [Hinnebusch 2016]. Reshaping the Middle East the USA didn't assume that

¹ "New" — modern, not historical; "new new" — after 2011.

other realities will be imposed on their plans of updating of the region, therefore it is possible to accept the idea about "the New New Middle East". The political situation of the region in the post-instability period has been the process that began in the 2000's and led to the polarization of the Middle East. International relations in the region after the events of 2011 can be seen with an intensification of sectarian gaps (between Shia and Sunni Muslims) and an increase in the role of non-state actors. In general, the role of transnational identities in the Middle East in the discussed period is an indicator of the existing weakness of the state institution. Within this framework, religious sectarianism has become a political tool for regional hegemon, in addition to relation to affiliated groups in the countries with deep ethnic-sectarian gaps, they have also influenced balance of power [Shaw 2009].

An instrumentalized sectarianism² as a component of regional order is a new phenomenon that has been accelerated by the U.S. intervention during the regional power struggle. But the Islamic sectarianism long pre-existed the American invasions [Rosen 2010]. On one hand, the 2010—2011 Arab Spring intensified the power struggles in the Middle East, and on the other hand, led to a bigger sectarianism instrumentation of the regional states. In other words, the presence of jihadists in the countries experiencing uprisings due to sectarian sensitivities has led to an unprecedented spread of transnationalization of sectarian movements [Narbone, Lestra 2015]. In addition, security concerns led to the proximity of the parties involved to the relevant social groups, and this combination along with ethnic cleansing and the domination of sectarian discourse on television and social media intensified sectarianism in the Middle East after the period of uprisings. Therefore, the role of transnational Arab and Islamic identities in the sectarian format continues to be their state form through Iran and Saudi Arabia [Khoury 2013]. The main lines of this state are defined by also legal ground — the Ja'fari School in Iran and the Hanbali school in Saudi Arabia.

During the process of sectarianism in the Middle East powerful states use different strategies. Saudi Arabia which plays a key role in Sunni sectarianism has introduced the Shias as a pagan minority and emphasized the role of Iran as a non-Arab actor in the Arab world seeking to exploit the majority of the Sunni world against Iran³. Contrary to that, the Islamic ideology discourse of Iran aims at rebuilding

² Instrumentalized sectarianism — "The first step toward sectarianization is the politicization of sectarian differences for instrumental ends: political entrepreneurs are incentivized to instrumentalize sectarianism to mobilize sects in intra-state competition over resources, as famously in Lebanon, and individuals to use sectarianism to gain access to clientele networks. This 'instrumental sectarianism' has little doctrinal implications or necessary incompatibility with sectarian coexistence... instrumental sectarianism facilitates defensive collective action (e.g. the minorities in the Syrian civil war). Militant sectarianism — in the Muslim world jihadism — has an intense normative content, seeks to impose (universalize), if need be by force, a one true interpretation of religion — usually a fundamentalist one — in the public sphere; it demonizes those who do not comply as infidels and often embraces martyrdom for the cause" [Hinnebusch 2016: 123].

³ Kalin, I. (2014). Sectarianism: A Recipe for Disaster for Sunnis and Shiites. URL: <https://www.dailysabah.com/columns/ibrahim-kalin/2014/06/17/sectarianism-a-recipe-for-disaster-for-sunnis-and-shiites> (accessed: 07.03.2016).

Muslim resistance against the United States and Israel and their regional partners (led by Saudi Arabia). In contrast, Saudi Arabia uses Salafi elements, and the Islamic Republic of Iran relies on the mobilization of the transnational network of Shia minorities [Gause 2014].

Regarding the global affairs, the Islamic Republic of Iran national security strategy “has been premised on the belief that resisting U.S. hegemonic aspirations in the Middle East is not only the source of Iran’s strength, but allows it to maintain its independence”. On the contrary, Saudi Arabia “views the United States as its security guarantor and has relied on U.S. military, political, and economic patronage for decades. In May [2017 — *note by the author*], MBS signaled his aim to continue this dependency by signing the largest arms deal in U.S. history for \$350 billion — and thereby winning full support for his regional and domestic agenda from the White House”⁴.

POSITIONS AND POLITICS OF SAUDI ARABIA

In general, the regional status of Saudi Arabia was in an unfavorable situation due to overthrowing Saddam Hussein in Iraq in the 2000’s and its position during the 2006 Israel-Hezbollah War (the July war). The negative results of the Arab uprisings have led to the collapse of the authoritarianism and have changed the regional balance more favorably for the rivals. In this regard, Saudi Arabia which throughout the history of the new Middle East has always been one of the main actors and leader of the Arab-Islamic world for a considerable number of Arab countries, have formed a bloc of power together with other monarchies of the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (GCC). The goal of such policy was to confront the wave of uprisings in the member states and then promote their regional status [Gause 2011].

In the following section, there is a summary on relations of some of the countries that have experienced Arab uprisings (Libya, Syria) and Saudi Arabia in the frames of the Alliance.

The Libyan government during the presidency of Muammar Gaddafi was selling weapons to Iran during the Iran-Iraq war as a part of balancing policies (1988—1989). His adventurous actions such as the assassination of King Abdullah, former king of Saudi Arabia, the disregard for the Arab League decisions, etc. for most of Arab states in the region, the Middle East and North Africa has always been considered as those of an enemy and an undesirable element. Therefore, the uprisings in this country were an opportunity for the regional governments and particularly the members of the Holy Arab Alliance, to get rid of Gaddafi. In this regard, after the uprisings in this country and Gaddafi losing control of the parts of the country Saudi Arabia and other monarchies used the mass media (Al Jazeera and Al Arabiya) and influence of their voices in the Alliance to stand against Libya [Filipkova, Hesova, Karasek, Kubikova, Kuzvart, Zahora 2012].

⁴ Mousavian, H.S. (2018). *Contrasting Leadership Styles in the Saudi-Iran Conflict*. URL: <http://lobelog.com/contrasting-leadership-styles-in-the-saudi-iran-conflict/> (accessed: 05.01.2018).

In this period Syria has become an important part of the Saudi Arabia regional strategy; the uprisings in such cities as Daraa, Hama and Homs were a chance for this country to change negative response of Syria not to be represented in the opposition to join the American peace block and reduce the level of its relations with Iran [O'Bagy 2013].

The given description represents the general policies of Saudi Arabia within the Holy Arab Alliance in the Middle East after the uprisings. This policy was formed in January 2005. In this regard, the new government of Saudi Arabia had cooperation within the framework of the Gulf Cooperation Council.

In this context Saudi Arabia knowing the importance of the role of identities in the Middle East, mainly Sunnis, Sunni-Arabs tried to limit sectarianism in the area of Iran's influence. This country considers all the Arab lands as its potential sphere of influence and thinks that Iran's proximity to the Shia Iraqi government or Hezbollah powerful organization in Lebanon as not unacceptable. In this regard, the Saudis pursued their activities at both regional and national levels to regulate influence of Iran.

In order for Saudi Arabia to change regional equilibrium and reduce the role of Iran, they expect the U.S. to support three countries: Iraq, Syria and Yemen. In Iraq, the Saudi government wants a comprehensive government that is less focused on Shia sectarian tendencies. The Saudis know that most part of the Iraqi population is Shias. Accordingly, there is no possibility of transferring power to the Sunnis, but the existence of a state with less sectarian tendencies can reduce influence of Iran as the largest Shia state in the region. On the contrary, since the majority of Syria's population is Sunnis the Saudis are seeking to overthrow the rule of al-Assad and transfer power to other party. In this regard, the strategy of removing Syria from the Iranian influence would disconnect Iran and Hezbollah from Lebanon. Eventually, the Houthis' defeat in Yemen and the transfer of power to Abdrabbuh Mansur Hadi were Saudi Arabia's last steps aimed at overcoming the risk of regional influence in Iran. On the one hand, the Saudi politicians wanted to strengthen the military power of this country with the help of the U.S., and on the other, not to let the presence of Iran in other Arab country of the Middle East⁵.

YEMEN BETWEEN SAUDI ARABIA AND IRAN

Yemen like most of the other Arab states, faced uprisings in 2011—2012. Yemen is one of the other countries that, in the light of Arab uprisings, was the scene of Saudi and Iran involvement.

At the regional level, attack of Saudi Arabia on Yemen aimed at suppressing its Shia minority is in fact a reaction to the regional role of Iran. This is followed by the widespread mobilizing of opponents of Bashar al-Assad and especially the Islamists who were active in the Syrian civil war. At the national level, Saudi Arabia recently aimed at violating internal security of Iran. So, the relations between the former and current

⁵ Althunayyan, H. (2017). The U.S.-Saudi relations in the Trump era. Aljazeera Media Network. URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2017/05/saudi-relations-trump-era-170518084540044.html> (accessed: 02.11.2017).

officials of the country with Iranian opposition groups abroad (Kurdish separatists and the People's mujahidin organization of Iran) were the reason of decisive solutions of Saudi Arabia and its allies in the region to limit Iran⁶. Barack Obama as the strategic partner of Saudi Arabia in the region was also cautious against the U.S. involvement in so called "proxy wars" fueled by Saudi-Iranian competition in the Middle East as, for example, in Yemen and Syria [Schmierer, Jeffrey, Nader, Nazer 2016].

During the period of the spread of uprisings and the transfer of power in the country, intervention of Iran in Yemen and its support for the Zaidi Shia minority were never discussed. But this matter was mentioned by members of the GCC after the Houthis dominated Sana'a and the disengagement of the President approved by Saudi Arabia in 2014. Despite Iran's support for the activities of Islamic movements and in particular the Shias in the region, the Houthis' actions were also surprising to Iran [Esfandiary, Tabatabai 2016].

On this basis, due to the weakness of civil society, the existence of ideological gaps along with the activities of radical Islamist groups has led to the government's severe inability to resist in Yemen. In this regard, major concern of Saudi Arabia as a neighbor of Yemen was to stabilize the country and prevent the spread of uprisings in Saudi Arabia [Matthiesen 2015]. Following the spread of uncertainties and split between the army and the central government in Yemen, the Saudi government in pursuit of its historic role in this country sought to secure security concerns. In this regard, plan of the Gulf Cooperation Council supported by the U.S. and European Union provided mediation for the peaceful transfer of power from Ali Abdullah Saleh, president of Yemen during the uprisings, to Abdrabbuh Mansur Hadi who was launched in 2012 [Thiel 2012].

Later it included such operations as "Decisive storm", "Restoring hope" on March 25, 2015 in Yemen, following the goal of limiting Shia Houthis on political arena of this country. It seems that such an offensive policy of Saudi Arabia and its allies was a reaction to US regional policy under the presidency of Barack Obama (2009—2017) and their support of Arab monarchies and ineffectiveness of the above-mentioned countries under the governance of Saudi Arabia in preventing conclusion a nuclear deal between Iran and the P5+1 (China, France, Russia, the United Kingdom, and the United States, plus Germany). Iran's withdrawal from international isolation by nuclear resolutions would increase its ability to engage in regional conflicts. Based on this, the regional changes have created the feeling that only the Arab states, especially Saudi Arabia unlike in the past had to play their regional role alone and balanced the position of Iran [Gause 2015].

The coincidence of the successes of Houthis in Yemen, the presence of the Quds Force in Iraq and Syria sparked the feeling that the country was seeking expansionist policies in the region. Yet, unlike Yemen, Iraq, Syria and Lebanon have a much higher position in the vast orientation of Iran's foreign policy. Despite the support of Iran for Shias and particularly the Ansar Allah group in Yemen, the lack of response of this

⁶ Karami, A. (2016). Saudi Prince's endorsement of MEK angers Iranian officials. *AL-Monitor*. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/07/iran-mek-mojahedin-saudi-turki-bin-faisal.html> (accessed: 10.09.2017).

country to airstrikes of Saudi Arabia and the Arab coalition shows a lack of understanding of position of Yemen in the foreign policy of Saudi Arabia and to this point draws attention to Iranian politicians [Mohseni 2015]. In the case of Yemen statements of the Iranian authorities and their position showed the Iranian government did not want to oppose Saudi Arabia.

POSITIONS AND POLITICS OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

Before the beginning of Arab uprisings, the Islamic Republic of Iran as the leader of the resistance block in the Middle East was in a better position than other major regional actors. After the overthrow of Taliban in Afghanistan (2001), Saddam Hussein in Iraq (2003) for the first time after the Islamic Revolution Iran was able to appear as a major regional actor, support Hezbollah in 2006 Lebanon War (the July war), and with some support of the Arab Middle Eastern societies increase its soft power in the region. Iran and Syria enjoyed the Syrian-Iranian strategic partnership or axis [Goodarzi 2013]. In this regard, the decade before the Arab uprisings was the period of the growth and consolidation of regional power of Iran in the Middle East due to its success in Syria, Lebanon, Iraq, and Palestine. In the beginning the Iranian government viewed uprisings in the Arab countries with some skepticism and it also “felt threatened by the possibility that the reformists inside Iran would be inspired by them, and try to reproduce the experience in their own country” [Firas 2011: 4]. Also “both the conservative elements who support Ahmadinejad and those who support Khamenei — viewed the Arab revolts through the prism of Iran’s foreign relations and regional alliances. It forms a plank of their policies to have Iran firmly ensconced as a major regional power, one which promotes Shia power throughout the world” [Firas 2011: 10]. Within the framework of the Iranian fundamentalist discourse it was interpreted as a natural continuation of the “Islamic Awakening” of the Iranian people and the Iranian Islamic revolution. As it was mentioned “Khamenei expressed this in a speech in Tehran at an international conference on Islamic Awakening, held in 2011... This position led to deep disagreement between the Islamic Republic and the Muslim Brotherhood in Egypt” [Al-Smadi 2017].

The rapid collapse of the secular and supported by the United States regimes in Egypt and Tunisia as well as the high role of Islamic movements in overthrowing these regimes have changed the attitude of Iranian authorities towards recent changes in the region, so that they interpreted these uprisings as the continuation of the Islamic Revolution of Iran and referred to it as “Islamic Awakening” [Kurzman 2012].

If the Arab uprisings are considered to be only a series of revolutions, it is the product of the rivalry between the two main actors in the Middle East region — Iran and Saudi Arabia. In turn, “that it is the result of the Shia-Sunni divide. The divide is a *driver* of Saudi and Iranian foreign policies, but the key motive for both countries is to preserve the security of the state” [Keynough 2016]. Meanwhile, Bahrain and Yemen were the main battlegrounds between the powers in terms of neighboring Saudi Arabia and the considerable number of Shias.

Regarding the uprisings in Bahrain where more than 70 percent are Shias and the country is under control of the Sunni minority, the Iranian government is primarily

concerned of the intervention of Saudi Arabia and the UAE armies along with other Arab (Jordan) and even the non-Arab countries (Pakistan) in the region under the guidance of the security forces of the GCC who severely suppressed the peaceful political protests [Ulrichsen 2015]. In relation to this, members of the Holy Arab Alliance condemned Iran in interfering in the international affairs of their countries [Mabon 2012]. The geographical proximity of Bahrain to the Eastern Province (Al-Sharqiyyah) and in particular the cities of Dammam, Al-Ahsa and Qatif where the biggest amount of Shias in the country live, as well as the geopolitical significance of the area for the Saudis in terms of the presence of major Saudi oil supplies near it is a matter of concern for Saudi Arabia and other countries of the Holy Arab Alliance. It was explained by a possible takeover of power by the Bahraini Shias, which could change the regional equilibrium and Iran's further expansion of regional influence over the last decade. Therefore, with the knowledge of the role and position of supra-national identities in the region these countries are trying to control the opposition.

Unlike Bahrain and Yemen, Egypt had a great importance in the regional strategy of Iran after the presidency of Hosni Mubarak.

First of all, it was due to its geopolitical position in the Arab world close to Israel. In this regard, the Iranian government in the short period of Muslim Brotherhood (the Society of the Muslim Brothers) being a political power, wanted Egypt to establish friendly relations with the country [El-Labbad 2014]. In fact, there was no possibility to establish friendly relations between the two countries due to such factors as strong economic dependence of Egypt on the U.S. and the Persian Gulf monarchies, opposition of the Syrian Muslim Brotherhood to the rule of Bashar al-Assad, Iranian support of Morsi until the military coup d'état in July 2013. Thus, overthrow of Morsi's government has never led to a deep-seated friendly relationship between the two countries [Hinnebusch 2014].

According to particularly Article 154 of the Constitution of the Islamic Republic of Iran, "the Islamic Republic of Iran has as its ideal human felicity throughout human society, and considers the attainment of independence, freedom, and rule of justice and truth to be the right of all people of the world. Accordingly, while scrupulously refraining from all forms of interference in the internal affairs of other nations, it supports the just struggles of the freedom fighters against the oppressors in every corner of the globe"⁷. Therefore, the interference in other country's affairs is not acceptable until it is the oppressed people. That explains the overall orientation of the foreign policy of this country where there is no doubt that defending the Palestinian Muslim nation against Israel will be Iran's Government civic duty and one of the highest priority in international politics. In this regard, view of Iran on the uprisings in Syria is more focused on the country's position as the only state actor along with Iran in the resistance axis, so that the axis is currently the only bloc of unified power against Israel in the region. Therefore, Iran aims to adopt a sing united policy of the regional countries towards Israel. For Iran, helping to maintain secular rule of Bashar al-Assad is important because it has a con-

⁷ Constitution of the Islamic Republic of Iran. Adopted on: 24 October 1979. Amended on: 28 July 1989. URL: http://en.mfa.ir/uploads/Constitution_8032.pdf (accessed: 21.12.2017).

nection role of Iran and Hezbollah in Lebanon. On the other hand, the two countries are sharing their stance on hostility to Israel [Malt Zahn 2015].

As one of the superior powers of the region, Iran like other key actors wants to play a regional role, but this role is defined in the context of Islamic discourse. Just as Saudi Arabia today has this tendency in the framework of Arabic discourse⁸. It should be noted that until the writing of the present study Syria stays a blind spot of the regional play between Iran and other countries of the Middle East.

In conclusion, dealing with Iran's relations with Saudi Arabia in the Middle East crisis and the creation of the new Middle East from 2011—2017 it must be stressed that Iran and Saudi Arabia, from the viewpoint of religious perspective, are instrumental in expanding their influence in the Middle East and its countries. They have ambitions for a larger share of the renewed Middle East. Therefore, hope for peace in the Middle East region is impossible to imagine as reality in the near future. And the two countries will deal with this confessional sentimental means of putting the Sunni coalition against the Shia coalition to confront each other in the Middle East.

REFERENCES

- Al-Smadi, Fatima. (2017). *Iran and the Arab Revolutions: Narratives Establishing Iran's Monopolism*. 18 March 2017. URL: <http://studies.aljazeera.net/en/reports/2017/03/iran-arab-revolutions-narratives-establishing-irans-monopolism-170318050125225.html> (accessed: 22.12.2017).
- Borujerdi, A.H. (2016). *Development of Arab-Iranian relations*. Tehran: Publishing house of Ministry of Foreign Affairs.
- El-Labbad, M. (2014). Egypt: A Regional Reference in the Middle East. In: *Regional Powers in the Middle East: New Constellations after the Arab Revolts*. Ed. by H. Furtig. New York: Palgrave, p. 81—91.
- Esfandiary, D. & Tabatabai, A. (2016). Yemen: An Opportunity for Iran-Saudi Dialogue? *The Washington Quarterly*, 39 (2), 155—174. DOI: <https://doi.org/10.1080/0163660X.2016.1204415>.
- Filipkova, L., Hesova, Z., Karasek, T., Kubikova, N., Kuzvart, J. & Zahora, J. (2012). *NATO and the Arab Spring: challenge to cooperation, Opportunity for Action?* Association for International Affairs. URL: <https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2015/11/pp-2012-01.pdf> (accessed: 10.09.2017).
- Firas, Abu Hilal. (2011). *Iran and the Arab Revolutions: positions and Repercussions*. Arab Center for Research and Policy Studies. Doha. URL: https://www.dohainstitute.org/en/lists/ACRPS-PDFDocumentLibrary/Iran_and_the_Arab_Revolutions_Positions_and_Repercussions.pdf (accessed: 04.04.2016).
- Gause, G. (2011). Is Saudi Arabia really counter-revolutionary? The Middle East channel. *Foreign policy*. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/08/09/is-saudi-arabia-really-counter-revolutionary/> (accessed: 16.03.2017).
- Gause, G.F. (2014). *Beyond Sectarianism: The New Middle East Cold War*. Brookings Doha Center. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/English-PDF-1.pdf> (accessed: 12.03.2017).

⁸ Khalid, A. (2011). Iran calls on Syrian President to consider protesters demands. Independent. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/iran-calls-on-syrian-president-to-consider-protesters-demands-2345536.html> (accessed: 12.07.2016).

- Gause, G. (2015). The Future of U.S — Saudi Relations: The Kingdom and the Power. *Foreign Affairs*, 95(4). URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-06-13/future-us-saudi-relations> (accessed: 16.03.2017).
- Goodarzi, J.M. (2013). Syria and Iran: Alliance Cooperation in a Changing Regional Environment. *Middle East Studies*, 4 (2), 31—59.
- Hinnebusch, R. (2014). The Arab Uprisings and The MENA Regional States System. *Uluslararası İlişkiler-International relations*, 11(42), 7—27.
- Hinnebusch, R.A. (2016). The Sectarian Revolution in the Middle East. *R/Evolutions: Global Trends & Regional Issues*, 4(1), 120—152.
- Keynoush, Banafshe. (2016). *Saudi Arabia and Iran: Friends or Foes?* London: Pallgrave and Macmillan.
- Khoury, N.A. (2013). The Arab Cold War Revisited: The Regional Impact of the Arab Uprising. *Middle East Policy*, 20 (2), 73—87.
- Kurzman, C. (2012). The Arab Spring: Ideals of the Iranian Green Movement, Methods of the Iranian Revolution. *International Journal of Middle East Studies*, 44(1), 162—165. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020743811001346>.
- Mabon, S. (2012). The Battle for Bahrain: Iranian-Saudi Rivalry. *East Policy*, 19(2), 84—97. DOI: 10.1111/j.1475-4967.2012.00537.x.
- Malt Zahn, N.V. (2015). *The Syria-Iran Axis: Cultural Diplomacy and International Relations in the Middle East* (Library of Modern Middle East Studies). London, New York: I.B. Tauris & Co Ltd.
- Matthiesen, T. (2015). Transnational Identities after the Arab Uprising. In: *The Gulf Monarchies beyond the Arab spring: changes and challenges*. Ed. by L. Narbone & M. Lestra. Florence: European University Institute, p. 32—36. DOI: 10.2870/930212.
- Mohseni, P. (2015). *Iran and the Arab World after the Nuclear Deal: Rivalry and Engagement in a New Era*. Belfer Center for Science and International Affairs. URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/Impact%20on%20Arab%20World%20-%20Web.pdf> (accessed: 22.08.2017).
- Narbone, L. & Lestra, M. (2015). *The Gulf Monarchies beyond the Arab spring: changes and challenges*. Florence: European University Institute. DOI: 10.2870/930212 URL: <http://cadmus.eui.eu/handle/1814/37734> (accessed: 12.08. 2016).
- O’Bagy, E. (2013). *The free Syrian Army*. Institute for the Study of War. URL: <http://www.understandingwar.org/report/free-syrian-army> (accessed: 06.09. 2017).
- Rosen, N. (2010). *Aftermath. Following the Bloodshed of America’s wars in the Middle East*. N.Y.: Nation books.
- Schmierer, R., Jeffrey, J. F., Nader, A. & Nazer, F. (2016). The Saudi-Iranian Rivalry and the Obama Doctrine. *Middle East policy*, 23(2), 5—30.
- Shaw, M. (2009). *Sociological approaches to international relations*. URL: <https://www.eolss.net/sample-chapters/C14/E1-35-01-07.pdf> (accessed: 12.08. 2016).
- Thiel, T. (2012). After the Arab Spring power shift in Middle East? Yemen’s Arab Spring: from youth revolution to fragile political transition. *LSE Research Online*. London School of Economics and Political Science. URL: http://eprints.lse.ac.uk/43465/1/After%20the%20Arab%20Spring_Yemen%E2%80%99s%20Arab%20Spring%28Isero%29.pdf (accessed: 02.09.2017).
- Ulrichsen, K.C. (2015). The Uprising in Bahrain: Regional Dimensions and International Consequences. In: *Routledge Handbook of the Arab Spring: Rethinking Democratization*. Ed. by Labra Sadiki. New York: Routledge Taylor & Francis Group, p. 133—144.

Received: 1.12.2017

For citations: Diansaei, Behzad (2018). Iran and Saudi Arabia in the Middle East: leadership and sectarianism (2011—2017). *Vestnik RUDN. International Relations*, 18(1), 124—134. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-124-134.

About the author: *Diansaei Behzad* — postgraduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: behzaddiansae@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-124-134

ИРАН И САУДОВСКАЯ АРАВИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ЛИДЕРСТВО И МЕЖРЕЛИГИОЗНАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ (2011—2017)

Диансаи Безад

Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

Отношения между Ираном и Саудовской Аравией всегда были далеки от идеальных. Революция 1979 г. в Иране, падение режима Саддама Хусейна в Ираке и арабская весна привели к еще большим разногласиям между этими региональными державами. В статье анализируются отношения Ирана и Саудовской Аравии на Ближнем Востоке в период с 2011 по 2017 г. Обе страны претендуют на лидерство среди мусульманских стран Ближневосточного региона, в котором шиитское государство — Иран и суннито-ваххабитское государство — Саудовская Аравия преследуют противоположные интересы, участвуя в многочисленных идеологических и политических конфликтах.

В результате в регионе сформировалась сложная многофакторная ситуация с участием Ирана и Саудовской Аравии, для анализа которой автором были использованы общенаучные аналитические методы: логические, типологические, индуктивно-дедуктивные методы, а также системный подход. Особое внимание автор уделяет фактору межрелигиозной конфликтности как важному инструменту в процессе трансформации регионального порядка, анализируя деятельность основных акторов в рамках исламского дискурса в регионе — Ирана и Саудовской Аравии, усиливающей свои позиции также и в рамках арабского дискурса.

Сделан вывод о том, что Иран и Саудовская Аравия желают увеличить свою долю на Ближнем Востоке и, говоря о религиозной перспективе, готовы к расширению своего влияния в ближневосточных странах.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, Саудовская Аравия, арабская весна, сектантство, Ближний Восток, ирано-саудовские отношения, региональные лидеры

Дата поступления статьи: 1.12.2017

Для цитирования: *Diansaei Behzad*. Iran and Saudi Arabia in the Middle East: leadership and sectarianism (2011—2017) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 124—134. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-124-134.

Сведения об авторе: *Диансаи Безад* — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: behzaddiansae@gmail.com)

© Diansaei Behzad, 2018

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-135-147

THE AIIB, MULTILATERAL AND NATIONAL DEVELOPMENT BANKS: POTENTIAL FOR COOPERATION

A.V. Shelepov

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. This article focuses on one of the new multilateral development banks (MDBs) dominated by emerging economies — Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB). The creation of this institution was stimulated, inter alia, by the growing demand for infrastructure financing. However, in most cases MDBs cannot finance large infrastructure projects without pooling their resources. To better understand the AIIB prospects in addressing infrastructure investment gap, this article analyzes the existing formats of its cooperation with other MDBs and co-financing mechanisms they use, and outlines possible directions for further cooperation.

The author explores memoranda of understanding between the AIIB and other MDBs, examines practical aspects of engagement and makes a projection regarding their joint financial contribution growth in the coming years. The forecast includes two scenarios: basic and optimistic, and is based on the analysis of AIIB existing partnerships with other institutions and volumes of financing for joint projects. The methodology used for assessment takes into account potential developments in the bank in terms of capital growth, membership expansion and attracting resources in the financial market.

Based on the forecast, the author concludes that in five years the new bank together with its partners will be able to provide infrastructure financing of up to US\$ 165 billion. In order to develop cooperation in accordance with the optimistic scenario, the AIIB should start relying on its own environmental and social practices, acting as a main co-financier.

However, the potential of AIIB interaction with national development banks that can also contribute to better infrastructure financing is currently underutilized. This article shows that in future, cooperation in this area can become a significant component of increasing the AIIB's contribution to narrowing the global infrastructure gap.

Key words: multilateral development banks, Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), national development banks, global financial architecture, investment, infrastructure

Multilateral development banks (MDBs) play a crucial role in supporting international development and eliminating poverty around the world [Faure 2015]. Quite often projects implemented by these banks, especially in areas such as infrastructure, are associated with large investments [Bhattacharyay 2010], solid policy guidance and instruments to address risks that a single creditor is unable to provide [Development Committee 2015]. In this case, MDBs' interaction with other actors can be useful. MDBs actively cooperate with national governments and governmental institutions, representa-

tives of the private sector and civil society. The substantial area of this cooperation is MDBs' engagement with each other and with national development banks, allowing both sides to develop and use common standards and principles for enhancing effectiveness, consolidate their expertise, share risks and, most importantly, pool efforts to significantly increase the amount of financial resources available for joint projects [Armendariz de Aghion 1999]. Most challenging global issues derive from the under-supply of global public goods [Bhargava 2006], and MDBs' joint efforts are considered as one of the most effective tools to address them [Center for Global Development 2016].

However, the existing system of multilateral banks cannot fully address the persistent lack of investment in infrastructure, especially in developing countries. Besides, there is a wide imbalance between emerging economies' positions as locomotives of global growth and their representation in traditional MDBs. These causes have led to the establishment of two new MDBs — the New Development Bank (NDB) and Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) [Larionova & Shelepov 2016]. This article focuses on the AIIB as the new bank that has proved its ability to productively cooperate with other multilateral institutions.

AIIB realizes the importance of engagement with other financial institutions of similar specialization, given, on the one hand, their potential for co-financing large infrastructure projects and, on the other hand, the need for accumulating experience in selecting projects and carrying out operations in accordance with best social and environmental principles and practices, while its own expertise is still insufficient.

Understanding the AIIB prospects is impossible without studying its current and potential cooperation with “traditional” banks. To achieve this aim, this article analyzes the existing formats of AIIB cooperation with other MDBs and co-financing mechanisms they use, and outlines possible directions for further cooperation. The article also looks into the AIIB engagement with national development banks as another area for potential pooling of resources for infrastructure financing.

AIIB ENGAGEMENT WITH OTHER MDBS: POOLING RESOURCES FOR LARGE INFRASTRUCTURE PROJECTS

Understanding the need for enhanced cooperation with other MDBs has stimulated the AIIB to sign seven relevant documents with six multilateral banks, defining parameters and areas of engagement.

The Co-Financing Framework Agreement with the World Bank has become a first step in building AIIB practical relationships with MDBs. The agreement determined the main co-financing parameters for joint projects of the two institutions. The AIIB expected to approve funding for projects worth about US\$ 1.2 billion in 2016, with a large portion to be co-financed by the World Bank. The importance and pragmatism of this engagement is underscored by the banks' shared goals. The World Bank Group (WBG) makes substantial contribution to narrow the global infrastructure investment gap¹, including through the Global Infrastructure Facility², a mechanism created by the World

¹ World Bank (2017) *Annual Report 2017*. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/908481507403754670/Annual-Report-2017-WBG.pdf> (accessed: 30.10.2017).

² Global Infrastructure Facility. World Bank Group (2016). URL: <http://www.worldbank.org/en/programs/global-Infrastructure-facility> (accessed: 30.10.2017).

Bank with the support from the G20 as an important element to complement its work on attracting private investment in infrastructure³.

Following the adoption of this agreement, the AIIB and the World Bank have started to discuss about a dozen of joint projects in such sectors as transport, water and energy supply to be implemented in Central, South and East Asian countries. Apart from co-financing, the agreement provides for preparation, monitoring and support activities to be carried out in accordance with the World Bank standards and procedures in areas related to procurement, environmental protection and provision of social guarantees⁴. As a result, in 2016—2017 joint financing by the AIIB and International Bank for Reconstruction and Development (IBRD) was approved for seven projects. Besides, three AIIB projects are co-financed by the International Finance Corporation (IFC). Another project — rehabilitating the hydropower plant and improving the safety of the dam in Tajikistan — involves as co-investor the International Development Association (IDA, which is also a part of the WBG).

To further strengthen their engagement, in April 2017 the AIIB and the World Bank signed a comprehensive memorandum of understanding. The document relates not only to joint financing, but also to personnel exchanges and mutual training, conducting analytical studies and other areas of cooperation⁵.

In May 2016, the AIIB president Jin Liqun and his counterpart from the Asian Development Bank (ADB) Takeshiko Nakao signed a Memorandum of Understanding between the two institutions. They announced the first co-financed project — the construction of a 64-kilometer section of the M4 motorway in Pakistan, connecting two major cities in the Punjab province. The document stated that the two institutions were going to “strengthen cooperation, including co-financing, at the strategic and technical levels on the basis of complementarity and value added”⁶. Priority cooperation spheres included energy, water resources, telecommunications, transportation, rural and agricultural development, urban sector and environmental protection. The AIIB and ADB representatives also reached an agreement to hold regular high-level consultations and jointly collect data to facilitate the implementation of the agreement⁷. The total number of projects co-financed in the framework of ADB and AIIB engagement has reached five.

³ G20 Leaders' Communiqué. G20 Leaders (2014). URL: <http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2014brisbane/G20%20Leaders'%20Communiqué%20Brisbane%20Summit,%2015-16%20November%202014.pdf> (accessed: 30.10.2017).

⁴ AIIB and World Bank sign first Co-Financing Framework Agreement. Asian Infrastructure Investment Bank (2016). URL: https://www.aiib.org/en/news-events/news/2016/20160414_002.html (accessed: 30.10.2017).

⁵ World Bank and AIIB Sign Cooperation Framework. Asian Infrastructure Investment Bank (2017). URL: https://www.aiib.org/en/news-events/news/2017/20170423_002.html (accessed: 30.10.2017).

⁶ Memorandum of Understanding for Strengthening Co-operation between Asian Development Bank and Asian Infrastructure Investment Bank. ADB and AIIB (2016). URL: https://www.aiib.org/en/about-aiib/who-we-are/our-work/_download/adb.pdf (accessed: 30.10.2017).

⁷ AIIB, ADB sign MOU to strengthen cooperation for sustainable growth. Asian Infrastructure Investment Bank (2016). URL: https://www.aiib.org/en/news-events/news/2016/20160502_001.html (accessed: 30.10.2017).

In May 2016, Jin Liqun and EBRD President Suma Chakrabarti signed a memorandum of understanding between their banks. Even before this document was signed, the EBRD shared with AIIB its experience of infrastructure and energy projects implementation. Given the AIIB regional focus, the banks decided to cooperate on infrastructure development in Asia. This cooperation will be promoted through a regular dialogue between the banks' officials, exchange of information on implemented policies and strategies, and activities in other areas of mutual interest. The AIIB president announced first joint projects with the EBRD. In particular, he promised to consider financing the construction of a highway connecting Dushanbe (Tajikistan) with the border of Uzbekistan, which could later become a part of the East-West transport corridor in Central Asia⁸. The EBRD Board of Directors approved the first tranche of financing for this project (US\$ 35 million) in 2012 and in 2016 allocated the second portion of funding (US\$ 27.5 million)⁹. The AIIB decided to support this project by contributing US\$ 27.5 million¹⁰. Currently, the AIIB and EBRD also participate in a major project of a gas pipeline construction in Azerbaijan and consider possibilities for co-financing other infrastructure projects in Central Asia. Another important element of their engagement relates to using EBRD's environmental and social safeguards and its procurement standards to co-finance joint projects on a cost-sharing basis¹¹. Both banks benefit from the synergetic effect increasing the volume of infrastructure financing available for large projects. Their engagement also strengthens the AIIB international image.

In end-May 2016, the AIIB laid the ground for cooperation with the European Investment Bank (EIB). Similarly, to other AIIB partners, the EIB aims to promote sustainable economic growth investing substantial shares of its resources in infrastructure projects. However, it does not focus exclusively on developing countries, actively contributing, inter alia, to infrastructure development in the European states. The memorandum of understanding signed between the AIIB and the EIB defined the main areas of cooperation, namely, providing access to clean water and sustainable transportation, and intensifying fight against climate change¹². Similarly to other institutions considered, the AIIB-EIB engagement had begun even before the formal cooperation document

⁸ Asian Infrastructure Investment Bank to cooperate with European Bank for Reconstruction and Development. Asian Infrastructure Investment Bank (2016). URL: https://www.aiib.org/en/news-events/news/2016/20160511_001.html (accessed: 30.10.2017).

⁹ Tajikistan: Dushanbe-Uzbekistan Border Road Improvement Project. Asian Infrastructure Investment Bank (2016). URL: <https://www.aiib.org/en/projects/approved/2016/tajikistan-border-road.html> (accessed: 30.10.2017).

¹⁰ AIIB (2016) *Republic of Tajikistan. Dushanbe-Uzbekistan Border Road Improvement Project Document*. URL: https://www.aiib.org/en/projects/approved/2016/_download/tajikistan/document/approved_project_document_tajikistan_border_road_improvement.pdf (accessed: 30.10.2017).

¹¹ Memorandum of Understanding between the European Bank for Reconstruction and Development and the Asian Infrastructure Investment Bank. EBRD and AIIB (2016). URL: https://www.aiib.org/en/about-aiib/who-we-are/our-work/_download/ebird.pdf (accessed: 30.10.2017).

¹² Memorandum of Understanding between the Asian Infrastructure Investment Bank and the European Investment Bank. EIB and AIIB (2016). URL: https://www.aiib.org/en/about-aiib/who-we-are/our-work/_download/eib.pdf (accessed: 30.10.2017).

was signed, primarily in the form of sharing experience in technical and financial matters. It should also be noted that the EIB is one of the largest lenders in the area of climate finance actively issuing green bonds¹³. Thus, its experience in this field can be relevant for the AIIB given the new bank's commitment to this financial instrument. Practical results of AIIB-EIB engagement include their participation, together with the World Bank and EBRD, in the abovementioned gas pipeline project in Azerbaijan.

The Eurasian Development Bank (EaDB) has become the AIIB's fifth partner among multilateral development banks. The EaDB will provide parallel co-financing for the Nurek hydropower plant rehabilitation project in Tajikistan jointly financed by the AIIB and the International Development Association¹⁴.

Finally, the AIIB has signed memoranda on joint cooperation and co-financing with the Inter-American Development Bank (IDB) and NDB. These two documents remain the only two that have not resulted in any co-financed joint projects¹⁵.

Thus, in a relatively short period, the AIIB has managed to establish cooperation with the World Bank, three large regional multilateral banks and another new institution — the NDB. Compared to the NDB, whose cooperation with other MDBs is so far declarative [Shelepov 2017], the AIIB makes a focus on practical aspects of engagement. In line with cooperation memoranda signed, other multilateral banks co-finance 16 out of 21 projects approved by the AIIB to date. Data on the projects approved by the AIIB and other MDBs' contribution are presented in Table 1.

Table 1

AIIB projects, its financial contribution and co-financing by other MDBs

Country	Sector	Project	Co-financing partners	Other MDBs' co-financing (US\$ million)	AIIB financing (US\$ million)
Pakistan	Transport	M4 highway reconstruction	Asian Development Bank	100	100
Tajikistan	Transport	Dushanbe-Uzbekistan border highway construction	European Bank for Reconstruction and Development	62.5	27.5
Bangladesh	Energy	Energy distribution systems construction	No	N/a	165
Indonesia	Urban infrastructure	Upgrading slums	World Bank	216.5	216.5
Pakistan	Energy	Hydropower plant construction	World Bank	390	300
Myanmar	Energy	Gas turbine power plant construction	International Finance Corporation, Asian Development Bank	280	20

¹³ Asian Infrastructure Investment Bank and European Investment Bank agree to strengthen cooperation. Asian Infrastructure Investment Bank (2016). URL: https://www.aiib.org/en/news-events/news/2016/20160530_001.html (accessed: 30.10.2017).

¹⁴ AIIB (2017) *Republic of Tajikistan. Nurek Hydropower Rehabilitation Project Phase I. Project Document*. URL: https://www.aiib.org/en/projects/approved/2017/_download/tajikistan/document/document_nurek-hydropower-rehabilitation-project.pdf (accessed: 30.10.2017).

¹⁵ Partnerships. Asian Infrastructure Investment Bank (2017). URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/who-we-are/our-work/index.html#partnerships> (accessed: 30.10.2017).

End of the table 1

Country	Sector	Project	Co-financing partners	Other MDBs' co-financing (US\$ million)	AIIB financing (US\$ million)
Azerbaijan	Energy	Gas pipeline construction	World Bank (joint co-financing), European Investment Bank and European Bank for Reconstruction and Development (parallel co-financing)	800 (joint co-financing); 1800 (parallel co-financing)	600
Oman	Transport	Commercial port zone	No	N/a	265
Oman	Transport	Preparation for railways construction	No	N/a	36
Indonesia	Urban infrastructure	Establishment of the Regional infrastructure development fund	World Bank	100	100
Indonesia	Multisectoral	Dam operational and safety improvement	World Bank	125	125
Bangladesh	Energy	Gas pipeline and other gas infrastructure construction	Asian Development Bank	167	60
India	Energy	Energy infrastructure development, improving access and energy efficiency	World Bank	240	160
Georgia	Transport	Bypass road construction	Asian Development Bank	114	114
India	Multisectoral	Formation of India Infrastructure Fund capital	No	N/a	150
Tajikistan	Energy	Nurek hydropower plant rehabilitation and improving the safety of the dam	International Development Association (joint co-financing), Eurasian Development Bank (parallel co-financing)	225.7 (joint co-financing); 40 (parallel co-financing)	60
India	Transport	Building rural roads in Gujarat (phase 1)	No	N/a	329
Egypt	Energy	Photovoltaic solar power plants construction	International Finance Corporation	615	210
India	Energy	Development of energy transmission systems	Asian Development Bank	50	100
Asia	Multisectoral	Contribution to the capital of the International Finance Corporation Emerging Asia Fund	International Finance Corporation	150	150
Philippines	Water	Modernization of the flood management system in Metro Manila	World Bank	207.6	207.6
Total financing, US\$ million				5 683.3 (3 843.3 — joint co-financing; 1840 — parallel co-financing)	3 495.6

Source: elaborated by the author based on the AIIB project summaries.

Apart from the already approved AIIB projects, nine more are currently under consideration. They provide for investments in energy, transport, telecommunications, water supply and urban infrastructure. Five potential projects are located in India, one — in Georgia, Sri Lanka, Oman and China. Most of them are expected to involve co-financing from other MDBs¹⁶.

Thus, in a relatively short period, the AIIB has finished the process of formation and approved a large-scale investment portfolio, which currently stands at US\$ 3,496 million. Importantly, the AIIB has established cooperation with other multilateral institutions. It has signed a co-financing framework agreement and a memorandum on strategic cooperation with the World Bank, memoranda with the EIB, ADB and EBRD¹⁷. Striving to develop cooperation primarily with large institutions, aimed at borrowing their considerable experience and expertise, and taking advantage of implementing large-scale projects based on official co-financing, the new bank attracted US\$ 3843.3 million of joint co-financing and US\$ 1840 million of parallel co-financing from other MDBs, with a total of US\$ 5683 million exceeding its own investments in these projects.

FUTURE COOPERATION PRIORITIES AND SCALE. UNDERUTILIZED POTENTIAL FOR COOPERATION WITH NATIONAL DEVELOPMENT BANKS

Cooperation with MDBs

The AIIB strategy of engagement with other financial institutions is explained, first of all, by the specific characteristics of this bank, including the number of member countries, geographical representation and their national priorities; its desire to improve image among potential investors; need for adapting best international practices; plans for implementing specific projects; positioning itself as a development bank of the “new type”. This strategy obviously has its advantages, since it allowed to ensure other MDBs participation in 16 of 21 large infrastructure projects approved by the AIIB on the basis of co-financing.

There is a scope for a potential increase of the examined bank effectiveness through improving engagement with other multilateral financial institutions. As mentioned above, the AIIB considers funding for about a dozen of new infrastructural projects. Almost all of them provide for co-financing from other multilateral banks, which have already formalized partnership with the AIIB, including the World Bank, ADB and EBRD. Despite the lack of information on exact financing volumes of the potential joint projects, one can assume, based on their overall scale, that in the near future the total value of AIIB projects co-financed by other MDBs will at least double. The AIIB will likely continue co-financing on an equal footing with these banks in terms of the volume of investments, while actively relying on their standards and practices at the preparatory stage and in monitoring implementation. Still, for at least one of the projects under considera-

¹⁶ Proposed Projects. Asian Infrastructure Investment Bank (2017). URL: <https://www.aiib.org/en/projects/proposed/index.html#> (accessed: 30.10.2017).

¹⁷ Partnerships. Asian Infrastructure Investment Bank (2017). URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/who-we-are/our-work/index.html#partnerships> (accessed: 30.10.2017).

tion — construction of the Mumbai subway line 4 — co-investors are expected to be determined by the AIIB itself¹⁸. Thus, it is possible to predict that the AIIB will start participating in the official co-financing with other multilateral banks as the main co-financing institution. As a next step, it can be expected to launch commercial co-financing instruments to attract private financial institutions as co-investors. The strategy will help mobilize finance and will allow the bank to accumulate experience in using its own environmental and social safeguards.

Cooperation with the NDB

An important source for increasing the AIIB effectiveness is strengthening its cooperation with another new multilateral bank — the NDB. As noted above, the two banks expressed intention for this engagement has not yet resulted in any concrete projects. Despite the similarity of tasks and problems that the two banks face, at least at the current stage of their development, their competition is unlikely [Humphrey 2015]. On the contrary, similar specialization and overlapping priorities create opportunities for cooperation between them, primarily through official co-financing of large-scale infrastructure projects in countries that are members of both institutions, namely, the BRICS. The need for this kind of cooperation has been repeatedly highlighted by top-level officials. For instance, BRICS leaders in their Ufa Declaration welcomed “the proposal for the NDB to cooperate closely with existing and new financing mechanisms including the Asian Infrastructure Investment Bank”¹⁹. In September 2016, NDB Vice President Xian Zhu declared that his bank was holding talks with the AIIB regarding joint projects. He noted that “good relations” had been established between the banks and they had “already started discussion of possible forms of cooperation”²⁰. The Memorandum of Understanding between the two banks, concluded on 1 April 2017, provides for a wide range of possible forms of cooperation, including the exchange of information, preparation and publication of joint research, holding seminars and conferences, personnel exchanges and co-financing²¹. However, despite the obvious advantages of cooperation between these new development banks, its potential is currently unharnessed. To strengthen engagement in the most practical area — co-financing — the AIIB and NDB should agree on its parameters. In this regard, they could sign a document similar to the co-financing framework agreement between the AIIB and World Bank.

¹⁸ India: Mumbai Metro Line 4 Project. Asian Infrastructure Investment Bank (2017). URL: <https://www.aiib.org/en/projects/proposed/2017/mumbai-metro-line-4-project.html> (accessed: 30.10.2017).

¹⁹ Ufa Declaration. BRICS Leaders (2015). URL: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/rusresidency2/Declaration_eng.pdf (accessed: 30.10.2017).

²⁰ BRICS NDB, AIIB to start joint financing of projects – NDB VP. New Development Bank (2016). URL: <http://www.ndb.int/BRICS-NDB-AIIB-to-start-jointfinancing-of-projects-NDBVP.php> (accessed: 30.10.2017).

²¹ Asian Infrastructure Investment Bank and New Development Bank Sign Memorandum of Understanding to Promote Cooperation (2017). URL: https://www.aiib.org/en/news-events/news/2017/20170401_001.html (accessed: 30.10.2017).

Potential scope of co-financing

Co-financing AIIB projects by other multilateral banks will create opportunities for implementing large-scale projects. Given that approximately three quarters of the already approved AIIB projects are co-financed by other MDBs and assuming co-financing by the AIIB and its partners in equal proportions, in five years the total contribution of the new bank and its traditional counterparts in the framework of joint projects is forecasted to reach from US\$ 130 billion to US\$ 165 billion, for basic and optimistic scenarios of the AIIB operations growth respectively (Fig. 1). The proportion between MDBs' capital and their loan portfolio is described by the equity-to-loans (E/L) ratio. The forecast presented in Fig. 1 is based on the E/L ratio of 37.5% typical of major traditional MDBs, and uses return-on-equity (ROE) ratio of 3.5% to assess the speed of accumulating additional resources. The basic projection takes into account the established procedure for paying subscriptions to capital by the AIIB member countries, the bank's potential for issuing bonds (which strengthened considerably after the AIIB received highest ratings from major international agencies), as well as its plans to attract new members. The optimistic forecast suggests more active use of financial markets to raise funding, resulting in an E/L ratio of 35% versus 37.5% in the basic forecast. In addition, the optimistic forecast implies a two-fold increase in paid-up capital compared to the basic one (US\$ 50 and US\$ 25 billion, respectively). For more details on forecasting MDBs' loan portfolios see [Shelepov 2016].

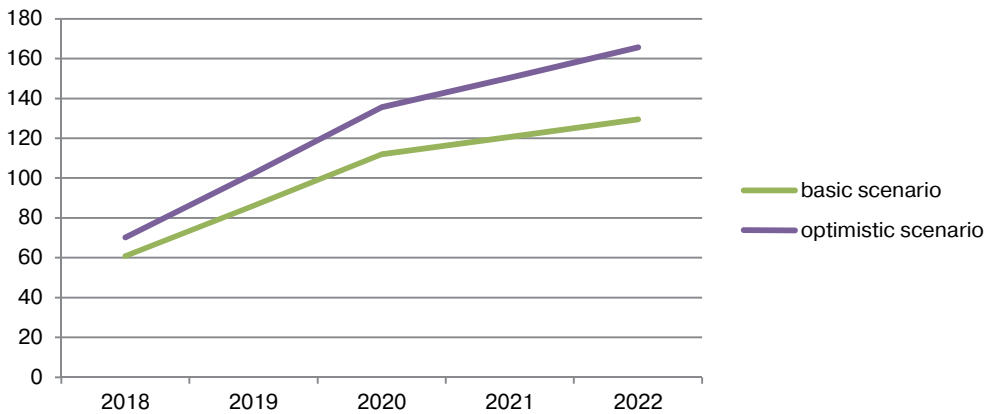

Fig. 1. Joint infrastructure financing by the AIIB and other MDBs, US\$ billion
Author's estimations

Cooperation with national banks

Analysis of the AIIB engagement with other multilateral development banks demonstrates that the new institution has successfully strived to develop this type of cooperation, created a formal basis for it and got involved in implementing large-scale joint projects.

National development banks can also be instrumental in addressing infrastructure investment needs given their role in economic and social development, primarily in poorer countries [Bruck 1998]. However, reliance on national budgets as the main source

of financing, regulatory benefits and high level of trust among domestic investors define their focus primarily on domestic operations. Thus, national development banks generally do not consider building infrastructure outside their countries as a priority. Having large financial resources, that are often comparable with or even exceed capitals of MDBs, they face significant barriers for external operations, such as inability to affect delayed payments, doubts about the quality of their environmental and social safeguards in local communities, and lack of the official status abroad. As a result, most of them carry out international operations on a much smaller scale than domestic ones. In the foreseeable future, this situation cannot change without strengthening partnerships between national and multilateral development banks. Given the role of emerging economies in the AIIB (China, India and Russia are three largest shareholders of the bank), cooperation between the new bank and national institutions from this group of countries can be beneficial for both sides. Besides, the AIIB priorities overlap with those of the Chinese Belt and Road Initiative that covers most regional members of the bank [Snell 2015]. Its projects in transport and energy are sometimes regarded as part of the BRI, so cooperation with the Silk Road Fund and China Development Bank gets an additional impetus.

Despite this, the AIIB has not yet provided even a formal basis for cooperation with national development banks. Given the expedience of such engagement, the AIIB is well positioned to make more efforts to strengthen ties with national institutions in the near future.

Since its establishment, the AIIB has actively used various mechanisms of cooperation with other multilateral banks, both global and regional, relying on the principle of using institutional strengths and comparative advantages for realizing mutual benefits.

The study shows that in a relatively short period the AIIB has managed to establish strong ties with the World Bank, major regional multilateral banks, and another new multilateral development institution — the NDB. In all cases, except cooperation with the NDB, the banks have transformed intentions stated in the memoranda into practical partnership. As a result, multilateral banks plan to cooperate on most of the projects approved by the AIIB to date.

The AIIB seeks for cooperation primarily with large institutions in order to use their solid experience and opportunities for implementing large-scale projects based on official co-financing. This strategy allowed to ensure other banks participation in three quarters of its projects. Mechanisms of official co-financing have allowed to attract about US\$ 3.8 billion of joint co-financing and US\$ 1.8 billion of parallel co-financing, while the AIIB contribution to these projects amounted to US\$ 3.5 billion.

The AIIB can further increase the scale of its activities through continued cooperation with other development banks. Currently, the bank considers financing of nine potential projects and almost all of them provide for co-financing from other MDBs that have positioned themselves as reliable AIIB partners — the World Bank, ADB and EBRD. Despite the lack of information on distribution of co-financing for joint projects, given their overall scale, the overall volume of joint financing of the AIIB and other

MDBs is expected to double in the near future. The AIIB will likely co-finance on an equal footing with these banks in terms of investment contribution, while actively relying on their standards and practices during preparatory phases and in monitoring the implementation of projects. The scale of AIIB operations and their compliance with interests and priorities of borrowing countries could be achieved through AIIB participation in official co-financing with other MDBs as the main co-financing institution. Such an approach would allow the new bank to accumulate experience of using its own standards and principles in the field of environmental protection and social issues. In five years, the total contribution of the AIIB and traditional MDBs will reach US\$ 130 billion to US\$ 165 billion, according to the forecast presented in the article.

Additional source of increasing the AIIB effectiveness is strengthening its cooperation with the New Development Bank. Relevance of such cooperation has been repeatedly articulated at the highest level, but the two banks have not yet launched any projects. However, in future similarity of challenges, specialization and overlapping priorities will stimulate cooperation, such as official co-financing on large-scale infrastructure projects, most likely in the BRICS countries that are members of both institutions.

Finally, the potential of AIIB interaction with national development is currently underutilized. In future, cooperation in this area can become another source for increasing the AIIB's contribution to narrowing the regional infrastructure financing gap.

Acknowledgments: The article is published within the framework of a research project “Comparative analysis of the New Development Bank (NDB) and Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) evolution” (2017) of the Center for International Institutions Research (CIIR) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

REFERENCES

- Armendariz de Aghion, B. (1999). Development Banking. *Journal of Development Economics*, 58. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.177.4329&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 30.10.2017).
- Bhargava, V. (2006). *Global Issues for Global Citizens: An Introduction to Key Development Challenges*. Washington, DC: World Bank.
- Bhattacharyay, B.N. (2010). *Estimating Demand for Infrastructure in Energy, Transport, Telecommunications, Water and Sanitation in Asia and the Pacific: 2010—2020*. ADBI Working Paper Series, 248. URL: <https://openaccess.adb.org/handle/11540/3836> (accessed: 30.10.2017).
- Bruck, N. (1998). The Role of Development Banks in the Twenty-First Century. *Journal of Emerging Markets*, 3, 39—67. URL: <http://www.adfiap.org/wp-content/uploads/2009/10/the-role-of-development-banks-in-the-twenty-first-century.pdf> (accessed: 30.10.2017).
- Center for Global Development (2016). *Multilateral Development Banking for This Century's Development Challenges*. URL: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/multilateral-development-banking-report-five-recommendations.pdf> (accessed: 30.10.2017).
- Development Committee (2015). *From Billions to Trillions: Transforming Development Finance. Post-2015 Financing for Development: Multilateral Development Finance*. URL: [http://siteresources.worldbank.org/DEVCOMMINT/Documentation/23659446/DC2015-0002\(E\)FinancingforDevelopment.pdf](http://siteresources.worldbank.org/DEVCOMMINT/Documentation/23659446/DC2015-0002(E)FinancingforDevelopment.pdf) (accessed: 30.10.2017).
- Faure, R. et al. (2015). *Multilateral development banks: a short guide*. ODI. URL: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/10650.pdf> (accessed: 30.10.2017).

- Humphrey, C. (2015). *Developmental revolution or Bretton Woods revisited?* ODI Working paper 418. URL: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/9615.pdf> (accessed: 30.10.2017).
- Larionova, M. V. & Shelepov, A. V. (2016). Potential role of the NDB and AIIB in the global financial system. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16(4), 700—716. doi: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-700-716.
- Shelepov, A.V. (2016). Comparative Prospects of the New Development Bank and Asian Infrastructure Investment Bank. *International Organisations Research Journal*, 11 (3), 132—152. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-03-132.
- Shelepov, A.V. (2017) New and Traditional Multilateral Development Banks: Current and Potential Cooperation. *International Organisations Research Journal*, 12 (1), 127—147. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-01-127.
- Snell, S. (2015). *China's Development Finance: Outbound, Inbound, and Future Trends in Financial Statecraft*. U.S. — China Economic, and Security Review Commission (USCC). URL: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/China's%20Development%20Finance.pdf> (accessed: 30.10.2017).

Received: 1.12.2017

For citations: Shelepov, A.V. (2018). The AIIB, Multilateral and National Development Banks: potential for cooperation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (1), 135—147. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-135-147.

About the author: *Shelepov Andrei Vladimirovich* — research fellow of the Research Center of International Institutes of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: shelepov-av@ranepa.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-135-147

АБИИ, МНОГОСТОРОННИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ БАНКИ РАЗВИТИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

А.В. Шелепов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Статья посвящена одному из недавно созданных многосторонних банков развития (МБР), в которых доминируют развивающиеся экономики, — Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Создание этого банка было обусловлено, в частности, растущим спросом на финансирование инфраструктурных инвестиций. В большинстве случаев МБР не могут финансировать крупные инфраструктурные проекты без объединения своих ресурсов. С целью понимания перспектив участия АБИИ в решении проблемы дефицита инвестиций в инфраструктуру в этой статье анализируются существующие форматы сотрудничества нового банка с другими МБР и используемые ими механизмы совместного финансирования, а также прогнозируются возможные направления дальнейшего сотрудничества.

Автор исследует меморандумы о взаимопонимании между АБИИ и другими МБР, рассматривает практические аспекты взаимодействия и предлагает прогноз увеличения объемов софинансирования на ближайшие годы. Прогноз включает два сценария: базовый и оптимистический и основан на анализе существующих форм взаимодействия АБИИ с другими многосторонними банками и объемов софинансирования в рамках совместных проектов. Методология, используемая для оценки, учитывает потенциальные изменения, связанные с увеличением оплаченного капитала, вступлением в АБИИ новых членов и возможным началом привлечения банком ресурсов на финансовом рынке.

Исходя из прогноза, автор приходит к выводу, что через пять лет АБИИ совместно со своими партнерами сможет обеспечить финансирование инфраструктуры в объеме до 165 млрд дол. США. Чтобы развивать сотрудничество в соответствии с оптимистичным сценарием, новому банку следует полагаться на собственные стандарты и практики в области защиты окружающей среды и социальных гарантий, выступая, таким образом, в качестве основного софинансирующего института.

Одновременно анализ показывает, что потенциал взаимодействия АБИИ с национальными банками развития, которое также может сыграть важную роль в финансировании инфраструктуры, в настоящее время не реализуется. Исследование показывает, что в будущем сотрудничество в этой области может стать важным компонентом увеличения вклада АБИИ в сокращение глобального дефицита инфраструктурного финансирования.

Ключевые слова: многосторонние банки развития, Новый банк развития (НБР), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), БРИКС, глобальная финансовая архитектура, инвестиции, инфраструктура

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Сравнительный анализ становления Нового банка развития (НБР) и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ)» (2017 г.).

Дата поступления статьи: 1.12.2017

Для цитирования: *Shelepov A.V.* THE AIB, Multilateral and National Development Banks: Potential for cooperation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 135—147. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-135-147.

Сведения об авторе: *Шелепов Андрей Владимирович* — научный сотрудник Центра исследования международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (e-mail: shelepov-av@ranepa.ru).

© Shelepov A.V., 2018

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-148-161

РОССИЯ — ИНДИЯ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО АЛЬЯНСА

И. С. Акарашов

Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

Автор рассматривает развитие российско-индийских торгово-экономических отношений с 1992 по 2017 г. Актуальность темы заключается в том, что в настоящее время экономические санкции ряда стран Запада и США в отношении России вынуждают ее усиливать восточный вектор своей внешней политики. Индия является ведущим государством Южно-Азиатского региона, обладает ядерным потенциалом, демонстрирует высокие темпы социально-экономического роста, и у нее есть все шансы войти в число мировых держав. Углубление сотрудничества с Индией может стать хорошим стимулом для развития российской экономики и придать глубину двусторонним стратегическим отношениям, что в условиях обострения конкурентной борьбы в мировой политике и экономике является чрезвычайно важным для обеих стран. Изучение исторического опыта отношений, их содержания, потенциала, проблем и перспектив представляется актуальным и полезным.

В рамках данной темы автор рассмотрел становление современной нормативно-правовой базы торгово-экономических отношений, выделил этапы в процессе двустороннего взаимодействия, изучил структуру и динамику торгового оборота, раскрыл основные причины существующих проблем в отношениях и определил перспективы сотрудничества.

В качестве методологической основы был использован историко-описательный метод, который позволил автору проанализировать историю российско-индийских торгово-экономических отношений.

По итогам анализа автор делает вывод о том, что на сегодняшний день существует ряд внешних и внутренних факторов, которые негативно влияют на экономические отношения двух стран, однако у российского и индийского правительств есть решимость укреплять отношения в этой сфере, создавая благоприятную среду для развития бизнес-контактов между представителями деловых кругов России и Индии, и готовность вывести экономические отношения на уровень, сопоставимый со статусом «особо привилегированного стратегического партнерства».

Ключевые слова: Россия, Индия, торгово-экономическое сотрудничество, нормативно-правовая база, товарооборот, экономика, перспективные проекты

Сегодня экономика России испытывает определенные трудности. Санкции, введенные западными странами, падение цен на нефть и последующая девальвация рубля нанесли значительный ущерб хозяйственному сектору страны. Кроме того, в последние годы наблюдается заметный спад в торговле с крупнейшим экономическим партнером России — Европейским союзом.

В этих непростых экономических условиях Россия может исправить дисбаланс в торговле, обратив свое внимание на быстро развивающиеся рынки Азии,

особенно на Индию, экономика которой в последнее время переживает стремительный рост. Это может стать не только хорошим стимулом для развития российской экономики, но и придаст глубину стратегическим отношениям между странами.

В современном мире торгово-экономические отношения являются базисом для сотрудничества между государствами и определяют динамику отношений. Индийская экономика переживает стадию активного развития, что сегодня создает хорошую базу для расширения деловых контактов и продвижения новых проектов между двумя странами. Тем не менее, несмотря на ускорение роста и огромные возможности, товарооборот между Россией и Индией находится на гораздо меньшем уровне, чем мог бы быть, если бы страны использовали весь свой потенциал. В целом для обзора торгово-экономических отношений необходимо проанализировать их нормативно-правовую базу, основные этапы развития, а также положительный опыт сотрудничества, который может помочь в нынешних реалиях стимулировать двустороннее взаимодействие в различных областях.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА СОТРУДНИЧЕСТВА

Первый двусторонний договор между Россией и Индией, положивший начало современным торгово-экономическим отношениям, был подписан 4 мая 1992 г. — «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индия о создании Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству». Документ состоит из 13 статей, каждая из которых регулирует цели и задачи Комиссии, ответственность сторон, а также акцентирует внимание на обоюдном желании стран развивать и углублять экономические отношения. В соглашении выделены три приоритетные задачи Комиссии:

- 1) рассмотрение вопросов, связанных с обеспечением деятельности построенных при содействии России и бывшего СССР предприятий;
- 2) поиск направлений и возможностей для дальнейшего развития торгово-экономического и научно-технического сотрудничества;
- 3) подготовка рекомендаций, направленных на успешное выполнение основных экономических соглашений¹.

На основе вышеуказанного документа было принято еще одно нормативно-правовое соглашение в форме обмена письмами между министром внешних экономических связей России и министром торговли Индии по вопросу специальных счетов российских экспортеров в индийских коммерческих банках. Целью документа было установление единых законодательных норм, регулирующих импорт и экспорт товаров и услуг между физическими и юридическими лицами обеих стран на основе любой международно признанной формы делового сотрудничества. Документ также разрешал российским и индийским экспортерам и их

¹ Соглашение между правительством РФ и правительством Индии о межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901984> (дата обращения: 10.11.2017).

банкам вести и открывать специальные счета в коммерческих банках обеих стран, а также переводить средства с одного такого счета на другой². Данное соглашение существенно облегчило процесс проведения сделок между компаниями двух стран.

Следующим стратегически важным для российско-индийских торгово-экономических отношений нормативно-правовым актом стала «Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индия», подписанная в Нью-Дели 3 октября 2000 г. Декларация выводила российско-индийские отношения на новый, стратегический уровень и затронула все сферы взаимодействия двух стран. Стоит отметить, что торгово-экономическим отношениям посвящен самый обширный раздел документа. Декларация предусматривала:

- наращивание тесного сотрудничества в рамках Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству;
- углубление и диверсификацию сотрудничества в энергетической, металлургической, технологической и других сферах;
- создание благоприятных условий для взаимных инвестиций;
- развитие сотрудничества в банковской и финансовой сферах;
- упрощение таможенных процедур и снижение тарифных ограничений;
- использование новых возможностей, открывающихся в результате интеграционных процессов в мировой экономике;
- координация сотрудничества в международных торговых, экономических и финансовых организациях³.

На сегодняшний день это наиболее полный документ, регулирующий отношения двух стран, он является основой экономических связей России и Индии. Начиная с этого момента страны расширяли и углубляли торгово-экономические отношения, постепенно открывая новые направления сотрудничества.

Существенным вкладом в формирование нормативной базы отношений стало подписание 5 декабря 2008 г. в Нью-Дели президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым и премьер-министром Республики Индия Манмоханом Сингхом совместной декларации, в которой стороны подчеркнули «высокую значимость, которая придается ими усилиям по наращиванию объемов двусторонней торговли, инвестиций и экономического сотрудничества»⁴.

В декабре 2010 г. в ходе визита Д.А. Медведева в Индию стороны договорились о том, что стратегическое партнерство между Индией и Россией вышло

² Соглашение в форме обмена письмами между Министром внешних экономических связей Российской Федерации и Министром торговли Индии по вопросу специальных счетов российских экспортеров и их банков в индийских коммерческих банках. URL: http://lawrussia.ru/texts/legal_469/doc469a395x895.htm (дата обращения: 10.11.2017).

³ Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индией. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/in/-/asset_publisher/EpJ5G4lcyumbv/content/id/598800 (дата обращения: 10.11.2017).

⁴ Совместная декларация между Российской Федерацией и Республикой Индией 5 декабря 2008 года. URL: <http://rusembindia.com/rus/ofitsialnye-dokumenty/51-sovmestnaya-deklaratsiya-mezhdu-rossijskoj-federatsiej-i-respublikoj-indiej-5-dekabrya-2008-goda> (дата обращения: 24.11.2017).

на уровень «специального и привилегированного стратегического партнерства», что создает широкие перспективы для сотрудничества. В декабре 2014 г. во время визита президента России В.В. Путина в Индию было подписано 20 соглашений, регулирующих сотрудничество стран в сфере торговли и инвестиций, атомной энергетики, обороны, производства углеводородов, науки и технологии и т.д. Таким образом, к настоящему времени усилиями обеих сторон создана солидная правовая база двустороннего сотрудничества.

РОСТ ТОВАРООБОРОТА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИНДИЕЙ

Тем не менее нормативно-правовая база не смогла обеспечить стабильный рост товарооборота между двумя государствами. Существует несколько причин, по которым взаимная торговля между Россией и Индией не держится на высоком уровне.

Во-первых, временной промежуток развития двусторонних отношений в новых геополитических реалиях был очень коротким. После крушения Советского Союза России и Индии пришлось искать новые пути для взаимодействия, заново создавать не только нормативно-правовую базу, но и конъюнктуру экспорта и импорта.

Во-вторых, мешает несоизмеримость размеров территорий и численности населения обоих государств. Территория Индии меньше территории России в 5 раз, а по численности населения больше в 7 раз. Такой диссонанс увеличивает экспортно-импортный разрыв между потребностями государств. Именно поэтому показатели взаимного товарооборота с 1992 по 2005 г. являются нестабильными.

В 2005 г. намечился рост двустороннего товарооборота. Этому способствовал визит В.В. Путина в Индию в декабре 2004 г. Во время визита было подписано 14 соглашений. Основное внимание было уделено именно экономическим и торговым отношениям. Кроме того, с 2005 г. ВВП Индии демонстрирует постоянную динамику роста более чем на 9% в год⁵, что говорит о ее большом потенциале как торгово-экономического и инвестиционного партнера России. Такой рост экономики нуждается в значительном количестве энергетических ресурсов, в связи с чем потребление углеводородов в Индии растет быстрыми темпами.

В 2005 г. экономику Индии стала поддерживать «нефтяная стратегия»: ее основой стали два политических императива. Первый — обеспечение ценовой стабильности за счет создания «единого азиатского рынка» нефтепродуктов и передачи индийской стороне усовершенствованных технологий нефтедобычи и нефтепереработки. Второй — политическая институционализация существующих экономических отношений (на базе взаимных поставок углеводородов и обмена технологиями) для координации политики в отношении других государств, регионов, группировок [Володин 2007]. Среди наиболее перспективных партнеров выделяется именно Россия. Специалисты отмечают, что благодаря тесному сотрудничеству России и Индии в этом направлении сегодня Россия

⁵ Report for Selected Countries: India 2016. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/02/weodata/weoselgr.aspx> (accessed: 10.11.2017).

может поставлять около 10% от текущего импорта газа в Индию и до 5% от импорта нефти [Шикин, Бандари 2017: 7].

Стабильный рост товарооборота наблюдался на отрезке с 2005 по 2007 г. Это связано с углублением институционального сотрудничества между двумя государствами. В 2007 г. прошел первый Российско-Индийский форум по торговле и инвестициям. Стороны обсудили приоритетные направления двустороннего сотрудничества, а также основные составляющие торговых отношений: черные металлы, топливное минеральное сырье, необработанные алмазы, минеральные удобрения. Итогом проведения подобных форумов стал возрастающий интерес со стороны российских и индийских деловых кругов к развитию бизнеса и созданию совместных российско-индийских предприятий, что способствовало увеличению товарооборота между странами.

Однако в 2008 г. вновь произошел спад объемов торговли. Это было спровоцировано мировым финансовым кризисом. Негативное воздействие кризиса на двусторонние отношения в торгово-экономической сфере проявилось, прежде всего, в том, что в 2008—2009 гг. прервалась тенденция роста индийского экспорта в Россию. Для того чтобы преодолеть кризис, необходимо было создать новые связи и подходы. В 2008 г. в ходе официального визита президента России Д.А. Медведева в Индию и по итогам II Российско-Индийского форума по торговле и инвестициям среди прочих документов был подписан Меморандум о взаимопонимании между сопредседателями Российско-Индийского Совета руководителей предприятий. В соответствии с документом страны учредили Российско-Индийский Совет руководителей предприятий. Главными целями, стоящими перед Советом, стали:

- 1) содействие созданию благоприятных условий и ликвидация искусственных барьеров на пути сотрудничества;
- 2) подготовка рекомендаций и совершенствование механизмов по развитию торгово-экономических отношений;
- 3) оказание поддержки для работы предприятий на рынках двух стран;
- 4) стимулирование сотрудничества в таких перспективных направлениях, как: энергетика, транспорт и инфраструктура, финансово-банковский сектор, химическая промышленность, металлургия и горнодобывающая промышленность, услуги, сельское хозяйство, текстильная промышленность, туризм, строительство и девелопмент, фармацевтика и биотехнологии⁶.

Такие меры оказали положительный эффект на динамику российско-индийских отношений. В 2010 г. индийский экспорт в Россию вновь начал расти. С 2010 по 2012 г. сохранился относительно стабильный рост российско-индийских экономических отношений. По итогам 2013 г. Индия заняла 21-е место (1,2% от общего объема) в списке торговых партнеров России. Россия, по данным индийской статистики, по итогам 2012—2013 гг. заняла 31-е место среди внешнеторговых

⁶ Меморандум о взаимопонимании между Сопредседателями Российско-Индийского Совета руководителей предприятий. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902168876> (дата обращения: 10.11.2017).

партнеров Индии [A New Era... 2015: 10]. В это же время Россией и Индией созданы две рабочие группы, приоритетными задачами которых были стимуляция промышленного сотрудничества и рассмотрение перспективных направлений для инвестиционного сотрудничества [Хейфец 2014: 107].

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДВУСТОРОННЕГО ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В 2012 г. Россия предложила Индии провести работу по формированию перечня приоритетных проектов российско-индийского сотрудничества, реализация которых призвана активизировать взаимодействие двух стран в экономической и инвестиционной сферах. Российские предложения по этому вопросу были переданы индийской стороне в ходе 18-го заседания Российско-Индийской Межправительственной комиссии в октябре 2012 г. В них вошли 6 крупных проектов в таких отраслях, как гражданское авиастроение, машиностроение, химическая промышленность и нефтехимия⁷.

Однако, несмотря на то что обе стороны готовы к углублению торгово-экономического сотрудничества, на их пути существует ряд препятствий. На современном этапе это связано с необходимостью защиты внутреннего рынка в условиях глобализации. Во многом от того, какие защитные меры предпринимает государство, зависит успех его внешнеэкономической деятельности. Пытаясь максимизировать выгоды от двустороннего сотрудничества, Россия идет на ряд уступок, чего нельзя сказать об Индии: количество применяемых Россией в отношении Индии мер (3 специальные защитные и 1 антидемпинговая меры) значительно ниже, чем аналогичные меры со стороны Индии (6 антидемпинговых мер, 4 специальных защитных меры, проводятся 2 антидемпинговых расследования целенаправленно в отношении российских товаров и 1 специальное защитное расследование)⁸. Из-за этих мер произошло значительное снижение российского экспорта некоторых групп товаров. Данные группы не являются определяющими в российско-индийских торгово-экономических отношениях, но снижение объемов взаимной торговли свидетельствует о том, что необходимо пересматривать структуру защитных мер в отношении своих партнеров или разрабатывать иные механизмы контроля внутреннего рынка.

Согласие с такой постановкой вопроса выразили представители России и Индии на встрече деловых кругов обеих стран в Москве в декабре 2015 г. Премьер-министр Индии Нарендра Моди и президент России В. В. Путин заявили о том, что стороны готовы принять меры по созданию максимально благоприятных условий для дальнейшего углубления деловых связей. Первым шагом стало подписание межправительственного протокола, облегчающего визовый режим

⁷ Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Индия. URL: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/f7ca27004d2036fda605a797ef93df73/tes_india.doc?MOD=AJPERES&CACHEID=f7ca27 (дата обращения: 10.11.2017).

⁸ Обзор торгово-экономических отношений Индии и России за 2014 г. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/in/in_ru_relations/in_ru_trade/ (дата обращения: 10.11.2017).

для российских и индийских бизнесменов. Среди приоритетного и успешного направления сотрудничества были выделены:

— планы российских предпринимателей по подключению к инициативе «Делай в Индии»;

— проект компании «Кадила» по выпуску с 2016 г. в Ярославской области фармацевтической продукции;

— совершенствование правовых механизмов, корпоративного, налогового, антимонопольного законодательства, снижение административной нагрузки на бизнес⁹.

В 2016 г. состоялся Российско-Индийский бизнес-форум «Россия — Индия: новая индустриализация и промышленное партнерство», на котором было подчеркнуто, что стороны осознают важность ускорения создания и реализации совместных проектов России и Индии в некоторых приоритетных областях, среди которых: металлургия, автопром и фармацевтическая отрасль.

В 2016 г. товарооборот между Россией и Индией составил всего 6 млрд дол. США по сравнению с 7,6 млрд дол. США в 2015 г. [Upadhyay 2017]. В целом, несмотря на привилегированный статус российско-индийского сотрудничества, а также все предпринятые меры, начиная с 1992 г. торгово-экономические отношения между Россией и Индией по-прежнему являются самым слабым звеном в двустороннем взаимодействии. В. В. Путин во время переговоров с индийскими политиками постоянно говорит о том, что стороны не в полной мере используют свой экономический потенциал и сотрудничество развивается недостаточно быстрыми темпами. Препятствиями являются недостаточная осведомленность российских внешнеэкономических игроков о качественных сдвигах в индийской экономике и относительно низкий уровень взаимных торговых операций, кроме того, существуют кредитные вопросы и проблемы с задержками в доставке грузов [Postulates... 2013: 11].

Максимальный уровень торговли был отмечен в 2012 г., когда товарооборот достиг 10,6 млрд дол. США, однако даже этот показатель оказался значительно ниже заявленных целей. В 2016 г. на саммите БРИКС в индийском штате Гоа лидеры России и Индии поставили цель довести торговый оборот до 30 млрд дол. США к 2025 г. [Kumar 2017: 89], однако пока уровень торговли между странами падает. Совершенно очевидно, что стимулировать торгово-экономические отношения способна активизация традиционных подходов к сотрудничеству, например, модернизация предприятий, построенных в Индии при содействии Советского Союза, а также военно-техническое сотрудничество и сотрудничество в сфере ядерной энергетики.

Открытие новых транспортных маршрутов, связывающих Россию и Индию, также может стать мощным стимулом для роста торговли и экономических связей между двумя странами. Здесь речь, в первую очередь, идет о Международном транспортном коридоре (МТК) «Север — Юг». В этой связи 8 декабря 2016 г.

⁹ Встреча с представителями деловых кругов России и Индии. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51010> (дата обращения: 10.11.2017).

в Москве состоялась международная конференция, организованная Посольством Индии в России совместно с Министерством транспорта РФ, посольствами Азербайджана и Ирана. Это был первый раз, когда МТК «Север — Юг» обсуждался в четырехстороннем формате.

Сам проект был задуман на рубеже тысячелетия, когда Россия, Индия и Иран решили возродить древний транспортный путь. Транспортный коридор начинается в портах на западном побережье Индии (в частности в Мумбаи), проходит вдоль моря до иранских портов Чахбахар и Бендер-Аббас, а оттуда по суше до побережья Каспийского моря, через Каспийское море в Баку и Астрахань, а дальше в Москву и Санкт-Петербург или по суше через Центральную Азию на Кавказ и Северную Европу. Изначально в Нью-Дели довольно сдержанно относились к этой идее, однако после того, как Китай присоединился к проекту, интерес Индии к нему резко возрос [Шикин 2016: 721].

В сравнении со стандартным транспортным маршрутом, который сегодня проходит по морям в обход Европы, МТК «Север — Юг» предусматривает ряд преимуществ, главное из которых — скорость доставки грузов. В то время как морские перевозки из Мумбаи в Санкт-Петербург требуют почти шесть недель времени, доставка по МТК займет всего три недели [Singh 2017], что доказали первые тестовые рейсы в октябре 2016 г.

В рамках этого проекта в декабре 2015 г. ОАО «РЖД» и Министерство железных дорог Индии подписали меморандум о взаимопонимании по вопросам технического сотрудничества в железнодорожной сфере, что предусматривает взаимодействие в области высокоскоростных магистралей, модернизации объектов действующей железнодорожной инфраструктуры, а также развитие грузовых коридоров [Денисов, Попадюк 2016: 20—21].

Однако 16-летний проект до сих пор не стал полностью функциональным. Первая грузовая доставка была сделана только в 2016 г., и это было скорее символическим событием. После того как коридор начнет функционировать так же, как Новый Шелковый путь, ожидается, что объемы перевозок начнут увеличиваться.

Важность скорейшего запуска МТК «Север — Юг» подчеркнул президент России В.В. Путин в ходе своего визита в Индию в октябре 2016 г. В совместном заявлении по итогам российско-индийских переговоров В.В. Путин заявил, что обе страны признают значимость транспортных путей для увеличения двусторонней торговли и уделяют большое внимание реализации МТК «Север — Юг», который может стать ключевым фактором в углублении экономической интеграции в регионе¹⁰.

Значение проекта МТК «Север — Юг» не ограничивается только материально-техническими и экономическими факторами. Для России очевидны политические преференции от реализации проекта в условиях санкций, введенных западными странами, и необходимость искать новые источники импорта товаров, которые не могут быть произведены в России.

¹⁰ Заявление для прессы по итогам российско-индийских переговоров. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/53096> (дата обращения: 12.11.2017).

Для Индии, которая стремится создать зону свободной торговли с Евразийским экономическим союзом, участие в этом проекте откроет доступ к интеграции с регионом и будет способствовать решению мелких технических и бюрократических проблем.

Перспективным направлением в развитии двусторонних экономических отношений также является энергетическая сфера; наибольшие надежды здесь связаны с развитием ядерной энергетики. Использование атомной энергии может снизить зависимость Индии от природных ресурсов, таких как нефть, газ и уголь, которые страна в большом количестве импортирует из-за рубежа, поэтому развитие ядерной энергетики является одним из приоритетов для обеспечения энергетической безопасности Индии. Целью текущей программы ядерной энергетики в Индии является достижение 25%-ной доли ядерной энергетики в общем энергопотреблении в Индии к 2050 г. [Tsan 2012: 157].

В целом российско-индийское ядерное сотрудничество имеет долгую историю. До распада Советского Союза, в 1988 г., страны подписали соглашение о ядерном сотрудничестве; в 2000-х гг. соглашение было обновлено и дополнено другими договорами, такими как соглашение по строительству двух энергоблоков на АЭС Куданкулам в 2002 г., что рассматривается как весьма успешное предприятие, открывшее двери более активному участию России в атомной энергетике Индии.

В 2009 г. страны совершили прорыв в двусторонних отношениях в области «мирного атома», подписав Соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, предусматривающее передачу технологий и бесперебойные поставки урана в Индию. С 2008 г. Россия также участвовала в совместном проекте по созданию четырех дополнительных ядерных реакторов на АЭС Куданкулам. Таким образом, Россия обеспечила себе место среди ведущих поставщиков атомной энергии в Индию. В ходе визита В.В. Путина в качестве премьер-министра в Индию в марте 2010 г. Россия и Индия подписали новое соглашение, предусматривающее строительство шестнадцати энергоблоков АЭС в Индии в течение следующих пятнадцати лет [Каменев 2014: 18]. Кроме того, в 2009 г. Россия предложила Индии возможность участия в проекте Международного центра по обогащению урана в Ангарске, в Сибири, который гарантировал бы поставки топлива в Индию. В декабре 2010 г. стороны подписали Меморандум о взаимопонимании по расширению научно-технического сотрудничества в области мирного использования атомной энергии.

Тем не менее России и Индии не удалось достичь поставленных целей в этой области по нескольким причинам.

Во-первых, из-за конкуренции со стороны других государств Индия была в значительной степени исключена из торговли ядерными материалами в течение нескольких десятилетий из-за отказа подписать Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в связи с реализацией своей программы вооружений. Но в 2008 г. Индия и США заключили соглашение о сотрудничестве в области ядерной энергетики гражданского назначения, в связи с чем МАГАТЭ согласилось

предоставить Индии гарантии ядерного контроля, а Группа ядерных поставщиков договорилась о снятии продолжающихся 34 года ограничений на экспорт ядерной техники и топлива в Индию [Сотников 2014: 33]. Изоляция Индии закончилась, открыв ей двери к более тесному сотрудничеству со странами Запада. Помимо США и России соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии были подписаны с Францией, Великобританией, Южной Кореей и Канадой, а также с Аргентиной, Казахстаном, Монголией и Намибией [Pant 2015: 9].

Во-вторых, после аварии на АЭС Фукусима-1 в Японии в индийском обществе усилились антиядерные настроения. После этого Индия приняла закон о разграничении ответственности в случае аварийных ситуаций на АЭС. Суть закона состоит в том, что в случае аварии на станции ответственность за него будут нести производители, а не операторы. С учетом объема контрактов, выполняемых Росатомом, теперь Индия больше выигрывает от этого сотрудничества, чем Россия [Mohan 2015: 37].

Другим, не менее перспективным направлением российско-индийского сотрудничества может стать нефтегазовая сфера. Индия всегда проявляла большой интерес к покупке российских энергоресурсов, но большое расстояние между странами, а также налаженные связи Индии с другими регионами отталкивали российских поставщиков, которые не видели никакой пользы в разработке совместных проектов [Siddiqui 2016]. Тем не менее было бы недальновидно игнорировать быстрорастущий индийский рынок, в то время как цены на энергоносители упали, а индийская экономика наращивает импорт нефти быстрее, чем любая другая страна, в том числе Китай [Mallaby, Volcker 2016]. Кроме того, потенциал у этого направления отношений велик, можно найти новые схемы сотрудничества. Одной из таких схем может стать создание совместных предприятий по добыче углеводородов в России или в третьих странах (например, в Центральной Азии).

Помимо вышеописанных сфер сотрудничества существует много других, не менее перспективных направлений, в частности в области обмена технологиями. Здесь Индия может оказать существенную помощь России в производстве программного обеспечения, так как в настоящее время в Индии быстрыми темпами развивается IT-индустрия, которая считается одной из лучших в мире. Некоторые специалисты называют Индию технологической сверхдержавой [Chopra 2008: 4]. Имеются перспективы и в области инвестиционного сотрудничества: российские фирмы проявили готовность инвестировать в крупные инфраструктурные проекты в Индии, такие как грузовые коридоры и промышленные объекты, «умные города», а также инженерные коммуникации. В свою очередь, индийские компании изучают основные варианты инвестиций в Россию, особенно их интересует отрасль производства и добычи природных ресурсов, таких как уголь, нефть и газ, минералы и редкоземельные металлы. Перспективной является и алмазная промышленность: Индия является мировым лидером в области производства алмазных канатов для резки камня и стремится получить российские алмазы. Индийские компании готовы к созданию совместных предприятий для экспорта ювелирных изделий.

Проанализировав содержание и динамику российско-индийских торгово-экономических отношений, можно сделать вывод о том, что в рассматриваемый период они переживали как взлеты, так и падения. Негативное влияние на экономическое сотрудничество России и Индии оказывают пробелы в нормативно-правовой базе, системные кризисы мировой экономики, а также защитные меры. Но даже на фоне спада объема товарооборота Россия и Индия не прекращают контакты на высоком и высшем уровнях, организуют разноформатные встречи с участием российских и индийских промышленных и бизнес-кругов. Это говорит о том, что оба государства рассматривают друг друга в качестве стратегических партнеров в экономической сфере.

Для предотвращения кризисных ситуаций необходимо, во-первых, пересмотреть договорную базу, существенная часть которой была принята до 2002 г.; во-вторых, минимизировать экономические и инвестиционные риски путем создания благоприятного инвестиционного фона; в-третьих, вовлекать в процесс установления двусторонних связей не только экономические центры, но и регионы России и Индии; в-четвертых, поощрять малый и средний бизнес для взаимодействия в торгово-экономической сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Денисов И.Е., Попадюк О.А.* 100 тезисов о российско-индийских отношениях. № 29/2016 / под ред. И.С. Иванова; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2016.
- Володин А.* Российско-индийские экономические отношения: тенденции, проблемы, перспективы. Фонд исторической перспективы. 2007. URL: http://www.perspektivy.info/book/rossijsko-indijskije_ekonomicheskiye_otnosheniya_tendencii_problemy_perspektivy_2007-01-3_1.htm (дата обращения: 10.11.2017).
- Каменев С.* Энергетика Индии: помощь зарубежных стран в развитии отрасли // Индия: энергетика и энергетическая безопасность. М.: ИВ РАН, 2014. С. 16—32.
- Сотников В.* К вопросу о российско-индийском сотрудничестве в области ядерной энергетики // Индия: энергетика и энергетическая безопасность. М.: ИВ РАН, 2014. С. 32—37.
- Хейфец Б.* Россия и БРИКС новые возможности для взаимных инвестиций. М.: Дашков и К°, 2014.
- Шикин В.* Индия: взгляд из России. Интервью с А.Г. Володиным (ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4. С. 717—725.
- Шикин В., Бандари А.* Российско-индийское сотрудничество в области энергетики: торговля, совместные проекты, новые сферы. М.: РСМД, 2017.
- A New Era: India-Russia Ties in the 21st Century / ed. by K. Fets, E. Krovvidi, K. Zubacheva, K. Smertina. New Delhi: Russia Beyond The Headlines, 2015.
- Kumar S.* India's National Security: Annual Review 2015—16. New York: Routledge, 2017.
- Chopra R.* Technology and Nationalism in India: Cultural Negotiations from Colonialism to Cyberspace. Amherst, NY: Cambria Press, 2008.
- Mallaby S., Volcker P.* Why India's Economy is at the Head of the Pack. Council on Foreign Relations. 2016. URL: <http://www.cfr.org/economics/why-indias-economy-head-pack/p37526> (accessed: 13.11.2017).

- Mohan R.* Nuclear Energy and Liability in South Asia: Institutions, Legal Frameworks and Risk Assessment within SAARC. New Delhi: Springer India, 2015. DOI: 10.1007/978-81-322-2343-6.
- Pant G.* India's Emerging Energy Relations: Issues and Challenges. New Delhi: Springer, 2015. DOI: https://doi.org/10.1007/978-81-322-2503-4_1
- Postulates on Russia-India Relations / ed. by I. Ivanov. RIAC. M.: Spetskniga, 2013.
- Siddiqui D.* Russia—India Strategic Partnership: Have We Hit a Plateau? Russian International Affairs Council. 2016. URL: <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-indiyskoe-strategicheskoe-partnerstvo-dostignut-li/> (accessed: 19.11.2017).
- Singh S.* INSTC: India-Russia's Trade to Get a Major Boost. Russian International Affairs Council. 2017. URL: <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/instc-india-russia-s-trade-to-get-a-major-boost/> (accessed: 19.11.2017).
- Tsan K.* Re-Energizing the Indian-Russian Relationship: Opportunities and Challenges for the 21st Century // *Jindal Journal of International Affairs*. 2012. № 2. P. 140—184.
- Upadhyay D.* Russia, India turn to Gujarat to help increase trade turnover. Russia&India report. 2017. URL: http://in.rbth.com/economics/business/2017/01/16/russia-india-turn-to-gujarat-to-help-increase-trade-turnover_681841 (accessed: 10.11.2017).

Дата поступления статьи: 15.03.2017

Для цитирования: *Акарашов И.С.* Россия — Индия: новые горизонты стратегического альянса // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 1. С. 148—161. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-148-161.

Сведения об авторе: *Акарашов Исмаил Сейдаминвич* — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: i.akarashov@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-148-161

RUSSIA—INDIA: NEW HORIZONS OF THE STRATEGIC ALLIANCE

I.S. Akarashov

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia),
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article examines the development of Russian-Indian trade and economic relations from 1992 to 2017. The relevance of the topic is that currently the economic sanctions of some Western countries and the USA against Russia forced to strengthen the Eastern vector of its foreign policy. India is a leading country in the South Asian region, has nuclear capabilities, has demonstrated high rates of socio-economic and military development, and it has all chances to be among the world powers. The rapid growth of India draws attention of politicians and scientists. Deeper cooperation with India may become a good stimulus for the development of the Russian economy and to deepen bilateral strategic relations, in the conditions of aggravation of competitive struggle in world politics and economy is extremely important for both countries. The study of the historical experience, its content, potential, problems and perspectives seem to be relevant and useful. In the study of this topic, the author has considered the formation of modern normative-legal base of Russian-Indian trade and economic relations, has studied the structure and dynamics of trade turnover, revealed the main causes of the existing problems and identified prospects.

As a methodological basis of the present study, we used the historical descriptive method which allowed the author to analyze the history of Russian-Indian economic relations. The results of the analysis the author concludes that today, there are a number of external and internal factors that negatively affect economic relations between the two countries, but Indian and Russian governments are determined to strengthen relations in this area, creating a favorable environment for the development of business contacts between representatives of business circles of Russia and India, and the commitment to take economic relations to a level commensurate with the status of “privileged strategic partnership”.

Key words: Russia, India, the economic and trade cooperation, the legal framework, the trade turnover

REFERENCES

- Chopra, R. (2008). *Technology and Nationalism in India: Cultural Negotiations from Colonialism to Cyberspace*. Amherst, NY: Cambria Press.
- Fets, K., Krovvidi, E., Zubacheva, K. & Smertina, K. (Eds.). (2015). *A New Era: India-Russia Ties in the 21st*. New Delhi: Russia Beyond The Headlines.
- Ivanov, I. (Ed.). (2013). *Postulates on Russia-India Relations*. Moscow: Spetskniga.
- Denisov, I.E. & Popadyuk, O.A. (2016). *100 Postulates on Russia—India Relations*. Moscow: NPMP RIAC. (In Russ.).
- Kamenev, S. (2014). Energy of India: foreign assistance for the development of the industry. In: *India: Energy and Energy Security*. Moscow: IES of RAS, p. 16—32. (In Russ.).
- Kheyfets, B. (2014). *Russia and the BRICS. New opportunities for mutual investments*. Moscow: Dashkov and K°. (In Russ.).
- Kumar, S. (2017). *India's National Security: Annual Review 2015—16*. New York: Routledge.
- Mallaby, S. & Volcker, P. (2016). *Why India's Economy is at the Head of the Pack*. Council on Foreign Relations. URL: <http://www.cfr.org/economics/why-indias-economy-head-pack/p37526> (accessed: 10.11.2017).
- Mohan, R. (2015). *Nuclear Energy and Liability in South Asia: Institutions, Legal Frameworks and Risk Assessment within SAARC*. New Delhi: Springer India. DOI: 10.1007/978-81-322-2343-6.
- Pant, G. (2015). *India's Emerging Energy Relations: Issues and Challenges*. New Delhi: Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/978-81-322-2503-4_1
- Shikin, V. (2016). India: Glance from Russia. Interview with doctor A.G. Volodin (E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences). *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), 717—725. (In Russ.).
- Shikin, V. & Bandari, A. (2017). *Russia — India Energy Cooperation: Trade, Joint Projects, and New Areas*. M.: RIAC. (In Russ.).
- Siddiqui, D. (2016). *Russia—India Strategic Partnership: Have We Hit a Plateau?* Russian International Affairs Council. URL: <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-indiyskoe-strategicheskoe-partnerstvo-dostignut-li/> (accessed: 19.11.2017).
- Singh, S. (2017). *INSTC: India-Russia's Trade to Get a Major Boost*. Russian International Affairs Council. URL: <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/instc-india-russia-s-trade-to-get-a-major-boost/> (accessed: 19.11.2017).
- Sotnikov, V. (2014). On Russo-Indian Cooperation in Nuclear Energy. In: *India: Energy and Energy Security*. Moscow: IES of RAS, p. 32—37. (In Russ.).
- Tsan, K. (2012). Re-Energizing the Indian-Russian Relationship: Opportunities and Challenges for the 21st Century. *Jindal Journal of International Affairs*, 2, 140—184.
- Upadhyay, D. (2017). Russia, India turn to Gujarat to help increase trade turnover. *Russia&India report*. URL: http://in.rbth.com/economics/business/2017/01/16/russia-india-turn-to-gujarat-to-help-increase-trade-turnover_681841 (accessed: 10.11.2017).

Volodin, A. (2007). *Russian-Indian economic relations: trends, problems, prospects*. Fond istoricheskoy perspektivy. URL: http://www.perspektivy.info/book/rossijsko-indijskije_ekonomicheskije_otnoshenija_tendencii_problemy_perspektivy_2007-01-31.htm (accessed: 10.11.2017). (In Russ.).

Received: 15.03.2017

For citations: Akarashov, I.S. Russia-India: new horizons of the strategic alliance. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (1), 148—161. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-148-161.

About the author: Akarashov Ismail Sejdaminovich — postgraduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: i.akarashov@gmail.com).

© Акарашов И.С., 2018

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-162-185

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИОРИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА СПЕЦИАЛИСТОВ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

И.А. Истомин

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

Оценка степени соответствия интересов научно-образовательного сообщества политологов-международников приоритетам российской внешней политики представляет не только чисто исследовательский, но и сугубо практический интерес. В условиях, когда государственные ведомства выступают основным заказчиком как специализированных кадров, так и аналитических продуктов в сфере изучения международных отношений, соответствующие разработки могли бы способствовать обоснованию статусных и материальных запросов ученых и педагогов. Тем не менее до сих пор систематические попытки соотнести работу исследователей с требованиями практики на основе обширного эмпирического материала не предпринимались.

Настоящая статья призвана стимулировать дискуссию относительно соотношения между приоритетами научно-образовательного сообщества и государственной политики на основе сравнительного анализа основных направлений внешнеполитической деятельности Москвы с тематической структурой массива диссертаций по политическим наукам. С этой целью в данной статье рассматривается эволюция различных изданий концепции внешней политики Российской Федерации как основного открытого документа стратегического планирования. На основе выявленных в них приоритетов производится классификация диссертационных исследований по специальности 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития», подготовленных с 1991 г. Выбор этого типа научных работ в качестве объекта анализа определяется тем, что они раскрывают долгосрочные интересы специалистов-международников, обладают значительным мультипликативным эффектом на научные публикации и образовательные программы, а также характеризуют переход молодых специалистов от стадии обучения к вхождению в профессиональное сообщество.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что тематические приоритеты диссертационных исследований, подготовленные в 2000—2010-х гг., в целом соответствуют основным направлениям российской внешней политики, изложенным в концептуальных документах. В то же время в диссертациях недостаточное внимание уделяется ряду важных проблем, таких как контроль над вооружениями, политические аспекты формирования глобальной инновационной системы, международные отношения на постсоветском пространстве и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: концепция внешней политики, внешняя политика России, функциональные приоритеты, региональные приоритеты, политические науки, диссертации, научно-образовательное сообщество

Для отечественного научно-образовательного сообщества специалистов-международников характерна регулярная рефлексия относительно текущего состояния и направленности развития их дисциплины (см., например: [Богатуров 2004; Цыганков 2013; Дегтерев 2015; Истомин, Байков 2015; Лебедева 2015]). В то же время работы такого рода, как правило, фокусируются на двух типах вопросов. Во-первых, предметом интереса выступает структурирование российских исследователей по различным школам и подходам. Во-вторых, значительное внимание уделяется сопоставлению научной дискуссии в отечественном сообществе с зарубежными (прежде всего западными) практиками с целью обоснования специфики российского подхода.

Вместе с тем за пределами обсуждения нередко остается проблема соответствия исследований и преподавания международных отношений потребностям российской внешней политики. С учетом того, что большая часть научной работы осуществляется в организациях, финансируемых из государственного бюджета, обеспечение их релевантности потребностям национальной стратегии представляет собой не абстрактный вопрос, а инструмент обоснования получаемой поддержки.

Оценивание степени соответствия деятельности научно-образовательного сообщества социальному и государственному запросу может осуществляться по множеству оснований и на основе различного инструментария. В настоящей статье ставится относительно узкая задача оценки степени тематического соответствия производимых исследований основным направлениям внешнеполитического планирования и степени их значимости для реализуемого курса. При этом в качестве основного типа источников для анализа будут использованы диссертационные работы политологов-международников.

Для достижения поставленной цели в следующем разделе будет рассмотрен процесс эволюции доктринального оформления российской внешней политики. В нем обосновано значение концепций внешней политики как основного публичного документа, характеризующего стратегию Москвы на международной арене. После этого будут проанализированы положения различных редакций концепции, определяющих основные направления реализуемого курса. Еще один раздел будет посвящен описанию методологии анализа диссертаций. Наконец, последний раздел основной части представит результаты классификации собранных данных. В заключение будут выявлены основные расхождения между концептуальными документами по внешней политике России и приоритетами научно-образовательного сообщества.

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

После распада Советского Союза Россия столкнулась с необходимостью определения системы внешнеполитических приоритетов в новых условиях. Этот процесс потребовал времени и преодоления ряда неоправдавшихся надежд периода распада биполярной системы. В 1993 г. показательным стал ответ министра иностранных дел России А.В. Козырева на вопрос бывшего президента США Р. Никсона о национальных интересах новой страны. Глава российского дипло-

матического ведомства заметил, что «одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах. И теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях». Он также добавил: «Но если у Вас есть какие-то идеи, и Вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду Вам очень благодарен» (цит. по: [Батурин, Ильин, Кадацкий, Костиков, Краснов, Лившиц, Никифоров, Пихоя, Сатаров 2001: 471]).

Подобные высказывания не означали отказ от определения приоритетов во внешней политике. Тот же А.В. Козырев на заседании коллегии МИД раскрывал свои представления о детерминантах проводимого им курса: «Быть партнерами США — это самое важное. Более того, надо быть первыми партнерами США, иначе ничего не останется от статуса великой державы» (цит. по: [Адамишин 2016: 296]).

В 1993 г. Москва впервые постаралась закрепить ключевые характеристики своей стратегии на международной арене в документе, получившем название «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации»¹. В нем было зафиксировано 15 направлений деятельности страны.

На первое место ставилось развитие сотрудничества со странами СНГ. Вслед за ним указывалась необходимость укрепления контроля над вооружениями и поддержания международной безопасности, а также обеспечения содействия экономическим реформам. Далее в «Основных положениях» обращалось внимание на выстраивание партнерских отношений с США и Европой, приобретение прочных позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, предотвращение угроз, исходящих из Южной и Западной Азии, а также с Ближнего Востока. Документ также выделял в качестве отдельных направлений дипломатической работы поддержание контактов со странами Африки и Латинской Америки. После этого он постулировал российское стремление удерживать активную роль в ООН и других международных организациях; выстраивать конструктивную кооперацию с Движением неприсоединения; участвовать в гуманитарном сотрудничестве во исполнение своих обязательств в области прав человека; содействовать реализации миротворческого потенциала религиозных общин; решать за счет международного взаимодействия экологические проблемы.

Представленный перечень направлений демонстрирует слабо систематизированный набор разноуровневых тем, в том числе отсутствие разграничения между региональными приоритетами и функциональными областями международного взаимодействия². Кроме того, наполнение стратегии оказалось достаточно

¹ Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации утверждены Распоряжением Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 23 апреля 1993 г. // Внешняя политика и безопасность современной России 1991—2002: Хрестоматия. Т. 4. Документы / сост. Т.А. Шаклеина. М.: МГИМО, 2002. С. 19—50.

² Под функциональными приоритетами здесь и далее понимаются направления внешней политики России, привязанные к некоторой тематической области, а не географическому ареалу (например, такие как обеспечение контроля над вооружениями и международной безопасности или участие в формировании нового мироустройства). Такое словоупотребление соответствует устоявшемуся дискурсу МИД России, в котором проводится разграничение между «территориальными» и «функциональными» департаментами.

разнородным — если на одних направлениях обосновывалась лишь общая логика поведения, то к другим прилагался набор конкретных мероприятий.

Тем не менее заложенная «Основными положениями» 1993 г. практика публичного представления приоритетов в специализированном документе получила продолжение уже в 2000—2010-х гг. В этот период было принято четыре варианта концепции внешней политики России³. Все они строились по единой архитектуре, которая во многом наследует логику самого первого подобного документа, но в то же время отличается большей структурированностью изложения направлений внешнеполитической деятельности.

Концепции внешней политики — не единственный инструмент фиксации и публичного оглашения приоритетов российской стратегии на международной арене. Большое значение в осуществлении этих функций играют программные выступления и статьи политических лидеров и руководителей внешнеполитических ведомств⁴.

Более того, по мнению отечественного исследователя А.Д. Богатурова, приоритеты России выкристаллизовались в качестве доктрины лишь в 2006 г. в выступлении руководителя страны перед послами и постоянными представителями. Предыдущие попытки концептуализации российских интересов были лишены общей стержневой идеи, связывающей отдельные направления внешней политики в единую логику. В 2006 г. президент России В.В. Путин сформулировал доктрину «приведения в соответствие» экономических возможностей и политического статуса [Богатуров 2007: 65].

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 28.06.2000. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 14.11.2017); Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 15.07.2008. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 14.11.2017); Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации. 12.02.2013. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkBV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 14.11.2017); Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 30.11.2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 14.11.2017). Необходимо отметить, что документ 2008 г. позиционировался как обновленная редакция Концепции 2000 г., а документы 2013 и 2016 гг. — как новые концепции. Вместе с тем такое статусное различие не имело сколько-нибудь заметного содержательного значения.

⁴ См., например: Ельцин Б.Н. Выступление на заседании Совета Безопасности ООН 31 января 1992 г. URL: <https://yeltsin.ru/archive/audio/8987/> (дата обращения: 14.11.2017); [Козырев 1994; Примаков 1996]; Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30.12.1999; Путин В.В. Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10.02.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 14.11.2017); Медведев Д.А. Интервью российским телеканалам. 31.09.2008. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/1276> (дата обращения: 14.11.2017); Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27.02.2012; Путин В.В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». 24.09.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения: 14.11.2017).

Несмотря на содержащуюся в анализе А.Д. Богатурова критику стратегических документов 1990-х и первой половины 2000-х гг., сложившаяся практика обновления Концепции внешней политики в ситуации смены политического лидерства или изменений международной среды (документ обновлялся после избрания президентом В.В. Путина и Д.А. Медведева, а также после обострения противоречий с Западом в ходе украинского конфликта) свидетельствует о том, что руководство страны воспринимает его как значимый инструмент транслирования своих представлений о международном окружении, позиционировании России в мире и принципах выстраивания ее поведения.

Кроме того, иные формы коммуникации (выступления, интервью, статьи) концентрируются, как правило, на ограниченном круге наиболее острых вопросов. Между тем Концепция дает сбалансированное и структурированное описание, как ключевых, так и периферийных направлений политики. Это свойство особенно значимо с точки зрения задач настоящей статьи.

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ РОССИИ

Сложившийся в России формат концепций внешней политики включает четыре основных структурных элемента: обоснование цели и места данных концепций в системе национального стратегического планирования; отражение состояния международной среды и позиционирование в ней России; последовательное изложение функциональных и региональных приоритетов государства; определение методов и средств реализации указанных приоритетов⁵. Такая архитектура позволяет ясно представить внешнеполитическую программу государства, так как легко подвергается декомпозиции.

С точки зрения целей настоящей статьи наибольший интерес представляет третий элемент этой структуры, излагающий основные направления внешнеполитической деятельности. Начиная с Концепции 2000 г. они разделяются на функциональные и региональные, что обеспечивает более четкое структурирование различных типов приоритизации. При этом если в документе 1993 г. региональные приоритеты в большинстве случаев предшествовали функциональным, то в последующих редакциях изложение последних неизменно предшествовало рассмотрению отдельных географических измерений.

⁵ Здесь и далее анализ концептуальных документов опирается на Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации утверждены Распоряжением Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 23 апреля 1993 г. // Внешняя политика и безопасность современной России 1991—2002: хрестоматия. Т. 4: Документы / сост. Т.А. Шаклеина. М.: МГИМО, 2002. С. 19—50; Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 28.06.2000. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 14.11.2017); Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 15.07.2008. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 14.11.2017); Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации. 12.02.2013. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 14.11.2017); Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 30.11.2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 14.11.2017).

Эволюция отражения функциональных и региональных приоритетов в различных версиях Концепции внешней политики России представлена в табл. 1 и 2 соответственно.

Таблица 1 / Table 1

**Эволюция функциональных приоритетов
в концептуальных документах Российской Федерации (1993—2016) /
Evolution of issue-area priorities in Russian strategic documents (1993—2016)**

1993	2000	2008	2013	2016
Контроль над вооружениями и международная безопасность / Arms control and international security	Формирование нового мироустройства / Formation of a new world order	Формирование нового мироустройства / Formation of a new world order	Формирование нового мироустройства / Formation of a new world order	Формирование справедливого и устойчивого мироустройства / Formation of an equitable and sustainable world order
Содействие экономической реформе / Promotion of the economic reform	Укрепление международной безопасности / Strengthening international security	Верховенство права в международных отношениях / The rule of law in international relations	Верховенство права в международных отношениях / The rule of law in international relations	Верховенство права в международных отношениях / The rule of law in international relations
ООН и другие международные организации / UN and other international organizations	Международные экономические отношения / International economic relations	Укрепление международной безопасности / Strengthening international security	Укрепление международной безопасности / Strengthening international security	Укрепление международной безопасности / Strengthening international security
Движение неприсоединения / Non-alignment movement	Права человека и международные отношения / Human rights and international relations	Международное экономическое и экологическое сотрудничество / International economic and environmental cooperation	Международное экономическое и экологическое сотрудничество / International economic and environmental cooperation	Международное экономическое и экологическое сотрудничество / International economic and environmental cooperation
Права человека и основные свободы / Human rights and fundamental freedoms	Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности / Information support of foreign policy activity	Международное гуманитарное сотрудничество и права человека / International humanitarian cooperation and human rights	Международное гуманитарное сотрудничество и права человека / International humanitarian cooperation and human rights	Международное гуманитарное сотрудничество и права человека / International humanitarian cooperation and human rights
Религия и религиозные организации / Religion and Religious Organizations		Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности / Information support of foreign policy activity	Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности / Information support of foreign policy activity	Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности / Information support of foreign policy activity
Экологические проблемы / Environmental problems				

Примечание. Для документа 1993 г. разграничение функциональных и региональных приоритетов производилось аналитически. Серым цветом выделены положения, которые сохраняли свое место и название в различных версиях концептуальных документов.

Таблица 2 / Table 2

**Эволюция региональных приоритетов
в концептуальных документах Российской Федерации (1993—2016) /
Evolution of regional priorities in Russian strategic documents (1993—2016)**

1993	2000	2008	2013	2016
СНГ / CIS	СНГ / CIS	СНГ / CIS	СНГ / CIS	СНГ / CIS
США / USA	Европа / Europe	Европа / Europe	Евро-Атлантический регион / Euro-Atlantic region	Евро-Атлантический регион / Euro-Atlantic region
Европа / Europe	США / USA	США и Северная Америка / USA and North America	Арктика и Антарктика / Arctic and Antarctica	Арктика и Антарктика / Arctic and Antarctica
Азиатско-Тихоокеанский регион / Asian-Pacific area	Азия / Asia	Азиатско-Тихоокеанский регион / Asian-Pacific area	Азиатско-Тихоокеанский регион / Asian-Pacific area	Азиатско-Тихоокеанский регион / Asian-Pacific area
Южная и Западная Азия / South and West Asia	Ближний Восток и Северная Африка / Middle East and North Africa	Ближний Восток / Middle East	Ближний Восток и Северная Африка / Middle East and North Africa	Ближний Восток и Северная Африка / Middle East and North Africa
Ближний Восток / Middle East	Африка / Africa	Африка / Africa	Латинская Америка и Карибский бассейн / Latin America and the Caribbean	Латинская Америка и Карибский бассейн / Latin America and the Caribbean
Африка / Africa	Центральная и Южная Америка / Central and South America	Латинская Америка и Карибский бассейн / Latin America and the Caribbean	Африка / Africa	Африка / Africa
Латинская Америка / Latin America				

Примечание. Для документа 1993 г. разграничение функциональных и региональных приоритетов производилось аналитически. Разными цветами выделены положения, которые сохраняли свое место и название в различных версиях концептуальных документов.

Содержательное наполнение каждого из разделов, описывающих отдельные функциональные и региональные направления, существенно менялось со временем, исходя из текущей международной конъюнктуры. В то же время на уровне общей структуры приоритетов наблюдается существенная преемственность всех концептуальных документов начиная с 2000 г. Все они характеризуются более высоким уровнем системности в изложении основных направлений внешней политики по сравнению с попытками стратегического планирования 1990-х гг.

Изложение функциональных направлений внешней политики фактически приобрело заверченный характер в редакции 2008 г., когда было осуществлено разделение политических и непосредственно правовых компонентов мирового порядка. В дальнейшем наблюдалось лишь незначительное уточнение, связанное с вынесением в название направления требований к мироустройству, которое отстаивает Россия (справедливое и устойчивое). В остальном же установившаяся структура сохранялась в трех документах подряд, определявших ориентиры российской внешней политики на протяжении десятилетия.

Из устоявшегося перечня функциональных направлений в российских концептуальных документах выбивается последний приоритет, связанный с информационным сопровождением внешнеполитической деятельности. В то время как предшествующие положения охватывают различные области международных взаимодействий (мировой политический и правовой порядок, международная безопасность, взаимодействие в экономической и экологической сферах, а также гуманитарно-правозащитная тематика), он описывает набор инструментов, призванных обеспечить осуществление российской внешней политики. В этой связи было бы более логичным его размещение в одном из последующих разделов, характеризующих процесс формирования и реализации стратегии Москвы на мировой арене.

Система региональных приоритетов России также остается стабильной, хотя в концепциях 2013 и 2016 гг. наблюдается ряд новаций по сравнению с 2000 и 2008 гг. В первую очередь, закрепились представление о евроатлантическом пространстве как едином региональном комплексе. В Концепции 2000 г. это понятие упоминается лишь раз в части, характеризующей состояние международной среды. Впоследствии частота его использования возросла, а начиная с Концепции 2013 г. оно заместило прежнее разделение европейского и североамериканского направлений в структуре региональных приоритетов. В рамках общего описания политики в отношении евроатлантического направления сохранилась прежняя последовательность, когда рассмотрение отношений с общеевропейскими организациями и отдельными странами предшествует описанию взаимодействия с США и Канадой.

Еще одним значимым изменением в российском внешнеполитическом планировании 2010-х гг. стало вычленение Арктики и Антарктики в качестве отдельного регионального направления внешней политики России. В документах 1993 и 2000 гг. они вообще не упоминаются. В концепции 2008 г. арктическая проблематика затрагивается применительно к отношениям со странами Северной Европы и Канадой. С 2013 г. Арктика (вместе с вопросами Антарктики) рассматривается сразу после политики Москвы в Евро-Атлантическом регионе.

Столь высокое позиционирование, впрочем, не должно вводить в заблуждение. По объему и содержательному наполнению соответствующие положения концепций существенно уступают параграфам даже по тем географическим направлениям, которые идут ниже в системе приоритетов. Применительно к Антарктике они указывают лишь на то, что Россия продолжит сохранять и расширять свое присутствие в регионе на основе договора 1959 г. Таким образом, содержательная повестка российской внешней политики в отношении приполярных областей остается весьма ограниченной.

При изложении региональных направлений внешней политики в документах 2013 и 2016 гг. по сравнению с предыдущими также стало проводиться более четкое разграничение Азиатско-Тихоокеанского пространства, с одной стороны, и Ближнего Востока, и Северной Африки — с другой. При этом такие страны, как Афганистан и Иран были отнесены во второе направление, хотя прежде они

упоминались в одном ряду с азиатскими странами. Еще ранее в документе 1993 г. они были отнесены к впоследствии исключенной категории — Южная и Западная Азия.

При достаточно обширном описании российских приоритетов на ближневосточном направлении в концептуальных документах особенностью их изложения остается отказ от указания отдельных партнеров (за исключением Концепции 2008 г.). Подобный подход может быть обусловлен стремлением Москвы выстраивать взаимодействие с широким кругом контрагентов, между которыми сохраняются острые противоречия [Katz 2010; Suchkov 2016]. В этих условиях сложившаяся практика умолчания позволяет избежать неудобных вопросов относительно конкретного состава и порядка упоминания стран в официальных документах.

Последней новацией концепций 2013 и 2016 гг. стала перестановка положений относительно взаимодействия со странами Латинской Америки и Африки. Оба направления относятся к числу периферийных для российской внешней политики, и каждому из них, как правило, посвящается лишь по одному параграфу. Вместе с тем в 2000—2010-х гг. Москва наладила продуктивные экономические связи и политические контакты с рядом стран Западного полушария [Яковлев 2016], что и нашло отражение в концептуальных документах.

Рассмотренные перестановки в структуре функциональных и региональных приоритетов в российской внешней политике свидетельствуют об эволюционном характере ее изменения. В представлении географических направлений наблюдается несколько большая динамичность, но она связана скорее с уточнением используемых категорий, чем с реальным пересмотром их значимости (фактически единственная реальная переоценка связана с изменениями на периферийных направлениях). Высокая устойчивость логики выстраивания приоритетов в 2000—2010-х гг. позволяет рассматривать ее как целостную структуру, несмотря на глубокие содержательные изменения в отношениях Москвы с основными зарубежными партнерами.

Указанные содержательные изменения получают отражение в эволюции формулировок и введении новых положений в рамках общей архитектуры концепции. Например, редакция 2016 г. в практике подобных документов напрямую закрепила допустимость использования военно-силового инструментария во внешней политике, по крайней мере, в отношении международного терроризма. Вместе с тем рассмотрение таких субстантивных новаций не относится к задачам, поставленным в настоящей статье.

ОБОСНОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА ПРИОРИТЕТОВ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Для анализа приоритетов отечественного научно-образовательного сообщества была использована база данных диссертационных исследований Российской государственной библиотеки по специальности 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития». Тематика научных диссертаций выступает полезным индикатором

распределения интересов специалистов по международным отношениям по ряду причин.

Во-первых, написание диссертационного исследования (по крайней мере кандидатского) — промежуточный этап между получением высшего образования и вхождением в профессиональное сообщество. Выбор темы зачастую обусловлен представлениями об актуальных научных проблемах, сложившимися в ходе предшествующего обучения, а получившийся труд вносит вклад в постановку новых исследовательских задач.

Во-вторых, рукопись диссертации предстает результатом крупной исследовательской работы, осуществляемой на протяжении длительного срока (нормативный срок написания кандидатской диссертации очными аспирантами — три года). В этой связи выбор тематики свидетельствует об устойчивом, а не конъюнктурном интересе.

В-третьих, в ходе работы над кандидатской, а тем более докторской диссертацией исследователь публикует промежуточные результаты своей работы в научных статьях и монографиях. Они также апробируются в ходе научных конференций, получают практическое внедрение в рамках профильных образовательных дисциплин. Таким образом, диссертации по выбранной тематике порождают значительный мультипликационный эффект в ее изучении и преподавании.

Подготовка диссертаций по тематикам, связанным с формированием и реализацией внешней политики Российской Федерации, осуществляется по ряду направлений. В их числе научные специальности военного, исторического, экономического и юридического профиля. Выбранная для анализа в рамках настоящей статьи специальность относится к направлению политических наук — наиболее релевантным вопросам разработки и осуществления стратегии страны на международной арене.

Приоритеты любого научно-образовательного сообщества в значительной степени определяются внутренней динамикой его развития. Данное влияние получило обоснование в концепции научных революций и парадигмальных сдвигов Т. Куна, теории исследовательских программ И. Лакатоса, а также последующих исследованиях [Кун 2003; Лакатос 2008]. В развитии отечественных международно-политических исследований в 1990—2000-х гг. большое значение имел также процесс активного заимствования достижений зарубежных научных школ, доступ к которым был ограничен в советский период. А.Д. Богатуров определил его как «парадигму освоения» [Богатуров 2000].

Между тем французский специалист Б. Латур продемонстрировал, что внутридисциплинарная динамика оказывает влияние на процесс формирования и пересмотра научных приоритетов только во взаимодействии с социальным заказом [Латур 2013]. Подобное утверждение еще в большей степени корректно для образовательной деятельности, которая вынуждена ориентироваться на запросы рынка труда.

С учетом специфики исследований и преподавания по направлению «Международные отношения» их основным потребителем выступают профильные

органы государственной власти (в первую очередь Министерство иностранных дел, Совет Безопасности, Администрация Президента, а также соответствующие комитеты Парламента). Таким образом, документы, излагающие направления внешней политики правительства, — важнейший индикатор существующего заказа для научно-образовательного сообщества. Анализ тематических приоритетов продуктов деятельности этого сообщества (прежде всего диссертаций) позволяет выявить степень их соответствия государственным запросам.

В рамках проведенного исследования были выявлены и систематизированы данные относительно 1176 диссертационных исследований, размещенных в РГБ в период с 1991 по 2016 г.⁶ Преимуществом выбранного источника выступает нормативное требование к диссертационным советам направлять в эту библиотеку экземпляр диссертации и автореферата⁷. С учетом требований российского законодательства обоснованным будет предположение, что проведенное исследование охватило подавляющее большинство, если не все работы в формате рукописи, защищенные в Российской Федерации за указанный период. Определение года диссертации определяется датой ее размещения в РГБ, а не датой защиты.

В процессе анализа не учитывалось, была ли диссертация в итоге защищена. Аналогичным образом использование информации о размещении материалов в РГБ не позволяет установить сведения относительно исследований, работа над которыми была начата, но которые остались незавершенными. Дублирование, связанное с размещением в базе данных диссертаций, которые ставились на защиту несколько раз и соответственно рассылались неоднократно, было устранено в ходе анализа.

Изученный массив включает работы на соискание как кандидатской, так и докторской степени. Несмотря на то что последние, как правило, посвящены более масштабным и обширным темам, с точки зрения классификации, производимой в настоящем исследовании, это различие не имеет принципиального значения. Между тем введение в анализ докторских диссертаций позволяет существенно расширить анализируемый массив данных, в первую очередь, в отношении наиболее проблемного периода 1990-х гг. При этом из числа рассматриваемых работ были исключены диссертации, защищавшиеся в странах — членах СНГ, которые также содержатся в базе данных РГБ.

Рассмотренный массив характеризуется существенной неравномерностью (рис. 1). С учетом того, что легитимизация политических наук как самостоятельной дисциплины произошла только в период распада Советского Союза, на протяжении 1990-х гг. количество подготовленных диссертаций по специальности оставалось незначительным. Существенное увеличение числа работ произошло с 1998 г. Исходя из выявленной неравномерности, а также рассмотрен-

⁶ Поиск осуществлялся в электронном каталоге по названию и коду специальности.

⁷ Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/103526/#ixzz4xeUQVQRr> (дата обращения: 12.12.2017).

ной выше кристаллизации системы функциональных и региональных приоритетов России к началу 2000-х гг., основное внимание при анализе было посвящено массиву диссертаций с 2001 по 2016 г. Данные по предшествующему периоду приводятся в ряде случаев для сопоставления.

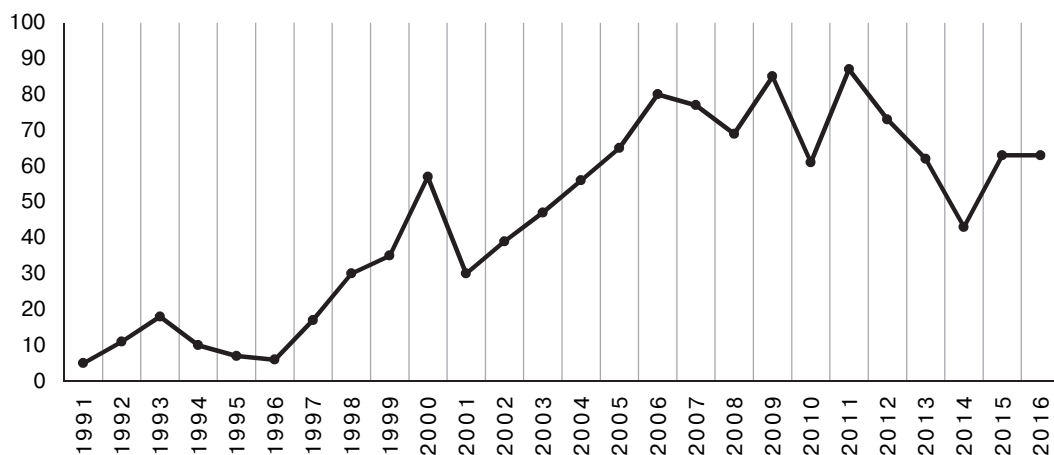

Рис. 1. Динамика размещения в РГБ диссертационных исследований по специальности 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» (1991—2016) /

Fig. 1. Dynamic of presentation of the PhD theses on International Politics (code of specialization 23.00.04) in Russian State Library (1991—2016)

Пик подготовки диссертаций пришелся на период с середины 2000-х до начала 2010-х гг. В 2011 г. в РГБ было размещено наибольшее число работ — 87. Впоследствии число диссертаций снизилось в результате повышения требований к такого рода квалификационным исследованиям и усложнения процедуры защиты, а также сокращения числа профильных диссертационных советов⁸.

Классификация диссертаций по тематикам в большинстве случаев осуществлялась на основе анализа их названий. Иногда, когда названия оказывались недостаточно информативными, производилось изучение авторефератов, и в первую очередь разделов, освещающих объект, предмет, цель и задачи исследования. Часть работ затрагивала широкий круг вопросов, зачастую находящихся на стыке нескольких тематических полей (или, например, соответствовала каким-то функциональному и региональному приоритетам одновременно). В этом случае они включались в несколько групп.

Отнесение работ к различным категориям осуществлялось на основании качественной оценки автора, опиравшегося, в первую очередь, на терминологию, используемую в концептуальных документах по внешней политике Российской Федерации. Несмотря на то что такой подход не позволяет исключить вероятность

⁸ См. Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/70461216/#ixzz4xeTlGpFy> (дата обращения: 12.12.2017).

отдельных ошибок в классификации, их возможное влияние на получаемые выводы сглаживалось большим числом наблюдений. С учетом широкого разнообразия тем диссертаций и используемого в них словоупотребления кодирование на основе экспертных оценок оказывается предпочтительным для выявления содержательной направленности исследования по сравнению с более формализованными способами оценивания.

АНАЛИЗ ТЕМАТИКИ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Настоящий раздел содержит результаты классификации диссертационных исследований в нескольких измерениях. Выбор параметров для классификации тематики диссертаций осуществлялся исходя из структуры приоритетов, представленных в Концепции внешней политики Российской Федерации. В том числе было выявлено распределение тем по вопросам, связанным с формированием мирового порядка, обеспечением международной безопасности, развитием международного экономического взаимодействия, а также формированием международного образа России и ее внешней политики, — то есть соответствующим четырем функциональным направлениям, обозначенным в концептуальных документах. Кроме того, проводилась классификация тем по региональным направлениям.

Из классификации были исключены вопросы верховенства международного права и правозащитной тематики, так как анализ в этих областях более характерен для работ по юридическим наукам. Число политологических исследований по этой проблематике недостаточно для проведения успешного сравнительного анализа. Аналогичным образом при рассмотрении региональных приоритетов работы по Арктике и Антарктике не выделялись в отдельную категорию — за весь рассматриваемый период были подготовлены только четыре диссертации по данным регионам в рамках изучаемой специальности.

Процессы трансформации мироустройства порождают многочисленные и разнообразные последствия для различных областей международного взаимодействия и в этой связи затрагиваются в значительном числе диссертационных исследований. В то же время число работ, непосредственно посвященных вопросам трансформации мирового порядка и организации глобального управления, в рассматриваемый период не превышало одной десятой от общего числа защищенных диссертаций.

Таблица 3 / Table 3

**Диссертации по проблематике мирового порядка
и глобального управления (1991—2016) /
PhD theses dealing with the issues of world order
and global governance (1991—2016)**

Показатель / Index	1991— 2000	2001— 2004	2005— 2008	2009— 2012	2013— 2016
Число диссертационных исследований / Number of dissertations	3	11	29	31	15
Доля в общем массиве диссертации, % / Share in the general array of dissertations (%)	0,02	0,06	0,10	0,10	0,07

В целом с начала 1990-х гг. в России было подготовлено около сотни исследований, освещающих эту тематику. Вместе с тем парадоксальным представляется некоторое снижение доли таких исследований в общем массиве подготовленных диссертаций в 2010-х гг. Оно происходило на фоне интенсификации и обострения дискуссий в зарубежном исследовательском сообществе относительно тенденций эволюции мировой системы (см., например: [Brooks, Wohlforth 2008; Zakaria 2009; Layne 2012; Nye 2015]).

Между тем стабильный интерес в исследуемый период сохранялся к проблемам международной безопасности. Их непосредственному рассмотрению посвящено около трети диссертаций, размещенных в РГБ.

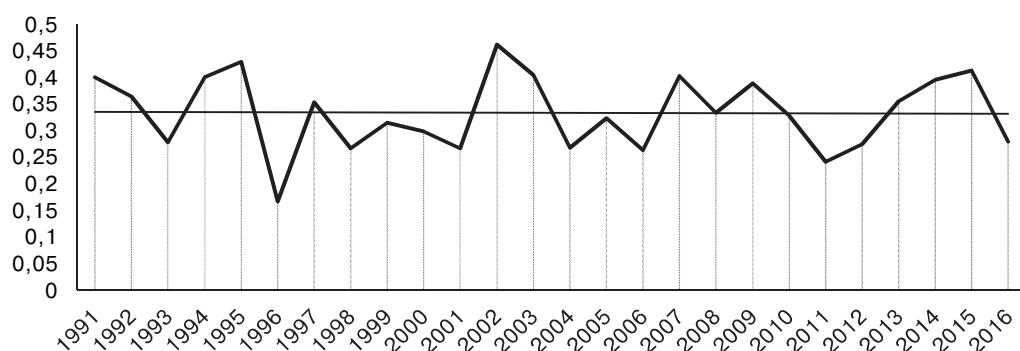

Рис. 2. Доля работ, посвященных вызовам международной безопасности, в общем объеме диссертаций (1991—2016) /

Fig. 2. Share of PhD theses dealing with the issues of international security (1991—2016)

В официальных документах Российской Федерации установилась четкая приоритизация вызовов международной безопасности, сформулированная в Концепции 2000 г. (направления, соответствующие таким тематическим областям, как: нераспространение оружия массового уничтожения (ОМУ), контроль над ОМУ и средствами доставки; информационная безопасность; региональная безопасность в Европе (контроль над вооружениями и меры доверия); миротворчество; борьба с терроризмом и насильственным радикализмом, борьба с наркопреступностью) и впоследствии расширенная в Концепции 2008 г. (были добавлены направления, соответствующие следующим тематическим областям: региональные конфликты и пограничные споры; миграционные вызовы; взаимодействие культур, этносов, цивилизаций). Позднее (в концепциях 2013 и 2016 гг.) формулировки соответствующего раздела оставались практически неизменными. Изучение группы диссертаций, непосредственно посвященных вопросам международной безопасности, позволяет произвести их распределение по подтемам, соответствующим различным типам вызовов (как видно из диаграммы на рис. 3, ряд работ охватывают более широкий круг вопросов — I, II, III).

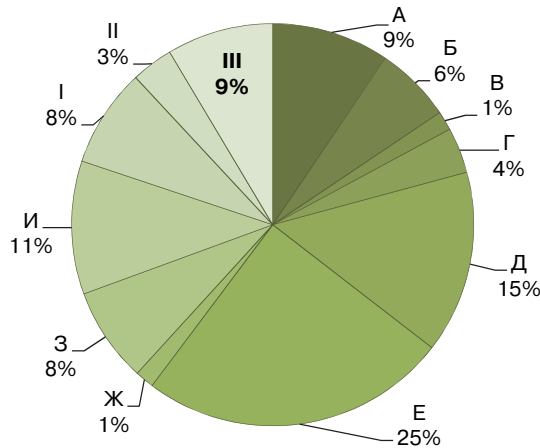

Рис. 3. Распределение диссертаций, посвященных исследованию вопросов международной безопасности, по типам вызовов (2001—2016) / **Fig. 3.** Distribution of PhD theses dealing with the issues of international security in accordance with the specific threats (2001—2016)

Примечание. Обозначения на диаграмме: А — нераспространение ОМУ, контроль над ОМУ и средствами доставки; Б — информационная безопасность; В — региональная безопасность в Европе (контроль над вооружениями и меры доверия); Г — миротворчество; Д — борьба с терроризмом и насильственным радикализмом; Е — региональные конфликты и пограничные споры; Ж — борьба с наркопреступностью; З — миграционные вызовы; И — взаимодействие культур, этносов, цивилизаций. I — военные аспекты безопасности; II — новые вызовы и угрозы; III — общие вопросы безопасности.

В целом военные и нетрадиционные вызовы международной безопасности рассматриваются в российской международно-политической науке практически на паритетных основаниях. Вместе с тем внутри этих двух групп научные интересы распределяются неравномерно.

Хотя в российских концептуальных документах в качестве важнейших обозначаются вызовы, связанные с угрозами нарушения стратегической стабильности и распространения оружия массового уничтожения⁹, число исследований по этой тематике остается сравнительно меньшим, чем по другим вопросам международной безопасности. Необходимо отметить, что изучение вопросов, связанных с контролем над вооружением, требует не только глубоких знаний в сфере общественных наук, но и понимание их технической стороны.

Гораздо чаще объектом диссертации становятся региональные столкновения и пограничные споры. Большое число работ, посвященных этому типу вызова, может объясняться широким распространением такого рода конфликтных ситуаций, каждый из которых может стать предметом отдельного рассмотрения.

В 2000-х гг. также стремительное развитие получили исследования проблем, порождаемых террористической активностью. Подобный интерес, вероятно, объясняется широким общественным обсуждением этой проблематики. Он также соответствует росту внимания к проблематике международного терроризма в за-

⁹ Они указываются первыми в документах, и соответствующие положения превосходят по содержательному наполнению последующие вызовы.

рубежной научной литературе [Walt 2005]. Значительное число научных работ также освещают проблемы, находящиеся в конце списка приоритетов в российских концептуальных документах, — вызовы, связанные с миграционными потоками, а также взаимодействием культур, этносов и цивилизаций.

Напротив, такие значимые для государственной стратегии вопросы, как контроль над вооружениями и меры доверия в Европе, а также миротворчество, становятся предметом специализированных политологических исследований сравнительно реже так же, как и вопросы борьбы с наркотической угрозой. Совсем вне фокуса внимания отечественного сообщества политологов-международников находятся регулирование оборота легкого и стрелкового оружия и международное сотрудничество в сфере реагирования на чрезвычайные ситуации и катастрофы.

Тематика международного экономического и экологического сотрудничества привлекает все возрастающее внимание исследователей (рис. 4). Особенно явно проявлялся рост интереса к указанной теме после финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. Тем не менее, число работ, непосредственно фокусирующихся на экономических вопросах, остается меньшим, чем количество исследований, посвященных проблемам международной безопасности.

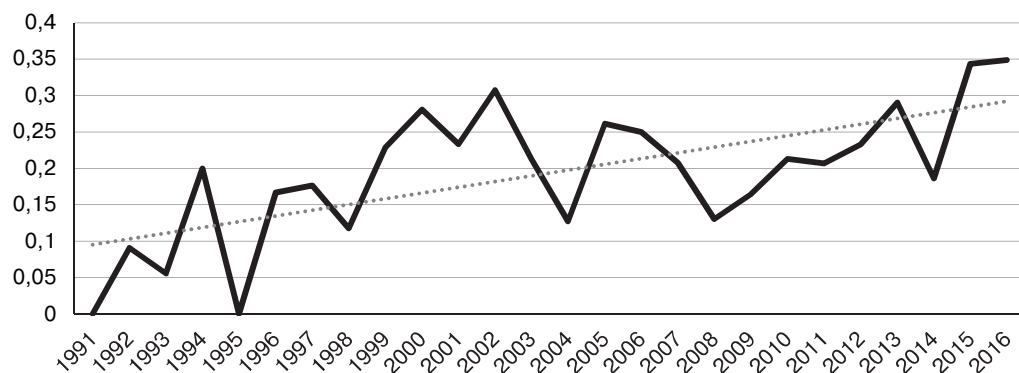

Рис. 4. Доля работ, посвященных вопросам международного экономического и экологического сотрудничества, в общем объеме диссертаций (1991—2016) /

Fig. 4. Share of PhD theses dealing with the issues of international economic and environmental cooperation (1991—2016)

Распределение на подтемы диссертаций, посвященных экономической проблематике, сложнее соотнести с положениями соответствующего раздела российских концепций внешней политики (в том числе потому, что в формулировках разных редакций документа наблюдалась большая изменчивость). Почти треть всех работ составляют исследования, посвященные экономической интеграции (рис. 5). В концептуальных документах эта тематика упоминается преимущественно в контексте региональных приоритетов, а не общих вопросов международного экономического сотрудничества, причем в основном применительно к постсоветскому пространству.

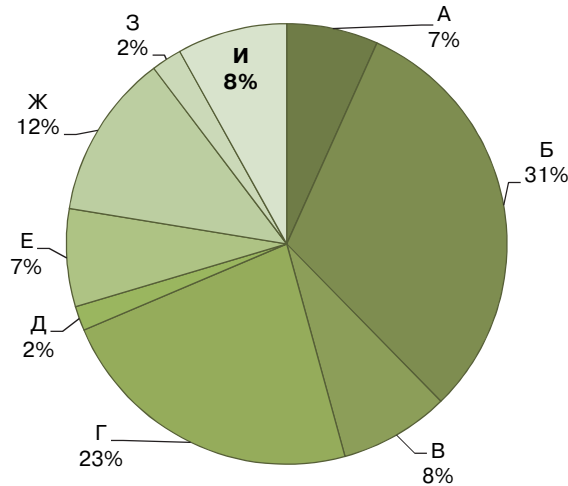

Рис. 5. Распределение диссертаций, посвященных исследованию вопросов международного экономического и экологического сотрудничества, по подтемам (2001—2016) /

Fig. 5. Distribution of PhD theses dealing with the issues of international economic and environmental cooperation in accordance with the specific sub-areas of interaction (2001—2016)

Примечание. Обозначения на диаграмме: А — глобальные экономические режимы и институты; Б — региональная интеграция; В — внешнеэкономическая политика отдельной страны и двусторонние экономические связи; Г — международная энергетика; Д — международные транспортные потоки; Е — экологическая проблематика; Ж — социально-экономическая стабильность и развитие стран; З — продовольственная безопасность и охрана здоровья; И — межрегиональные и приграничные связи.

Кроме того, широкое освещение в отечественных международно-политических исследованиях получали проблемы международного энергетического взаимодействия, а также поддержания социально-экономической стабильности и обеспечения развития отдельных стран. В российских концептуальных документах неизменно указывается на значение последней группы вопросов для обеспечения коллективной безопасности в мировой системе.

Напротив, укрепление российских позиций на мировых энергетических рынках непосредственно в качестве приоритета не выделялось в Концепции 2000 г. Наибольшее внимание этой задаче уделялось в следующей редакции 2008 г. В документах 2010-х гг. стремление выстраивать конструктивные отношения с различными группами игроков на мировых энергетических рынках фиксируется, но не в числе первых вопросов раздела о международном экономическом сотрудничестве.

В общем объеме диссертаций по политическим наукам работы по природоохранной тематике составляют подавляющее меньшинство. Такое положение вещей в целом соответствует освещению этой тематики в концепциях внешней политики России. Начиная с документа 2008 г. экология была вынесена в название одного из разделов функциональных направлений, но освещается она лишь одним параграфом, в котором до 2016 г. делался весьма осторожный акцент на необходимость «разработки научно обоснованных подходов» к природоохранной деятельности.

Также относительно небольшой процент составляют политологические исследования институтов и процессов глобального экономического управления, хотя обеспечению российского участия в них неизменно уделяется повышенное вни-

мание в концепциях внешней политики. Наконец, с 2001 г. в России было подготовлено пять политологических диссертаций по вопросам продовольственной и водной безопасности, а также проблематике международного сотрудничества в борьбе с эпидемиями, которые также входят в число направлений внешнеполитической деятельности в соответствии с концептуальными документами.

Рост интереса к информационным аспектам международного взаимодействия по времени практически совпал с их закреплением в качестве одного из функциональных направлений внешнеполитической деятельности в начале 2000-х гг. Ранее работы, специально рассматривающие различные аспекты этой проблематики, появлялись лишь эпизодически. С середины 2000-х гг. доля исследований, посвященных вопросам международного позиционирования государств и их внешней политики, начала колебаться в пределах 9—11%, а с 2014 г. она существенно возросла. В абсолютных значениях количество работ по этой тематике не изменилось (от 4 до 7 диссертаций в год) на фоне общего сокращения числа исследований.

При этом число диссертаций, которые освещают собственно проблематику информационного сопровождения внешней политики, составляет меньшую долю исследований (рис. 6). Большой популярностью пользуется тематика, охватывающая вопросы формирования «мягкой силы» стран и осуществления общественной дипломатии с участием негосударственных субъектов. Подобный интерес связан не столько с отечественной спецификой, сколько с растущим признанием исследовательской программы, сформировавшейся под влиянием работ американского специалиста Дж. Ная-мл. [Nye 2004]¹⁰.

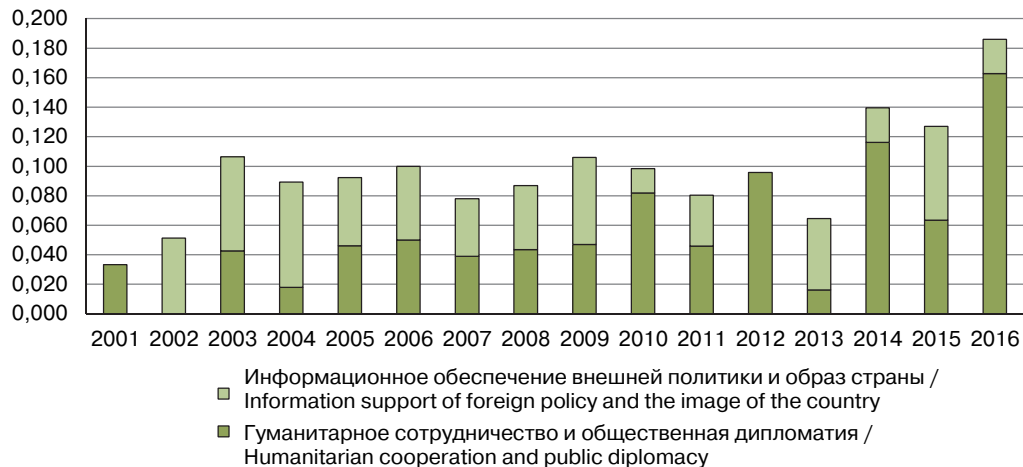

Рис. 6. Доля работ, посвященных вопросам международного позиционирования страны и информационного сопровождения внешней политики, в общем объеме диссертаций (2001—2016) /

Fig. 6. Share of PhD theses dealing with the issues of national image and informational coverage of foreign policy (2001—2016)

¹⁰ Характерно, что на выдвинутую Дж. Наем концепцию «мягкой силы» ссылался даже российский министр иностранных дел С.В. Лавров (Лавров С.В. Выступление и ответы на вопросы в ходе лекции для высшего офицерского состава Академии Генштаба, Москва, 23 марта 2017 года. URL: http://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/2702537 (дата обращения: 12.12.2017).

Наряду с вопросами, относящимися к числу функциональных приоритетов российской внешней политики, в диссертационных исследованиях широко освещалась региональная проблематика. Большая часть подготовленных работ характеризовалась фокусом на отдельных странах или группах географически близких стран (рис. 7). При этом доля работ, посвященных исключительно глобальным проблемам или общим вопросам, затрагивающим несколько регионов, с середины 2000-х гг. неизменно уменьшалась (хотя в среднем и оставалась выше, чем в 1990-х гг.).

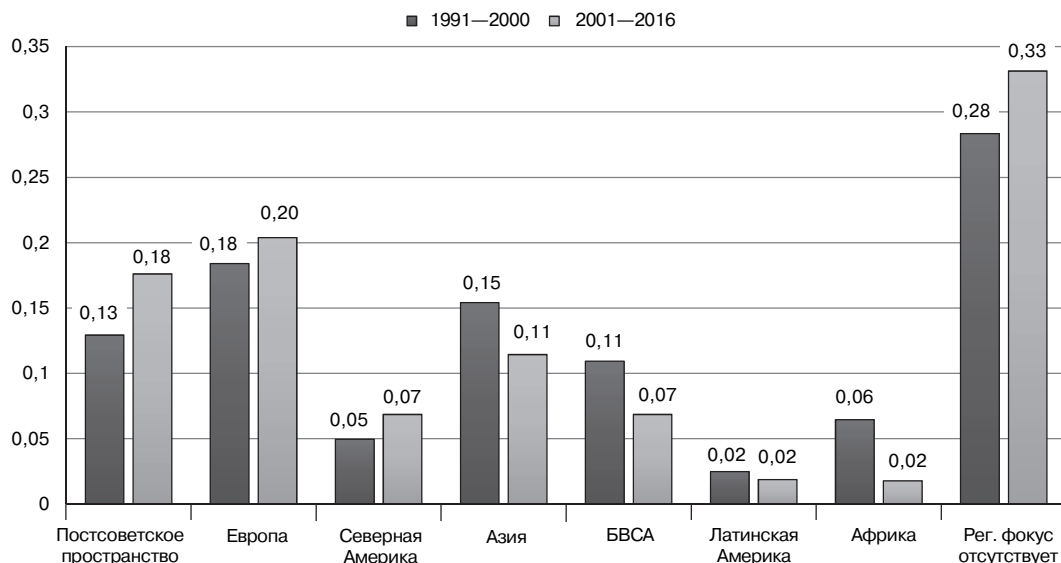

Рис. 7. Распределение диссертаций в зависимости от регионального фокуса (1991—2016) / **Fig. 7.** Distribution of PhD theses in accordance with their regional focuses (1991—2016)

В 2000—2010-х гг., несмотря на провозглашаемую российскими концепциями внешней политики многовекторность, в диссертационных исследованиях наблюдалась большая концентрация на изучении трех наиболее приоритетных регионов: постсоветского пространства, Европы, Северной Америки. При этом доля Азии, Ближнего Востока и Африки существенно снизилась. В 2001—2016 гг. пятая часть всех подготовленных диссертаций концентрировалась на проблемах европейского региона; вместе с исследованиями, посвященными США и Канаде, эта доля увеличивается до 27%. Сравнительно небольшое число работ, отнесенных к исследованиям Северной Америки, связано с тем, что эту подсистему составляют лишь два государства.

Второе место по числу диссертаций занимало постсоветское пространство — доля указанной проблематики в общем числе работ составляет две трети от показателя Евро-Атлантического региона. Порядка 10% исследований было посвящено Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Несмотря на широко деклариру-

емый «поворот на Восток»¹¹, с середины 2000-х гг. (по 2016 г.) доля работ по этим регионам плавно уменьшалась, в то время как число диссертаций, посвященных европейским исследованиям, устойчиво возрастало. Наименьший интерес у отечественного научно-образовательного сообщества вызывала проблематика Латинской Америки и Африки южнее Сахары.

При оценке состояния исследований, посвященных «восточной» проблематике, необходимо учитывать, что специалисты по этому региональному направлению зачастую относятся с недоверием к методологии политических наук и предпочитают защищаться по историческим и филологическим специальностям. В то же время сравнительно более высокий уровень числа исследований в 1990-х гг. свидетельствует, что относительно меньшая их доля в последующие годы определяется не только дисциплинарными предпочтениями.

Проведенный анализ подтвердил, что приоритеты отечественного научно-образовательного сообщества политологов-международников в значительной степени коррелируют с основными направлениями российской внешней политики в том виде, как они зафиксированы в концептуальных документах. Изучение базы данных диссертаций подтверждает широкий тематический и географический охват проводимых исследований, в то же время демонстрируя ряд специфических отличий, обусловленных интересами отдельных специалистов, динамикой дисциплинарной дискуссии или приоритетами иных заинтересованных групп, кроме государственных ведомств.

В частности, с точки зрения приоритетов государственной политики наблюдается недостаток работ, посвященных проблемам контроля над вооружениями на стратегическом и региональном уровнях, регулирования мировой экономики, политическим аспектам международного взаимодействия в сфере науки и инноваций. Активная российская позиция по вопросам трансформации международной системы создает запрос на серьезные, фундаментальные исследования по этой тематике. Снижение внимания научно-образовательного сообщества к ней делает внешнеполитическую аргументацию более уязвимой.

Кроме того, число исследований, посвященных вопросам международного взаимодействия на постсоветском пространстве, не соответствует его позиционированию в качестве наиболее приоритетного для России. Наконец, активизация российской внешней политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе не сопровождалась до сих пор увеличением числа защищаемых диссертаций. Эта тематика также заслуживает большего числа специализированных работ.

¹¹ Барабанов О.В., Бордачев Т.В. К Великому океану, или новая глобализация России. Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Июль 2012. URL: <http://www.karaganov.ru/content/images/uploaded/a35455a80df7c2e23eba579d0f87665f.pdf> (дата обращения: 12.12.2017).

Несмотря на то что анализ диссертационных исследований представляется достаточно надежным способом определения приоритетов научно-образовательного сообщества, полученные результаты могут быть проверены и скорректированы на материале других типов работ. В частности, они могли бы быть верифицированы и на основе изучения публикаций высокорейтинговых отечественных журналов, учебников и учебных пособий, а также научных монографий.

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 16-23-41004.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адамишин А.Л.* В разные годы. Внешнеполитические очерки. М.: Весь мир, 2016.
- Батурин Ю.М., Ильин А.Л., Кадацкий В.Ф., Костиков В.В., Краснов М.А., Лившиц А.Я., Никифоров К.В., Пихоя Л.Г., Сатаров Г.А.* Эпоха Ельцина: очерки политической истории. М.: Вагриус, 2001.
- Богатуров А.Д.* Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. 2000. № 1. С. 195—201.
- Богатуров А.Д.* Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 4. С. 16—33.
- Богатуров А.Д.* Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 1 (13). С. 54—69.
- Внешняя политика и безопасность современной России 1991—2002: хрестоматия. Т. 4: Документы / сост. Т.А. Шаклеина. М.: МГИМО, 2002.
- Дегтерев Д.А.* Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 41. С. 35—54.
- Истомин И.А., Байков А.А.* Сравнительные особенности отечественных и зарубежных научных журналов // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 41. С. 114—140.
- Козырев А.В.* Стратегия партнерства // Международная жизнь. 1994. № 5. С. 5—15.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
- Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект, 2008.
- Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013.
- Лебедева М.М.* Российские международные исследования: возможный вклад в развитие общемировой науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 2. С. 83—95.
- Примаков Е.М.* Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3—13.
- Цыганков П.А.* «Международные отношения и мировая политика» консолидация учебно-научной дисциплины? // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 34. С. 6—20.
- Яковлев П.П.* Стратегическое партнерство России со странами Латинской Америки: тенденции и контртенденции // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 1. С. 40—51.
- Brooks S.G., Wohlforth W.C.* World out of balance: international relations and the challenge of American primacy. Princeton: Princeton University Press, 2008.
- Katz M.N.* Russia's Greater Middle East Policy: Securing Economic Interests, Courting Islam. IFRI. 2010. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifrirussiamiddleeastkatzengapril2010.pdf> (дата обращения: 10.08.2017).
- Layne C.* This time it's real: The end of unipolarity and the Pax Americana // International Studies Quarterly. 2012. Vol. 56. N 1. P. 203—213. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2011.00704.x>.

- Nye J.S.* Soft power: the means to success in world politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.
- Nye J.S.* Is the American century over? Malden: Polity Press, 2015.
- Suchkov M.* Russia's Plan for the Middle East. *The National Interest*. 15.01.2016. URL: <http://nationalinterest.org/feature/russias-plan-the-middle-east-14908> (accessed: 10.08.2017).
- Walt S.M.* The relationship between theory and policy in international relations // *Annual Review of Political Science*. 2005. Vol. 8. P. 23—48.
- Zakaria F.* The Post-American World. N.Y.: W.W. Norton, 2009.

Дата поступления статьи: 11.07.2017

Для цитирования: *Истомин И.А.* Сравнительный анализ приоритетов российской внешней политики и научно-образовательного сообщества специалистов по международным отношениям // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 1. С. 162—185. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-162-185.

Сведения об авторе: *Истомин Игорь Александрович* — кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: iaistomin@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-162-185

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE RUSSIAN FOREIGN POLICY PRIORITIES AND RESEARCH INTERESTS OF THE NATIONAL ACADEMIC COMMUNITY

I.A. Istomin

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
Moscow, Russian Federation

Abstract. Assessment of the correlation in priorities of the academic community and national foreign policy represents not only an intriguing research question by itself, but also an important practical task. As the governmental bodies remain the main source of demand for professionals and research in International Relations, such analysis could create a foundation for the status and material aspirations of scholars. Nevertheless, there were no systematic attempts to assess the abovementioned correlation on the basis of the sufficient empirical data. The current article is aimed to stimulate discussion regarding the connections between policy and academic priorities through providing comparative analysis of the major directions in Russian official documents and topics covered in PhD theses on International Politics.

The analysis covers the period from the early 1990s until 2016. The use of PhD theses as an object for the current study is justified by their reflection of long-term research orientations, significant multiplying effect on higher education and academic publications, as well as define transition of young specialists from students to members of the professional community. The article proves that thematical preferences of the PhD theses, prepared in 2000s and 2010s, to a great extent correlate with the priorities defined by the Russian Concepts of foreign policy. However, they underrepresent several important policy directions, such as arms control, political aspects of global innovation system and international relations in the Post-Soviet space and in the Asia Pacific.

Key words: Concept of foreign policy, Russian foreign policy, issue-area priorities, regional priorities, Political Science, PhD theses, academic community

Acknowledgments: The article was prepared with the support of the RFBR grant No. 16-23-41004.

REFERENCES

- Adamishin, A.L. (2016). *In various years. Foreign policy essays*. Moscow: Ves' mir Publ. (In Russ.).
- Baturin, Yu.M., Iljin, A.L., Kadatskij, V.F., Kostikov, V.V., Livshits, A.Ya., Nikiforov, K.V., Pikoya, L.G. & Satarov, G.A. (2001). *Yeltsin's Epoch: essays in political history*. Moscow: Vagrius. (In Russ.).
- Bogaturov, A.D. (2000). Ten years of the paradigm of absorption. *Pro et Contra*, 1, 195—201. (In Russ.).
- Bogaturov, A.D. (2004). The notion of world politics in theoretical discourse. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2 (4), 16—33. (In Russ.).
- Bogaturov, A.D. (2007). Three generations of the Russian foreign policy doctrines. *Mezhdunarodnye protsessy*, 5(1(13)), 54—69. (In Russ.).
- Brooks, S.G. & Wohlforth, W.C. (2008). *World out of balance: international relations and the challenge of American primacy*. Princeton: Princeton University Press.
- Degterev, D.A. (2015). Quantitative methods in international studies. *Mezhdunarodnye protsessy*, 13 (41), 35—54. (In Russ.).
- Istomin, I.A. & Baykov, A.A. (2015). Comparative specific of Russian and foreign academic journals. *Mezhdunarodnye protsessy*, 13(41), 114—140. (In Russ.).
- Katz, M.N. (2010). *Russia's Greater Middle East Policy: Securing Economic Interests, Courting Islam*. IFRI. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifrussiamiddleeastkatzengapril2010.pdf> (assessed: 10.08.2017).
- Kozyrev, A.V. The Strategy of partnership. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 5, 5—15. (In Russ.).
- Kuhn, T.S. (1962). *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakatos, I. (2008). *Selected works in philosophy and methodology of science*. Moscow: Akademicheskij projekt Publ. (In Russ.).
- Latour, B. (1987). *Science in action: how to follow scientists and engineers through society*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Layne, C. (2012). This time it's real: The end of unipolarity and the Pax Americana. *International Studies Quarterly*, 56(1), 203—213. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2011.00704.x>.
- Lebedeva, M.M. (2015). Russian international studies: the possible contribution to the global academia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2, 83—95. (In Russ.).
- Nye, J.S. (2004). *Soft power: the means to success in world politics*. N.Y.: Public Affairs.
- Nye, J.S. (2015). *Is the American century over?* Malden: Polity Press.
- Primakov, E.M. (1996). International relations on the edge of the 21st century. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 10, 3—13. (In Russ.).
- Shakleina, T.A. (Eds.). (2002). *Foreign policy and security of the current Russia 1991—2002. Anthology. Volume 4. Documents*. Moscow: MGIMO Publ. (In Russ.).
- Suchkov, M. (2016). Russia's Plan for the Middle East. *The National Interest*. URL: <http://nationalinterest.org/feature/russias-plan-the-middle-east-14908> (assessed: 10.08.2017).
- Tsygankov, P.A. (2013). "International Relations and World Politics" — consolidation of the educational and research discipline? *Mezhdunarodnye protsessy*, 11(34), 6—20. (In Russ.).
- Walt, S.M. (2005). The relationship between theory and policy in international relations. *Annual Review of Political Science*, 8, 23—48.

Yakovlev, P.P. (2016). Russian strategic partnership with the Latin American countries: trends and countertrends. *Perspektivy. Elektronnyj zhurnal*, 1, 40—51. (In Russ.).

Zakaria, F. (2009). *The Post-American World*. N.Y.: W.W. Norton.

Received: 11.07.2017

For citations: Istomin, I.A. (2018). Comparative analysis of the Russian foreign policy priorities and research interests of the national academic community. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (1), 162—185. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-162-185.

About the author: *Istomin Igor' Aleksandrovich* — PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Applied Analysis of International Problems of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (e-mail: iaistomin@gmail.com).

© ИСТОМИН И.А., 2018

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-186-196

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В МИРЕ. ИСТОКИ РУСОФОБИИ

Интервью с профессором международных отношений
и политических наук Университета Сан-Франциско
АНДРЕЕМ ПАВЛОВИЧЕМ ЦЫГАНКОВЫМ

Андрей Павлович Цыганков — политолог, специалист по российско-американским отношениям, выпускник философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры международных отношений и политических наук Государственного университета Сан-Франциско, PhD.

В интервью анализируются состояние и перспективы двусторонних отношений между США и Россией, влияние русофобии на характер восприятия образа России и ее внешней политики в США в академической среде и кругах политического истеблишмента. Давая характеристику присутствия России в глобальном медийном пространстве, А.П. Цыганков подчеркивает необходимость активного продвижения позитивного образа России.

Ключевые слова: русофобия, российско-американские отношения, США, Россия, международные отношения, роль СМИ

— Андрей Павлович, в своей книге «Русофобия: антироссийское лобби в США» вы поднимаете множество вопросов, актуальность которых с каждым днем возрастает все больше. Вы указываете на то, что одной из причин роста русофобии среди политических кругов является брошенная Россией вызов гегемонии США. По вашему мнению, это элемент здоровой конкуренции между великими державами или нечто иное?

— Вопрос сложный. Несомненно, что в данном случае имеет место конкуренция держав и использование ценностей в политической борьбе. Здесь следует иметь в виду три влияющих друг на друга измерения. Во-первых, речь идет о социально-культурных различиях, которые политизируются элитами в целях оказания внешнего давления. Эти различия хорошо известны. Русская традиция и ее система ценностей начала формироваться значительно раньше американской и существенно отличается от нее по целому ряду исторических и геополитических причин. Это — традиция сильной исполнительной власти, которая претерпевала различные модификации в московский, петербургский, а затем советский периоды. Эта традиция продолжает действовать и сегодня.

Американская традиция складывалась иначе и представляет собой конкурентную политическую систему со сложившимися в ней сдержками и противовесами. Это принципиально разные системы, хотя русская традиция включает в себя элементы конкуренции, а американская — предполагает достаточно сильную власть президента.

Безусловно, существуют определенные фундаментальные социокультурные различия. Существуют фобии, характерные для всех народов, особенно исторически находившихся в сложных отношениях друг с другом. Международники знают, что национальная идентичность и государство-нация предполагают возможность, по крайней мере, латентного национализма и определенной социокультурной замкнутости на себя, которую в антропологии и социологии именуют этноцентризмом. Этноцентризм есть пассивная или активная убежденность в том, что «наши ценности естественны». Чем крупнее нация, тем больше она стремится сделать свои ценности более универсальными, распространить их на других.

Отсюда — фобии в отношениях России и США, причем с обеих сторон, и для преодоления этих фобий может требоваться немалое усилие, прежде всего, со стороны политических элит. Эти фобии могут быть относительно пассивными и не препятствовать политическому диалогу в международных отношениях, но могут и принимать характер активного национализма и неприятия другого, проявляясь в формах информационной войны, политизации и «подогрева» фобий внутри страны. Этот путь сегодня проходят отношения России и США. В американском восприятии, о котором мы беседуем, играют роль вышеуказанные социокультурные различия и этноцентризм, но еще более заметно на данном этапе стремление элит заострить эти различия и сделать из них политику. Тут мы подходим ко второму измерению.

Это измерение связано с борьбой за власть и статус в международной системе. Данный процесс начался не сразу после окончания холодной войны, но постепенно набирал силу. Противоречия между Россией и США обострились по целому ряду направлений: расширение НАТО, восприятие безопасности, «цветные революции», система противоракетной обороны, ряд процессов, связанных с внешнеполитическим вмешательством США в дела других государств. В этой ситуации ценности перешли на уровень политического противостояния и используются сегодня в борьбе за власть и статус в мировой системе. Это — основа моей аргументации в книге «Русофобия: антироссийское лобби в США» [Цыганков 2015].

Существует и третье измерение, связанное с внутренней политикой. Речь идет о чрезвычайно возросшем противостоянии внутри политического истеблишмента США и обострении либеральной русофобии, поскольку именно эта группировка использовала борьбу за ценности в своей внешнеполитической борьбе и в борьбе с Д. Трампом на президентских выборах. Приход Д. Трампа к власти и его изначальное стремление к нормализации отношений с Россией — одна из причин обострения дискурса русофобии в США, и далеко не случайно, что наиболее активен этот дискурс в либеральных СМИ, таких как *New York Times*, *Washington Post*, *CNN* и других. Общеизвестно, что и Россия связывала

с приходом Д. Трампа определенные надежды. Все это работает на обострение противоречий, и ситуация продолжает усугубляться. Либеральный истеблишмент борется за отрешение Д. Трампа от должности и использует Россию и пресловутый «сговор» американского президента с Кремлем как таран в достижении внутривнутриполитических целей. Действующему президенту США вменяют не просто коррупцию и использование политики для личного обогащения, но предательство национальных интересов. Поэтому в его дискредитации столь важную роль играет разведывательное сообщество, особенно ФБР и ЦРУ.

Взаимодействие этих трех измерений русофобии не слишком хорошо разработано и должно изучаться специально. Поскольку ваш журнал — один из опорных в академическом сообществе, надеюсь, что исследователей эта проблема заинтересует. Любой анализ русофобии в Америке или американофобии в России должен включать все три измерения.

Теперь по второй части вашего вопроса. Здоровая ли это конкуренция? Думаю, что вряд ли. Здоровая, или честная, конкуренция предполагает наличие определенных правил и определенного уважения к статусу соперника. Даже во времена холодной войны такие правила имелись, как имелось и определенное уважение в общении государственных лидеров. То, что мы наблюдаем сегодня, выходит за прежние рамки приличия. Против законно избранной власти используются заговоры спецслужб. Д. Трамп, конечно, не получил большинство, но был избран согласно существующему законодательству США. Против России активно задействуют дезинформацию и старые мифологемы. В своей книге я писал об этих мифологемах подробнее [Цыганков 2015]. Россия представляется как политическая система, основанная на лжи и насилии внутри страны и агрессии во внешнем мире. При этом выпадают из рассмотрения такие «нюансы», как значительная поддержка власти со стороны народа, легитимность действующей власти, борьба с различными злоупотреблениями, руководствующаяся национальными интересами внешняя политика и многое другое. Трудно назвать здоровой конкуренцией приписывание России каких-то сверхъестественных демонических возможностей, активное муссирование мифологии и раздувание различного рода сенсаций и скандалов вокруг прослушки представителей администрации Д. Трампа со стороны ФБР, утечек информации и т.п.

— Наука о международных отношениях, как и любая общественная наука, не существует в вакууме и не является полностью объективной — она подвержена влиянию идеологии. Насколько русофобия влияет на объективность академической науки в США, а антиамериканизм — в России?

— Широкий и важный вопрос. Безусловно, объективность труднодостижима, потому что имеет место влияние ценностей, идеологии и эмоций.

Хотелось бы обратить внимание на работы, связанные с социологией науки. В определенной степени наука является отражением определенных социальных убеждений, стереотипов. Об этом писали еще К. Маннгейм [Маннгейм 1998] и М. Вебер [Вебер 1990]. И даже в теории современной науки, притом не только общественной, речь нередко идет о влиянии социальных парадигм — темы, ставшей классической в работе «Структура научных революций» Т. Куна [Кун 1975].

В международных отношениях данные позиции также достаточно развиты. Конструктивизм исходит из того, что знание, реальность как таковая конструируется определенными представлениями и определенной исторической реальностью. Хотелось бы отметить, что и для марксизма данная традиция не является чуждой, ведь наука рассматривается здесь как одна из форм классового сознания.

Поэтому неудивительно, что фобии и этноцентризм, о которых мы говорим, играют свою роль и в США, в частности, в находящейся под либеральным влиянием академической науке. Свои фобии, стереотипы и свой этноцентризм имеются и в российской академической науке, осложняя рост объективного научного знания.

Тем не менее объективность остается конечным мерилем знания и науки. Окончательная объективность недостижима, но люди, называющие себя учеными, обязаны к ней стремиться. Такая формулировка до известной степени парадоксальна, но парадоксальна и сама жизнь. Мы к чему-то стремимся, во что-то верим и умираем с этим стремлением и верой, составляющими смысл нашего существования. Без стремления к объективности, веры в нее нет науки. Без такого стремления и веры наука превращается в пропаганду и обоснование того, что говорят «власть предержащие».

Идеологию и ценности необходимо изучать и анализировать; они, безусловно, влияют на науку, но не должны исключать стремления к объективности. Важно не дать политической конъюнктуре доминировать в науке. Иначе и в научной среде неизбежно стравливание, которое не оставит никакой возможности для анализа происходящего.

Идеология и ценности — часто основа и социальных наук, но идеология и ценности не обязаны сталкиваться друг с другом в угоду политикам и националистически настроенным элитам. Разные ценности и идеологии способны сосуществовать и обогащать друг друга. На мой взгляд, наиболее успешные и интересные проекты в науке — проекты межкультурные, междисциплинарные. России и США необходимы такие проекты. Они помогут разглядеть предрассудки и фобии во взаимоотношениях и наметить пути их преодоления. Несмотря на существующие различия между Россией и США, у нас есть немало общего.

— Вы разделяете антироссийское лобби в США на три группы: тех, кто еще со времен холодной войны мечтает уничтожить Россию, борцов за права человека и выходцев из Восточной Европы. Связана ли ненависть последних с предсказуемой полицивилизационной парадигмой? Изменяется ли позиция в рамках двух первых групп?

— Восточноевропейский национализм — проявление активной и давно сложившейся фобии. Пропаганда националистических ценностей в странах Восточной Европы часто связана именно с восприятием России как угрозы и с ее отказом быть частью большой Европы. Эти фобии восходят, например, к имперскому национализму, связанному с историческими образами Польско-Литовского княжества, а также периодами распада и раздела польского государства. На этих основаниях в интересах безопасности в Европе, в частности в Восточной Европе,

Россию ограничивают в реализации традиционного культурного влияния, связанного с историческими ценностями восточного христианства, славянства и русского мира. России отказывают в суверенитете, считая ее военной, политической и цивилизационной угрозой. Лучше чтобы Россия стала поменьше, чтобы было несколько «Россий», ведь тогда их было бы легче контролировать. Об этом в завуалированной форме писал известный идеолог З. Бжезинский в своей знаменитой книге о Евразии [Бжезинский 2013]. И лучше всего, чтобы процесс контроля России был подчинен Западу.

В связи с этим следует отметить, что происходит некий процесс возрождения имперского исторического сознания. Сегодня мы наблюдаем, как мир трансформируется в новом регионально-имперском направлении. Либеральная глобализация и выстроенная на ее основе единая американская империя слабеют, а на фоне этого ослабления в международной системе возрождаются старые фобии и стереотипы, а с ними и попытки мыслить как Речь Посполитая, Австро-Венгрия, Рим и т.д.

Данные стремления понятны, и я о них подробно писал в своей книге, рассматривая работы З. Бжезинского, Р. Пайпса, С. Сестановича [Цыганков 2015], являющихся выходцами из Восточной Европы и до известной степени разделяющих вышеуказанные установки. Важно отметить, что само по себе восточно-европейское происхождение, конечно, не делает человека националистом и русофобом. Националистические устремления конкретны и всегда были связаны со стремлением ослабить и изолировать Россию: оторвать Чечню, ограничить русское влияние на Балканах, в Восточной Европе, на Украине и в Молдове. Молдова — последний и активно развивающийся фронт противостояния. Страну рвут на части, и опасные тенденции продолжают нарастать.

Хочу заметить, что группировка восточноевропейского национализма никогда не играла ведущей роли в США. Она находилась на вторых или третьих ролях при доминировании после холодной войны либеральной и неоконсервативной групп, для которых характерна убежденность в необходимости развивать и навязывать миру американские ценности. Имперскими эти ценности называют нечасто, но по существу речь идет об имперской реконструкции мировой политики.

Как мы уже сказали, либеральный истеблишмент, включающий в себя и ряд республиканцев неоконсервативной ориентации (Л. Грэм, Дж. Маккейн и др.), оказался ослаблен в результате роста национализма и прихода к власти Д. Трампа. Такое ослабление ведет к озлоблению и новым усилиям по мобилизации и активизации вчера еще доминировавших группировок. Отсюда — процессы обострения борьбы во внутренней политике, и это новый этап развития русофобских процессов и настроений. Я пытаюсь описать этот этап в новой книге, построенной на анализе материалов СМИ и медиапространства, в котором разворачивается борьба за контроль Д. Трампа и России в целях укрепления ослабленных позиций либерально-имперского истеблишмента.

Самого Д. Трампа классифицировать непросто, но его не отнесешь к одной из данных русофобских группировок. Д. Трамп — отнюдь не пророссийский политик, как полагают некоторые в России. Крайне маловероятно, что он начнет

серьезное сотрудничество с Россией, даже если консолидирует власть. Убеждения Д. Трампа далеко не всегда и не во всем могут устроить Россию. Скорее всего, он наследует традиции старого великодержавного национализма США, восходящего, как об этом писал У.Р. Мид, к фигуре генерала и президента Эндрю Джексона [Mead 2013]. Джексонский национализм не разделяет многие из русофобских мифов и стереотипов о России. Такому национализму неважно, что происходит внутри России и каким образом легитимизируется ее власть и внешняя политика. Главное — укрепление своего могущества, своей власти, а не распространение обязательств, продвижение ценностей или укрепление международных институтов.

У.Р. Мид выделял четыре типа американской идентичности [Mead 2013]. Помимо Э. Джексона и двух других (А. Гамильтон и Т. Джефферсон), наибольшее влияние получила традиция, связанная с Вудро Вильсоном и глобальным распространением демократии и американских ценностей. ИмPLICITно это традиция содержит в себе отрицание российских и русских ценностей. Именно ею руководствуется сегодня либеральный истеблишмент США, включая Х. Клинтон, Б. Обаму, отчасти Дж. Буша-мл. и Б. Клинтона. Укрепившись после окончания холодной войны, эта традиция ослабевает и ожесточенно борется с возродившейся традицией американского национализма, которую представляет собой Д. Трамп.

России следует осознать, что даже если Д. Трамп укрепитя внутри страны, отношения с США будут далеки от гармонии, потому что американский национализм в исполнении Д. Трампа строится на ядерном могуществе, политике торгового протекционизма, навязывании своей воли по целому ряду важных для России вопросов во многих частях мира. Это не русофобия в том виде, в котором мы о ней говорили, но это и отнюдь не способ выстраивания стратегического партнерства. На сегодняшний день идет борьба тенденций великодержавного национализма, с одной стороны, и либерально-руссофобской — с другой.

— В последние несколько лет мы стали свидетелями санкционной политики, обвинений России в причастности к президентским выборам в США в 2017 г., нашей олимпийской сборной было предложено выступать на Олимпиаде в Пхенчхане (Южная Корея) в нейтральном статусе. Можно ли утверждать о политизации спорта и выходе русофобии на новый, ранее не существовавший уровень? Что, на ваш взгляд, еще будет предпринято в подобном ключе?

— Мне сложно ответить на данный вопрос, так как сфера спорта и его политизация требуют самостоятельного и профессионального анализа и изучения.

Я разделяю мнение, что политизация спорта, несомненно, имеет место и является собой продолжение борьбы за власть и статус в мировой политике с использованием любых возможных средств, в том числе политизации ценностей. В данном контексте стоит вспомнить об обвинениях российских чиновников в коррупции, которые начались в президентство Б. Обамы, когда непосредственно представители Белого дома делали заявления о коррумпированности высшего политического руководства России. Ничего подобного не было ранее ни в период холодной войны, ни после. Попытки дискредитировать не только политический класс и поли-

тическое сообщество, но и спортивное сообщество России и его связи с Кремлем могут быть частью усилий оказать давление на российское руководство. До какой степени Международный олимпийский комитет связан с этим процессом и подвержен давлению и влиянию западных столиц, я затрудняюсь ответить, ибо подобные оценки требуют профессионального изучения. В необходимости данного анализа я не сомневаюсь.

В контексте сказанного хотел бы обратить внимание, что возможности единственной мировой сверхдержавы — как любят говорить о себе сами США — колоссальны. США способны влиять на международные организации, ее представителей. Но при этом стоит помнить, что Международный олимпийский комитет является глобальной международной организацией со своими собственными интересами и повесткой.

Рассматривая данную проблему, мы невольно задаемся вопросом: почему используется уязвимость России? Ведь очевидно, что вовлеченная в допинговый скандал Россия отнюдь не является единственной страной, отправлявшей частных к использованию допинга атлетов на соревнования. Печально известный источник допингового скандала, соавтор «доклада Макларена» Г. Родченков отмечал, например, что на Олимпиаде в Южной Корее более 20 стран вовлечены в допинговые скандалы. Если так, то возникает справедливый вопрос: почему только одна страна — Россия — оказалась крайней и была лишена возможности выступать под собственным флагом? Это и должно мотивировать исследователей в поисках объективности при анализе происходящего.

Прогнозировать дальнейшее развитие событий сложно, но следует обратить внимание на попытки Международного олимпийского комитета и его президента Т. Баха оказать давление на Спортивный арбитражный суд. Внимания заслуживают предложения по реформированию Спортивного арбитражного суда в связи с его решением об оправдании и допуске ряда российских атлетов к Олимпийским играм в Южной Корее. Опасность такого «реформирования» в том, что исчезнет и сама возможность независимой экспертизы.

Несомненно, что будут развиваться новые информационные скандалы и попытки дискредитировать интересы и ценности России. Сохранятся тенденции, связанные с внешнеполитической конъюнктурой и стремлением США к глобальному доминированию. На первый план выйдут ядерный вопрос и уже прозвучавшие обвинения в адрес России о несоблюдении ею обязательств по договору о РСМД, в то время как сами США уже выделили огромные ассигнования на развитие ядерной программы и размещают инфраструктуру ПРО в непосредственной близости к России.

— Вы утверждаете, что «без активного присутствия в глобальном медийном пространстве Россия будет восприниматься как страна, погрязшая в коррупции и надорванная внешнеполитическими амбициями». Какие именно действия необходимо предпринять России, чтобы избежать этого?

— Учитывая уже сказанное, противостоять тенденции формирования негативного образа России сегодня необычайно сложно. Международная ситуация существенно усугубилась в контексте возрождения старых стереотипов и фобий.

Против России сегодня используются методы, которые применялись обеими сторонами в эпоху холодной войны, в том числе метод «выталкивания» из информационного пространства. США опасаются, что Россия, несмотря на существенно ограниченные возможности, оказывает непропорционально опасное влияние на западные ценности. Ситуация осложняется также и обострением упомянутых противоречий в области «ядерной гонки», региональной безопасности и др. Пока присутствие России в западном информационном пространстве сохраняется, но очевидно, что оно будет сужаться и дальше.

России стоит думать на перспективу. Работа в западном медийно-информационном пространстве и продвижение образа России необходимы. Пока в силу ряда условий, о которых мы сказали: конкуренция держав, резко обострившееся негативное восприятие России, — упор российских СМИ на Западе нередко делается на так называемую негативную пропаганду, связанную с дискредитацией негативных проявлений американской политики. Такая пропаганда связана с понятным стремлением держать удар и противостоять внешнему давлению. Но перспективу и образ страны таким образом не выстроить. Необходима пропаганда позитивная, связанная с привлекательным или, по крайней мере, понятным образом страны для тех сегментов западного населения и политического класса, которые не «заряжены» на русофобию. Целевой аудиторией позитивного образа страны должны быть умеренные скептики. Людей, готовых прислушиваться к позиции России, но не готовых воспринять ее как истину, сегодня большинство. Поэтому образ страны следует формировать с расчетом на вышеуказанную аудиторию.

Основы же такого позитивного образа — в нашей истории, в лучших и сильных сторонах российской действительности: в сильной, но легитимной и пользующейся поддержкой большинства власти; в борьбе со злоупотреблениями власти в центре и на местах; в гордом и талантливом народе, великой культуре и научно-технических возможностях; во внешней политике, стремящейся утвердить справедливость, уважающей международное право и основывающейся на национальных интересах. Естественно, важно, чтобы в самой России эти сильные стороны укреплялись, а не ослабевали. Сильная власть не отменяет, а подразумевает постоянную и результативную борьбу с коррупцией, бедностью, давлением на бизнес, фальсификациями выборов и т.д.

Возможности для позитивной пропаганды имеются. Например, они есть в связи с переговорным процессом по Ближнему Востоку и развитию образа России как сильного партнера в переговорном процессе, предпочитающего конфликту диалог и международное право. На сегодняшний день многие на Ближнем Востоке близки к такому восприятию России. Наоборот, попытки США вернуться к проблеме урегулирования палестино-израильского конфликта воспринимаются странами региона, за исключением Израиля, весьма критически.

— Возможен ли в будущем сценарий, при котором Россия и США будут союзниками, ведь, несмотря ни на что, наши страны и народы во многом схожи?

— К большому сожалению, я не разделяю оптимистических взглядов и прогнозов. В свое время и у меня были надежды на полноценное сотрудничество

между Россией и США, основанные на их значимости в поддержании глобальной стабильности и отсутствии принципиальных разногласий, характерных для периода холодной войны. Работу над своей книгой [Цыганков 2015] я заканчивал в период президентских выборов в США, когда шла борьба между кандидатами Б. Обамой и Дж. Маккейном. Финансовый кризис помог тогда одержать победу Б. Обаме, так как американское население отказало Дж. Маккейну в способности адекватно реагировать на вызовы и угрозы экономического кризиса. Но Б. Обама разочаровал. В период его президентства мы стали свидетелями попыток сближения США и России, но в результате Б. Обама, а за ним и Д. Трамп оказались слишком подвержены влиянию истеблишмента США, который в значительной степени скорректировал курс во взаимоотношениях с Россией.

На мой взгляд, для союзнических отношений необходим ряд условий. Одно из них — осознаваемая обеими сторонами серьезная угроза национальной безопасности, которой на сегодняшний день не существует. Угроза со стороны международного терроризма оказалась недостаточной. Попытки России создать антитеррористический союз с США успеха не достигли, провалившись после американского вторжения в Ирак. Соединенные Штаты обеспокоены растущей мощью Китая. Но российское восприятие Китайской Народной Республики (КНР) совершенно иное, и угроза со стороны КНР не может рассматриваться как общая для России и США.

Вторым условием может быть приход к государственному руководству лидеров, способных подняться над предрассудками и стереотипами истеблишмента и проводить новую политику. В американской традиции такими политиками были Ф. Рузвельт, Дж. Кеннеди, Р. Рейган, но сегодня мы имеем дело не с ними, а с обами и трампами...

Приходится признать, что условия союзнических отношений между Россией и США сегодня отсутствуют. В ближайшем будущем попытки нормализации двусторонних отношений со стороны России не приведут к встречным действиям. Политические элиты не готовы к выстраиванию двусторонних отношений в формате союзничества. Общество находится либо в плену у предрассудков, либо в ожидании появления лидеров, способных к выстраиванию качественно новых отношений между Москвой и Вашингтоном.

Следует исходить из того, что период сохранения напряженности будет длительным. Готовиться необходимо не к полноценному сотрудничеству, а к предотвращению эскалации конфликта, укреплению собственных возможностей и налаживанию диалога по тем проблемам, по которым это возможно.

Интервью провел А.С. Буторов

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бжезинский З.* Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Астрель, 2013.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

Мангейм К. Очерки социологии знания: Теория познания. Мировоззрение. Историзм. М.: ИНИОН РАН, 1998.

Mead W.R. *Special Providence: American Foreign Policy and How It Changed the World*, 2nd ed. London: Routledge, 2013.

Цыганков А.П. Русофобия: антироссийское лобби в США. М.: Эксмо, 2015.

Дата поступления статьи: 15.03.2017

Для цитирования: Психологическое восприятие великих держав в мире. Истоки русофобии. Интервью с профессором международных отношений и политических наук Университета Сан-Франциско Андреем Павловичем Цыганковым // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 186—196. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-186-196.

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-186-196

PSYCHOLOGICAL PERCEPTION OF GREAT POWERS' PERFORMANCE IN THE GLOBE. THE ORIGINS OF RUSSOPHOBIA

**Interview with ANDREY PAVLOVICH TSYGANKOV,
Professor, Chair of International Relations and Political Science,
San Francisco State University, PhD**

Abstract. Andrei Pavlovich Tsygankov is a political scientist, a specialist in Russian-American relations, a graduate of the Philosophy Department of Moscow State University, a professor at the Department of International Relations and Political Science of the State University of San Francisco, PhD.

The interview includes following topics: the state and prospects of bilateral relations between the US and Russia, analysis of the factor of the Russophobia phenomenon's influence on the perception of Russia's image and its foreign policy in the US in the academic environment and circles of the political establishment. Scientist admitted that today there are no conditions for allied relations between Russia and the United States. In the near future, attempts to normalize bilateral relations on the part of Russia will not lead to counteractions. Political elites are not ready to build bilateral relations in the format of alliance. The society is either trapped in prejudices, or awaiting the appearance of leaders that capable to build qualitatively new relations between Moscow and Washington.

Describing the presence of Russia in the global media space, A.P. Tsygankov emphasizes the need to actively promote the positive image of Russia, taking into account geopolitical realities.

Key words: Russophobia, Russian-American relations, the United States, Russia, international relations, the role of the mass media

REFERENCES

- Brzezinski, Z. (2013). *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. Moscow: Astrel. (In Russ.).
- Kuhn, T. (1975). *The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow: Progress. (In Russ.).
- Mannheim, K. (1998). *Essays on the Sociology of Knowledge: Theory of Cognition*. Moscow: INION of RAS. (In Russ.).

- Mead, W.R. (2013). *Special Providence: American Foreign Policy and How It Changed the World*. 2nd ed. London: Routledge.
- Tsygankov, A.P. (2015). *Russophobia and the anti-Russian lobby's influence on the U.S. Russia policy*. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
- Weber, M. (1990). *Selected works*. Moscow: Progress. (In Russ.).

Received: 15.03.2017

For citations: Psychological perception of great powers' performance in the Globe. The origins of Russophobia. Interview with *Andrey Pavlovich Tsygankov*, Professor, Chair of International Relations and Political Science, San Francisco State University, PhD. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (1), 186—196. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-186-196.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-197-207

РОЛЬ ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИСПАНИИ

Г.А. Химич, Е.Д. Терентьева

Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

В статье представлен анализ использования инструментов «мягкой силы» во внешней культурной политике Испании по следующим направлениям: распространение языка и культуры и международное сотрудничество в области образования. Авторами были проанализированы факторы, повлиявшие на формирование и становление стратегии культурного и образовательного сотрудничества внешней политики Испании, а также изучены ключевые ведомства, отвечающие за его реализацию.

В эпоху глобализации культура и образование все активнее выходят за рамки национальных границ и становятся важным инструментом межнационального диалога и современной геополитики. Для такой страны, как Испания, имеющей большое число объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, богатейшую историю и культуру и динамично развивающейся сегодня, сотрудничество в области культуры является мощнейшим ресурсом внешнеполитической деятельности, и Королевство Испания умело пользуется своими конкурентными преимуществами.

Деятельность по распространению образовательной модели Испании в других странах можно условно разделить на три составляющие: сотрудничество в сфере высшего образования с вузами других стран, распространение языка и культуры Испании за рубежом в образовательных центрах и учреждениях культуры и обучение испанскому языку иностранных граждан на территории своей страны. Применительно к первой составляющей рассмотрены пути привлечения студентов в Испанию через реализацию ряда программ с учетом Болонской системы образования, к которой присоединилась страна. По второму пункту анализируется дипломатическая, информационная и другие виды помощи в области распространения испанского языка и культуры, реализуемой испанскими государственными учреждениями на территории России. В третьем подразделе приводятся данные об изменении политики в области обучения испанскому языку иностранных граждан на территории самой Испании. Были сделаны шаги для формирования системы качественного и общедоступного обучения как в университетах, так и в частных лингвистических центрах, стандарты качества преподавания в которых обеспечивает Институт Сервантеса.

Ключевые слова: Испания, внешняя политика Испании, сотрудничество в сфере культуры, сотрудничество в сфере образования, отношения России и Испании, «мягкая сила»

Культура и образование являются сегодня мощным ресурсом внешней политики развитых стран, решающим целый спектр задач: от создания положительного имиджа государств до формирования сферы их влияния. В современном глобализирующемся мире культура и образование, как и иные сферы человеческой деятельности, вышли за рамки национальных границ и политики одного госу-

дарства. В решении основных задач внешней политики государства, которые, по мнению А.В. Торкунова, состоят в «укреплении его (государства. — *прим. авт.*) позиций и авторитета на международной арене, создании благоприятных внешних условий для долгосрочного социально-экономического развития страны» [Торкунов 2012: 85], все больше внимания в XXI в. уделяется стратегии «мягкой силы» [Нуе 2004], позволяющей странам, как пишет Дж. Най-мл. [Нуе 2003: 30], получить влияние на другие государства вследствие того, что представители других наций будут следовать ее моделям развития и распространять ее ценности в стремлении добиться такого же уровня и качества жизни.

Культура, образование и язык, приобретая новое значение в геополитике как факторы, способствующие расширению сферы влияния государства на мировой арене и укреплению его положительного имиджа, получают в XXI в. новый импульс развития и внутри страны. Важным становится развитие культуры и образования и для экономической сферы. В настоящее время этот вопрос активно обсуждается в европейской научной литературе, в том числе, ему посвящены исследования специального выпуска журнала «Политика и общество» Мадридского университета Комплутенсе (Испания) «Новые сценарии в сфере культуры: кризис в системе культуры, переход в цифровое пространство и новый концепт культурной политики». Согласимся с мнением Х. Руиса-Ульдемолинса и Х.А. Рубьо Аростеги, что «эволюция постиндустриального общества дала начало новым симбиотическим отношениям экономики и культуры: культура постепенно завоевывает центральное место в экономическом развитии западных стран» [Ruis-Ulde-molins, Rubio Arostegui 2015: 19].

Сегодня развитые мировые державы уделяют большое внимание развитию гуманитарного сотрудничества. Растут масштабы международной мобильности. В течение последних четырех десятилетий показатель количества студентов, прошедших обучение по обмену в другой стране, с 0,8 млн в 1975 г. к 2009 г. вырос до 3,7 млн человек. Наиболее значительный скачок до 41% произошел в период с 1989 по 1994 г. Сегодня эксперты говорят о четвертой волне интернационализации образования и прогнозируют, что число студентов, обучающихся в других странах, достигнет к 2020 г. 5,8 млн, а к 2025 г. — 8 млн человек [Торкунов 2012: 87]. Образовательный рынок сегодня рассматривается как прибыльная сфера экономической деятельности, а распространение национальной модели образования становится одним из наиболее эффективных средств расширения сфер влияния на мировой арене.

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИСПАНИИ

В специальном выпуске журнала «Вестник международных организаций», посвященном зарубежному опыту применения инструментов «мягкой силы», анализ применения политики «мягкой силы» структурирован по шести направлениям: культура и продвижение языка, сотрудничество в области образования, научно-техническое и инновационное сотрудничество, развитие деловых связей, развитие общественной дипломатии и содействие международному развитию [Шелепов 2014: 8].

В данной статье мы остановимся на изучении первых двух аспектов во внешней политике Испании: «культуры и продвижения языка» и «сотрудничества в области образования».

Для создания позитивного образа государства на мировой арене Испания умело использует свой потенциал «мягкой силы»: богатейшую историю страны, значительный вклад в мировую культуру, распространенность испанского языка в мире, развитие туризма и создание толерантной среды, сформировавшейся в условиях исторического сосуществования на этой территории различных культур и религий.

Канадский философ и общественный деятель Дж. Сол отмечает, что внешняя политика государства напрямую зависит от проецирования его ценностей за рубеж [Saul 2005]. Основные ценности Королевства Испания сегодня — демократические принципы, мультикультурализм, толерантность, открытость и защита прав меньшинств.

В современной внешней политике Испании сотрудничество в области культуры «играет стратегическую роль, чему способствует богатейшее культурное и художественное наследие страны, а также распространенность испанского языка, занимающего второе место в мире по числу говорящих на нем, и спрос на изучение испанского языка постоянно растет»¹. Несомненно, для страны со значительным числом объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, богатейшей историей, ведущей свое начало от кельтских и иберийских племен, включающей римский период, арабские завоевания, Реконкисту, завоевание Нового Света, объединение земель и создание единого государства в период правления Католических королей, создание Священной Римской империи Карла V в XVI в., а сегодня страны с высокоразвитой культурой, архитектурой и эстетикой культурные связи — мощнейший ресурс внешнеполитической деятельности [Сизоненко 2007: 32—34].

Принципы современной внешней политики Испании складывались в течение последних четырех десятилетий. Среди основных факторов, определивших направления ее развития, можно выделить переход к демократии и построение нового правового государства, создание нового общеевропейского пространства — ЕС, глобализацию и развитие новых технологий.

В последние 10 лет культурная и образовательная составляющие стали едва ли не важнейшими компонентами во внешней политике страны. Продвижение своей культуры за рубежом с целью развития, в том числе культурного, социального и даже экономического — привлечение в страну туристических потоков и финансовых инвестиций; поощрение разнообразия и сотрудничества на основе взаимного уважения — такова стратегия внешней культурной политики² Испании, направленной на долгосрочное развитие.

¹ Официальный сайт Министерства иностранных дел и сотрудничества Испании: Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación de España. URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/DiplomaciasigloXXI/Paginas/ProyeccionCultural.aspx> (accessed: 01.11.2017).

² Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación de España. URL: <http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/PoliticaExteriorCooperacion/DiplomaciasigloXXI/Paginas/ProyeccionCultural.aspx> (accessed: 01.11.2017).

По данным информационного агентства «Потланд» (Potland) и газеты «Ла Вангвардия»³, на сегодняшний день Испания занимает 14-е место в списке стран, наиболее эффективно использующих «мягкую силу» в мире. Первые 4 позиции, по данным агентства, отданы Великобритании, Германии, США и Франции. В рейтинге оценивались такие составляющие, как культура, государственное управление, образование, сотрудничество, развитие информационных технологий, управление и бизнес-климат.

Помимо «традиционных» для внешней культурной политики целей, таких как создание сфер влияния, укрепление позиций страны за рубежом, создание положительного имиджа и распространение собственной культуры, Испания ставит перед собой и «дополнительные», но очень важные для страны задачи:

1) распространить в мире новый образ Испании как страны, безопасной для всех и каждого, принимающей и уважающей любые религии, обычаи и традиции, толерантной — с целью привлечения в страну туристов и финансовых инвестиций;

2) способствовать сохранению материального и нематериального культурного наследия планеты, в числе которого и национальные архитектурные памятники, традиции и сама история Испании, а также научному изучению всемирного культурного наследия;

3) служить связующим звеном между Европой, Средиземноморьем и Латинской Америкой.

Важнейшей составляющей реализации внешней политики государств в XXI в. является использование новых технологий и Интернета. С целью расширения присутствия страны в социальных сетях и увеличения к ней интереса в 2015 г. в Испании был принят План цифровой дипломатии, активно используемый и в сфере гуманитарного сотрудничества («El Plan de Diplomacia Digital») [Лярская, Химич 2015: 197—202].

С 2012 г. в Испании функционирует новый долгосрочный проект государственной политики «Марка Испания», направленный на создание положительного имиджа страны. Перевод на русский язык термина «Marca España» не вполне отражает его значение. Точнее было бы перевести это словосочетание как «Бренд Испания»: настоящей целью проекта стало закрепление в сознании мирового сообщества ассоциации словосочетаний «сделано в Испании» и «знак качества». «В обществе осознали прямую взаимозависимость экономического развития страны от ее международной роли, — пишет в своей книге „Внешняя политика Испании в XXI веке“ исследователь Е.В. Косяк. — Поэтому правительство Народной партии помимо реформ, направленных на ускорение экономического роста, предпринимает попытку модернизации и адаптации внешней политики к современным условиям» [Косяк 2015: 142]. Изначально проект мыслился, в первую очередь, для поддержки экономики страны (первые исследования проводились при участии крупнейшего банка Испании «BBVA», Авиакомпания «Iberia», сети

³ La Vanguardia. URL: <http://www.lavanguardia.com/vangdata/20150716/54433449266/estos-los-paises-con-mas-poder-blando-del-mundo.html> (accessed: 01.11.2017).

отелей «Meliá» и др.), но на сегодняшний день «Марка Испания» ведет свою работу по разным направлениям, далеко выходящим за пределы только экономических интересов страны. В рамках проекта осуществляется продвижение на мировом уровне культуры Испании, испанского языка, национального образования, науки и даже гастрономии.

ОСНОВНЫЕ ОРГАНЫ, РЕАЛИЗУЮЩИЕ ВНЕШНЮЮ КУЛЬТУРНУЮ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ ИСПАНИИ

Важнейшим государственным институтом, реализующим внешнюю культурную и образовательную политику Испании, является Министерство иностранных дел и сотрудничества. За культурные связи отвечает Управление по культурным и научным связям, представительства за рубежом и культурные центры, ставшие, по словам Н.М. Боголюбовой и Ю.В. Николаевой, настоящим «самостоятельным актором внешней политики» [Боголюбова, Николаева 2008: 87—93]. За распространение испанского языка и литературы отвечают:

— Институт Сервантеса, насчитывающий 86 представительств в 43 странах мира [Терентьева 2013: 116—119];

— «Испанское государственное общество Культурное действие» (*Sociedad Estatal Acción Cultural Española (AC/E)*);

— Генеральное управление политикой и культурной индустрией при Министерстве Культуры (*la Dirección General de Política e Industrias Culturales de la Secretaría de Estado de Cultura (AECID)*);

— сеть «Домов», среди которых Дом Америки, Дом Азии, Дом Африки, Арабский Дом, Израильский центр, Дом Средиземноморья, функционирующих при Министерстве иностранных дел и сотрудничества⁴ [Борзова 2014].

Особенно стоит отметить деятельность в сфере образования и науки Фонда «Каролина». В него входят как государственные органы, известные политики и выдающиеся деятели страны, так и финансирующие его коммерческие структуры. Среди прочего Фонд поддерживает программы повышения квалификации преподавателей из-за рубежа на территории Испании, организует встречи с администрациями образовательных центров, колледжей и университетов, научных работников с целью установления профессиональных контактов. Подобное сотрудничество в сфере науки и преподавания оказывается весьма эффективным для страны, так как по возвращении сотрудники образовательных центров и высших учебных заведений стимулируют интерес к Испании среди своих учеников и закладывают в сознание молодежи положительный имидж страны, что в дальнейшем дает свои плоды как в сфере образования и культуры, так и в политике и экономике (поездки студентов и их будущие профессиональные связи со страной).

Деятельность по распространению образовательной модели Испании в других странах можно условно разделить на три составляющие: сотрудничество в сфере высшего образования с вузами других стран; распространение языка и культуры страны за рубежом; обучение испанскому языку иностранных граждан на территории Испании.

⁴ Red de Casas. URL: <http://www.reddecasas.es> (accessed: 01.11.2017).

СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ С ВУЗАМИ ДРУГИХ СТРАН

В академической сфере сотрудничество направлено, в первую очередь, на привлечение студентов в Испанию, что реализуется в рамках следующих направлений деятельности: создание программ студенческой мобильности; развитие общеевропейских проектов, таких как *Erasmus* и *Erasmus+*; создание совместных программ двойных дипломов; развитие совместных научно-исследовательских проектов с профессорами из университетов других стран и проведение на территории Испании международных научных конференций и конгрессов.

Для успешной реализации международного сотрудничества в сфере высшего образования в Испании была проведена реформа университетов в соответствии с Болонской системой, открыты новые конкурентоспособные на мировом образовательном рынке специальности, многие передовые вузы создали программы на английском языке. Основной поток иностранных студентов приезжает сегодня на обучение в вузы Испании по международным программам обмена из Евросоюза, а также из стран Латинской Америки.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ ИСПАНИИ ЗА РУБЕЖОМ

Большую работу по распространению испанского языка и культуры за рубежом выполняют посольства и отделы образования при посольствах Испании за рубежом совместно с сетью «Домов» и Институтом Сервантеса.

В России подобная деятельность также весьма эффективна. В 2007 г. состоялось подписание соглашения между Российской Федерацией и Королевством Испания «О деятельности культурных центров». Активную работу на ниве образования и поддержки преподавания испанского языка здесь осуществляют Посольство Испании, Институт Сервантеса, открытый в 2002 г. в Москве, отдел образования при Посольстве (открыт в 2003 г.), Турэспанья — отдел туризма при Посольстве (с 1999 г.).

Сегодня преподаватели испанского языка имеют возможность получить финансирование для поездок в Испанию, в том числе на курсы повышения квалификации и конференции, а также на ежегодные встречи Федерации по преподаванию испанского языка как иностранного (FEDELE), на Фестиваль испанского языка и культуры (FLECOS), проводимый в Гранаде. На территории России также постоянно проводятся бесплатные мастер-классы и курсы повышения квалификации, презентации методик и учебников для преподавания испанского языка как иностранного.

Университеты России и Испании, имеющие соглашения о сотрудничестве, программы двустороннего обмена и программы двойных дипломов, также работают в постоянном контакте с Посольством и отделом образования. Отдел туризма Посольства Испании⁵ поддерживает федеральные и городские мероприятия, направленные на ознакомление жителей России с культурами различных стран,

⁵ Turespaña. URL: <http://www.tourspain.es/es-es/Paginas/index.aspx> (accessed: 01.11.2017).

в которых фигурирует Испания. Так, например, в Москве в январе 2017 и 2018 гг. на Тверской площади при поддержке отдела туризма Посольства Испании была представлена испанская традиция празднования Рождества, а летом 2017 г. в Фестивале «Московская весна а саpella» участвовало четыре музыкальных коллектива из Испании, и на их выступлениях в городе присутствовали лично Посол Королевства Испания и советник по туризму.

Институт Сервантеса кроме преподавания испанского языка на курсах проводит активную просветительскую деятельность, организуя для широкой публики несколько раз в неделю в своих стенах на русском и испанском языках с синхронным переводом бесплатные встречи с видными деятелями культуры и образования, а также поддерживая мероприятия по всей стране: фестивали фламенко, конференции и др. [Терентьева 2013: 116—119].

Результаты двух десятилетий этой интенсивной работы мы видим в огромной популярности Испании в России, растущем интересе к испанскому языку, а также в развитии деловых связей двух стран, особенно среди молодого поколения. Как отмечает Д. Ксенофонтова⁶, никогда между нашими двумя странами не было такого взаимного интереса и притяжения, а уровень международного образовательного, туристического, делового и культурного обмена не достигал столь высоких показателей.

ОБУЧЕНИЕ ИСПАНСКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НА ТЕРРИТОРИИ ИСПАНИИ

Обучение испанскому языку иностранцев на территории Испании — третья важнейшая составляющая культурной и образовательной политики страны, также подчиненная среднесрочной стратегической цели развития государства и укрепления его присутствия в мире. Преподавание испанского языка рассматривается в Испании не только в контексте образовательной деятельности, но и в качестве важной составляющей культурной внешней политики государства, имеющей стратегические цели [Castro 2001].

Важным шагом в реализации этой стратегии стало решение о популяризации преподавания испанского языка с целью сделать качественное преподавание языка общедоступным. Для привлечения наибольшего числа людей во всем мире к изучению испанского языка преподавание его решено было вывести за пределы университетского образования, что позволило не только значительно увеличить показатели изучающих язык, но и расширить возрастные рамки, предложив обучение как детям и студентам из различных стран, так и взрослым, осваивающим язык для работы, общения, путешествий или эмиграции, и даже пенсионерам. На сегодняшний день испанский язык можно изучать в Испании как в рамках университетской программы, так и в частных лингвистических центрах (они также называются школами или академиями). Структура частных лингвистиче-

⁶ Ksenofóntova Daria. España y Rusia, la actualidad de las relaciones diplomáticas. Rusia beyond the headlines, el 16 de enero de 2017. URL: https://es.rbth.com/internacional/espana/2017/01/16/espana-y-rusia-la-actualidad-de-las-relaciones-diplomaticas_682048 (accessed: 25.09.2017).

ских академий оказалась намного более гибкой, конкурентоспособной и адаптированной к современной действительности.

Гарантией качества для развития частных лингвистических центров стал открытый в Испании в 1991 г. Институт Сервантеса⁷. Эта организация была создана для распространения языка и культуры Испании и Латинской Америки за рубежом с целью формирования положительного образа страны. Среди основных задач Института стала разработка методики преподавания испанского языка для иностранцев, для чего к сотрудничеству были приглашены ведущие методисты страны и мира. Был выработан метод обучения, написаны и изданы различные серии учебников по испанскому языку как иностранному для всех возрастов и социальных групп, были введены стандарты общего экзамена на знание языка — экзамена DELE. В самой Испании Институт Сервантеса не ведет преподавательскую деятельность. Его функции — методическая работа, разработка стандартов качества для аккредитованных Институтом учебных центров и контроль исполнения данных стандартов, а также обширнейшая культурная, просветительская и информационная деятельность: лекции, встречи, различного рода культурные мероприятия. Таким образом, постоянно взаимодействуя с центрами по изучению испанского языка на территории страны, Институт Сервантеса обеспечивает стандарты качества преподавания в частных школах. Немаловажна деятельность учреждения и в других странах. За рубежом Институт берет на себя как функции распространения культуры и языка путем организации культурных мероприятий и создания библиотек, так и сам процесс обучения и приема экзаменов DELE.

На сегодняшний день испанский язык как иностранный по методике Института Сервантеса в Испании преподают более 430 частных лингвистических академий. Языковые центры являются весьма успешным инструментом реализации стратегии культурной внешней политики страны. По данным официального ежегодного отчета Института Сервантеса «Испанский язык — живой язык», в 2017 г. испанский язык изучали более 21 млн людей по всему миру, что на 7 млн больше, чем в 2015 г. [Instituto Cervantes... 2017]. Это не только работа над положительным имиджем страны, но и огромный успех в стратегии ее экономического развития: от создания новых рабочих мест в сотнях новых лингвистических академий по всей стране, привлечения туристов по программам «идиоматического туризма», развития «смежных» отраслей, обеспечивающих проживание, экскурсионную программу и досуг, питание, транспорт, до расширения международных связей на личном уровне: большинство молодых людей, изучающих испанский язык, продолжают свое обучение в университетах, связывают свою работу с Испанией, что способствует созданию новых международных бизнес-проектов и положительно сказывается на экономике страны.

Таким образом, преподавание испанского языка в Испании можно считать правильно выбранной и успешно реализуемой стратегией развития не только внешней политики страны, но и образования, социального и экономического развития.

⁷ Instituto Cervantes. URL: <http://www.cervantes.es/default.htm> (accessed: 01.11.2017).

В 2018 г. исполняется 40 лет с даты принятия новой Конституции Испании. За этот недолгий период времени страна полностью поменяла курс внешнеполитического развития. В поисках новых путей уже в период премьерства Х.М. Аснара (2000—2003 гг.) государство активно сотрудничало с научно-исследовательскими центрами, оказывающими существенное влияние на разработку стратегий внешней политики государства [Косяк 2015: 148]. В XXI в. Испания оказалась в числе стран, которые первыми сделали ставку на развитие политики «мягкой силы», и в первую очередь на гуманитарное сотрудничество. Сегодня мы можем оценить результаты. Выделим лишь те, что представляются нам наиболее значительными.

1. В сознании мировой общественности закрепился образ Испании как страны толерантной, дружелюбной, безопасной, экономически развитой, с высоким уровнем культуры и укорененными традициями.

2. Распространение и популярность испанского языка в мире неуклонно растет. Культура Испании различных исторических периодов также получает все большую известность.

3. Идиоматический туризм в Испании получает все большее развитие с каждым годом, оказывая положительное влияние не только на внешнюю политику, но и на экономику страны.

В целом испанская модель распространения национального языка и культуры на мировой арене сегодня достаточна успешна.

Благодарности: Работа выполнена в рамках НИР № 101601-0-000 «Языковая политика в условиях глобализации».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Зарубежные культурные центры как самостоятельный актор внешней культурной политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. № 2. С. 87—93.
- Борзова А.Ю. Внешняя политика Испании: учебно-методическое пособие. М.: РУДН, 2014.
- Косяк Е.В. Внешняя политика Испании в XXI веке: концептуальные основы. М.: Аспект-Пресс, 2015.
- Лярская В.С., Химич Г.А. La diplomacia pública Web 2.0 en España // Языки и культуры: перспективы развития в XXI веке: материалы круглого стола РУДН. М., 2015. С. 197—202.
- Сизоненко А.И. Культурная составляющая — важный компонент внешней культурной политики Испании // Латинская Америка. 2007. № 11. С. 32—34.
- Терентьева Е.Д. Роль Института Сервантеса в распространении изучения испанского языка в мире // Языки и культуры: эффективная коммуникация в условиях глобализации. Материалы межвузовской научно-практической конференции «Обучение иностранным языкам в контексте диалога культур». М., 2013. С. 116—119.
- Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО Университета. 2012. 25 (4). С. 85—93.
- Шелепов А.В. Факторы успеха политики «мягкой силы» Великобритании // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. № 2. С. 10—28.
- Castro J.L. La enseñanza del español como lengua extranjera en Europa: cifras de la situación actual y manifestaciones de los estudiantes // II Congreso Internacional de la Lengua Española «El español en la sociedad de la información». Valladolid, 16—19 de octubre de 2001. URL: http://congresosdelalengua.es/valladolid/ponencias/activo_del_espanol/1_la_industria_del_espanol/lujan_j.htm (accessed: 25.09.2017).

Instituto Cervantes. Informe anual 2017. URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/espanol_lengua_viva/pdf/espanol_lengua_viva_2017.pdf (accessed: 25.09.2017).

Nye J.S. Jr. La paradoja del poder norteamericano. Madrid: Taurus, 2003.

Nye J.S. Jr. "Soft Power", The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.

Ruis-Ulldemolins J., Rubio Arostegui A. Presentación // Política y Sociedad. 2015. 52 (1). P. 9—26.

Saul J. The Collapse of Globalism and the Rebirth of Nationalism. Toronto: Penguin Books Canada, 2005.

Дата поступления статьи: 21.11.2017

Для цитирования: Химич Г.А., Терентьева Е.Д. Роль гуманитарного сотрудничества в современной внешней политике Испании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 197—207. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-197-207.

Сведения об авторах: Химич Галина Александровна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая секцией испанского языка, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: khimich_ga@rudn.university).

Терентьева Екатерина Дмитриевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: terentyeva_ed@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-197-207

THE ROLE OF HUMANITARIAN COOPERATION IN CONTEMPORARY FOREIGN POLICY OF SPAIN

G.A. Khimich, E.D. Terentieva

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia),
Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the use of soft power in the foreign cultural policy of Spain in the following areas: the dissemination of language and culture and international cooperation in the field of education. The authors studied the factors that influenced the formation of the strategy of the cultural and educational cooperation in foreign policy of Spain, and main institutions for its implementation.

In the era of globalization, culture and education are increasingly moving beyond national boundaries and transform into an instrument of interethnic dialogue and modern geopolitics. Cultural cooperation policy presents a powerful resource for foreign policy activity of a country with a large number of UNESCO World Heritage sites, the richest history and culture, but also of a country that develops constantly and dynamically, and it uses skillfully its competitive advantages.

The activities aimed at expanding the educational model of Spain in other countries can be relatively divided into three components: cooperation in the field of higher education with universities in other countries, the spread of the language and culture of Spain abroad in the educational centers and institutions of culture, and teaching Spanish language for foreign citizens inside the country. In the first section, we consider the ways of attracting students to Spain through a number of programs taking into consideration Bologna educational system which Spain has joined. Second section is devoted to the analysis of diplomatic, informational and other types of assistance in the sphere of expansion of the Spanish language and culture, realized by Spanish state authorities in the Russian Federation. In the third subsection, we adduce the data about changes in policy of teaching foreign students on the territory of Spain. To form high quality and approachable teaching system, multiple steps were done both in the universities and private linguistic centers with high level of teaching guaranteed by Cervantes Institute.

This study is aimed at all those who are interested in the issues of cultural and educational cooperation, foreign policy of Spain and relations between our countries.

Key words: Spain, foreign policy of Spain, cultural cooperation, educational cooperation, relations between Russia and Spain, soft power

Acknowledgements: The publication was prepared with the support of the research grant № 101601-0-000 “Language policy in the context of globalization”.

REFERENCES

- Bogolyubova, N. M. & Nikolaeva, Y. V. (2008). Foreign Cultural Centers as an Independent Actor of Foreign Cultural Policy. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta*, 2, 87—93. (In Russ.).
- Borzova, A. Yu. (2014). *Foreign policy of Spain*. Textbook. Moscow: RUDN. (In Russ.).
- Castro, José Luján. (2001). La enseñanza del español como lengua extranjera en Europa: cifras de la situación actual y manifestaciones de los estudiantes. *II Congreso Internacional de la Lengua Española «El español en la sociedad de la información»*. Valladolid. URL: http://congresosdelengua.es/valladolid/ponencias/activo_del_espanol/1_la_industria_del_espanol/lujan_j.htm (accessed: 25.09.2017).
- Instituto Cervantes. Informe anual 2017. URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/espanol_lengua_viva/pdf/espanol_lengua_viva_2017.pdf (accessed: 25.09.2017).
- Joseph, S. & Nye, Jr. (2003). La paradoja del poder norteamericano. Madrid: Taurus.
- Kosyak, E. V. (2015). *Foreign policy of Spain in the 21st century: conceptual framework*. Moscow: Aspect-Press. (In Russ.).
- Lyarskaya, V. S. & Khimich, G. A. (2015). La diplomacia pública Web 2.0 en España. *Yazyki i kul'tury: perspektivy razvitiya v 21 veke, Materialy kruglogo stola RUDN*, 197—202.
- Nye, J. (2004). *Soft Power, The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.
- Ruis-Ulldemolins, J. & Rubio Arostegui, A. (2015). “Presentación”. *Política y Sociedad*, 52 (1), 9—26.
- Saul, J. (2005). *The Collapse of Globalism and the Rebirth of Nationalism*. Toronto: Penguin Books Canada.
- Shelepov, A.V. (2014). The success factors of the British soft power policy. *International Organisations Research Journal*, 9(2), 10—28. (In Russ.).
- Sizonenko, A. I. (2007). The Cultural Element — The Important Component of the Spanish Foreign Cultural Policy. *Latinskaya Amerika*, 11, 32—34. (In Russ.).
- Terentjeva, E. D. (2013). The Role of the Cervantes Institute In Spreading of the Learning of the Spanish Language in the World. *Yazyki i kul'tury: effektivnaya kommunikatsiya v usloviyakh globalizatsii. Materialy mezvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Obuchenie inostrannym yazykam v kontekste dialoga kultur”*, Moscow, 116—119. (In Russ.).
- Torkunov, A. V. (2012). Education as an Instrument of Soft Power in Foreign Policy of Russia. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 25(4), 85—93. (In Russ.).

Received: 21.11.2017

For citations: Khimich, G.A. & Terentjeva, E.D. (2018). The role of humanitarian cooperation in contemporary foreign policy of Spain. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (1), 197—207. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-197-207.

About the authors: *Khimich Galina Aleksandrovna* — PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Section of the Spanish Language, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences of RUDN University (e-mail: khimich_ga@rudn.university).

Terentjeva Ekaterina Dmitrievna — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences of RUDN University (e-mail: terentyeva_ed@rudn.university).

© Химич Г.А., Терентьева Е.Д., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-208-220

РУДН И ЛАТИНО-КАРИБСКАЯ АМЕРИКА: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

А.Ю. Борзова, Медина Гонзалес Винисио Ксавьер

Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

В статье проанализировано международное сотрудничество РУДН в области высшего образования и науки, показана его роль в подготовке высококвалифицированных кадров из стран Латинской Америки и Карибского бассейна с особым упором на Эквадор.

Цель статьи — на основе сравнительного анализа показать срез латиноамериканского контингента учащихся РУДН на современном этапе, и для этого ставятся задачи: выявить новые приоритеты в образовании, которые оказываются востребованными в современном обществе и получают воплощение в РУДН, показать значение интернационализации образования как одного из факторов обеспечения образовательного сотрудничества для РУДН. Ставится также задача показать взаимодействие правительства Эквадора и РУДН в подготовке конкурентоспособных специалистов для реализации амбициозных планов по развитию страны, выявить особенности проекта «Ячай» для развития научного потенциала Эквадора, определить перспективы для двустороннего взаимодействия в системе подготовки кадров.

Авторы приходят к выводу, что за 58 лет своей деятельности РУДН добился значительных результатов в интернационализации образования, разработал интересные методики преподавания русского языка и других предметов, ввел изучение ряда предметов на английском языке, что сделало вуз привлекательным для иностранных, в частности латиноамериканских, студентов.

Ключевые слова: сотрудничество, высшее образование, интернационализация, конкурентоспособность, развитие, студент, Латинская Америка, Эквадор, РУДН

В современном мире, когда ускорение научно-технического прогресса и быстрое внедрение научных достижений в производственный процесс оказывают решающее влияние на экономический потенциал государства, качественное образование и подготовка конкурентоспособных специалистов становятся все более востребованными. Университет призван формировать социальный и человеческий капитал, поскольку уровень университетского образования, исследований тесно связан с развитием экономики страны [Колдунова, Лунев 2017].

Постоянное совершенствование системы высшего образования не только содействует развитию человеческого потенциала, но и обеспечивает стране достойную роль на рынке образовательных услуг, способствует формированию положительного имиджа государства на мировой арене. Интернационализация образования становится одним из важных факторов продвижения интересов страны на мировом рынке образовательных услуг и развития международного сотрудничества в этой области [Филиппов 2015]. Международное сотрудничество в области высшего образования и науки, распространение своего языка и культуры

стали неотъемлемой частью политики «мягкой силы» как одного из ключевых компонентов влияния государства на международную среду. Она позволяет дополнять ограниченный потенциал в военно-политической и экономической области и формировать долгосрочные каналы воздействия на партнеров. «Сила „мягкой“ власти (soft power)... действует таким образом, что субъект свободно и добровольно ей подчиняется, воспринимает ее предписания как результат своего свободного выбора» [Русакова 2010: 174].

В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной президентом страны В.В. Путиным 30.11.2016 г., говорится: «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов „мягкой силы“»¹. Речь идет о комплексном инструментарии решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии.

Российский университет дружбы народов (РУДН) играет важную роль в реализации концепции «мягкой силы», достойно представляя страну на рынке современного образования в разных государствах мира, в том числе и в странах Латино-Карибской Америки.

ИЗ ИСТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Еще Советский Союз помогал развивающимся странам с подготовкой национальных кадров, предоставляя их гражданам возможность учиться в своих учебных заведениях, и содействовал созданию системы национального образования во многих странах мира. Это сотрудничество приобрело по-настоящему серьезный размах только после того, как рухнула колониальная система и сотни представителей молодежи из десятков бывших колоний стали прибывать в Советский Союз для обучения в вузах.

В 1956 г. начинается прием в вузы СССР граждан Африки и Азии, а в 1957 г. прием открылся и для молодежи Латинской Америки. С начала 1960-х гг. в вузах СССР обучались тысячи студентов из почти 30 стран Африки, более 20 государств Азии и примерно такого же количества стран Латинской Америки. Основным центром подготовки высококвалифицированных кадров для стран латиноамериканского, африканского и азиатского регионов стал РУДН (Университет дружбы народов, УДН имени Патриса Лумумбы), созданный 5 февраля 1960 г. Организаторами — учредителями Университета стали такие организации, как Союз советских обществ дружбы с народами зарубежных стран (ССОД), Советский Комитет защиты мира, Комитет советских женщин. Именно эти организации помогали в становлении Университета и на первых порах осуществляли подбор контингента в УДН [Филиппов, Краснова, Лукичев 2011].

Первые латиноамериканские студенты стали прибывать в Москву с самого начала функционирования УДН им. Патриса Лумумбы в 1960-х гг. [Волосюк,

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации, 30 ноября 2016 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 25.11.17).

Марчук 2009: 22—23]. Отсутствие системного, качественного высшего образования в странах Латинской Америки было одним из тех факторов, которые ограничивали активное участие молодежи в социально-экономическом развитии своих стран и повышении конкурентоспособности ее экономики [Ермольева 2014: 22—38; Jameson 1997]. Ведущие страны латиноамериканского региона, прежде всего Бразилия, уделяли растущее внимание совершенствованию системы образования, развитию международного сотрудничества в образовательном пространстве [Борзова 2014].

УДН им. П. Лумумбы стал ведущим вузом, где получали образование иностранные, в том числе и латиноамериканские, граждане. Представители трех континентов становились студентами УДН по линиям общественных организаций, правительственных учреждений, консульств и посольств СССР. УДН принимал студентов в возрасте до 35 лет вне зависимости от расы, национальности и вероисповедания.

Параллельно с деятельностью Университета дружбы народов в 1960—1970-х гг. в Москве при Доме дружбы народов с зарубежными странами функционировал специальный латиноамериканский семинар для студентов из СССР и Латинской Америки. Всесоюзное общество «Знание» направляло лекторов и в латиноамериканский регион. А в 1961 г. при Академии наук СССР был создан Институт Латинской Америки (ИЛА РАН), ставший одним из авторитетных центров латиноамериканских исследований.

Таблица 1 / Table 1

**Распределение латиноамериканских студентов по специальностям
в УДН/РУДН в 1960—2008 гг. (%) /
Distribution of Latin American students by specialties in PFU/PFUR, 1960—2008**

Специальности / Specialties	1960—1982 гг.	2008 г.
Инженеры / Engineers	27,8	22,1
Физики, химики, математики / Physicists, chemists, mathematicians	15,6	7,1
Историки, филологи / Historians, philologists	9,9	24,5
Экономисты, юристы / Historians, philologists	15,3	17,4
Медики / Medical students	17,1	19,4
Агрономы, зоотехники / Agronomists, zootechnicians	14,4	4,8
Экологи / Ecologists	—	4,8
Итого:	100,0	100,0

Источник: [Борзова, Волосюк 2009: 93] / Source: [Borzova, Volosyuk 2009: 93].

Данные табл. 1 демонстрируют несколько тенденций. Количество студентов, обучающихся на физико-математических (равно как и химических) специальностях, сократилось со времен СССР вдвое. Историческое и филологическое направления, напротив, становятся намного популярнее. Такие изменения можно объяснить «модой» на прикладные технические специальности в СССР и тем, что после распада Советского Союза гуманитарные специальности стали более «восприимчивы» к западным подходам и избавились от идеологических наслоений, имевших место ранее, что сделало их более востребованными.

РУДН И ЛАТИНО-КАРИБСКАЯ АМЕРИКА

В начале 1990-х гг. РУДН переживал не самые легкие времена. Правление Университета сделало ставку на учащихся из СНГ и увеличение количества платных мест. Процент иностранцев (точнее, иностранцев из дальнего зарубежья) и в РУДН, и во всей системе российского образования заметно упал и пока не вышел на уровень советских времен. Первый выпуск РУДН 1965 г. состоял на 83,6% из иностранных студентов (и на 16,4% — из советских). Через 44 года цифры стали практически диаметрально противоположными: в 2009 г. в РУДН обучалось 79,4% студентов из СНГ, а 20,6% приходилось на студентов дальнего зарубежья [Волосюк, Марчук 2009: 50].

Доля латиноамериканских учащихся также сократилась. Если в советские времена она составляла примерно 19% от числа всех иностранных студентов, то в России конца 2000-х гг. она уменьшилась ровно в 2 раза [Волосюк, Марчук 2009: 51].

Также сместился кадровый баланс: если в советские времена большинство студентов из Латинской Америки получали образование по инженерным специальностям, то теперь значительная часть учащихся в РУДН латиноамериканцев — гуманитарии. Уменьшившееся почти втрое количество агрономов, вероятно, связано с тем, что на рубеже веков ряд латиноамериканских стран перешел от экономики, в которой преобладал сельскохозяйственный сектор, к экономике с преобладанием индустриальных секторов (добыча сырья и т.д.).

С 2013 г. можно говорить о возобновлении интереса латиноамериканских студентов к получению образования в РУДН, что связано как с улучшением общей ситуации в стране, так и с продуманной политикой РУДН по интернационализации образования и совершенствованию его системы. Это нашло отражение в открытии новых привлекательных специальностей, оптимизации изучения русского языка на факультете русского языка и общих дисциплин (ФРЯ и ОД), улучшении материально-технической базы университета и условий проживания в студенческом городке, открытии магистратуры и аспирантуры на английском языке.

Для РУДН стало характерно серьезное сотрудничество в сфере высшего образования с вузами других стран, привлечение иностранных преподавателей, проведение межвузовских студенческих научных конференций и круглых столов, развитие совместных научно-исследовательских проектов с предприятиями страны, расширение производственной базы для прохождения практики студентами.

На основании данных табл. 2 можно сделать вывод о том, что численность латиноамериканских студентов постепенно увеличивается, и наибольшее количество учащихся из этого региона пришлось на 2016 г. Если в 2013—2014 гг. преобладали студенты из Эквадора, Колумбии, Перу, Гаити, Ямайки, Бразилии, Венесуэлы, Доминиканской Республики и Мексики, то в дальнейшем наблюдается рост числа учащихся из Панамы, Чили, Сальвадора, Сент-Винсент и Гренадин, Кубы, Гватемалы, Аргентины. Интересным является тот факт, что растет количество латиноамериканцев, обучающихся в магистратуре, аспирантуре, как и число ординаторов, интернов и стажеров. Кроме того, среди общего числа латиноамериканских студентов возрастает количество контрактных учащихся.

Таблица 2 / Table 2

**Учащиеся РУДН из Латинской Америки и Карибского бассейна в 2013—2017 гг. /
PFUR students from Latin America and the Caribbean, 2013—2017***

№ п/п	Страна / Country	2013			2014			2015			2016			2017
		Всего / Total	Студенты / Students	Аспиранты / Post-graduates	Всего / Total	Студенты / Students	Аспиранты / Post-graduates	Всего / Total	Студенты / Students	Аспиранты / Post-graduates	Всего / Total	Студенты / Students	Аспиранты / Post-graduates	
1	Антигуа и Барбуда / Antigua and Barbuda	4	4		5	5		5	5		4	4		
2	Аргентина / Argentina	4	4		3	3		1	1		5	5		4
3	Боливия / Bolivia	16	14	2	13	11	2	14	10	4	24	18	6	32
4	Бразилия / Brazil	34	30	4	29	25	4	13	10	3	19	15	4	19
5	Венесуэла / Venezuela	18	16	2	39	37	2	27	22	5	33	27	6	21
6	Гайана / Guyana	6	6		6	6		6	6		8	8		11
7	Гаити / Haiti	46	38	8	39	30	9	24	17	7	23	17	6	18
8	Гватемала / Guatemala	13	13		16	16		6	6		10	10		7
9	Гондурас / Honduras							1	1					
10	Гренада / Grenada							3	3		3	3		3
11	Доминика / Dominica	2	2		1	1		1	1		1	1		1
12	Доминиканская Республика / Dominican Republic	19	19		12	11	1	6	5	1	10	9	1	8
13	Колумбия / Colombia	91	85	6	82	76	6	65	56	9	91	79	12	81
14	Коста-Рика / Costa Rica	13	13		11	10	1	6	6		8	7	1	6
15	Куба / Cuba	4	4		7	7		4	4		17	15	2	28
16	Мексика / Mexico	17	17		14	14		16	16		20	19	1	11
17	Никарагуа / Nicaragua	9	9		8	8		5	5		7	7		5
18	Панама / Panama	10	9	1	8	7	1	3	2	1	3	3		3
19	Парагвай / Paraguay	1	1		1	1		1	1		1	1		
20	Перу / Peru	48	43	5	37	31	6	26	20	6	34	28	6	27
21	Сальвадор / Salvador	1	1		4	4		12	12		25	25		22
22	Сент-Винсент и Гренадины / Saint Vincent and the Grenadines	14	14		18	18		15	15		15	15		15
23	Уругвай / Uruguay				1	1		1	1		3	3		2
24	Чили / Chile	9	8	1	5	5		9	9		8	8		6
25	Эквадор / Ecuador	81	69	12	78	66	12	72	55	17	101	67	34	116
26	Ямайка / Jamaica	39	38	1	40	39	1	35	35		36	36		31
	Всего / Total	499	457	42	477	432	45	377	324	53	509	430	79	477

Таблица составлена авторами на основе базы данных ЕИС по состоянию на 01.04.2017 (РУДН).

РУДН И ЭКВАДОР

Эквадор проявлял интерес к сотрудничеству с нашей страной еще со времен Советского Союза, когда два государства обменивались студентами и научными сотрудниками, делали выводы о системах образования. На данный момент отношения двух стран в сфере образования вышли на качественно новый уровень: обмен научным опытом и системой подготовки кадров реализуется сразу между несколькими университетами, где РУДН принадлежит ведущая роль.

По мере интенсификации сотрудничества в образовательной сфере между РУДН и рядом университетов Эквадора были подписаны важные документы, такие как: Договоры между РУДН и Центральным университетом Кито (1970), Университетом Гуаякиля (1983), Высшей военной политехнической школой и Католическим университетом в г. Кито (1994), Техническим университетом Мачалы (1995), Аграрным университетом Эквадора (2009) [Борзова, Волосюк 2009: 96]. Договоры, подписанные РУДН с Технологическим университетом Экиноксиаля (2013), Национальным университетом Лохи (2015), Национальной политехнической школой (2016) преследуют такие цели, как обмен студентами и преподавателями, организационным опытом в системе образования, образовательными программами².

Большой интерес Эквадора к развитию сотрудничества с РУДН в сфере науки и образования связан с тем, что с 2008 г. страна начала претворять «Национальный план для хорошей жизни» по развитию социальной структуры и улучшению условий жизни населения. В этом плане важная роль отводится совершенствованию системы образования и подготовки кадров [Ponce, Loyaza 2012]. Только с 2006 по 2011 г. объем финансирования эквадорского образования увеличился более чем в восемь раз (финансовые меры были направлены как на повышение размера стипендий, так и на расширение доступа к образовательным кредитам), выросла доступность среднего и высшего образования для всех этнических групп населения. Так, в 2006—2011 гг. на 22% увеличился доступ к образованию для индейского населения и на 14% — для афроэквадорского. Следует упомянуть о расширении бесплатного доступа к государственному высшему образованию и об увеличении финансирования образования в 8 раз в этот период [Савала 2014]. В «Национальном плане для хорошей жизни» на 2013—2017 гг. на развитие науки и человеческого потенциала планируется выделить 8246 млн дол. США, на социальное развитие — 6984 млн дол. США³.

В Эквадоре за последние годы произошла настоящая социальная революция, и проведенные глубокие реформы сделали образование более доступным и качественным, обеспечили выходом в Интернет большинство населения [Эквадор на пути «Гражданской революции» 2009: 77]. Эквадорское государство также закрыло ряд неэффективных вузов и приступило к реализации масштабного

² База данных ЕИС по состоянию на 01.04.2017 (РУДН).

³ Национальный план развития / Национальный план для хорошей жизни на 2013—2017 гг. За лучший мир. Краткая версия в переводе на русский язык. — Senplades, 2013, Кито. Эквадор. С. 127. URL: <http://www.buenvivir.gov.ec>. (дата обращения: 2.01.2018).

проекта по созданию технологического института «Ячай» («Город знаний»), который должен стать центром технических прикладных исследований в Латинской Америке. К началу 2015 г. на проект «Ячай» было потрачено порядка 600 млн дол. США, а весь «Город знаний» ориентировочно обойдется в 20 млрд дол. США, что беспрецедентно для региона⁴.

Сама концепция проекта «Ячай» была разработана в 2012—2013 гг. группой ученых, имеющих международное признание, в тесном сотрудничестве с Министерством науки и технологий Эквадора (SENESCYT). Проект «Ячай», взяв за образец лучшие исследовательские университеты мира, ставит перед собой амбициозные задачи: стать ведущим мировым исследовательским университетом и лучшим научным и технологическим университетом в Латинской Америке; привлекать к работе исследователей с мировым именем через инновационные и междисциплинарные исследования; повышать образовательный уровень граждан для развития новых технологий, экономики, предпринимательства, культуры в Эквадоре и Латинской Америке; предоставлять государственные услуги для развития многочисленных этнических сообществ Эквадора⁵.

К настоящему моменту строительство «Ячай» закончено еще не полностью, но в нем уже ведутся исследования, по результатам которых опубликовано более 100 научных работ.

Правительство Эквадора ставит задачи обеспечить доступ к Интернету в 90% учебных заведений, охватить 95% населения в возрасте от 16 до 24 лет общим средним образованием и говорит о необходимости того, что 80% студентов должны получать дипломы в установленные сроки⁶.

В «Национальном плане для хорошей жизни» качественное образование провозглашается не просто целью, а непрерывным процессом по развитию человеческого потенциала [Савала 2014]. Именно поэтому Эквадор выбирает для своей страны лучшие элементы из образовательных систем тех вузов, которые имеют всемирную известность. В этом плане у РУДН блестящая репутация по части подготовки иностранных студентов как на языковых, так и на профильных программах, что доказано за 58 лет работы университета.

За годы существования в Российском университете дружбы народов прошли обучение более 460 студентов и аспирантов из Эквадора [Волосюк, Марчук 2009: 37].

Как следует из данных табл. 3, студенты из Эквадора отдают предпочтение медицине, инженерным наукам, изучению экологических проблем, аграрного хозяйства и нанотехнологий. Эквадорцы проявляют интерес к изучению русского языка, и именно поэтому в их стране был открыт «Центр по исследованию и популяризации русского языка», а также языковые курсы при университетах Эквадора. Только в 2014 г. более 70 эквадорцев получили стипендии на обучение в ведущих образовательных учреждениях России от правительства РФ [Звягина 2012].

⁴ Yachay Tech Universidad. URL: <https://www.yachaytech.edu.ec/en/about/history/> (accessed: 27.05.17).

⁵ Ibid.

⁶ Национальный план развития / Национальный план для хорошей жизни на 2013—2017 гг. С. 71.

Таблица 3 / Table 3

**Студенты из Эквадора в РУДН (2014–2017) /
Students from Ecuador in PFUR (2014–2017)***

ФАКУЛЬТЕТ / ИНСТИТУТ / FACULTY / INSTITUTE	2014			2015			2016			2017			Всего / Total
	ФРЯ и ОД / FRL and CD	Бакалавриат, специалитет / Bachelor', Specialty	Магистратура / Master	ФРЯ и ОД / FRL and CD	Бакалавриат, специалитет / Bachelor, Specialty	Магистратура / Master	ФРЯ и ОД / FRL and CD	Бакалавриат, специалитет / Bachelor', Specialty	Магистратура / Master	ФРЯ и ОД / FRL and CD	Бакалавриат, специалитет / Bachelor, Specialty	Магистратура / Master	
Аграрно-технологический институт / Agrarian and Technological Institute	0						3		1			5	9
Факультет гуманитарных и социальных наук / Faculty of Humanities and Social Sciences	1			2	2	1	1	2	1	1	5	3	19
Инженерная академия / Engineering Academy	3	1	2	5	1	1	6	2	5	4	10	9	49
Медицинский институт / Medical Institute	16	1		5	5		17			19	10		73
Факультет физико-математических и естественных наук / Faculty of Physics and Mathematics and Natural Sciences						2	1				1	1	5
Филологический факультет / Faculty of Philology		1	1		1	1		1		2		1	8
Экологический факультет / Faculty of Ecology	2		1		1	2	4		2		2	6	20
Экономический факультет / Faculty of Economics	2		1		1			1	2	1	2	2	12
Юридический институт / Law Institute	1			1			1						3
Институт гостиничного бизнеса и туризма / Institute of Hospitality and Tourism													0
Институт иностранных языков / Institute of the Foreign Languages						1							1
Институт международных программ / Institute of International Programs													0
УНИСОП / UNISOP													0
Институт мировой экономики и бизнеса / Institute of World Economy and Business													0
Институт космических технологий / Institute of Space Technology													0
Институт биохимической технологии и нанотехнологий / Institute of Biochemical Technology and Nanotechnology	0						1			1		2	4
ВСЕГО / TOTAL	25	3	5	13	11	8	34	6	11	28	30	29	203

*Таблица составлена авторами на основе базы данных ЕИС по состоянию на 01.10.2017 (РУДН).

РУДН играет, без преувеличения, стратегическую роль в отношениях между Россией и Эквадором в плане подготовки кадров, что нашло отражение в многочисленных визитах государственных деятелей Эквадора в РУДН. Так, 30 октября 2009 г. президент страны Рафаэль Корреа Дельгадо посетил РУДН в первый раз. В ходе визита он уделил особое внимание тому, что эквадорских студентов Университета ждут после окончания учебы на родине. Президент призвал их к активной работе по преобразованию страны⁷.

Через четыре года Рафаэль Корреа Дельгадо повторил визит в РУДН. На этот раз президент Эквадора обсудил с ректором Университета В.М. Филипповым вопросы подготовки кадров, а также сотрудничества в науке и культуре. Президент выступил перед студентами с речью о социальной справедливости и подлинном народовластии, после чего получил звание Почетного доктора РУДН⁸.

1 декабря 2015 г. РУДН посетил министр-координатор Института развития человеческого таланта (Instituto de Fomento al Talento Humano) Андрес Арос. В своем выступлении он затронул важность заключенных между Университетом и Эквадором соглашений, а также обозначил перспективы их расширения⁹.

30 марта 2016 г. с визитом в РУДН прибыла Габриэла Риваденейра, председатель Национальной ассамблеи Республики Эквадор, которая отметила, что «РУДН стирает все границы, позволяет молодежи из 150 стран мира взаимодействовать друг с другом и дает возможность совершенствоваться не только в изучении академических наук и технологий, но и в самых лучших человеческих качествах»¹⁰. В ходе мероприятия была достигнута договоренность об увеличении числа студентов из Эквадора в РУДН. Также Г. Риваденейра посетила Центр управления космическими полетами.

Ощутимым результатом четырех визитов стало увеличение числа студентов из Эквадора в РУДН. Эквадорские учащиеся РУДН объединены в ассоциацию, которая существует с 1968 г. В задачи этой организации входит помощь своим согражданам во всех сферах благоустройства и самореализации. Ассоциация эквадорских студентов РУДН следит за поддержанием дисциплины, порядка, а также занимается организацией культурных, спортивных и развлекательных мероприятий. Особую роль в ассоциации играют академический секретарь, который следит за успеваемостью студентов, секретарь по спорту, ответственный за организацию спортивных мероприятий, и секретарь по культуре, планирующий танцевальные, художественные и музыкальные акции. В самом Эквадоре активно работает Ассоциация выпускников РУДН и других российских вузов. Выпускники российских вузов трудятся в самых разных отраслях государственного и частного секторов на благо Эквадора.

⁷ Для меня вернуться в университет — это как снова встретиться с самим собой... // Дружба. 9.11.2009, № 20. URL: <http://www.rudn.ru/?page=2247> (дата обращения: 26.05.17).

⁸ Президент Республики Эквадор Рафаэль Корреа Дельгадо в РУДН. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vvLdUVvoXcw> (дата обращения: 26.05.17).

⁹ Visita a Rusia de Ministro Coordinador del Conocimiento y Talento Humano. URL: <http://rusia.embajada.gob.ec/tag/urap-andres-arauz/> (дата обращения: 26.05.17).

¹⁰ Визит в РУДН Председателя Национальной Ассамблеи Республики Эквадор Габриэлы Риваденейры. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WGjFw-Sb4hw> (дата обращения: 26.05.17).

Финансовая сторона обучения граждан Эквадора в Российской Федерации заслуживает отдельного упоминания. Образовательные программы российских университетов для иностранных граждан включают места, оплачиваемые правительством России из средств федерального бюджета. Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) организует деловые контакты между вузами России и других стран. Студентам и аспирантам из Эквадора денежные средства на обучение и все сопутствующие расходы выделяются не только из бюджета России. Правительство этой латиноамериканской страны считает стипендию, получаемую учащимися РУДН, недостаточной. Для улучшения сложившейся ситуации правительство Эквадора разработало программу под названием «Дополнительная стипендия международного сотрудничества» при Институте развития человеческого таланта. Программы дополнительной стипендии в рамках международного сотрудничества стали частью национальной стипендиальной программы и разработаны для студентов, которые желают обучаться в Бразилии, Словакии, России, Венесуэле и на Кубе. Программа направлена на дополнительное финансирование стипендиатов из Эквадора, чтобы те успешно завершили учебу за рубежом.

Институт развития человеческого таланта курирует программу для своих сограждан, одаренных студентов и аспирантов, продемонстрировавших значительные достижения в учебе. Стипендия для талантливых студентов и аспирантов из Эквадора, обучающихся не только в РУДН, но и в других вузах на территории России, составляет 502,62 дол. США в месяц в течение всего периода обучения. Институт также осуществляет страхование жизни и здоровья студентов из Эквадора, предоставляет им авиабилеты эконом-класса¹¹.

Пришедший к власти в мае 2017 г. президент Эквадора Ленин Морено сохранил образовательный курс, взятый «Гражданской революцией», где государству отводится важная роль в развитии системы образования [Пятаков 2017]. Он заявил о расширении стипендиальной поддержки студентов, развитии контактов вузов с производственным сектором. В «Плане национального развития на 2017—2021 гг.» отмечено стремление увеличить число общественных библиотек в Эквадоре, расширить информационную сеть с целью сокращения разрыва в доступе к Интернету между разными слоями населения, развивать не только техническое, но и гуманитарное образование, а также образование в сфере искусств [Plan Nacional de Desarrollo 2017—2021].

В современных условиях, когда элементы «мягкой силы» приобретают все большее значение в формировании имиджа государства, Российской Федерации важно демонстрировать свои передовые достижения в сфере науки и образования, расширять культурное сотрудничество. РУДН играет роль авангарда в процессе интернационализации образования, занимается постоянным совершенствованием системы преподавания в процессе подготовки квалифицированных кадров для

¹¹ Instituto de Fomento al Talento Humano. URL: http://www.fomentoacademico.gob.ec/becas_iece/ (accessed: 25.05.17).

многих стран мира, в том числе и для Латинской Америки. Проведенный анализ контингента латиноамериканских студентов РУДН позволяет сделать вывод о том, что образование, которое предлагает Университет, пользуется спросом в странах Латинской Америки, и студенты все активнее стремятся продолжить обучение и после получения диплома бакалавра и магистра.

Для Эквадора, одной из небольших стран региона, сотрудничество с РУДН в подготовке кадров, имеет серьезные перспективы. За последние годы количество граждан Эквадора, обучающихся в РУДН, неуклонно росло. А первые лица латиноамериканского государства, которые посещали РУДН с визитами, только подтвердили правильность нынешнего вектора российско-эквадорских отношений и той роли, которую играет Университет в укреплении двусторонних связей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Борзова А.Ю., Волосюк О.В.* 50 лет сотрудничества: РУДН и вузы Латинской Америки // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2009. № 2. С. 93—100.
- Борзова А.Ю.* Подходы Бразилии к проблеме образования // *БРИКС: сотрудничество в целях развития: материалы IV Международной научной конференции*. Москва, 28 мая 2014. М.: РУДН, 2014. С. 146—151.
- Волосюк О.В., Марчук Н.Н.* РУДН и Латинская Америка — 50 лет сотрудничества. М.: РУДН, 2009.
- Ермольева Э.Г.* Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени. М.: ИЛА РАН, 2014.
- Звягина Д.А.* «Мягкая сила»: структурный анализ // *Инициативы XXI века*. 2012. № 3. С. 135—137.
- Колдунова Е.В., Лунев С.И.* Процессы трансформации системы образования и науки в странах Азии в оценках международных организаций и транснациональных рейтинговых структур // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 1. С. 190—200. doi: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-190-200.
- Пятаков А.Н.* Победа Ленина Морено в Эквадоре // *Латинская Америка*. 2017. № 6. С. 17—27.
- Русакова О.Ф.* Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН*. 2010. № 10. С. 173—192.
- Савала П.А.Ч.* Ориентиры и достижения плана «Достойная жизнь» // *Латинская Америка*. 2014. № 3. С. 56—74.
- Филиппов В.М., Краснова Г.А., Лукичев Г.А.* РУДН — 50 лет: опыт подготовки кадров для развивающихся стран мира // *Ректор вуза*. 2011. № 1. С. 30—37.
- Филиппов В.М.* Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2015. Т. 15. № 3. С. 203—211.
- Эквадор на пути «Гражданской революции» / под ред. В.М. Давыдова. М.: ИЛА РАН, 2009.
- Jameson K.* Higher Education in a Vacuum: Stress and Reform in Ecuador // *Higher Education*. 1997. 33 (03). P. 265—281.
- Plan Nacional de Desarrollo 2017—2021. Toda una Vida. Secretaría Nacional de Planificación y Desarrollo — Senplades 2017 Quito — Ecuador. URL: http://www.planificacion.gob.ec/wp-content/uploads/downloads/2017/10/PNBV-26-OCT-FINAL_0K.compressed1.pdf (accessed: 25.11.17).
- Ponce J., Loyaza Y.* Elimination of User-fees in Tertiary Education: A Distributive Analysis for Ecuador // *International Journal of Higher Education*. 2012. 1 (1). P. 138—147.

Дата поступления статьи: 01.12.2017

Для цитирования: Борзова А.Ю., Медина Гонзалес Винисио Ксавьер. РУДН и Латинско-Карибская Америка: новые направления взаимодействия в образовательной сфере // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 208—220. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-208-220.

Сведения об авторах: Борзова Алла Юрьевна — доктор исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: borzova_ayu@rudn.university).

Медина Гонзалес Винисио Ксавьер — аспирант, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: medina_gv@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-208-220

RUDN UNIVERSITY AND LATIN-CARIBBEAN AMERICA: NEW DIRECTIONS OF INTERACTION IN THE EDUCATIONAL SPHERE

A.Yu. Borzova, Medina González Vinicio Xavier

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia),
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the international cooperation of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) in the field of higher education and science, shows its role in training highly qualified personnel from Latin America and the Caribbean, with a special focus on Ecuador.

The purpose of the article is to show the cross-section of the Latin American contingent of pupils at the present stage on the basis of a comparative analysis, and for this purpose are set the following tasks: to identify new priorities in education that are in demand in modern society and are embodied in the PFUR, to show the importance of the internationalization of education as one of the factors ensuring educational cooperation for RUDN University. The task is also to show the cooperation of the Ecuadorian government and RUDN University in the preparation of competitive specialists for the implementation of ambitious plans for the country's development, identify the features of the Yachai project for the development of Ecuador's scientific potential, and outline the prospects for bilateral interaction in the training system.

Conclusion: for 58 years of its activity PFUR has achieved significant results in the internationalization of education, developed interesting methods of teaching Russian and other subjects, introduced the study of a number of subjects in English, which made this university attractive for foreign, in particular, Latin American students.

Key words: cooperation, higher education, internationalization, competitiveness, development, student, Latin America, Ecuador, RUDN University

REFERENCES

- Borzova, A.Yu. (2014). Approaches of Brazil to the problem of education. In: *BRICS: cooperation for development: materials of the IV International Scientific Conference. Moscow, May 28, 2014*. Moscow: RUDN University, 146—151. (In Russ.).
- Borzova, A.Y. & Volosyuk, O.V. (2009). 50 Years of Collaboration: Peoples' Friendship University of Russia and the Universities of Latin America. *RUDN Journal of World History*, (2), 93—100. (In Russ.).
- Davydov, V.M. (Ed.) (2009). *Ecuador on the road to the "Civil Revolution"*. Moscow: ILA of RAS. (In Russ.).

- Ermolieva, E.G. (2014). Education in Latin America: adaptation to the challenges of time. Moscow: ILA of RAS. (In Russ.).
- Filippov, V.M., Krasnova, G.A. & Lukichev, G.A. (2011). PFUR-50 years: experience in training for developing countries in the world. *Rector of the university*, 1, 30—37. (In Russ.).
- Filippov, V.M. (2015). Internationalization of Higher Education: Major Trends, Challenges and Prospects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15(3), 203—211. (In Russ.).
- Jameson, K. (1997). Higher Education in a Vacuum: Stress and Reform in Ecuador. *Higher Education*, 33 (03), 265—281.
- Koldunova, E.V. & Lounev, S.I. (2017). The processes of transformation of the education system and science in Asia in the estimates of international organizations and transnational ranking agencies. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17(1), 190—200. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-190-200. (In Russ.).
- Plan Nacional de Desarrollo 2017—2021. Toda una Vida © Secretaría Nacional de Planificación y Desarrollo — Senplades 2017 Quito — Ecuador. URL: http://www.planificacion.gob.ec/wp-content/uploads/downloads/2017/10/PNBV-26-OCT-FINAL_0K.compressed1.pdf (accessed: 25.11.17).
- Ponce, J. & Loyaza, Y. (2012). Elimination of User-fees in Tertiary Education: A Distributive Analysis for Ecuador. *International Journal of Higher Education*, 1 (1), 138—147.
- Pyatakov, A.N. (2017). The victory of Lenin Moreno in Ecuador. *Latin America*, 6, 17—27. (In Russ.).
- Rusakova, O.F. (2010). The concept of “soft power” in modern political philosophy. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 10, 173—192. (In Russ.).
- Savala, P.A.C. (2014). Landmarks and achievements of the “Decent Life” plan. *Latin America*, 3, 56—74. (In Russ.).
- Volosyuk, O.V. & Marchuk, N.N. (2009). *PFUR and Latin America — 50 years of cooperation*. Moscow: RUDN. (In Russ.).
- Zvyagina, D.A. (2012). “Soft power”: structural analysis. *Initiatives of the XXI century*, 3, 135—137. (In Russ.).

Received: 01.12.2017

For citations: Borzova, A.Yu. & Medina González, Vinicio Xavier (2018). RUDN University and Latin-Caribbean America: new directions of interaction in the educational sphere. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (1), 208—220. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-208-220.

About the authors: Borzova Alla Jur'evna — Doctor of History, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: borzova_ayu@rudn.university).

Medina González Vinicio Xavier — postgraduate student, Assistant of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: medina_gv@rudn.university).

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-221-230

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
*Hannah M. The Best “Worst President”:
What the Right Gets Wrong About Barack Obama.*
New York: HarperCollins Publishers, 2016. — 324 p.**

Н.И. Бубнова

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Российская Федерация

В названии книги «Лучший „худший“ президент» содержится аллюзия на слова, произнесенные в адрес Барака Обамы сначала бывшим американским вице-президентом Диком Чейни, а затем побежденным Обамой на выборах Миттом Ромни, — каждый из них назвал хозяина Белого дома «худшим президентом». А в подзаголовке книги к этой характеристике добавлено пояснение с характерной игрой слов: «В чем правые неправы по поводу Барака Обамы».

Автор книги Марк Ханна считает в высшей степени несправедливым, что в период пребывания в Белом доме Б. Обаму больше критиковали, нежели хвалили: в первую очередь, это касается правых, но также справедливо и для политиков других направлений. Именно стремлением докопаться до истины и дать объективную оценку внутри- и внешнеполитическим достижениям Б. Обамы он объясняет решение написать данную книгу. «Хотя его усилия были подвергнуты остракизму, преуменьшались, представлялись в ложном свете, Барак Обама продемонстрировал себя чрезвычайно сильным и достойным лидером, осуществлявшим управление с большой целеустремленностью и впечатляющим результатом» [Hannah 2016: задняя обложка]. На передней обложке тема «хорошего — плохого» президента обыграна картинкой, где нарисована голова из двух половинок: одна половина — светло-коричневая с характерным нимбом на фоне голубого неба и легкого облачка, а другая — багровая, с символическим дьявольским рожком над условными всполохами адского пламени. Но не так, как писал Игорь Губерман: «Во мне воюют ангел с бесом, и я сочувствую обоим». Напротив, Ханна сочувствует именно и только либералу и прогрессисту Б. Обаме — и стремится доказать его несомненную правоту, очевидную для автора.

СЕРЬЕЗНАЯ КНИГА «С КАРТИНКАМИ»

Иллюстратор книги Боб Стааке (на счету которого оформление более шестидесяти книг, переведенных на двенадцать языков) участвует в публикации наравне с автором. Его рисунки, помимо обложки, размещены и на предваряющих главы

и разделы многостраничных цветных вкладках. Книга вообще издана, как теперь любят говорить, «вкусно»: с многоцветной печатью, разнообразными шрифтами и кеглями и с UF-лаком на обложке. Как говорится, смотрите — завидуйте. Можно было бы подумать, что издание ориентировано на массовую аудиторию, тем более что, по признанию самого автора, он вынужден был «задержаться» со своей диссертацией, чтобы подготовить данную публикацию. Однако хотя тогда Марк Ханна и в самом деле учился в аспирантуре, он уже успел зарекомендовать себя отличным профессионалом, много лет изучающим международные отношения, преподающим в Нью-Йоркском университете и находящемся в том же городе частном исследовательском университете «Новая школа», а также регулярно выступающим по телевидению. И эта «отложенная» из-за книги степень у него далеко не единственная. Несмотря на картинки, выигрышный дизайн, живой и яркий язык, книга получилась весьма серьезной и заслуживающей внимания и тех, кто хочет в обобщенном виде получить информацию о деятельности демократической администрации США, и тех, кто более углубленно занимается проблемами американской политики: здесь есть любопытные идеи, небезынтесные сведения, неожиданные мнения.

ТРИ ЧАСТИ PRO ET CONTRA: ОБ ЭКОНОМИКЕ, ПОЛИТИКЕ И ЖИЗНИ

Книга разделена на три почти равных по объему части: «Человек», «Страна», «Мир». Первая посвящена социально-политическим преобразованиям Б. Обамы и его положению во внутриполитическом истеблишменте, вторая — его экономическим реформам, третья — внешнеполитическому курсу. Каждая глава, в свою очередь, делится на несколько разделов, а те — на подразделы, соответствующие главным проблемам, с которыми приходилось иметь дело демократической администрации. «Диктатор», «Социалист», «Разрушитель экономики», «Узурпатор реформы здравоохранения», «Губитель свободы», «Отпугиватель союзников», «Умиротворитель врагов», но также и «„Целитель“ планеты» — вот нетривиальные названия некоторых из подразделов.

Автор отталкивается от звучавшей в адрес президента критики, чтобы выстраивать свою аргументацию «от противного». Вся книга организована по принципу pro et contra: сначала страница — другая обвинений (под повторяющимся из подраздела в подраздел заголовком «The Charge», набранным красным цветом: красное в Америке традиционно ассоциируется с плохим), затем несколько страниц — в защиту действий президента (с оформленной синим шрифтом шапкой «The Reality»).

Книга была опубликована в 2016 г., и автор оказывается виртуально вовлеченным в предвыборную борьбу. Он показывает, как критика Б. Обамы политизировалась его оппонентами, в первую очередь из рядов «Великой старой партии» (республиканцев. — прим. ред.), с явственно прослеживаемой целью выиграть очки в избирательной гонке. Ханна также многократно приводит высказывания республиканских кандидатов на последующих, проходивших уже без участия Обамы, выборах (Теда Круза, Марко Рубио, Карли Фиорина и самого Дональда Трампа), спорит с ними, показывает несостоятельность их критических аргумен-

тов по поводу внутри- и внешнеполитических вопросов и политики Б. Обамы, зачастую приводя на одной странице два совершенно противоположных высказывания одного и того же персонажа на аналогичную тематику.

ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ: АМЕРИКА В ЛУЧШЕМ СОСТОЯНИИ

Ханна утверждает, что Б. Обама, завершая свой президентский срок, оставил страну в значительно лучшем состоянии, чем когда он вступал на пост президента. Находившаяся в тот период в глубоком кризисе экономика США выправилась и после длительного периода рецессии стабилизировалась.

В результате проведенной по инициативе Б. Обамы реформы здравоохранения удалось охватить медицинским страхованием десятки миллионов американцев, для которых федеральным законодательством были предоставлены гарантии доступной качественной медицинской помощи. Были назначены два новых члена Верховного суда, после чего новому составу этого высшего юридического органа страны удалось принять решение, обеспечивающее конституционные права для однополых пар.

Была осуществлена иммиграционная амнистия, что позволило пяти миллионам нелегальных иммигрантов избежать депортации. Барак Обама также подписал президентский указ DACA (Deferred Action for Childhood Arrivals — Отложенное действие в отношении въехавших детьми лиц), в соответствии с которым привезенным в свое время в Соединенные Штаты детям незаконных иммигрантов, уже выросшим, давалась возможность узаконить свое положение путем соответствующей регистрации сроком на два года (которую затем можно было продлить). Таких молодых людей, которых еще называют «дримерами» — то есть мечтателями, теми, кто может осуществить «американскую мечту», — в стране проживает около 800 тыс. человек, причем 900 из них служит в армии, в том числе и в американских войсках, участвующих в зарубежных операциях.

В связи с исполнительным указом президента об амнистии мигрантов экс-кандидат на пост вице-президента США от республиканцев Сара Пэйлин утверждала, что Б. Обама таким образом будто бы «показал американским избирателям средний палец»¹. Но как бы консерваторы и либералы ни спорили по поводу наследия Б. Обамы, они, по мнению автора, не могут отрицать, что за время его правления был создан значительный политический задел на будущее. Когда писалась книга, автор не мог предположить, что на выборах победит Дональд Трамп, который отменит инициированный Обамой закон о здравоохранении и подвергнет пересмотру американское миграционное законодательство.

ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ: НЕ ЗА ХАОС

Что же касается вопросов внешней политики, то Ханна вспоминает, как об утраченном рае, о временах после Второй мировой войны, когда, по его словам, республиканцы и демократы выступали единым фронтом по международной

¹ *Levine, Sam*. Republicans Slam Obama over Immigration Executive Order. *Huffington Post*, 20 November 2014.

повестке. Как он полагает, это обеспечило якобы наблюдавшийся тогда пик американского лидерства на планете. Однако этот тезис весьма спорный и в том, что касается единства двух партий, и в отношении послевоенного американского влияния, которое Соединенным Штатам в расколовшемся на два лагеря мире приходилось делить с Советским Союзом.

Но и многие демократы, по мнению Ханна, критиковали Б. Обаму огульно и непоследовательно: когда он проявлял сдержанность — то за сдержанность, а когда принимал решение действовать — за активность. Заметим, что эта критика оказывалась временами похожей на ту, которая слышалась с российской стороны. Говорили, что его действия ведут к хаосу. Что основную роль в осуществляемой им внешней политике играют «три агрессивные женщины»: государственный секретарь Хиллари Клинтон, советник президента по национальной безопасности Сьюзен Райс, представитель США в ООН Саманта Пауэр.

В действительности же президент Обама вывел основной контингент американских войск из Ирака и Афганистана — основное обещание его избирательной кампании. При этом Ханна решительно опровергает обвинение правых, что политика Обамы, создав «вакуум» в регионе Ближнего и Среднего Востока, привела к возникновению террористической группировки «Исламское государство»². По его мнению, это случилось в результате «дебаасизации», проведенной в Ираке после американского вторжения 2003 г. и приведшей к отчуждению и радикализации 50 тыс. суннитов — членов партии Саддама Хусейна, которые составили костяк террористического движения.

Однако — на заметку российским пропагандистам и некоторым примкнувшим к ним политикам — ни сам Б. Обама, ни его критики, ни М. Ханна в своей книге нигде ни разу не указали на то, что Вашингтон мог стоять за событиями «арабской весны» и что демократическая администрация могла намеренно осуществлять политику «управляемого хаоса». Автор книги пишет лишь о том, что в условиях распространявшихся по ближневосточному региону волнений Белый дом сознательно шел на риск, надеясь, что его действия приведут к урегулированию ситуации и в конечном итоге к большей стабильности.

ЛИВИЯ, СИРИЯ, ДАЛЕЕ ПО КАРТЕ: «НА РАДАРЕ»... ИЛИ ВНЕ ПОЛЯ ЗРЕНИЯ

Операция в Ливии, по словам Ханна, была предпринята в ситуации, когда все — и либералы, и консерваторы, и европейские и ближневосточные союзники США — верили в ее успех. По мнению автора, главным результатом действий международной коалиции явилось то, что была сброшена диктатура, стоившая многих тысяч жизней, в том числе и жизней американцев; в стране впервые прошли демократические выборы, где большинство проголосовало за умеренных кандидатов, и «теперь у Ливии как никогда высокие шансы на демократию»

² 29 декабря 2014 г. по иску Генеральной прокуратуры Верховный суд России признал организацию «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ, ИГ, «Исламское государство») террористической международной организацией и запретил ее деятельность в России.

[Hannah 2016: 202]. Таким образом, Ханна оценивает ливийскую операцию США со знаком плюс — тогда как сам Б. Обама ставил ей однозначный минус. Но, возможно, такое различие в оценках связано с тем, что книга была сдана в печать еще до выхода в свет интервью Б. Обамы в журнале «Atlantic», где он признается, что в Ливии была допущена самая большая ошибка за все время его пребывания на посту президента³.

Ханна также нигде не говорит о том, что, начав боевые действия в Ливии, Соединенные Штаты нарушили прерогативы мандата ООН, предписывавшего только создание «бесполетной зоны» над Ливией. В данном случае, как и по ряду других внешнеполитических вопросов, стремящемуся к объективности читателю в пору составлять свои собственные параллельные таблицы «pro et contra»: того, что фиксируется радаром автора, и того, что «остается за кадром», но представляется не менее значимым для общей сбалансированной картины. Подобное виртуальное «отсутствие присутствия» свойственно не только М. Ханне, но, к сожалению, достаточно типично для многих авторов американского политологического мейнстрима [Бубнова 2015а: 89—91; Бубнова 2015b: 146—147].

Аналогичным образом, говоря про события в Сирии, М. Ханна пишет о достижении и реализации соглашения о химическом разоружении, остановившего уже готовившееся американское вторжение, и при этом ни единым словом не упоминает Россию. Это напоминает известный исторический анекдот (в значении оставшегося в народной памяти события), когда Элеонора Рузвельт в своих поездках по стране посетила школу, где в классе висела карта с белым пятном на месте СССР, а дети, которых спрашивали, что это такое, заученно отвечали, что «про это нельзя говорить».

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ПРО РОССИЮ: И ЭТО ВСЕ О НЕЙ?

Однако про Россию сказано в другом месте — в последней части книги, ожидается (или для 2016 года все же еще нет?) в главе «про врагов», наряду с Ираном, Северной Кореей, Кубой и «исламским терроризмом». Соответствующий раздел называется «Русский медведь снова пробуждается». Однако про Россию там говорится немного: всего несколько страниц. А про Украину — нашу главную и во многом общую с США проблему — только несколько строк.

Так же, как и подавляющее большинство американского истеблишмента, Ханна исходит из постулата об агрессивности российской внешней политики. Как он считает, Вашингтон мало что мог сделать, чтобы предотвратить действия России в Грузии и затем в Крыму и на востоке Украины, и реакция администрации Обамы в этом плане была адекватной и наиболее эффективной: санкции вместо пушек. По мнению Ханны, именно твердость и последовательность американской позиции сделала возможным подписание Минских соглашений и в долгосрочной

³ *Goldberg Jeffrey*. The Obama Doctrine. The U.S. president talks through his hardest decisions about America's role in the world. The Atlantic, 2016. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/> (accessed: 12.06.2017).

перспективе послужит основой для урегулирования ситуации в регионе. При этом он снова, как и в истории с Ливией и Сирией, многого «не видит»: например, проблемы обеспечения интересов населения востока Украины, насильственных действий украинских правительственных войск в гражданском конфликте, невыполнения Киевом условий Минских соглашений. Однако делает парадоксальный и вместе с тем показательный вывод: «Следящие за развитием ситуации с Россией отмечают наиболее острую напряженность между двумя странами (США и Россией. — прим. авт.) со времени холодной войны. И поэтому хорошо, что эти трения наблюдаются именно, когда у руководства Обама. Если бы амбиции Путина реализовывались при другом президенте — с более импульсивным настроем и менее твердой рукой — неизвестно, к каким результатам привела бы эскалация между двумя ядерными странами» [Hannah 2016: 258]. В приведенной цитате согласиться можно разве что с постулатом, что при неоконсервативном президенте-ястребе дело могло бы обстоять намного хуже.

Что же касается более широкого контекста российско-американских отношений, то, по мнению Ханны, политика «перезагрузки» была успешной, поскольку достигла своих основных целей: подписания соглашения по ядерной программе Ирана; заключения нового договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3); обеспечения содействия с российской стороны в транспортировке американских войск и вооружений в Афганистан. Он также считает правильной заявленную Б. Обамой установку на движение к безъядерному миру, отмечая при этом, что, несмотря на количественные сокращения, ядерный арсенал при 44-м президенте США неуклонно совершенствовался и на модернизацию ядерного оружия демократической администрацией было запланировано потратить в течение десятилетия 350 млрд дол. США.

НЕ СОТРЯСАНИЕ ВОЗДУХА, НО РЕАЛЬНЫЕ ДЕЛА

Политика демократической администрации характеризуется Ханной как инициативная и деятельная. В качестве одного из главных «достижений» президента исследователь напоминает, что в Пакистане в ходе специального рейда был убит американский «враг номер один», лидер террористов Усама Бен Ладен.

Несмотря на разногласия с Израилем по поводу провозглашенной американским президентом политики «двух государств» и строительства поселений на Западном берегу реки Иордан, а также по поводу Совместного всеобъемлющего плана действий по обеспечению мирного характера ядерной программы Ирана, администрация Б. Обамы продолжала предоставлять военную помощь Израилю в размере большем, чем какому-либо другому государству, и выступила с детально проработанным планом прекращения огня на Земле обетованной.

Произошла нормализация отношений с Кубой, осуществленная в рамках реализовывавшейся Б. Обамой в мировом масштабе линии на «вовлечение» (engagement) других государств в отношения сотрудничества с США. Наряду с открытием посольств соответственно в Вашингтоне и Гаване урегулирование отношений предполагало возобновление торговли, туристических поездок, дело-

вых контактов, восстановление ежедневных коммерческих рейсов между двумя странами, организацию прямой почтовой связи. Дональд Трамп критиковал это решение, как это делали и большинство лидеров Республиканской партии, включая двух бывших конкурентов Д. Трампа по президентской гонке, сенаторов М. Рубио и Т. Круза, которые имеют кубинские корни. И, придя в Белый дом, новоизбранный президент объявил об ужесточении условий, на которых выстраиваются отношения с Кубой.

Б. Обама, как указывается в книге, выбил почву из-под ног исламистских рекрутеров, отказавшись называть ближневосточный экстремизм оскорбительным для мусульман словосочетанием «исламский терроризм». Одновременно он ввел жесткие санкции против Ирана и тем самым, как считает Ханна, вынудил подписать всеобъемлющий план, который поставил под контроль иранскую ядерную программу, обязал допускать на ядерные объекты Ирана «въедливых» и «придиричивых» международных инспекторов и при этом «сделал легитимным право США на вооруженное вмешательство» в случае нарушений. Однако Трамп называл этот документ «самой плохой сделкой», обещал отказаться от него и вопреки всем заключениям МАГАТЭ не «сертифицировал» его выполнение Ираном, то есть не подтвердил, что Иран соблюдает его положения, фактически отдав окончательное определение судьбы договоренностей в руки Конгрессу, где все еще сохраняется (правда, после поражения на выборах в Алабаме Роя Мора с перевесом только лишь в один голос) республиканское большинство.

Б. Обама поддержал международную инициативу по борьбе с климатическими изменениями и подписал Парижское соглашение по ограничению выбросов углекислого газа в атмосферу. Эта договоренность в дальнейшем была расторгнута Дональдом Трампом.

Важным достижением 44-го президента США автор считает подписание договора о Транстихоокеанском партнерстве, членство в котором Соединенных Штатов, впрочем, тоже было в дальнейшем прекращено уже в первый год пребывания Д. Трампа на посту президента.

То, что Б. Обама не сделал решительных шагов против Северной Кореи, по мнению Ханна, никак не противоречит его имиджу деятельного политика, но, напротив, свидетельствует о сдержанности и мудрости, когда он давлением и санкциями, а не катастрофической силовой акцией стремился вынудить Пхеньян пойти на ограничения своей ракетно-ядерной программы. И при этом экс-президент США укреплял отношения с союзниками и приобретал новых партнеров в регионе, что способно помочь, в том числе, и в урегулировании северокорейской проблемы.

ОГРАНИЧЕНИЕ ВООРУЖЕНИЙ — В НЕДОСТАТКЕ

За пределами нового договора СНВ-3, северокорейской и иранской тем практически ничего не говорится о проблемах ограничения вооружений, которые во все большей степени остаются за бортом американской и международной политики.

Ханна убежден, что Соединенные Штаты изначально развивали систему ПРО, имея в виду потенциальную угрозу из России, а вовсе не из Ирана. Это, по его словам, «и ежу понятно» [Hannah 2016: 233]. Однако Б. Обама, во всяком случае, судя по его собственным заявлениям, так не считал. То, что при нем было принято решение не размещать элементы американской ПРО в Польше и Чешской Республике, Ханна рассматривает не как готовность считаться с озабоченностью России, а как выбор в пользу «более эффективного» морского способа базирования противоракет.

Что же касается других проблем ограничения вооружений: укрепления режима нераспространения, препятствования размыванию существующей договорно-правовой базы контроля над вооружениями, предотвращения гонки стратегических систем в неядерном оснащении, недопущения развертывания ударных вооружений в космосе, сотрудничества в обеспечении кибербезопасности, поддержания механизмов предотвращения и урегулирования конфликтов, в которых используется обычное оружие, недопущения случайного перерастания вооруженного инцидента в войну в результате неправильной интерпретации действий противоположной стороны, — то все эти вопросы остаются за пределами книги. Однако задачи ограничения вооружений при любом сценарии развития событий непременно должны стоять на международной повестке дня.

То, что книге М. Ханна, при всех адресованных Б. Обаме позитивных оценках, не достает перспективы, в общем понять можно. Ведь речь идет о публикации, посвященной уходящему президенту. А ведь помимо всего прочего Ханна, как и другие сторонники Б. Обамы, не мог знать, что произойдет с достижениями его администрации после прихода в Белый дом Д. Трампа. Впрочем, один контраргумент Ханна все же, как представляется, мог опровергнуть, но не стал, — приведенное им мнение критиков демократического президента о «неромантическом» и «сухо прагматическом» подходе Б. Обамы к внешней политике. Может быть, автору это не видится столь уж важным. Представляется, однако, что «самое важное про Обаму» — это появление американского политика, призывавшего к эмпатии, утверждавшего, что он реально хочет поменять силовую парадигму международных отношений, отказаться от имперской политики, права сильного, стремления к военному превосходству Америки, «единоначалия» США и представления о собственной непогрешимости. Именно таким его заявлениям, делавшимся в известных выступлениях в Берлине, Праге, Каире, Москве, тогда аплодировали в Европе и Азии. Именно за них, в первую очередь, он получил в начале своего президентского срока — и в значительной степени авансом — Нобелевскую премию мира.

Однако идеи международной политики как политики партнерства, уменьшения роли силы, ядерного разоружения, выдвигавшиеся, но не всегда последовательно отстаивавшиеся Б. Обамой, в перспективе, пусть и не в ближайшем будущем, будут становиться более востребованными [Бубнова Н. 2012: 278]. В этом плане книга Марка Ханна может оказаться неполной. Сам же Б. Обама может

оказаться неправ или не совсем прав, когда на исходе своего президентского срока в упоминавшемся выше интервью «Atlantic» сказал, что он запомнится, в первую очередь, тем, чего не сделал, а не тем, что сделал. В актуальности идей учета нужд всех стран, консенсусной международной политики, отказа от силового давления и применения силы можно увидеть основное наследие демократического президента и ту надежду, к дерзости которой призывал когда-то в своей одноименной книге и сам Барак Обама.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бубнова Н.И.* Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: новые ипостаси холодной войны // *Россия и современный мир*. 2015а. № 2. С. 81—97.
- Бубнова Н.И.* Охлаждение в российско-западных отношениях: назад в будущее? // *Международные процессы*. 2015b. Т. 13. № 4. С. 135—152.
- Бубнова Н.* Заключение // 20 лет без Берлинской стены: прорыв к свободе / под ред. Н. Бубновой. М.: РОССПЭН. URL: http://carnegieendowment.org/files/20yearsWall_RUS_web.pdf (дата обращения: 13.02.2017).
- Hannah M.* *The Best “Worst President”: What the Right Gets Wrong About Barack Obama*. New York: HarperCollins Publishers, 2016.

Дата поступления статьи: 01.12.2017

Для цитирования: *Бубнова Н.И.* Рецензия на монографию: *Hannah M. The Best “Worst President”: What the Right Gets Wrong About Barack Obama*. New York: HarperCollins Publishers, 2016. — 324 p. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: *Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 1. С. 221—230. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-221-230.

Сведения об авторе: *Бубнова Наталья Игоревна* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (e-mail: nbubnova@imemo.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-221-230

REVIEW OF THE BOOK:
Hannah M. The Best “Worst President”:
What the Right Gets Wrong About Barack Obama.
New York: HarperCollins Publishers, 2016. — 324 p.

N.I. Bubnova

Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

REFERENCES

- Bubnova, N. (2011). Conclusion. In: *20 Years Without the Berlin Wall: A Breakthrough to Freedom*. Ed. by N. Bubnova. Moscow: ROSSPEN. URL: http://carnegieendowment.org/files/20yearsWall_RUS_web.pdf (accessed: 13.02.2017). (In Russ. and in English).

- Bubnova, N.I. (2015a). The Russian-American Relations in the Context of the Ukrainian Crisis: New Faces of the Cold War. *Russia and the Contemporary World*, 2, 81—97. (In Russ.).
- Bubnova, N. (2015b). Renewed Stand-off With the West: Back to the Future. *Mezhdunarodnye protsessy*, 13(4), 135—152. (In Russ.).
- Hannah, M. (2016). *The Best “Worst President”: What the Right Gets Wrong About Barack Obama*. New York: HarperCollins Publishers.

Received: 01.12.2017

For citations: Bubnova, N.I. (2018). Review of the book: Hannah M. The Best “Worst President”: What the Right Gets Wrong About Barack Obama. New York: HarperCollins Publishers, 2016. — 324 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (1), 221—230. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-221-230.

About the author: *Bubnova Natalia Igorevna* — PhD in History, Leading Researcher of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences (e-mail: nbubnova@imemo.ru).

© Бубнова Н.И., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-231-238

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
The Politics and Complexities of Crisis Management in Ukraine.
A Historical Perspective / Ed. by G. Simons, M. Kapitonenko,
V. Lavrenyuk, E. Vlaeminck. London: Routledge, 2018. — 252 p.

А.С. Буторов

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Коллективный труд украинских обществоведов стал обобщением идей и концепций институционализации системы управления на Украине с периода провозглашения независимости Украины в 1991 г. по настоящее время. Публикация монографии одним из ведущих мировых издательств подтверждает интерес со стороны западного научного сообщества к происходящим внутривосточным процессам в этой стране и дает возможность ознакомиться с их оценками широкой читательской аудитории. С этой точки зрения, она вызывает несомненный интерес и является, на наш взгляд, своевременной на фоне продолжающегося политического противостояния как внутри самой Украины, так и вооруженного конфликта в ее восточных регионах.

Несмотря на заявленную авторами исследования цель проведения сравнительного анализа «демократических перемен» в Украине («оранжевая революция», Евромайдан) и ряде восточноевропейских государств (Словакия, Польша, Сербия, Грузия), доминантой в работе выступает так называемый российский фактор.

НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ

Ключевая идея авторов главы состоит в том, что после распада СССР Европа не сразу придавала значение миграционным процессам в Украине. К середине 1990-х годов данный вопрос был включен в повестку дня европейского сообщества, а свое развитие получил в начале 2000-х годов в период расширения Европейского Союза [Simons, Kapitonenko, Lavrenyuk, Vlaeminck 2018: 12].

В главе освещаются события 2002 г. в Павшино (Мукачево), Закарпатской области¹. На наш взгляд, беспорядки были вызваны слабой и безответственной

¹ В 2001 г. в населенном пункте Павшино (Закарпатская область, Украина) был открыт первый в Украине Центр временного содержания нелегальных мигрантов. К 2002 г. их численность составляла порядка 13 тысяч человек. Неудовлетворительные условия содержания мигрантов послужили поводом для массовых беспорядков, которые произошли осенью 2002 г., для наведения порядка пришлось вызывать спецподразделение милиции. В 2008 г. решением правительства Украины Центр в Павшино был закрыт. Подробнее см.: Путь на Запад — через Закарпатье // Zn.ua, 03.11.2006. URL: https://zn.ua/LAW/put_na_zapad_cherez_zakarpacie.html (дата обращения: 06.03.2018).

политикой государства в миграционной сфере, в том числе в контексте соблюдения прав человека. Другой причиной миграционного кризиса стало несовершенство законодательной базы и низкая эффективность деятельности правоохранительных органов.

При этом нельзя не отметить, что авторы противоречивы в своих оценках тех изменений, которые произошли в сфере нелегальной миграции. Декларируя на словах о «переменах к лучшему», на практике они заключают, что, ни на законодательной основе, ни на уровне соблюдения прав человека кардинальных изменений в области миграционной политики Украины в те годы не произошло.

События в Центре временного содержания мигрантов в Павшино выявили ряд негативных тенденций в области миграционной политики Украины. Беспорядки стали результатом затяжного кризиса в сфере управления миграционным процессом в стране. Государство было неспособно эффективно реформировать законодательную базу для управления и контроля незаконной миграции, а также обеспечения нормальных условий содержания мигрантов и соблюдения их прав [Simons, Kapitonenko, Lavrenyuk, Vlaeminck 2018: 22].

Освещая события украинского миграционного кризиса 2002 г., авторы при этом игнорируют несопоставимый по масштабам и сложности миграционный кризис 2014—2018 гг., ставший результатом развязанной гражданской войны в восточных регионах Украины. По данным информационного бюллетеня Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), более 190 тысяч украинцев прибыло на территорию России в период 2014—2017 гг.² А согласно данным российских СМИ, число беженцев из Украины в 2017 г. достигало более 400 тысяч человек³.

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЕ ГАЗОВЫЕ КОНФЛИКТЫ

Анализируя причины и следствия газового конфликта 2005—2006 гг., авторы приходят к выводу, что стратегия поведения его участников в значительной степени определялась существующей международной политической системой однополярного мироустройства во главе с гегемонией США и их союзником — Европейским Союзом.

Рассматривая Россию как преемника СССР, авторы, прибегая к рецидивам холодной войны, в очередной раз возрождают миф об имперских амбициях Российского государства. Составители монографии бездоказательно обвиняют Россию в том, что она стремится разделить европейское сообщество путем включения отдельных внешнеполитических акторов в энергетические проекты. Однако известно, что политика России в области сотрудничества в топливно-энергетической сфере с европейскими странами исторически выстраивалась на принципах взаимовыгодного сотрудничества [Курылев 2014].

² Информационный бюллетень Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев в Российской Федерации. URL: http://unhcr.ru/uploads/tx_rtgfiles/Fact_SheetNov2017_RusFINAL.pdf (дата обращения: 06.03.2018).

³ В Россию прибыло более 400 тысяч беженцев с Украины // РИА Новости, 08.08.2017. URL: <https://ria.ru/society/20170808/1500013616.html> (дата обращения: 06.03.2018).

Авторы монографии справедливо отмечают, что в период президентства В. Ющенко украинское политическое руководство провозгласило курс на Евроатлантическую интеграцию. При этом следует воздать должное авторам монографии, которые признают, что многие политики и значительная часть населения страны не поддерживали эти планы, в особенности вступление в НАТО (Eken-gren, Simons, 2011: 168—173).

Не остался без внимания авторов газовый конфликт между Россией и Украиной 2009 г., в который были вовлечены и ряд европейских стран, пострадавших в результате провального характера российско-украинских переговоров по долговым обязательствам украинской стороны перед Газпромом. Представляет также интерес взгляд ряда зарубежных экспертов, согласно которому российская стратегия в газовом вопросе выстраивалась на принципах получения прибыли и сохранения потребности Европы в российском газе с учетом экономических реалий.

БЕСКРОВНАЯ «ОРАНЖЕВАЯ» РЕВОЛЮЦИЯ И КРОВАВЫЙ ЕВРОМАЙДАН

В данной главе авторы провели сравнительный анализ событий, которыми были отмечены «демократические революции» в Словакии, Хорватии, Сербии, Грузии и Украине в период 1990—2004 гг. Ими отмечается позитивная роль внешнего фактора в лице ЕС в странах ЦВЕ и негативное воздействие России, осуществляющей контрреволюционную деятельность в случае с Грузией и Украиной.

Выводы составителей главы сводятся к обвинениям в адрес России во вмешательстве во внутренние дела Украины с целью дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране в 2004—2014 гг. [Simons, Kapitonenko, Lavrenyuk, Vlaeminck 2018: 69]. Подобного рода обвинения авторов монографии направлены на то, чтобы дискредитировать российскую политику, проводившуюся в отношении Украины.

Характеризуя украинскую политику в отношении Крыма, авторы делают акцент на роль сотрудничества Партии регионов с пророссийскими политическими силами и русскими националистами в Крыму, но оставляют без внимания стремление В. Януковича к сосредоточению власти в своих руках и устранению политических конкурентов, в том числе и пророссийской ориентации. Подтверждением служит арест лидера украинской партии «Родина» И. Маркова в период президентства В. Януковича в 2013 г., который открыто выступал в поддержку России⁴, а также закрытие целого ряда пророссийских движений, действовавших на Украине в то время.

Авторы также отмечают, что в 2008—2009 гг. Россия якобы осуществляла поддержку пророссийски настроенных сторонников в Крыму и Одессе с целью переориентации развития страны с западного вектора на восточный. С точки зрения исследователей, при В. Януковиче политика России стала откровенно «интервенционистской» и включала в себя контроль над спецслужбами Украины.

При этом авторы забывают о том, что российская политика в отношении территориальной целостности Украины всецело исходила из договоренностей, достиг-

⁴ *Дмитриевский А.* Арест Игоря Маркова // *Сегодня.Ру*, 25.10.2013. URL: <http://www.segodaya.ru/content/130236> (дата обращения: 06.03.2018).

нутых между двумя государствами после распада СССР. Согласно Договору о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной (статья 2) от 2 марта 1999 г., стороны подтвердили свое уважение территориальной целостности и нерушимости границ друг друга⁵. Тем самым Россия признала Крым частью Украины. И до 2014 г., то есть до возникновения прямой угрозы русскоязычному населению полуострова, вопрос о присоединении полуострова не стоял на повестке дня российского руководства.

Значительное место в монографии украинских авторов отводится крымскому сюжету. При этом украинские авторы не учитывают, что проведение в Крыму референдума о статусе автономии и ее вхождении в состав России полностью соответствовало нормам международного права и Устава ООН, жителям полуострова была гарантирована возможность свободного волеизъявления и самоопределения.

Авторы монографии обвиняют также Россию в развязывании так называемой гибридной войны на востоке Украины [Simons, Kapitonenko, Lavrenyuk, Vlaeminck 2018: 79]. Подобного рода обвинения необоснованны и носят бездоказательный характер. Гражданская война против собственного народа ведется украинскими силами, пришедшими к власти в результате государственного переворота 2014 г. Жертвами этой войны, согласно данным Мониторинговой миссии ООН по правам человека на Украине, стали более 35 тысяч человек⁶. Отказ украинских властей выполнять условия Минских договоренностей, начавшиеся американские поставки летальных вооружений в зону конфликта лишь усугубляют кризис в восточных регионах Украины и неизбежно ведут к дальнейшей эскалации конфликта.

ЯНУКОВИЧ — НАТО

В исследовании отмечается, что украинский политический класс активно использовал внешнеполитические проблемы во внутривнутриполитической борьбе. Кризис в отношениях с НАТО 2006 г. внес существенный вклад в разделение на восточный и западный векторы политической риторики, используемой правительством и оппозицией в своих интересах.

Общественный раскол по вопросу членства в НАТО в 2006 г. способствовал включению в основное положение Партии регионов позиции сопротивления по вопросу вступления Украины в НАТО, что стало, по оценке авторов, политическим обязательством. В стремлении к выполнению вышеупомянутых политических обязательств В. Янукович в 2010 г. отказался от курса вступления в НАТО и юридически закрепил данное решение. При этом авторы замалчивают тот факт, что, несмотря на утверждение внеблокового статуса Украины при В. Януковиче, страна продолжила сотрудничество в невоенных сферах с НАТО и было сохранено участие Украины в программе «Партнерство во имя мира».

⁵ Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной от 2 марта 1999 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902220> (дата обращения: 06.03.2018).

⁶ Доклад о ситуации с правами человека в Украине 2017. URL: http://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/UAReport20th_RU.pdf (дата обращения: 06.03.2018).

Авторы объективно характеризуют позицию так называемого внеблокового статуса как временную меру, которая краткосрочно помогла деполитизировать отношения между Украиной и Североатлантическим альянсом, но не смогла обеспечить стабильную основу для преодоления раскола в украинском обществе, что в конечном итоге привело к масштабному антагонизму.

В заключении главы авторы приходят к следующим выводам. Кризис взаимоотношений Украины и НАТО 2006 года укрепил тенденцию превращения внешней политики в заложника внутривластной борьбы и вызвал недоверие и отчуждение международных партнеров. Особого внимания заслуживает оценка авторов, согласно которой В. Янукович стал первым украинским политиком, частично подвергшим сомнению доминирующий курс Украины на западную интеграцию [Simons, Kapitonenko, Lavrenyuk, Vlaeminck 2018: 133—134]. Однако авторы монографии не замечают того, что до конца ноября 2013 г. — Вильнюсского саммита «Восточного партнерства» — В. Янукович проводил политику, направленную на сближение Украины с ЕС.

ОСВЕЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В МАСС-МЕДИА

В рассматриваемой главе отмечается, что в западных СМИ Украина традиционно входит в число приоритетов американской внешней политики. Освещение развития российско-украинского газового конфликта в западных СМИ характеризовалось стремлением поставить под сомнение репутацию России как надежного партнера в вопросе поставок энергоресурсов на мировом рынке [Simons, Kapitonenko, Lavrenyuk, Vlaeminck 2018: 158—159].

Авторы исследования предприняли попытку определения и анализа взаимосвязей между наиболее освещаемыми тенденциями украинских кризисов. Согласно их выводам, наибольшего внимания западных СМИ были удостоены такие события, как российско-украинский газовый конфликт; российская и американская поддержка кандидатов в президенты во время президентских выборов в Украине 2004 года; оценка роли высшего политического руководства Украины и его подходов к вопросу выстраивания отношений с Россией и ЕС; противоречия между премьер-министром Ю. Тимошенко и президентом В. Ющенко по вопросам внешнеполитической проблематики; тема потенциального вступления Украины в НАТО.

В заключении главы авторы приходят к выводу о том, что в условиях кризиса коммуникационные связи и роль СМИ играют важную роль для общества и в определенной степени являются вызовом для правительств, которые ранее обладали монополией на распространение информации. Внутривластные кризисы Украины были значительно более привлекательны для освещения иностранными СМИ в условиях, когда присутствовало внешнее давление [Simons, Kapitonenko, Lavrenyuk, Vlaeminck 2018: 170]. На наш взгляд, справедлива и своевременна оценка авторов о необходимости системных изменений в сфере украинских СМИ, которые призваны обеспечить свободу слова и защиту общественного мнения от неполной и непроверенной информации. В данном контексте справедливую обеспокоенность выразило ОБСЕ относительно украинской инициативы о создании министерства информации, что, по мнению авторов, представляет собой открытую угрозу свободе слова и инакомыслию [Simons, Kapitonenko, Lavrenyuk, Vlaeminck 2018: 240].

ЖУРНАЛИСТИКА ПОД УГРОЗОЙ

В данной главе авторы предприняли попытку расследования убийства журналиста газеты «Украинская правда» Георгия Гонгадзе. Следственные действия резонансного преступления заняли несколько лет и привели к противоречивым выводам и оценкам о возможной причастности высшего политического руководства Украины в лице бывшего президента Л. Кучмы к его совершению. По мнению авторов исследования, убийство Г. Гонгадзе стало одной из основополагающих причин дискредитации и потери доверия режима Л. Кучмы. За скобками остался главный вопрос — кому и зачем понадобилось дискредитировать украинского президента и раскачивать политическую обстановку на Украине?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении авторы предпринимая попытку сравнительного анализа «демократических революций» в ряде европейских стран (Хорватия, Словакия, Сербия, Грузия, Украина) [Simons, Kapitonenko, Lavrenyuk, Vlaeminck 2018: 218—231]. По их мнению, поскольку переходные общества (transitional society) движутся по пути преодоления одного кризиса за другим, то повторяемость кризисных процессов и тяжесть их последствий будут необратимо возрастать. Движение переходных обществ по направлению к западной модели развития и рыночной экономике будет сопровождаться его политизацией и освещением в масс-медийном пространстве преимущественно с негативным контентом. Переходные общества испытывают сильное сопротивление со стороны бюрократических институтов.

Авторы приходят к выводу, что украинский кризис обусловлен взаимосвязью и взаимозависимостью сложного комплекса факторов внутреннего и внешнего характера. Он усугубляется усиливающимся расколом Украины в контексте этнических, культурно-ценностных и политических противоречий в государстве [Simons, Kapitonenko, Lavrenyuk, Vlaeminck 2018: 234].

Украинские исследователи упоминают подписанный президентом Украины П. Порошенко закон «Об очищении власти», прогнозируя использование данной законодательной нормы в качестве механизма устранения потенциальных политических соперников и ставят под сомнение успех применения данного закона в борьбе с коррупцией [Simons, Kapitonenko, Lavrenyuk, Vlaeminck 2018: 241]. Целесообразно было бы дополнить данные суждения анализом последствий практического применения вышеупомянутого закона в условиях уже имеющих общеизвестных результатов люстрации.

В исследовании предпринята попытка выявления причинно-следственных связей украинского кризиса, который на сегодняшний день занимает важное место в повестке дня мировой политики. При этом значительная часть монографии посвящена анализу нынешнего состояния украинского общества. Монография не отличается беспристрастностью и политической непредвзятостью, местами носит откровенно антироссийский характер.

Главный итог, к которому приходят авторы исследования, сводится к тому, что украинский кризис в значительной степени был порожден как внутренними

событиями в самой Украине, так и воздействием внешних факторов. Вне всякого сомнения, такой вывод очевиден. Однако авторы так и не ответили на главный вопрос — кто же был и есть демиург украинского кризиса?

Нельзя также не отметить, что ряд выводов и обобщений украинских исследователей характеризуются тенденциозностью. Так, авторы называют «кровавый майдан» «демократическим прорывом». Вряд ли можно согласиться с такой трактовкой события, ставшего одной из самых трагических вех истории современной Украины. В 2014 г. на Украине произошел антиконституционный переворот, итогом которого стало лишение Верховной радой страны звания президента В. Януковича, всенародно избранного демократическим путем первого лица в государстве. Вместе с тем авторы обходят стороной подписание Соглашения об урегулировании политического кризиса на Украине от 21 февраля 2014 г. между В. Януковичем и лидерами парламентской оппозиции при посредничестве представителей Европейского Союза, реализация которого могла бы предотвратить дальнейшую эскалацию конфликта в Украине.

Не выдерживает критики и тезис авторов исследования о том, что Россия по отношению к Украине осуществляет якобы экспансионистскую политику. За весь постсоветский период Россия оказала помощь Украине примерно на четверть триллиона долларов США за счет целого ряда преференций, включая льготные цены на природный газ⁷. История межгосударственных отношений не знает таких примеров, когда «государство-агрессор», как именуют сегодня Россию украинские политические оппоненты, демонстрировало бы такую щедрость по отношению к своему соседу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Курьлев К.П.* Внешняя политика Украины в контексте формирования региональной системы безопасности в Европе. М.: РУДН, 2014.
- Simons G., Kapitonenko M., Lavrenyuk V., Vlaeminck E.* The Politics and Complexities of Crisis Management in Ukraine: A Historical Perspective. London: Routledge, 2018.
- Ekengren M., Simons G.* The Politics of Security Sector Reform: Challenges and Opportunities for the European Union's Global Role. Farnham Ashgate, 2011.

Дата поступления статьи: 07.03.2018

Для цитирования: *Буторов А.С.* Рецензия на монографию: The Politics and Complexities of Crisis Management in Ukraine. A Historical Perspective / Ed. by G. Simons, M. Kapitonenko, V. Lavrenyuk, E. Vlaeminck. London: Routledge, 2018. — 252 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т.18. № 1. С. 231—238. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-231-238.

Сведения об авторе: Буторов Алексей Сергеевич — кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: lex1989@yandex.ru).

⁷ Медведев оценил помощь Украине в 250 млрд долларов // Интерфакс, 22.04.2014. URL: <http://www.interfax.ru/russia/373117> (дата обращения: 06.03.2018).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-231-238

REVIEW OF THE BOOK:

The Politics and Complexities of Crisis Management in Ukraine: A Historical Perspective / Ed. by G. Simons, M. Kapitonenko, V. Lavrenyuk, V. Vlaeminck. London: Routledge, 2018. — 252 p.

A.S. Butorov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia

REFERENCES

- Ekengren, M. & Simons, G. (2011). *The Politics of Security Sector Reform: Challenges and Opportunities for the European Union's Global Role*. Farnham: Ashgate, 2011.
- Kurylev, K.P. (2014). *Foreign policy of Ukraine in the context of the regional security system formation in Europe*. Moscow: RUDN University. (In Russ.).
- Simons, G., Kapitonenko, M., Lavrenyuk, V. & Vlaeminck, E. (Eds.) (2018). *The Politics and Complexities of Crisis Management in Ukraine: A Historical Perspective*. London: Routledge.

Received: 03.08.2018

For citations: Butorov, A.S. Review of the book: *The Politics and Complexities of Crisis Management in Ukraine: A Historical Perspective* / Ed. by G. Simons, M. Kapitonenko, V. Lavrenyuk, V. Vlaeminck. London: Routledge, 2018. — 252 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (1), 231—238. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-231-238.

About the author: *Butorov Alexey Sergeevich* — PhD in History, Assistant of Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia (e-mail: lex1989@yandex.ru).

Редакция приносит свои соболезнования в связи с кончиной членов редакционной коллегии Вестника Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения: доктора исторических наук, Заслуженного профессора РУДН А.С. Протопопова (17 января 2018 г.) и доктора наук, профессора Университета им. Джавахарлала Неру Моханти Аруна Кумара (3 февраля 2018 г.). Свою профессиональную жизнь они посвятили исследовательской деятельности, до последнего дня внося вклад в развитие отечественной и зарубежной науки в области международных отношений, в том числе и нашего журнала. Их уход — большая утрата для нас.

Редакция журнала искренне соболезнует родным и близким Анатолия Сергеевича и Моханти Аруна Кумара.